МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

12+

ВЕСТНИК

ЧЕЧЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-3121

№2 (18) 2015

ФГБОУ ВО "ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ"

ВЕСТНИК

ЧЕЧЕНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научно-аналитический журнал
Основан в 2007 году

№2 (18) 2015

Индекс 54864

ВЕСТНИК ЧЕЧЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель: Чеченский государственный университет
364021, ЧР, г. Грозный, ул. Шерипова, 32

Научно-аналитический журнал
Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия в Чеченской Республике
Свидетельство о регистрации ПИ №С 20 – 0201 от 28 мая 2007 г.
Периодичность издания 2 номера в год

Адрес редакции: 364021, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32

Главный редактор – З.А. Саидов

Редакционная коллегия:
Киндаров З.Б., заместитель главного редактора
Мазаева Т.А., ответственный редактор
Джамбеков Х.А., ответственный секретарь

Редакционный совет:
Арсалиев Ш.М.-Х., д.пед.н., профессор
Анзоров В.А., д.б.н., профессор
Асхабов С.Н., д.ф.-м.н., профессор
Ахмадов Ш.Б., д.и.н., профессор
Батукаев А.А., д.с-х.н., профессор
Батаев Х.М., д.мед.н., профессор
Баснукаев М.Ш., к.э.н., профессор
Гапуров Ш.А., д.и.н., академик АН ЧР
Гезиханов Р.А., д.э.н., профессор
Гайрбеков У.Т., к.б.н., доцент
Дадашев Р.Х., д.ф.-м.н., академик АН ЧР
Зденек Пехал, д.филол.н., профессор (Чехия)
Исраилов М.Ш., д.ф.-м.н., профессор
Калиниченко В.П., д.б.н., профессор
Коряковцева Е.И., д.филол.н., профессор (Польша)
Магамадов С.С., к.и.н., профессор
Овхадов М.Р., д.филол.н., профессор
Солтаханов Ш.Х., д.ф.-м.н., профессор
Халидов А.И., д.филол.н., профессор
Ярычев Н.У., д.пед.н., профессор

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Подписной индекс в каталоге «Газеты и журналы» Межрегионального агентства подписки – 54864
Научный журнал отпечатан в издательстве Чеченского государственного университета – 15.08.2015 г.

Адрес издательства: 364037, г. Грозный, ул. Киевская, 33

ISSN 2072–3121
© Авторы
© Чеченский государственный университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Гезиханов Р.А., Дельмиханова З.И.
Методика бухгалтерского учета земельных участков по договорам подрядного строительства……7
Хамурадов М.А., Бакаева М.М.
Формирование инвестиционной политики как основа экономического развития региона……..10
Решиев С.С., Магомадов Э.М., Дзингаева А.М.
Развитие социальной сферы Чеченской Республики в 2010–2014 годы……13
Бечиева М.Ш., Довтаев С.-А.Ш.
Инструменты государственного регулирования занятости в экономически развитых странах (на примере Германии и США) и перспективы интеграции зарубежного опыта в национальную экономику……18
Баснукаев М.Ш., Мусостова Д.Ш.
Экономические индикаторы развития производственной инфраструктуры региона……...22
Баснукаев М.Ш., Мусостова Д.Ш.
Применение налоговых льгот и инвестиционная привлекательность региона……..27
Сайдулаев Д.Д., Курбанов С.А.
Экономическое содержание налога на добавленную стоимость (НДС) и особенности налогообложения добавленной стоимости в странах Евросоюза……33
Гайрбеков М.С.
Роль SWOT-анализа в принятии эффективных управленческих решений……37
Таштамиров М.Р.
Взгляд на состояние экономики России через призму «санкционных войн»……40
Зармаев А.А.
Необходимость формирования республиканской инновационной политики в системе виноградовинодельческой отрасли……45

ИСТОРИЯ

Гапуров Ш.А., Сугаипова А.М., Иразова М.А.,
Кавказская политика России в период наместничества П.Д. Цицианова……...49
Ибрагимов М.М.
Кишин-хьаьжа гуьна варах а, цо цигахь тийсинчу гергарлонех а лаьцна……..56
Лиджиева И.В.
Мир детства на спецпоселении (по устным воспоминаниям детей-спецпереселенцев) ……..59
Джамирзаев С.М.
К исследованию древней этнической истории Кавказа (чеченцы)……..63
Демелханов С.М.
Рассказ Геродота о походе персидских войск Дария I против скифов как источник по истории народов Северного Кавказа……65
Ахмадов Ш.Б.
Из истории школьного образования детей чеченцев и ингушей в Казахстане в годы депортации (1944–1957 гг)...69
Матагова Х.А.
13 ступеней вниз: воспоминания моего дяди Матагова Арби Лукмановича……73
Тимаралиева А.В.
Вклад тружеников тыла в победу в Великой Отечественной войне……...75
Абдулаева З.А.
Реалии в конструировании образа Кавказа кистью живописцев XIX века……78
Хасуев А.Э.
Миграция чеченской молодежи в страны Европы. Причины и последствия……81
Осмаев М.К.
Депортация: культурные потери чеченского народа……83

ФИЛОЛОГИЯ

Халидов А.И.
К проблеме места безличных предикативов в системе частей речи……...87
Альбеков Н.Н., Дасаев А.Э.
Становление чеченского литературного языка и системная ошибка в классификации его диалектов……...90
Вагапов А.Д.
О концептах «правый-левый» в языках мира……94
Баранникова Т.Б., Курбанова З.З.
К изучению стилистических синонимов в лакском языке……..98
Вагапов А.Д., Абдулвахабова Л.Б.
Некоторые немецкие этимологии……101
Халидов А.И., Арсакаева Х.С.
Определения в чеченском языке: типы, способы выражения……106
Дибиров И.А.
К вопросу о законах ударения в закатальском диалекте аварского языка……110

Зайпулаева Р.И.
Типы цветообозначения в аспекте лексико-грамматических отношений в группе «определение+определяемое»112
Ибрагимова М.О.
Эргативный падеж рутульского языка в диахроническом аспекте (на материале диалектов)……...116
Закраилова Б.Р.
Нохчийн меттан хандешнийн спряженеш, уьш билгалъяхаран некъаш……...118
Сулейбанова М.У., Закраилова Б.Р.
Структурные типы повторов в нахских языках…….121
Уздеева Т.М.
Критические взгляды Н.Г. Чернышевского и А.В. Дружинина…….124
Абдуллахитов Р.Ш.
Машинный перевод и электронные словари как средства формирования переводческой компетенции студентов неязыковых вузов……..127
Альмурзаева П.Х.
Предположение как семантико-прагматическое значение модального глагола «müssen»…….130
Баудиева А.С.
Употребление аббревиатуры в компьютерных и смежных технологиях…….133
Келигова Т.Ю.
Проблемы формирования и развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции в неязыковом вузе……..135

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ
Даутмерзаева Л.М.
К вопросу о качестве обновления содержания образования……..141
Ажиев М.В., Газиева М.З.
Субъектная активность личности подростка и восприятие современной социальной реальности……...144
Сердюкова Е.Ф., Лалаева М.М.-С.
Исследование влияния типа темперамента на иерархическую структуру системы ценностей молодых людей в Чеченской Республике……146
Габарова Я.Х.
Компоненты эффективного общения……...151
Габарова Я.Х., Ажиев М.В.
Проблема этнокультурного синдрома……..155
Бехоева А.А.
Психолого-педагогическая характеристика уровней профессиональной рефлексии у студентов – будущих учителей……..158
Ахмедов А.Б.
Нейробиологические основы психотерапии……...163

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
Ярычев Н.У.
Идеалы и идеи прошлых и современных поколений в контексте социальных ожиданий будущего……167
Бахмадов Б.Д.
К вопросу соотношения освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования……173
Муртазалиев В.Ю.
К вопросу статуса административной границы Чеченской Республики в районе озера Кезеной-ам……179
Ганаева Е.Э.
Реализация основ молодёжной политики в сфере профилактики экстремизма в образовательных организациях высшего образования……186
Дадаева М.С.
Знание правого положения человека и гражданина – как необходимое условие их защиты…….189
Ходжалиев С.А.
Основные направления совершенствования криминологического прогнозирования назначения и исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы……...192
Эльмурзаев И.Я.
Развитие личности и правовое воспитание молодёжи (учащихся)……199
Ерёмин Д.Н.
Особенности осуществления оперативно-розыскной деятельности по делам о преступлениях, связанных с политическим экстремизмом……...205
Гантамиров Т.Т.
Философия нациестроительства как теория и практика формирования национального государства: отечественный и зарубежный опыт……..208
Яударова Н.Ю.
Формирование психолого-педагогической компетентности будущих бакалавров социальной работы……...220
Баташева Э.А.
Современное мифологическое сознание и экранные искусства……223

CONTENTS

Gezihanov R.A., Delmihanova Z.I.
Technique of financial accounting of the parcels of land under agreements of contract construction…….7
Khamuradov M.A., Bakaeva M.M.,
Formation of investment policy as a basis for economic development of the region……10
Reshiev S.S., Magomadov E.M., Dzingaeva A.M.
Social development of the Chechen Republic in 2010-2014 ……13
Bechieva M.SH, Dovtaev S.-A.SH.
Instruments of state regulation of instruments of state regulation in economically developed countries (on example of Germany and USA) and prospects of integration of foreign experience into national economy of Russia……...18
Basnukaev M.Sh., Musostova D.Sh.
Economic indicators of development of industrial infrastructure in the region……22
Basnukaev M.SH., Musostova D.SH.
Applying taxing benefits and region's attractiveness for investment…….27
Saydulaev D.D., Kurbanov S.A.
Contents economic value added tax (vat) and value added tax features in the european union…….33
Gayrabekov M.S.
The role of the SWOT-analysis in controlling effectivity……..37
Tashtamirov M.R.
Opinion about the state of the Russian economy through "sanction war"……..40
Zarmaev A.A.
The necessity of forming republican innovation policy in grape wine industry……45
Gapurov Sh.A., Sugaipova A.M., Irazova M.A.
Caucasian politics of Russia in governorship period of P.D. Tsitsianov……49
Ibragimov M.M.
Kunta-khadzhi and his relationships ……..56
Lidzhieva I.V.
World of childhood in banishment (interpretation memories of children as special settlers)……59
Dzamirzaev S.M.
The ancient ethnic history of caucasus (chechen)……..63
Demelkhanov S.M.
Herodotus' tale about campaign of the persian army of Darius I against the scythians as a history source of north caucasian people……65
Akhmadov Sh.B.
From the history of school education of chechens' and ingush' children in Kazakhstan in the years of deportation (1944–1957)…….69
Matagova K.A.
13 steps down: memories of my uncle Matagov Arbi Lukmanovich…….73
Temaralieva A.V.
Contribution of home front workers into the victory in world war……75
Abdulaev Z.A.
Realities in the design image of the Caucasus by painters of x1x century……78
Khasuev E.A.
Migration of Chechen youth in Europe, reasons and consequences……...81
Osmaev M.K.
Deportation: cultural losses of chechen nation ……..83

Khalidov A.I.
Impersonal predicatives in parts of speech……87
Albekov N.N., Dasaev A.E.
Formation of chechen language and missteps in classification of dialects…….90
Vagapov A.D.
Concepts "right-left" in world languages ……94
Barannikova T.B., Kurbanova Z.Z.
Stylistic research of synonyms in lak language……..98
Vagapov A.D., Abdulvakhabova L.B.
Some german etymology……..101
Khalidov A.I., Arsakaeva Kh.S.
Adjuncts in chechen language: types, ways of expressing……...106
Dibirov I.A.
The questions of the rules of stress in zagatala dialect of avar language ……110
Zajpulaeva R.I.
Types of color terms in the aspects of the lexical and grammatical relationa in the group "definition+defined"……...112
Ibragimova M.O.
Ergative case in the rutul language in diachronical aspect (based on the dialects)……..116

Zakrailova B.R.
Verb conjugation of Chechen……...118
Suleybanova M.U., Zakrailova B.R.
Structural types of repeats in the nakh languages…….121
Uzdeyeva T.M.
Critical views of N.G. Chernyshevsky and A.V. Druzhinin…….124
Abdullahitov R.Sh.
Machine translation and electronic dictionaries as facilities formation translation competence
of non-language high schools students…….127
Almurzaeva P.H.
Assumption (supposition) as semantic and pragmatic meaning of modal verb «müssen»……..130
Baudieva A.S.
Abbreviations use in computer and related technology……133
Keligova T.Yu.
Problems of formation and development of foreign professional communicative competence
in non-language high school……135
Dautmerzaeva L.M.
The quality of education update……141
Azhiev M.V., Gazieva M.Z.
Subjective activity of adolescent's personality and perception of the modern social reality……144
Serdyukova E.F., Lalaeva M.M.-S.
Study of temperament types on the hierarchical structure of the system of values of young people
in Chechen Republic…….146
Gabarova Y.Kh.
Components of effective communication…….151
Gabarova Y.Kh., Azhiev M.V.
Ethno-cultural syndrome……...155
Bekhoeva A.A.
Psycho-pedagogical characteristics of professional reflection levels of students as future teachers……...158
Akhmedov A.B.
Neurobiological basis of psychotherapy……...163

Yarichev N.U.
Ideals and ideas of past and present generations in the future context…….167
Bakhmadov B.D.
Implementation of the framework of youth policy preventing extremism in educational
organizations of higher education…….173
Murtazaliev V.Y.
To the question of administrative border of Chechen republic in the area of lake Kezenoy-am……179
Ganaeva E.E.
Correlation of exemption from criminal liability and the criminal prosecution……...186
Dadayeva M.S.
Knowledge of right regulations and civil rights as requirements for their protection……..189
Khozhaliev S.A.
The main directions of improving the criminological prediction, appointment and execution of criminal
penalty by liberty restraint……192
Elmurzaev I.Y.
Personal development and legal education of youths (students)……..199
Eremin D.N.
Peculiarities of implementation of operational and investigative activities in cases of crimes related
to political extremism……...205
Gantamirov T.T.
Philosophy formation of nation as a theory and practice of national state formation; domestic and foreign experience…208
Yaudarova N.Y.
Formation of psychological and pedagogical competence of the future bachelors of social work……..220
Batasheva E.A.
Modern mythological consciousness and screen arts……...223

УДК 332.72

МЕТОДИКА БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ПО ДОГОВОРАМ ПОДРЯДНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Р.А. Гезиханов,
д.э.н., профессор, заведующий кафедрой бухучета и аудита ЧГУ
З.И. Дельмиханова,
старший преподаватель кафедры бухучета и аудита ЧГУ

TECHNIQUE OF FINANCIAL ACCOUNTING OF THE PARCELS OF LAND UNDER AGREEMENTS OF CONTRACT CONSTRUCTION

R.A. Gezihanov,
Doctor of Economics, Professor, Head of "Accounting and Auditing" Department of CheSU
Z.I. Delmihanova,
Senior Lecturer in "Accounting and Auditing" Department of CheSU

В статье определены основные стадии развития рынка земли под строительство объектов производственного и непроизводственного назначения. Изложен порядок предоставления земельных участков для строительства без предварительного и с предварительным согласованием места размещения объектов и связанные с этим особенности бухгалтерского учета. Приведены формы проведения земельных торгов и целевого использования земельных участков для строительства и отражение их результатов в бухгалтерском учете.
Ключевые слова: *бухгалтерский учет земельных участков, рынок земли под строительство, земельные участки, жилищное и производственное строительство, земельные торги и учет результатов.*

Defined the main stages of the market development of land for construction of industrial and non-industrial needs. Shown the procedure for allocation of land plots for construction without / or with preliminary agreement with the placement of objects and the associated features of accounting. Given the forms of land sales and targeted use of lands for construction and reflection of their results in the accounting
Key words: *Accounting of lands for construction; land market for constructing, lands; residential and industrial construction; land sales and profitability analysis.*

В последнее время вопросы оценки стоимости земли находят отражение во многих трудах различных авторов. Особенно хотел бы отметить учебное пособие Петрова В.И. [8]. Что касается бухгалтерского учета, то, по нашему мнению, проблеме учета земельных участков под строительство не уделяется достаточного внимания. Кроме того, учет земли ведется в совокупности объектов основных средств в составе имущества хозяйствующего субъекта. В этой связи конкретизация некоторых аспектов бухгалтерского учета земли под строительство объектов приобретает особую актуальность. Данное обстоятельство предполагает, прежде всего, необходимость изложения особенностей в исследуемой сфере земельных отношений.

Земельные отношения участников строительства объектов жилого и производственного назначения отличаются своим многообразием, сложностью, а порой и запутанностью, которое обнаруживается еще на стадии предоставлении земельных участков. Сложность процедуры возникновения права на земельный участок состоит в том, что граждане и юридические лица могут их приобрести на различных правах и основаниях.

На первичном рынке возникает право собственности на земельный участок, его аренды, пожизненного наследуемого владения, бессрочного пользования, безвозмездного срочного пользования, сервитут. На вторичном рынке реализуются права физических и юридических лиц на основе конкретных договоров по передаче прав собственности и аренды, наследственного права, решения органов государственной власти или местного самоуправления, суда и т.д. Таким образом, на первичном рынке земли формируются вещные права на земельные участки, а на вторичном рынке – приобретение земель под жилищное и производственное строительство.

Утверждение Земельного кодекса дающего право на предоставление земельных участков для жилищного строительства, направлено на реализацию задач по развитию рынка доступного жилья в России. К примеру, жилищное строительство занимает существенную долю в общем объеме строительно-монтажных работ в Чеченской Республике. По показателю ввода в действие жилых домов на 1000 человек населения в 2012 г. Чеченская Республика занимала 80 место в стране. Увеличение объемов жилищного строительства способствует развитию рынка строительных материалов и оптовой

торговли из сопредельных регионов РФ.

Проблема доступного жилья особенно остро стоит в сельской местности. Поэтому не случайно в разделе III Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. особое внимание уделено улучшению жилищных условий [3]. В целях реализации данного направления в Чеченской Республике, как и в других субъектах РФ, создана организационная, правовая и финансовая база.

В этой связи Юсупов Р.М. отмечает, что в число приоритетов агропромышленного комплекса Чеченской Республики отнесены строительство объектов сельского хозяйства и мелиоративное строительство, что позволит увеличить аграрное производство в несколько десятков раз и создать до 50 тыс. новых рабочих мест [10].

Главным вопросом для заказчика-застройщика является получение земельного участка для строительства объектов производственной и непроизводственной сферы. Передачу земельных участков в аренду без проведения торгов (конкурсов, аукционов) допускается при условии предварительной и заблаговременной публикации сообщения о наличии предлагаемых для такой передачи земельных участков в случае, если имеется только одна заявка или для индивидуального строительства многодетным семьям. Следует отметить, что земельные участки под строительство редко представляются в собственность. Как правило, земельный участок передается в аренду на строительство по результатам торгов, а по завершению строительства объекта арендатор имеет право обратиться в государственные органы с заявлением о предоставлении земельного участка в собственность.

Торги проводятся в форме аукциона и конкурса. Победителем конкурса признается лицо, которое по заключению конкурсной комиссии, заранее назначенной организатором торгов, предложило лучшие условия (ст. 447 ГК РФ). Порядок проведения торгов по продаже земельного участка или заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной собственности, определяется Правительством РФ.

Для строительства объектов производственного назначения предусмотрен также сложный порядок приобретения прав на земельный участок без предварительного согласования мест размещения объекта и с предварительным согласованием мест размещения объекта. При этом проведению торгов предшествует процесс формирования земельного участка, путем прохождения кадастрового учета, изыскание возможностей подключения к инженерным сетям и прочие мероприятия.

Отдельными учеными порядок предоставления земельных участков с предварительным согласованием места размещения объекта критикуется в силу его «непрозрачности» и коррупционной составляющей и предлагается исключить из норм действующего законодательства [4].

Гостюшев А. пишет, что «признавая недостатки данной процедуры некоторые авторы считают целесообразным применение процедуры предварительного согласования места размещения при строительстве уникальных объектов промышленности и других отраслей экономики» [5]. Следует отметить и особенности предоставления земельных участков при строительстве объектов производственного назначения, например, в целях осуществления хозяйственной деятельности личных подсобных хозяйств или крестьянских (фермерских) хозяйств. Они предусмотрены такими законодательными актами, как Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 №101-ФЗ; Федеральный закон «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений граждан» от 15.04.1998 №66-ФЗ; Федеральный закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 11.06.2003 №74-ФЗ; Федеральный закон «О личном подсобном хозяйстве» от 07.07.2003 №112-ФЗ; Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 №264-ФЗ и другими.

В связи с многообразием законодательных и нормативных актов по регулированию рынка земли под строительство особое внимание следует обратить на целевое использование земельных участков. Так, согласно ст. 284 ГК РФ земельный участок может быть изъят у собственника в случаях, когда участок предназначен для сельскохозяйственного производства или жилищного либо иного строительства и не используется для соответствующей цели в течение трех лет, без уважительных причин (стихийные бедствия, необходимое время для освоения участка и другие обстоятельства).

Земельный участок может быть также изъят у собственника, если участок используется не по целевому назначению и его использование приводит к существенному снижению плодородия сельскохозяйственных земель или значительному ухудшению экологической обстановки. В случае, если земельный участок предоставлен не для целей строительства, то собственник имеет право на строительство по собственному усмотрению, при заключении соответствующего договора.

Таким образом, предоставление земельных участков в собственность для строительства без предварительного согласования мест размещения объектов осуществляется только на торгах, за ис-

ключением некоторых случаев, указанных нами выше. С этим связаны и особенности бухгалтерского учета таких земельных участков. Заказчик может заключить договор аренды земель, находящихся в муниципальной собственности, которые получает на аукционе. Затраты на приобретение права на заключение договора аренды земельного участка под строительство включают в стоимость строительства по дебету счета 08 и кредиту счета 76.

По дебету счета 08 и кредиту счета 68 отражается в составе расходов на строительство госпошлина за регистрацию договора аренды. По дебету счета 001 отражается постановка земельного участка на забалансовый учет. По дебету счета 68 и кредиту счета 77 отражается отложенное налоговое обязательство в течение всего срока строительства. В бухгалтерском учете арендатора затраты на аренду земельного участка являются расходами по обычным видам деятельности и ежемесячно отражается по дебету счета 20 и кредиту счета 60. Если на арендованном земельном участке ведется строительство объекта, арендная плата отражается по дебету счета 08.

В соответствии со ст.66 ЗК РФ применяется два вида оценки стоимости земельного участка: рыночная стоимость – для совершения сделок купли-продажи, аренды и др.; кадастровая стоимость – для исчисления земельного налога с участка. Кроме того, ст.25 Закона РФ «О плате за землю» [2] определяет понятие нормативной цены земли как показателя, характеризующего стоимость земельного участка определенного качества и местоположения. Применение различных видов оценки земли определяет необходимость выбора учетной стоимости для принятия к учету на счетах бухучета.

Как отмечал К. Маркс, повсюду, где природные силы могут быть монополизированы и обеспечивают применяющему их промышленнику известную добавочную прибыль, – будет ли это богатый рудник или хорошо расположенное строительное место, – собственник этих предметов природы улавливает у функционирующего капитала эту добавочную прибыль в форме ренты. Строительную ренту необходимо повышает не только рост населения, но и рост основного капитала, вложенного в землю и основывающегося на ней, – как все промышленные постройки, железные дороги, товарные склады, фабричные здания, доки и т.д. Итак, здесь ренту создает монопольная цена [Т.III.Ч.2.Гл.46]. Что касается земли, предназначаемой для строительных целей, то А. Смит показал, каким образом рента с этой земли, подобно всем неземледельческим участкам, регулируется в своей основе собственно земледельческой рентой [9].

В целях предоставления информации о реальной стоимости земельных участков действующим законодательством предусмотрена возможность переоценивать ежегодно объекты основных средств по текущей восстановительной стоимости. Сумма дооценки земельных участков, в результате переоценки зачисляется в добавочный капитал хозяйствующего субъекта бухгалтерской проводкой по дебету счета 01 и кредиту счета 83. Сумма дооценки объекта земельных ресурсов, равная сумме уценки его, проведенной в предыдущие отчетные периоды и отнесенной на счет прибылей и убытков в качестве расходов, относится на счет прибылей и убытков отчетного периода в качестве дохода бухгалтерской проводкой по дебету счета 01 и кредиту счета 84. Сумма уценки объекта земельных ресурсов в результате переоценки относится на счет учета нераспределенной прибыли (непокрытого убытка) проводкой по дебету счета 84 и кредиту счета 01. Сумма уценки объекта земельных ресурсов относится в уменьшение добавочного капитала организации, образованного за счет сумм дооценки этого объекта, проведенной в предыдущие периоды, отражается проводкой по дебету счета 83 и кредиту счета 01.

Превышение суммы уценки объекта над суммой дооценки его, зачисленной в добавочный капитал организации в результате переоценки, проведенной в предыдущие отчетные периоды, относится на счет учета нераспределенной прибыли (непокрытый убыток) отражается проводкой по дебету счета 84 и кредиту счета 01.

При выбытии объекта земельных ресурсов сумма его дооценки переносится с добавочного капитала организации в нераспределенную прибыль организации проводкой по дебету счета 83 и кредиту счета 84 [7].

При переоценке стоимости земельных участков в соответствии с МСФО 16 предусматривается определение так называемой справедливой стоимости, которая определяется профессиональными оценщиками. По нашему мнению при переоценке земельных участков целесообразно использовать их рыночную стоимость.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации. ФЗ-136 от 25.10.2001 г. (редакция от 30.12. 2008).
2. Закон РФ от 11 ноября 1991 г. №1738-1 «О плате за землю».
3. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. Постановление правительства РФ от

14.07.2012 г. №717 с изменениями от 19.12.2014 г. №1421.
4. Болтанова Е.С. Основы правового регулирования застройки земель: Монография. М.:РИОР; ИНФРА-М, 2014. С. 247.
5. Гостюшев А. Нарушение антимонопольного законодательства в области земельных отношений // Конкуренция и право, 2011. №6. С. 41.
6. Земельное право в вопросах и ответах: учебное пособие/ С.А. Боголюбов, Е.А. Галиновская и др.; под ред. С.А.Боголюбова.-2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 208 с.
7. Зубко Е.И., Щербакова О.Е. Бухгалтерский учет земельных ресурсов сельскохозяйственных организаций//Вестник ОГУ, 2009. – №5.
8. Петров В.И. Оценка стоимости земельных участков: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2016. 264 с.
9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
10. Юсупов Р.М. Направление инновационного обновления агропромышленного комплекса Чеченской Республики // Вестник Чеченского государственного университета, 2012. Выпуск 2. С. 12–16.

УДК 366.7

ФОРМИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КАК ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

М.А. Хамурадов
к.э.н., доцент кафедры финансы и кредит ЧГУ
М.М. Бакаева,
ассистент кафедры финансы и кредит ЧГУ

FORMATION OF INVESTMENT POLICY AS A BASIS FOR ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

M.A. Khamuradov,
Candidate of Economics, Associate Professor of "Finance and Credit" Department of CheSU
M.M. Bakaeva,
Assistant in the "Finance and Credit" Department of CheSU

В работе дана оценка инвестиционным процессам в Чеченской Республике, на основе проведенного анализа в Чеченской Республике за последние годы. Определены негативные факторы, препятствующие привлечению как внутренних, так и внешних инвестиций. Предложены стратегические и тактические задачи, способствующие формированию эффективной инвестиционной политики региона направленной на повышение эффективности управления инвестиционной деятельности региона.
Ключевые слова: *инвестиционная политика, инвестиционные процессы, инвестиционная деятельность.*

The article gives assess to the investment process in the Chechen Republic on the basis of the analysis in the country in recent years. Negative factors impeding the attraction of both domestic and foreign investment were identified. Strategic and tactical tasks contributing to the formation of effective investment policy in the region, aimed at improving the efficiency of investment activity in the region are also proposed.
Key words: *investment policy, investment process, investment activity*

Инвестиции всегда играли важную роль в стабильном экономическом и социальном развитии общества. От объемов и качества инвестиционных вложений в реальный и финансовый сектор зависит развитие экономики страны в целом и региона в отдельности. Известно, что посредством инвестиций решаются многие социальные проблемы, к которым можно отнести такие, как безработица, условия труда, уровень жизни населения, качество здравоохранения и другие. Повышению качества инвестиций, их видам уделено внимание многих ученых специализирующихся в этой сфере. В РФ проблема привлечения инвестиций носит в последнее время острый характер, в связи с последними событиями, связанными с геополитической ситуацией в мире и экономическими санкциями против РФ, что привело к оттоку капитала из страны и значительному сокращению иностранных инвестиций.

В статье проведен анализ инвестиционной деятельности региона на примере Чеченской Республики. Одной из наиболее острых проблем для Чеченской Республики остается проблема достижения устойчивого экономического роста, на что, главным образом, влияет развитие инвестиционного процесса в регионе.

Если проанализировать инвестиционные процессы в республике за последние годы, то необходимо отметить в целом небольшое повышение инвестиций снижение инвестиционных вложений в основной капитал за последний год. Связано это в первую очередь снижением бюджетных вливаний в экономику региона. Если взглянуть на структуру инвестиций, то видно снижение доли бюджетных вложений по сравнению с предыдущими годами, что означает снижение дотационной зависимости

региона. Так, в 2013 г. доля бюджетных инвестиций в основной капитал экономики региона составил не более 30%, что является самым низким уровнем за последние годы.

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал за 2013 год к 2012 году в разрезе источников финансирования [2] млн.руб.

№ п/п	Источник финансирования	2012 год	2013 год	2013 г. в % к 2012 г.
1.	Собственные средства предприятий	2970,4	4453,6	149,9
2.	Бюджетные средства	23686,6	11924,9	50,3
3.	Средства субъектов малого предпринимательства и параметров неформальной деятельности	22796,6	14522,8	63,7
4.	Прочие средства	4052,7	10266,2	253,3
ИТОГО		53506,3	41167,5	76,9

По предварительным данным Чеченстата, общий объем инвестиций в основной капитал за 2013 год составил 41167,5 млн. руб., что составляет 76,9% показателя за аналогичный период прошлого года. В общем объеме инвестиций занимают долю: бюджетные средства – 29,0%, средства субъектов малого предпринимательства – 35,3%, собственные средства предприятий – 10,8% и прочие средства – 24,9%. Из общего объема инвестиций внебюджетные средства составляют 29242,6 млн. руб.

При анализе структуры инвестиций за 2013–2014 года, можно констатировать небольшой приток инвестиций в основной капитал, а также незначительное снижение инвестиций из федеральных средств (таб. 2).

Таблица 2

Структура инвестиций в основной капитал по формам собственности [2]
(без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами)

	Январь - июнь 2014 г.		*Справочно: январь - июнь 2013 г.*	
	млн. рублей	*в % к итогу*	*млн. рублей*	*в % к итогу*
Инвестиции в основной капитал	**6291,9**	**100**	**3692,2**	**100**
в том числе по формам обственности: российская	6225,9	98,9	3597,0	97,4
государственная	4110,2	65,3	3180,1	86,1
федеральная	1732,3	27,5	2126,3	57,6
республиканская	2377,9	37,8	1053,8	28,5
муниципальная	11,7	0,2	0,3	0,0
частная	1473,0	23,4	243,0	6,6
смешанная российская	631,0	10,0	173,6	4,7
собственность общественных объединений	-	-	-	-
совместная российская и иностранная	66,0	1,1	95,2	2,6

На основании данных из 1 и 2 таблицы, можно заключить, что в целом масштабы инвестиционной деятельности растут незначительными темпами. Связано это, как мы отмечали, снижением выделяемых средств из федерального бюджета. Однако необходимо отметить, что в структуре инвестиционных вложений наметилась позитивная тенденция снижения доли из бюджетных средств. Растет доля вложений собственных средств предприятий, а также доля привлекаемых внешних инвесторов, что, несомненно, создает положительный имидж инвестиционной привлекательности региона.

Несмотря на позитивные сдвиги за последние годы, можно выделить экономические факторы, которые можно отнести и к внутренним факторам, препятствующим активному притоку инвестиций – в регион:

– недостаточное развитие по сравнению со среднероссийскими показателями кредитно-финансовой системы региона;

– отсутствие четкой продуманной налоговой политики, способствующей привлечению капитала в республику;

– низкий уровень развития малого и среднего предпринимательства;

– неэффективность хозяйственно-экономической деятельности значительной части муниципальных и государственных предприятий.

Для повышения эффективности инвестиционной деятельности в регионе необходимо в первую очередь тщательно продумать стратегические цели и приоритетные направления развития инвестиционной деятельности в разработке региональной инвестиционной политики [4].

На наш взгляд, инвестиционную политику следует реализовывать как на стратегическом, так

и тактическом уровне. Соответственно, под стратегическими целями следует понимать общие долгосрочные цели на перспективу, в которые следует включить:

– создание эффективно работающей инфраструктуры регионального инвестиционного рынка;

– расширение платежеспособного спроса, в том числе спроса на продукцию предприятий региона и спроса на инвестиционные ресурсы;

– создание условий, обеспечивающих использование на инвестиции внутренних ресурсов предприятий – амортизации и прибыли;

– интеграция регионального инвестиционного рынка в международный рынок капитала и других инвестиционных ресурсов;

– создание благоприятных условий для привлечения иностранных и российских (из других регионов) инвестиций в экономику региона.

Тактические задачи, решаемые на региональном уровне, корректируются по мере изменения ситуации в регионе и стране в целом. Специфика конкретного региона обязательно должна учитываться при разработке региональной инвестиционной политики и, возможно, играть в ней определяющую роль.

Некоторые специалисты выделяют следующие составляющие благоприятного инвестиционного климата, содействующие при наличии прочих благоприятных условий в национальной экономике [1]:

- повышение уровня внутрирегиональной политической стабильности;
- снижение степени криминальной активности в регионе;
- защищенность прав собственности;
- обеспечение стабильности регионального законодательства, касающегося приема, гарантий защиты иностранных инвестиций, распределения прибыли и т.д.
- динамику и особенности проведения рыночных преобразований и др.

С учетом региональных особенностей развития Чеченской Республики на сегодняшний день к числу тактических задач в рамках региональной инвестиционной политики можно включить следующие:

– расширение потенциальных источников для инвестиций, оценка и повышение рейтинга инвестиционной привлекательности региона;

– привлечение и экономическое побуждение коммерческих банков, страховых компаний и внебюджетных фондов к инвестированию республиканских проектов;

– содействие и формирование благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций на строительство и освоение производственных мощностей (однако в связи с военным конфликтом на Украине и последующими политическими и экономическими санкциями в отношении РФ сделать это крайне затруднительно);

– создание механизма использования бюджета развития, использование заемных средств для финансирования инвестиционных проектов, эффективность которых гарантирует возврат заемных средств. Распределение средств бюджета развития на конкурсной основе;

– введение в практику процедурных механизмов, предусматривающих безусловное право инвесторов на получение согласованных с объемами, темпами и прибыльностью инвестиций экономических стимулов со стороны законодательной и исполнительной власти и обеспечение возможностей реализации этого права.

Наиболее перспективными направлениями привлечения иностранных инвестиционных ресурсов в Чеченской Республике являются вложения капитала в промышленность, развитие туризма и соответствующую инфраструктуру, а также агропромышленный комплекс.

Таким образом, в Чеченской Республике необходимо развивать следующие, перспективные, на наш взгляд, направления:

1. Развитие агропромышленного комплекса ЧР является перспективным и привлекательным для инвесторов направлением.

Численность населения Чеченской Республики и других субъектов СКФО динамично растет, что создает предпосылки для роста продовольственного рынка. Республика обладает уникальными природно-климатическими условиями, позволяющими эффективно развивать сельское хозяйство.

2. Развитие обработки древесины и производства изделий из дерева.

Наличие значительных запасов древесины и динамичный рост отрасли в связи с последними изменениями в лесном кодексе, стимулирующими приток инвестиций в более глубокую переработку лесного сырья. Развитие данной отрасли будет способствовать наибо-

лее полной реализации ресурсного потенциала Чеченской Республики.

3. Развитие сетевой торговли.

Чеченская Республика является третьим по численности населения субъектом СКФО, и рынок торговли имеет значительный потенциал. Сетевые компании являются крупными инвесторами, которые в состоянии создать необходимую торговую инфраструктуру и рабочие места, обеспечив населению возможности для более полного удовлетворения потребностей.

4. Создание собственных генерирующих мощностей.

Практически полное отсутствие генерирующих мощностей в Чеченской Республике является существенным ограничением ее экономического развития. Участие в соответствующих государственных программах и инвестиционных программах естественных монополий и генерирующих компаний на условиях совместного финансирования должно быть направлено на устранение этого ограничения.

Важным приоритетным направлением в инвестиционной политике в ближайшей перспективе должна стать и поддержка в инвестировании в секторе малого и среднего предпринимательства. Объем инвестиций в этот сектор сегодня является незначительным и для этого не требуется крупных государственных средств.

Необходимо также отметить, что дефицит капитала в финансовой системе республики (как следствие – дефицит финансово-кредитных ресурсов для бизнеса) в сочетании с недостаточным развитием банковской инфраструктуры не позволяет реализовывать инвестиционные проекты. В связи с этим, осуществление региональными властями мероприятий, направленных на привлечение в республику банковского капитала является еще одним фактором, способствующим повышению инвестиционного климата в регионе.

Литература:

1. Магомадов Э.М. Возможности притока иностранный инвестиций в российские регионы // Вестник Чеченского государственного университета 2008 № 2. С. 9–15.
2. Министерство экономического развития и торговли (http://economy-chr.ru/).
3. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике.
4. Эффективность управления инвестиционной деятельностью на мезоуровне // Дисс. к.э.н. Годжуров Н.В. Краснодар, 2005.

УДК 316.42

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2010–2014 ГОДЫ

С.С. Решиев,
д.э.н., профессор кафедры математических методов анализа экономики ЧГУ, заведующий отделом экономики и права ИГИ Академии наук Чеченской Республики
Э.М. Магомадов,
к.э.*н., заведующий кафедрой математических методов анализа экономики ЧГУ*
А.М. Дзингаева,
аспирант кафедры экономики предприятий ЧГУ

SOCIAL DEVELOPMENT OF THE CHECHEN REPUBLIC IN 2010–2014

S.S. Reshiev,
Doctor of Economics, Professor of the Department of Mathematical Analysis of the Economics of CheSU, Head of Department of Economics and Low IGI of Academy of Sciences of Chechen Republic.
E.M. Magomadov,
Candidate of Economics, Head of the Department of Mathematical Methods of Economic Analysis of CheSU
A.M. Dzingaeva,
Graduate Student of Business Economics

В представленной статье авторы исследуют развитие социальной сферы Чеченской Республики в 2010–2014 годы. В статье в достаточно развернутом виде проанализированы характер и уровень развития социальной сферы республики за исследуемый период. Здесь даны основные характеристики республики по демографическому развитию и системам здравоохранения и образования. Сделан сравнительный анализ основных показателей социальной сферы республики с аналогами сопредельных регионов. В статье выявлены основные проблемы на пути развития социальной сферы Чеченской Республики. На основе системного анализа развития социальной сферы республики за последние годы сделаны выводы и

предложения, которые могут быть использованы проводниками социально-экономической политики в регионе.
Ключевые слова. *Чеченская Республика, демографическая ситуация, здравоохранение, дошкольные учреждения, общеобразовательные учреждения, вузы*.

In the present article, the authors examine the development of the social sphere of the Chechen Republic in 2010–2014. The article analyses the nature and level of development of social sphere of the republic during the study period. Here are the main features of the Republic of demographic development and health and education. A comparative analysis of the key indicators of social sphere of the republic with counterparts of neighboring regions was analysed. The article shows the major challenges to the development of the social sphere of the Chechen Republic. On the basis of a systematic analysis of the development of the social sphere of the republic in recent years, conclusions and suggestions were made, which can be used by agents of social and economic policy in the region
Key words: *Chechen Republic, demographics, health, pre-school institutions, educational institutions.*

В настоящее время в социальной сфере Чеченской Республики происходят существенные позитивные изменения. Это обусловлено, прежде всего, тем, что за последние годы на территории республики реализуются более 40 различных программ развития: федеральные целевые программы, республиканские целевые программы, ведомственные (отраслевые) программы и др.

Результаты реализации *ФЦП «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008–2012 годы»* стали примером успешного применения программного метода государственной региональной политики в Российской Федерации. Главными факторами успеха реализации программы были: четкое взаимодействие Федерального центра и Правительства Чеченской Республики; финансирование программных мероприятий в полном объеме и строго по графику; реальные пропорции источников финансирования программы, с учетом возможностей и условий республики; жесткий контроль над ходом реализации программных мероприятий со стороны Правительства Чеченской Республики.

Ниже рассмотрим характер и уровень развития социальной сферы Чеченской Республики за последние 5 лет.

Социальная сфера Чеченской Республики в 2010–2014 годы

В период 2010–2014 годов демографическое развитие в республике имеет устойчивую динамику роста. Численность постоянного населения Чеченской Республики на 1 января 2015 года составила 1 370,2 тыс. человек. Показатели естественного движения населения республики за 2010–2014 годы приведены в таблице 1.

Таблица 1

Показатели естественного движения населения в период 2010–2014 годов
тыс. человек

	Годы				
	2010	2011	2012	2013	2014
Родившихся	36,5	37,3	34,1	33,4	32,9
Умерших	6,7	6,8	7,1	6,7	6,8
Естественный прирост	29,8	30,5	26,9	26,6	26,1

Источник: Чеченстат; расчеты авторов.

Следует подчеркнуть, что прирост населения наблюдался в эти годы во всех городских округах и муниципальных районах республики. Вместе с тем, в исследуемый период в республике наблюдалось миграционное снижение. В таблице 2 приведены показатели, характеризующие миграционную ситуацию в Чеченской Республике в 2010–2014 годы.

Как видно из таблицы 2, миграционный поток в республике имеет выражено-отрицательную динамику. Этому фактору следует уделить пристальное внимание Правительству Чеченской Республики. Необходимо выявить истинные мотивы отрицательного миграционного потока и учесть их в программных мероприятиях, реализуемых на территории региона.

Таблица 2

Общая характеристика миграционной ситуации в Чеченской Республике в 2010–2015 годы

(человек)

	Годы				
	2010	2011	2012	2013	2014
	Январь - ноябрь миграционный прирост (+), снижение (-)	*Январь - ноябрь миграционный прирост (+), снижение (-)*	*Январь - ноябрь миграционный прирост (+), снижение (-)*	*Январь - ноябрь миграционный прирост (+), снижение (-)*	*Январь - ноябрь миграционный прирост (+), снижение (-)*
Миграция всего	-595	-2 949	-4 138	- 4418	- 2114
в том числе:					
в пределах России	-555	-2 969	-4 318	- 4689	- 2469
международная миграция	-40	20	180	271	355

Источник: Стат. сборники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике «О социально-экономическом положении в Чеченской Республике за 2010–2014 годы».

В последние годы темп естественного прироста населения в республике самый высокий среди субъектов Российской Федерации. В этих условиях крайне важно развитие опережающими темпами основных элементов социальной инфраструктуры республики.

За последние 9 лет инфраструктура системы здравоохранения, – один из важнейших элементов социальной инфраструктуры республики, была практически вновь восстановлена и существенно модернизирована. Это удалось благодаря существенным инвестициям в эту сферу из консолидированного бюджета республики в период 2006–2012 годов. За эти годы расходы консолидированного бюджета республики на восстановление и развитие инфраструктуры системы здравоохранения региона составили 60 434,4 млн. рублей, т.е. четвертая статья в консолидированном бюджете республики по объему расходов [8]. В консолидированном бюджете Чеченской Республики на 2015 год финансирование здравоохранения республики запланировано на уровне 11 890,4 млн. рублей.

В таблице 3 приведены данные, характеризующие динамику медицинского персонала республики за исследуемый период.

Таблица 3

Медицинские кадры в республике за 2010–2014 годы

Медицинские кадры	2010	2011	2012	2013	2014
	Число медицинского персонала	Число медицинского персонала	Число медицинского персонала	Число медицинского персонала	Число медицинского персонала
Число врачей всего	3 158	3 307	3 388	3 093	3 216
в том числе:					
Педиатров	209	209	226	226	235
акушеров-гинекологов	319	319	373	373	425
Число среднего медицинского персонала	8 471	8 868	8 917	8 549	8 353
в том числе:					
Акушерок	635	635	707	707	751
Число прочего медицинского персонала	4 819	5 162	5 522	5 232	5 395

Источник: Стат. сборники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике «О социально-экономическом положении в Чеченской Республике за 2010–2014 годы»; Расчеты авторов.

С 2003 года по 2012 год наблюдается устойчивый рост численности врачей и среднего медицинского персонала в республике. В 2013 году значения этих показателей заметно уменьшились. В 2014 году численность врачей незначительно увеличилась по сравнению с 2013 годом, тогда как численность среднего медицинского персонала имеет устойчивую отрицательную динамику в последние 3 года. Чеченская Республика по этим показателям на душу населения значительно уступает другим субъектам Российской Федерации в составе Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), а по врачам – многократно абсолютному большинству из этих регионов. По показателю *«численность врачей на 10 000 человек населения»* Чеченская Республика занимает последнее место (83) среди субъектов РФ [4, С. 300–301]. В таблице 4 приведены показатели обеспеченности врачами Чеченской Республики и сопредельных регионов в 2013 году.

Таблица 4

Обеспеченность в 2013 году врачами некоторых регионов СКФО

Регион	Численность населения, тыс. человек	Численность врачей – число занятых должностей, тыс. единиц	Численность врачей на 10 000 человек населения
Чеченская Республика	1325	3,6	27,0
Республика Дагестан	2 946	11,7	39,4
Кабардино-Балкарская Республика	859	3,8	44,6
Республика Северная Осетия – Алания	706	5,1	71,7

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. /Росстат. М., 2014; расчеты авторов.

В 2013 году численность среднего медицинского персонала в Республике Дагестан составляла 24,3 тыс. человек, Кабардино-Балкарской Республике – 9,8 тыс. человек, Республике Северная Осетия – Алания – 7,9 тыс. человек, Чеченской Республике – 9,9 тыс. человек [4, с. 304–305].

Необходимо отметить, что, начиная с 2001 года, число больничных коек в республике, в целом, динамично растет. Это говорит о том, что в последние годы шел активный процесс восстановления и строительства объектов здравоохранения республики в рамках различных программ развития. Однако Чеченская Республика до сих пор числится в рядах аутсайдеров по показателю *«число больничных коек на 10 000 человек населения»* (78 место) [4, С. 294–295].

По нашему мнению, только лишь использование программного метода в региональной политике может реально вывести в обозримом будущем систему здравоохранения Чеченской Республики на среднероссийский уровень, с учетом опыта реализации в последние годы федеральных и региональных программ развития на территории региона, а также его специфики и особенностей [1, 6, 8, С. 8–14].

За последние годы в республике проводится также масштабная работа по восстановлению и техническому переоснащению объектов учреждений **системы образования** – другого важнейшего элемента социальной инфраструктуры.

В таблице 5 показана работа дошкольных учреждений республики в период 2010–2014 годов.

Таблица 5

Работа дошкольных учреждений Чеченской Республики за 2010–2014 годы

Наименование	Годы				
	2010	2011	2012	2013	2014
Число работающих детских садов	146	164	174	201	243
в том числе в сельской местности	93	108	110	120	138
Количество в них детей	20 548	24 351	28 797	34 810	53 731
в том числе в сельской местности	9 443	11 322	13 243	15 638	25 614

Источник: Стат. сборники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике «О социально-экономическом положении в Чеченской Республике за 2010–2014 годы»; расчеты авторов.

Начиная с 2003 года число дошкольных образовательных учреждений в республике устойчиво растет. В 2014 году это число выросло по сравнению с 2003 годом более чем в 2,5 раза. Следует подчеркнуть, что за этот период десятикратно увеличилась численность воспитанников этих учреждений (от 4 645 до 53 731). Позитивная динамика этих показателей в последние годы обусловлена активным восстановительным процессом в социальной сфере республики, прежде всего, в рамках *ФЦП «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 год и последующие годы)»* [3]*, ФЦП «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008–2012 годы»* [2].

Однако система дошкольных образовательных учреждений республика до сих пор существенно отстает от аналогов в других субъектах РФ, в том числе в сопредельных регионах [4, С. 210–211].

В 2013 году показатель охвата детей дошкольными образовательными учреждениями в целом по СКФО и в сравниваемых в данном анализе субъектах Российской Федерации выглядел так: в СКФО – 36,2% – *последнее место среди федеральных округов РФ,* в Республике Дагестан – 26,6%, в Кабардино-Балкарской Республике – 60,6%, в Республике Северная Осетия – Алания – 54,3%, в Чеченской Республике – 18,8% – *предпоследнее место среди субъектов Российской Федерации, позади лишь Республика Ингушетия*. Однако следует подчеркнуть, что значение этого показателя республики за исследуемый период увеличилось более чем в 2 раза.

В условиях Чеченской Республики самым действенным методом реального решения этой проблемы будет также, на наш взгляд, программный метод государственной региональной политики. В рамках федеральных и республиканских целевых программ следует продолжить строительство объектов дошкольных учебных учреждений в республике с учетом динамики демографического развития региона.

Сегодня уже можно сказать, что работа **общеобразовательных учреждений** республики приобрела системный характер. За период 2006–2013 гг. вновь восстановлены, и переоснащены многие объекты общеобразовательных и специальных учреждений республики. В таблице 6 показана работа общеобразовательных учреждений на начало 2015 года.

Таблица 6

Работа общеобразовательных учреждений Чеченской Республики за 2010–2014 годы

Наименование	Годы				
	2010	2011	2012	2013	2014
Число работающих общеобразовательных школ	441	442	446	455	456
в том числе в сельской местности	353	355	358	359	360
в них:					
учителей	15 970	16 586	17 473	18 597	18 597
учащихся	212 314	217 803	223 667	229 702	240 760
из них заканчивающие:					
9-е классы	17 691	19 425	21 286	20 198	19 547
11-е классы	10 671	10 025	9 714	10 852	12 253
Число школ-интернатов	5	5	5	4	4
в том числе в сельской местности	-	-	-	-	-
Число учреждений дополнительного образования	108	108	110	…	94
в том числе в сельской местности	66	66	67	…	-

Источник: Стат. сборники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике «О социально-экономическом положении в Чеченской Республике за 2010–2014 годы»; расчеты авторов.

В период 2001–2014 годов численность учителей выросла с 12,6 тыс. до 18,6 тыс. человек, а численность учащихся – с 193,9 тыс. до 240,8 тыс. человек.

До сих пор система общеобразовательных учреждений в республике далека от оптимального уровня развития с учетом среднего уровня ее развития, как на территориях Юга России, так и в целом Российской Федерации [4, С. 214–224].

Сегодня практически завершено строительство и восстановление основных объектов высших государственных бюджетных образовательных учреждений республики. В основном этот процесс шел в рамках федеральных и республиканских целевых программ. Результаты очевидны и ощутимы. Восстановленные объекты отвечают современным требованиям и являются очень хорошими площадками для развития инновационных процессов в системе высшей школы республики. Однако для выхода на оптимальный уровень по охвату населения вузы республики до сих пор недостаточны. Так, по численности студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования на 10000 человек населения республика среди субъектов Российской Федерации занимает лишь 73 место [4, С. 287–290].

Таким образом, строительство объектов высшей школы республики и расширение специальностей в этих учреждениях следует продолжить с учетом природно-климатических, геополитических, демографических преимуществ региона и опыта успешных аналогов.

В последние годы в республике уделяют большое внимание социальной политике. В рамках этой политики решается множество проблем по социальной защите различных слоев нашего общества. В период 2006–2014 годов общий объем значения этого показателя занимает 2-е место среди основных показателей расходной части консолидированного бюджета республики – 91 222,4 млн. рублей, на 1-м месте за этот период расходы на образование – 125 023,7 млн. рублей. Этот факт свидетельствует о значимости социальной политики для республики.

В структуре расходной части консолидированного бюджета Чеченской Республики в 2015 году доля расходов на развитие социальной сферы составляет 73,7% (54 205,1 млн. рублей), что является количественным подтверждением особой значимости этой сферы для республики.

На основе проделанного анализа развития социальной сферы Чеченской Республики мы можем сделать следующие выводы и рекомендации:

1. *Демографическая ситуация в республике наилучшая среди всех субъектов Российской Федерации* [4, С. 50–54].

2. *Нынешняя демографическая ситуация может стать важным конкурентным преимуществом республики среди регионов страны для синергетического развития, если развить в подрастающем поколении трудолюбие и интеллект с учетом опыта успешных аналогов из мировой практики (в частности, опыта Германии и Японии).*

3. *Республике следует обоснованно защищать необходимый объем финансирования строительства объектов образования и здравоохранения перед федеральными органами власти, чтобы обеспечить республике в обозримом будущем среднероссийский уровень инфраструктуры в этих сферах.*

4. *Республике необходимо обоснованно увеличивать штатные численности работников систем образования и здравоохранения республики и защищать их перед федеральными органами власти. Позитивное решение этого вопроса позволит значительно увеличить рабочие места в этих бюджетных сферах и заметно улучшить качество их услуг на территории республики.*

Литература:

1. Бисаев И.У., Решиев С.С. Характер выполнения действующих на территории Чеченской Республики программ по восстановлению и развитию социально-экономической сферы в 2009 году // Экономический анализ: теория и практика. М., 2010. №26 (191).
2. Постановление Правительства РФ от 15.07.2008 № 537 (ред. от 08.12.2011) «О федеральной целевой программе «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008–2012 годы».
3. Постановление Правительства РФ от 21.12.2001 № 889 (ред. от 29.12.2007) «О Федеральной целевой программе «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 год и последующие годы)».
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. /Росстат. М., 2014.
5. Решиев С.С. Формирование и исполнение консолидированного бюджета Чеченской Республики в период 2000–2013 годов // Финансы и кредит. М., 2013. №39.
6. Решиев С.С., Даурбеков С-Э.С. Социально-экономическое развитие Чеченской Республики в 2010–2012 годы // Региональная экономика: теория и практика. М., 2013. №37.
7. Статистические сборники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике «О социально-экономическом положении в Чеченской Республике за 2010–2014 годы».
8. Экономика Чеченской Республики (коллективная монография) // Под. ред. Решиева С.С. Грозный: АН ЧР, 2013.

УДК 331.5.024.5

ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАНЯТОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКИ РАЗВИТЫХ СТРАНАХ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ И США) И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ

INSTRUMENTS OF STATE REGULATION OF INSTRUMENTS OF STATE REGULATION IN ECONOMICALLY DEVELOPED COUNTRIES (ON EXAMPLE OF GERMANY AND USA) AND PROSPECTS OF INTEGRATION OF FOREIGN EXPERIENCE INTO NATIONAL ECONOMY OF RUSSIA

М.Ш. Бечиева,
аспирантка кафедры «Экономика предприятий» ЧГУ
С.-А.Ш. Довтаев,
к.э.н., профессор, заведующий кафедрой «Экономика предприятий» ЧГУ

M.SH. Bechieva,
graduate student of "Business economics" chair of Chechen State University
S.-A.SH. Dovtaev,
head of the chair "Business economics" candidate of Economic Sciences, professor Chechen State University

В данной статье рассматриваются инструменты государственного регулирования рынка труда в зарубежных странах в контексте решения возникающих проблем в сфере занятости. Приводится краткая характеристика общей системы регулирования рынка труда Германии и США, а также возможность применения зарубежного опыта в отечественной экономике труда.

Ключевые слова: *рынок труда, занятость, государственное регулирование, политика занятости.*

This article shows the instruments of state regulation of labor market in foreign countries in the context of the solution of the arising problems in the sphere of employment. The short characteristic of the general system of regulation of labor market of Germany and the USA, and also possibility of application of foreign experience in domestic labour economics is shown.
Keywords: *labor market, employment, state regulation, policy of employment.*

Рынок труда – это одна из важнейших систем экономики социальных и трудовых отношений. В экономической теории рынок труда представлен как один из четырех основных видов рынка, наряду с рынками товаров, денег и ресурсов. Трудовой рынок оказывает огромное влияние на состояние народного хозяйства, поскольку способствует перераспределению и аккумуляции трудовых ресурсов по отраслям производства, в зависимости от текущей экономической ситуации.

Сущность рынка труда и его функции подразумевают достаточную свободу распределения рабочей силы и установления цен на труд. Тем не менее, это не исключает необходимость регулирования рынка труда со стороны государства. Вообще, этот вопрос на данный момент является достаточно спорным и дискуссионным. Исследование литературы и публикаций в печатных и электронных изданиях выявило, что часть исследователей и авторов считает российский рынок труда чрезмерно «зажатым в тиски» трудового законодательства и развивающимся по тенденциям, не соответствующим основным закономерностям рыночной экономики.

Другие авторы, напротив, полагают необходимым наличие государственного регулирования, потому что рыночные механизмы воздействия на рынок труда не всегда являются эффективными. Централизованное регулирование здесь предстает в качестве комплекса мер и способов воздействия на рынок для поддержания равновесия между спросом на рабочую силу и ее предложением, а также для установления равновесных и справедливых ставок заработной платы. То есть государственное регулирование служит неким подспорьем для выполнения рынком труда своих основных функций в ситуациях, когда механизмы саморегуляции по той или иной причине оказываются неэффективными.

Поскольку Россия является участником глобальных экономических отношений и активно вовлечена в мировые экономические процессы, целесообразно рассматривать отечественный рынок труда не как некую абстрагированную реалию, а наоборот, постараться использовать наиболее успешные наработки развитых стран в области занятости для улучшения и стабилизации ситуации. Здесь, прежде всего, подразумеваются передовые методы регулирования рынка труда.

Учитывая значение рынка труда для национальной экономики, авторы ставят перед собой цель в данной статье провести изучение методов регулирования рынка трудовых ресурсов экономически развитых стран. Целесообразным также представляется дать краткую характеристику регулирования рынка труда в России и выявить перспективные методы регулирования, которые можно было бы применить в условиях отечественных экономических реалий.

Ясно, однако, что нельзя просто бездумно копировать опыт зарубежных государств. В частности, особое внимание нужно уделить странам с федеративной формой государственного устройства, поскольку территориальная организация государства оказывает огромное влияние на формирование и регулирование рынка труда, на количество уровней иерархии в сфере управления занятостью, на особенности реализации политики в сфере занятости.

Существует также опасность, что даже в случае успешного применения и ассимиляции зарубежного опыта в нашей стране, это даст в результате уже устаревшую систему. Это связано, прежде всего, с тем, что действенная система мер государственного регулирования в других странах складывалась методом проб и ошибок, что заняло достаточно долгий промежуток времени. Внедрение таких мер в российскую экономику также требует относительно большого количества времени. В конечном итоге есть вероятность получить систему эффективную, но абсолютно не соответствующую современным экономическим реалиям России.

В свете сказанного выше авторам представляется интересным рассмотреть опыт государственного регулирования рынка труда в Германии и США, а также изучить принимаемые управленческие решений для регулирования тех или иных проблем занятости.

Для того чтобы наиболее полно понять суть и причины применения тех или иных методов регулирования занятости, необходимо напомнить, что для европейской модели рынка труда, которая применяется в Германии, характерно достаточно большое влияние государства на занятость. При этом структура управления рынком труда включает в себя как государственные, так и общественные организации.

Основной целью государства в данном вопросе является обеспечение населению длительной занятости. Существующая ныне система регулирования рынка труда, включающая в себя работу государства с профсоюзными объединениями, сложилась в начале XXI века, когда стали очевидны

назревшие проблемы в области трудоустройства и неспособность имеющейся политики и системы занятости эти проблемы решить. Комплекс мероприятий по реформированию рынка труда в Германии (так называемая реформа Хартца) был предложен в конце 2003 года и содержал в себе целый ряд мер по кардинальной перестройке всей системы занятости страны. В данной статье авторы не ставят перед собой цель дать подробную характеристику проведенной реформы. Более целесообразным представляется рассмотреть отдельные методы регулирования рынка труда, примененные для решения определенных проблем в сфере занятости.

Пакет реформ Хартца содержал в себе перестройку институтов занятости. Прежде всего, изменениям подверглось Федеральное ведомство по вопросам труда, которое переименовали в Федеральное агентство по труду. Изменения коснулись не только названия института, но также и основных принципов его работы, было предусмотрено согласование целей в области трудоустройства не только на уровне государства (между отдельными административными единицами), но и привлечение к этому высшего и среднего звена руководства предприятий.

Для преодоления самой главной проблемы – высокого количества безработных, были также пересмотрены программы финансирования непосредственного содействия занятости. Главным постулатом этих реформ было решение не просто поддерживать безработных, а стимулировать их к трудоустройству. Основные положения новой системы были изложены в Кодексе социальных законов [4], который утвердил обязанность всех потенциально способных к труду граждан проявлять активность в вопросах трудоустройства и заключать определенное соглашение о вхождении в рынок труда. Это предполагает активный поиск работы, а в случае невозможности найти ее самостоятельно, предполагается трудоустройство по предложенному государством месту трудоустройства.

Подверглись пересмотру выплаты по безработице, основной целью которых стала также не просто имущественная поддержка людей, не имеющих работы, но и стимулирование их к поиску оной.

Предложенные реформой Хартца инструменты для преодоления кризиса во многом сочетают непосредственно государственное регулирование и тесную связь с деятельностью упомянутых выше общественных организаций (профсоюзов), что в некоторой степени способствует усложнению выхода на рынок трудовых ресурсов. Так, например, чтобы иметь возможность заключить полноценный и легитимный трудовой договор, потенциальный работник должен быть членом профсоюза или иной сходной по социальным функциям организации.

С другой стороны, одним из способов обеспечить постоянную занятость и бороться с сокращением рабочих мест является заключение специальных тарифных договоров между союзами работников или работодателей с целью регулировать конъюнктуру рынка. Тарифный договор – это инструмент для урегулирования вопросов заработной платы и условий труда. Его правовую, законодательную основу образуют Основной закон и закон о тарифном договоре [6].

Положительным следствием сотрудничества государства с коалициями работодателей (образуемыми согласно упомянутому закону) является, например, возможность гарантировать работникам сохранение рабочих мест во время кризиса. Это достигается путем заключения соглашения между государством и работодателями, в соответствии с которым предприниматели добровольно отказываются от сокращения количества рабочих мест за счет уменьшения продолжительности рабочего дня. Государство в свою очередь берет на себя обязательства по частичной выплате страховых взносов.

Еще одной проблемой Германии в сфере занятости являлся высокий уровень безработицы среди женщин, что, в свою очередь, было прямым следствием ориентированности экономики на «тяжелые» виды промышленности – добывающую и обрабатывающую. Для преодоления этой проблемы были предприняты шаги к переориентации национальной экономики на сферу услуг, что позволило увеличить занятость среди женщин. Была сформулирована антидискриминационная политика в отношении гендерных различий, которая включила в себя комплекс мер по повышению занятости среди женщин. Достаточно распространенным явлением стало определение так называемых целевых показателей по увеличению количества работников-женщин в организации. Дополнительным инструментом для решения данной проблемы можно считать пересмотр режима работы дошкольных учреждений (детских садов), чтобы сделать его более соответствующим графику семей, в которых оба родителя трудоустроены [4].

Для решения проблемы трудоустройства низкоквалифицированных работников использовалась активная государственная политика в области занятости, в частности программы по профессиональной подготовке и переподготовке кадров. Это представляет особый интерес с точки зрения отечественной экономики, поскольку затраты на переквалификацию и последующее трудоустройство

безработных все же (как показывает зарубежная практика) оказываются неизменно ниже, нежели регулярные выплаты тому же количеству безработных обязательного пособия.

Реализация пакета мероприятий по улучшению первоначальной квалификации молодежи привела к стабилизации занятости среди этой категории населения. Была введена система производственных практик, которые стали использоваться как первая ступень профессионального роста молодого работника. Причем время прохождения практики могло быть засчитано за время обучения, а студенты, наиболее успешно прошедшие этот этап профессиональной подготовки получают премии. Хотя законодательство четко не фиксирует виды и способы прохождения таких практик, на деле существует достаточно большое количество их видов и форм, которые позволяют получать первые прикладные профессиональные знания даже выпускникам школ и непосредственно применять их на практике.

Одним из видов активной государственной политики занятости в этой области является прямое государственное финансирование предприятий, которые предоставляют свою производственную базу для прохождение вышеупомянутых практик и повышения квалификации молодых специалистов.

В целом можно сделать вывод, что применяемые в настоящий момент инструменты государственного регулирования занятости в Германии носят активный характер, направлены не только на поддержание безработных, но и на стимулирование трудоустройства.

Для того, чтобы избежать некой «однобокости» во взгляде на регулирование рынка труда, авторам представляется необходимым дать краткую характеристику инструментов, применяемых в Соединенных Штатах Америки для регулирования рынка труда и преодоления кризиса в сфере занятости.

В США применяется так называемая англосаксонская модель рынка труда [5]. Это предполагает средний уровень вмешательства государства в сферу занятости. Здесь во главу угла ставится поощрение трудовой активности граждан. В отличии от германской модели, в США не применяется политика защиты от увольнения и не производится сокращение рабочего дня даже во времена спада экономики. Однако государство реализует политику привлечения работников на средний уровень управления производством, а также финансирует программы по повышению квалификации и профессиональному развитию.

В Америке применяются также сходные методы поддержки предприятий, организующих профессиональную переподготовку низкоквалифицированных работников и подготовку молодежи. Так, например, организации предоставляется определенная скидка с налога на прибыль, а суммы, направляемые предприятием на программы обучения, не облагаются налогом. Для решения проблемы безработицы государство также стимулирует работодателей предоставлять рабочим, прошедшим программу переподготовки, рабочие места. В таком случае предприятию предоставляется налоговая скидка за каждого принятого работника.

В целом можно сказать, что несмотря на применение англосаксонской модели рынка труда, в Соединенных Штатах Америки также проводится весьма активная государственная политика занятости.

В завершение хотелось бы отметить, что изучение опыта реформирования системы занятости Германии имеет особенное значения в контексте российской экономики, поскольку наши страны объединяет ряд сходных качеств.

Прежде всего, конечно, их объединяет федеративный тип государственного устройства и достаточной высокий уровень бюрократизации государственных институтов регулирования рынка труда. Кроме того, в России существуют сходные проблемы в сфере занятости, такие как общий высокий уровень безработицы, широко распространенная нелегальная (или теневая занятость), а также достаточно высокий уровень безработицы среди таких категорий населения как молодые специалисты, низкоквалифицированные работники, пожилые люди или женщины.

Рассмотрение инструментов государственного регулирования труда в США в некоторой степени расширило взгляд на понимание регулирования рынка труда в странах с федеративным типом государственного устройства и применяемые для этого инструменты.

Тем не менее, в виду существующих социальных, экономических, природно-географических различий, а также различий в менталитете, неправильным окажется простой перенос западных решений в отечественную экономику. Авторам кажется более целесообразным обратить внимание не на конкретные меры государственного регулирования, а скорее в целом на общую систему, общую закономерность и логику принятия тех или иных инструментов регулирования рынка труда, с тем что-

бы было возможным сформировать комплекс мер государственного регулирования рынка труда, наиболее отвечающий сложившейся экономической ситуации.

Литература:

1. Букаева М.С. Особенности регулирования рынка труда в условиях глобализации // Вестник ОГУ. – 2013. №8. – С.13–18
2. Вагнер, Ульрих (проф.). Регулирование рынка труда: опыт Германии и российские проблемы [Текст] / У. Вагнер, В. Гутник // Проблемы теории и практики управления. 2003. №1.
3. Вишневская Н.Т. Реформа немецкого рынка труда: особый случай или пример для подражания? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2. – С. 249–284.
4. Маркелова А.А. Использование зарубежного опыта в процессе совершенствования государственного регулирования рынка труда в Российской Федерации: дисс. к.э.н. Саратов, 2009. 246 с.
5. Храбров К.Г. Сравнительный анализ моделей рынка труда: институциональные аспекты // Электронный журнал «Экономика и социум». 2014. №3(12). URL http://iupr.ru/domains_data/files/zurnal_12_2014/Hrabrov%20K.G.%20.pdf (дата обращения 07.04.2015)
6. Шефнер В. ТАРИФНЫЙ ДОГОВОР: В помощь интересующимся. Екатеринбург, 2000. 39 с.

УДК 332.1

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА

ECONOMIC INDICATORS OF DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL INFRASTRUCTURE IN THE REGION

М.Ш. Баснукаев,
к.э.н., доцент, зав. кафедрой «Налоги и налогообложение» ЧГУ
Д.Ш. Мусостова,
старший преподаватель кафедры «Экономика предприятий» ЧГУ

M.Sh. Basnukaev,
Candidate of Economics, Associate Professor, Head of "Tax and taxation" Department of CheSU
D.Sh. Musostova,
Senior Lecturer in "Economics of enterprises" Department of CheSU

В настоящей статье рассмотрены факторы развития инфраструктуры регионов в условиях рыночных отношений. При формировании состава и структуры экономических индикаторов целесообразно ориентироваться на специфические особенности анализируемого объекта. Необходимо сформировать систему региональной инфраструктуры, связывающую все элементы региональной экономики в рамках единого территориального, экономического и политического пространства.
***Ключевые слова**: регион, экономические индикаторы, производственная инфраструктура, устойчивость, региональное развитие.*

This article reviews the factors of development of regional infrastructure in market conditions. In the composition and structure of economic indicators it is advisable to focus on the specific features of the object being analyzed. It is necessary to establish a system of regional infrastructure that links all elements of the regional economy in a single territorial, economic and political space.
***Key words:** region, economic indicators, industrial infrastructure, sustainability, regional development.*

Условия формирования и функционирования объектов инфраструктуры зависят от уровня и особенностей развития рыночных отношений в конкретном регионе, что и предопределило целесообразность системного подхода к определению элементов социальной и производственной инфраструктур.

Ключевое значение приобретают территориальные, административные, политические и экономические факторы развития инфраструктуры регионов в условиях рыночных отношений, что в конечном итоге объясняет существенные отличия в особенностях функционирования и формирования инфраструктур в странах с переходной экономикой и в условиях развитого рынка.

В развитых странах инфраструктура достаточно давно действует как отлаженный механизм, то в странах с переходной (развивающейся) экономикой происходит ее становление.

Поскольку регионы России пока может считаться развивающейся страной, отдельные звенья инфраструктуры действуют недостаточно эффективно или еще не сформированы.

Мировая наука накопила немалый опыт по формированию и функционированию различных элементов социальной и производственной инфраструктуры, что с небольшими корректировками может быть использовано для определения перспективных направлений формирования и совершенствования региональной инфраструктуры.

К проблемам устаревшей техники и технологии, низкого внимания к инновациям, изношенность сохранившегося оборудования, низкая дисциплина, добавились неразвитость региональной (социальной и производственной) инфраструктуры [1].

Поэтому проблемы и перспективы использования отраслей социальной и производственной инфраструктуры в отечественной, особенно региональной, экономике остается актуальным и на сегодняшний день. Переход России и ее отдельных регионов к устойчивым моделям функционирования должна сопровождаться развитием региональной инфраструктуры [2].

В период экономических трансформаций, получения хозяйствующими субъектами самостоятельности при принятии управленческих решений, сопровождающиеся утратой трудовых, производственных, хозяйственных и прочих связей между предприятиями, отраслями и регионами, нагрузка на социальную и производственную инфраструктуры заметно возрастают, существенно расширяются и усложняются функции, появляются новые отрасли, виды деятельности и формы инфраструктурой деятельности.

Основными причинами вышеназванных катаклизмов являются:

-геополитическая составляющая, вызванная распадом бывшего СССР на пятнадцать государств, учащение международных конфликтов, социальной напряженности;

-резкое падение объемов производства продукции вследствие снижения темпов разработки и реализации инновационных проектов;

-рост инфляционных процессов, вызывающий динамичное увеличение цен на товары, услуги, продукцию, неустойчивость и нестабильность финансово-кредитной системы;

-снижение инвестиционной активности, замедляющие мероприятия по обновлению ОПФ;

-повсеместная приватизация государственного имущества, их полная консервация, появление множества различных организационно-правовых форм;

-потеря производственно-хозяйственных и финансовых связей в рамках нового экономического пространства;

-активные процессы включения регионов РФ во внешнеэкономические отношения; появление условий для технического перевооружения производства с учетом разработок развитых стран.

Главными чертами региональной инфраструктуры в новых условиях хозяйствования выступают [3].

-невозможность отделимость производственного цикла и от процесса потребления услуг инфраструктуры;

-инерционность инвестиционной деятельности по причине большой капиталоемкости объектов региональной инфраструктуры;

-наличие внешних факторов и эффектов и пр.

Формирование услуг производственной инфраструктуры, влияние различных внешних факторов, связанных с функционированием отраслей региональной инфраструктуры, находят отражения в ценах на их услуги.

Вышеназванные вопросы требуют дополнительного изучения, но накопленный к настоящему времени опыт в сфере инфраструктурного обеспечения показывает, что ее недооценка оказывает негативное влияние на темпы экономического развития региональной экономики [5].

При формировании состава и структуры экономических индикаторов формирования и развития любого объекта, целесообразно ориентироваться на специфические особенности анализируемого объекта.

Вся совокупность индикаторов оценки развития региональной инфраструктуры разбивается на следующие группы:

1. Экономические индикаторы, к которым относятся: экономический потенциал инфраструктурных объектов и его использование; объем и эффективность производства; состояние региональных рынков; инвестиционная активность; энергетическая и продовольственная безопасность; финансовое самообеспечение региона; налоговая нагрузка и наличие независимой налоговой базы для формирования местных бюджетов; показатели территориальной структуры, концентрации экономической деятельности, уровня диверсификации; структура собственности в регионе.

2. Социальные индикаторы, включающие в себя: уровень безработицы и занятости в регионе; динамика номинальных и реальных доходов; структура доходов и расходов; соотношение сред-

немесячного дохода и прожиточного минимума; потребление материальных благ и услуг; уровень развития инфраструктуры и др.

Для комплексной оценки уровня и качества жизни населения ООН рекомендуется показатель «индекс развития человеческого потенциала», дающий самую общую интегральную оценку уровня социального развития страны и региона.

Специалисты ООН рекомендуют включать ВРП на душу населения, среднюю продолжительность жизни индивида, уровень образования, рассчитываемый как отношение населения с высшим (средним, средне-специальным) образованием к численности населения региона.

3. Экологические индикаторы, в числе которых выделяют: антропогенную нагрузку на территорию; уровень выбросов загрязняющих веществ в атмосферу; состояние поверхностных водоемов и запасов сточных вод и др.

4. Демографические индикаторы, характеризующие информацию о количестве городского и сельского населения, о его половозрастной структуре, трудоспособном населении, уровне образования, плотности населения, сальдо миграции и др.

5. Индикаторы наличия и использования ресурсов в регионе, которые анализируют наличие и состояние в регионе трудового потенциала, отражающего численность трудовых ресурсов, половозрастной состав и профессиональный уровень их подготовки; природно-ресурсного потенциала, характеризующего наличие природных богатств*;* производственного потенциала, анализирующего в самом общем виде производственные мощности: стоимостную оценку капитальных ресурсов, материальных оборотных средств, ноу-хау и др.; потенциала инфраструктуры, отражающего показатели развития социальной, производственной, управленческой, экологической и рыночной инфраструктуры.

Столь большое количество индикаторов оценки развития регионов вызывает значительные трудности в обеспечении их надежной и достоверной статистической информацией, что побуждает к поиску и использованию наиболее важных, обобщающих, интегральных индексов, к которым наряду с вышеописанным индексом развития человеческого потенциала могут быть причислены: валовой региональный продукт (ВРП); степень загрязнения среды проживания людей, которая может быть охарактеризована уровнем загрязнения радионуклидами, степенью концентрации ядовитых веществ в воде, атмосфере, почве и др.; уровень занятости, рассчитываемый как отношение количества занятых в народном хозяйстве жителей к общей величине трудовых ресурсов или к числу экономически активных людей и др. [6].

С этих позиций объекты производственной инфраструктуры не является уникальным объектом, и необходимые требования для анализа, планирования и регулирования отражены в работах многих экономистов.

Они предлагают оценивать эффективность научного и технического прогресса в разрезе отдельных направлений и мероприятий, а также в целом по региональной инфраструктуре.

Условия функционирования инфраструктуры в условиях переходной экономики – это дополнительный аспект, требующий отдельного исследования при установлении требований к экономическим индикаторам.

Обще экономические показатели. В эту группу включены показатели, которые принято называть *агрегированными* и наиболее распространенным из них является валовой внутренний (региональный) продукт, представляющий собой стоимость всей продукции, товаров, работ и услуг, произведенных в данном регионе.

Вторым агрегированным показателем выступает численность безработных, определяющаяся ежемесячно и, во взаимосвязи с ним, – число занятых в разрезе видов деятельности.

При этом должны быть четко обозначены специфические, индивидуальные характеристики региональной инфраструктуры, также и фундаментальные общеэкономического факторы переходного периода.

Естественно, среди требований к экономическим индикаторам особо предъявляются следующие требования по составу и их структуре: целесообразно учитывать колебания в спросе услуг производственной инфраструктуры не только в динамике 5-10 лет, но и внутригодовые их изменения, связанные с сезонностью многих отраслей народного хозяйства.

Формированию индикаторов, свидетельствующих о состоянии и функционировании региональной инфраструктуры, посвящены работы многих отечественных и зарубежных специалистов.

В основу формирования обобщенной системы индикаторов оценки региональной инфраструктуры предложены следующие принципы:

- двойственный характер рассматриваемой проблемы;

- иерархическая схема построения;
- анализа нормативных и дескриптивных аспектов.

При этом индикаторы развития региональной производственной инфраструктуры классифицируются на внутренние и внешние.

Использование обобщенных внутренних показателей предусматривает свертку большинства индивидуальных показателей развития и функционирования региональной инфраструктуры.

Опыт многократного использования вышеуказанного методического подхода показывает, что формирование и использование индикаторов обобщенного вида приводят к ошибкам методического и информационного характера, и использование его не оправдано.

Процесс отбора внешних индикаторов базируется, в основном, методологическими и методическими разработками: уровень сбалансированности социальной и производственной инфраструктуры, оптимальное соотношение инфраструктурных и прочих отраслей народного хозяйства, обеспеченности региональной экономики элементами производственной и социальной инфраструктуры, качество предлагаемых услуг инфраструктурного характера, соотношение спроса и предложения услуг инфраструктурных отраслей [7].

Считаем необходимым отдельно отметить, что одним из центральных экономических индикаторов деятельности региональной инфраструктуры является эффективности инвестиционных процессов.

С учетов вышесказанного, ориентируясь на индикаторы развития региональной инфраструктуры, следует определять основные вектора ее развития, обеспечивающих эффективность функционирования всей цепочки региональной инфраструктуры, т.е. концепций ее развития [12].

В качестве основных требований, предъявляемых концепции развития инфраструктуры региона, выделены следующие:

- целостный характер;
- учет таких характерных особенностей региона, как геополитические особенности, исторические, национальные, природные и прочие факторы;
- определенная этапность реализации концепции;
- выбор наиболее оптимальных путей для реализации поставленных целей.

Эффективность деятельности различных элементов производственной инфраструктуры целесообразно оценивать по следующим показателям: численность работников на производстве; объем ВРП; численность производственных предприятий; объем продукции, произведенной региональными предприятиями; производительность труда.

Для разработки теоретических и практических рекомендаций по формированию развитию и функционированию деятельности структурных элементов региональной инфраструктуры, все регионы РФ по вышеперечисленных критериям ранжированы, что по регионам с примерно одинаковыми показателями составлять однотипные концепции.

При этом главенствующая функция должна быть предоставлена региональным органам власти, понимающим местные особенности и контролирующими деятельность региональной инфраструктуры [10].

Процесс создания, развития, регулирования и функционирования объектов региональной инфраструктуры должен состоять из следующих основных этапов (рисунок 1):

Практика, как российская, так и мировая, показывает, что расширение действующего и освоение нового производства требует поиска новых видов сырья, использование новых и более перспективных мощностей, новых технологий, а ускорение экономического развития соответственно потребуют и модернизации инфраструктуры, но, к сожалению, в большинстве регионов РФ при формировании экономических отношений между хозяйствующими субъектами это обстоятельство зачастую игнорировалось [11].

Ведь достаточное обеспечение вновь созданных или расширяемых предприятий в квалифицированных кадрах, связи, энергии, жилье, бытовом и коммунальном обслуживания, транспортном зависит от состояния инфраструктуры региона.

Иными словами, устойчивая, рентабельная деятельность предприятия зачастую зависит не столько от умелого руководства, расчетов с поставщиками и заказчиками, покупателями и заказчиками, но и от внутренних инфраструктурных резервов региона.

Важнейшим критерием оценки качества функционирования региональной инфраструктуры является требуемый уровень материального, информационного, энергетического и др. обеспечения отраслей производственной и инфраструктурной сфер [8].

Рис. 1. Алгоритм развития регионально инфраструктуры

Как отмечено в своих работах многими авторами, среди задач регионального развития, проблема формирования и функционирования региональной инфраструктуры и анализ ее индикаторов развития, на его базе обоснование приоритетов является одной из ключевых [9].

Большинство разработок концепций развития региональной инфраструктуры носят общерегиональный характер, пригодны для большинства регионов РФ, но их универсальность имеет отрицательный момент – они не учитывают специфических особенностей каждого региона [11].

По нашему мнению, необходимо иметь в ввиду российские особенности развития производственной инфраструктуры:

- формирование в процессе экономических преобразований;
- повсеместное внедрение рыночных отношений, механизмов, процессов;
- результативность экономических преобразований, их влияние на эффективность производственных процессов, количественные и качественные показатели функционирования производственной инфраструктуры.

Таким образом, перспективы формирования и функционирования региональной инфраструктуры зависимы от многих факторов: демографического, географического, политического, национального составляющих, наличия и ассортимента природных ресурсов, экономического потенциала и т.д.

Соответственно, необходимо сформировать систему региональной инфраструктуры, связывающую все элементы региональной экономики в рамках единого территориального, экономического и политического пространства, т.е. иметь комплексный характер.

Литература:

1. Антоненко И.В. Стратегии реализации инновационного потенциала регионов Южного федерального округа // Региональная экономика: теория и практика, №22 (205), 2011 г.
2. Антоненко И.В. Формы реализации инновационного потенциала регионов Южного федерального округа // Региональная экономика: теория и практика, №3 (186), 2011 г.
3. Артоболевский С.С., Бакланов П.Я., Трейвиш А.И., Стаханов В.Н. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ // Вестник Российской Академии наук, №2 (т. 79), 2009 г.

5. Видяпин В.И., Степанов М.В., Синдяшкин Р.И. Региональная экономика: учебник. М.: ИНФРА-М, 2007 г.
6. Городецкий А., Павленко Ю. Реформирование естественных монополий // Вопросы экономики. 2000. № 1.
7. Грызлов Б. Российская энергетика: в поисках альтернативы // Эксперт. 2008. № 31.
8. Губко М.В. Управление организационными системами с коалиционным взаимодействием участников. М.: ИПУ, 2003. 139 с.
9. Золотухин В.Г. О реструктуризации российской электроэнергетики как естественной монополии // Энергия: Экономика. Техника. Экология. 1999. 6. С. 8–13; №7.
10. Иванов О.Б. Экономико-теоретические основания структурных трансформаций инфрасистем в рыночной экономике России. М.: Интекст, 2007. 160 с.
11. Крохин Л.С. Экономико-математические методы в оперативном управлении на транспорте. М.: ВИНИТИ РАН, 2009.
12. Кузнецова А.И. Инфраструктура. Вопросы теории, методологии и прикладные аспекты современного инфраструктурного обустройства. Геоэкономический подход. М., 2006. 456 с.
13. Инвестиционная привлекательность республики растет с каждым днем. http://www.minfinchr.ru/ Новости/2011-06-15-04-23-46.html
14. Инвестиционная привлекательность России, 2011 год. Растущие возможности. http://www.ey.com/RU/ru/Issues/Business-environment.

УДК 332.1

ПРИМЕНЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНА

APPLYING TAXING BENEFITS AND REGION'S ATTRACTIVENESS FOR INVESTMENT

М.Ш. Баснукаев,
к.э.н., доцент, заведующий кафедрой «Налоги и налогообложение» ЧГУ
Д.Ш. Мусостова,
старший преподаватель кафедры «Экономика предприятий» ЧГУ

M.SH. Basnukaev,
docent, "Tax and tax legislation" course leader, Chechen State University
D.SH. Musostova,
superior lecturer at "Economic of organizations" course, Chechen State University

В настоящей статье рассмотрены вопросы инвестиционной привлекательности региона, создания благоприятных условий для развития бизнеса. Инвестиции играют ключевую роль в поддержании и увеличении экономического потенциала регионов. В качестве одной из мер по развитию экономики Чеченской Республики и обеспечению инвестиционной привлекательности региона в современных условиях применяются налоговые льготы.
***Ключевые слова**: регион, инвестиционная привлекательность, налоговый потенциал, налоговые льготы, региональное развитие.*

Current article examines region's attractiveness for investment, creation of favorable conditions for business development. Investment plays a key role in sustaining and growing the economic potential of the region. Taxing benefits are used as one of the steps to develop economy of the Chechen Republic and sustaining region's attractiveness for investment in modern conditions.
***Key words:** region, investment attractiveness, taxing potential, taxing benefits, regional development.*

Инвестиции играют ключевую роль в поддержании и увеличении экономического потенциала регионов. «Для Чеченской Республики характерен низкий удельный вес собственных средств в структуре инвестиционных вложений, что свидетельствует об опоре региона на заемные средства и может являться источником финансовых рисков» [3]. Вместе с тем, благодаря политике, проводимой в Чеченской Республике при поддержке федерального центра, за короткий срок удалось создать нормативно-правовую базу для развития взаимовыгодных отношений с потенциальными инвесторами, перейти от этапа восстановления к устойчивому социально-экономическому развитию региона. Однако, учитывая, «что бюджет Чеченской Республики, несмотря на рост собственных доходов, все еще зависит от Федерального бюджета, что выражается в превышении регулирующих доходов над собственными доходами» [1], необходимо искать дальнейшие пути по привлечению инвестиций с целью обеспечения собственных налоговых поступлений в республиканский бюджет.

В действующем инвестиционном законодательстве Чеченской Республики предусмотрен набор различных форм господдержки инвесторов, в частности предоставление госгарантий Чечен-

ской Республики, предоставление льгот по уплате налога на прибыль (снижение до 13,5% в части, зачисляемой в региональный бюджет) и налога на имущество (снижение с 2,2% до 0%), предоставление налоговых каникул и др.

Постановлением Правительства Чеченской Республики от 03.12.2013 г. №296 [3] утверждены Правила субсидирования процентных ставок по кредитам, привлекаемым юридическими лицами, зарегистрированными и осуществляющими свою основную уставную деятельность на территории Чеченской Республики, на реализацию приоритетных инвестиционных проектов. Распоряжением Правительства Чеченской Республики от 30.06.2014 г. № 168-р [5] утвержден Перечень приоритетных инвестиционных проектов Чеченской Республики, включающий 55 инвестиционных проектов на сумму 170,192 млрд. рублей.

Проекты предусматривают реконструкцию существующих и строительство новых современных высокотехнологичных производств с созданием 20431 рабочих мест, в том числе по отраслям:

- промышленности и энергетики 25 проектов, на общую сумму 99,753 млрд. рублей (10 123 рабочих места);
- агропромышленный комплекс 24 проекта, на общую сумму 21,136 млрд. рублей (6 126 рабочих места);
- туризм и сфера услуг 6 проектов на общую сумму 49,303 млрд. рублей (4 146 рабочих места).

В 2013–2014 годах за счет привлечения внебюджетных инвестиций реализован ряд крупных инвестиционных проектов:

1. «Организация производства мясных консервов и колбас за счет строительства и оснащения комплекса мясопереработки» (ООО «Лидер-А», стоимость проекта – 472,52 млн. руб., 48 рабочих мест);
2. «Торгово-развлекательный центр (ТРЦ) в г.Грозный» (ООО «АудитКонсалт», стоимость проекта – 2200,0 млн. руб., 340 рабочих мест);
3. «Сады, теплицы и хранилища» I – этап (ООО «Родина», стоимость проекта – 3 114,91 млн. руб., 409 рабочих мест);
4. ООО «Первый хлебозавод по производству хлебобулочных и макаронных изделий» (ООО «Первый хлебозавод», стоимость проекта – 559,387 млн. руб., 240 рабочих мест);
5. «Строительство комплекса «Гудермес – Сити» (ЗАО «ИнкомСтрой», стоимость проекта – 4200,0 млн. руб., 200 рабочих мест);
6. «Строительство торгового оптово-розничного комплекса» (ООО «Лидер – А», стоимость проекта – 341,7 млн. руб., 31 рабочее место);
7. «Новый кирпичный завод» (стоимость проекта – 1853,70 млн. руб., 90 рабочих мест);
8. «Строительство комплекса «Аргун – Сити» (стоимость проекта – 4000,0 млн. руб., 200 рабочих мест).

На стадии реализации находятся проекты:

1. Увеличение производственных мощностей завода по розливу минеральной воды ООО «Чеченские минеральные воды» (стоимость проекта – 508,50 млн. руб., 53 рабочих места);
2. «Организация производства детского питания и восточных сладостей» (ООО «Лидер – К» стоимость проекта – 957,07 млн. руб., 93 рабочих места);
3. Строительство спортивно-оздоровительного туристического комплекса «Грозненское море» (стоимость проекта – 19 304,9 млн. руб., 610 рабочих мест);
4. Строительство комплекса «Шали-Сити» (стоимость проекта – 3000,0 млн. руб., 300 рабочих мест);
5. Создание инновационного строительного технопарка «Казбек» (ЗАО «ИСТ «Казбек» стоимость проекта – 4997,3 млн. руб., 610 рабочих мест);
6. «Строительство всесезонного горнолыжного курорта «Ведучи» (ООО «Ведучи» стоимость проекта – 18600,0 млн. руб., 2020 рабочих мест);
7. Строительство молочного кластера в Чеченской Республике (ООО «Лидер – Р» стоимость проекта – 963,78 млн. руб., 47 рабочих места).

Распоряжением Правительства Чеченской Республики от 7 ноября 2011 года № 411-р [6] созданная некоммерческая организация «Специальный гарантийный фонд Чеченской Республики», выступающая поручителем по обязательствам инвесторов, привлекающих заемные средства на реализацию приоритетных для республики инвестиционных проектов, в январе 2014 года приняла решение о предоставлении поручительств по пяти проектам на общую сумму 1717,1 млн. рублей, в том числе по обязательствам:

1. «Создание инновационного строительного технопарка Казбек (ИСТ Казбек) на территории Чеченской Республики» (принципал – ЗАО «ИСТ Казбек) на сумму 1,0 млрд. рублей сроком на 9,5 лет;

2. «Производство и реализация пищевых продуктов» (принципал – ЗАО Райпищекомбинат «Урус-Мартановский») на сумму 137,5 млн. рублей сроком на 7 лет;

3. «Восстановление и реконструкция макаронной фабрики» (принципал – ООО «Спагетти») на сумму 125,0 млн. рублей сроком на 5,9 лет;

4. «Организация производства детского питания и восточных сладостей» (принципал – ООО Лидер – К);

5. «Строительство торгового оптово-розничного комплекса» (принципал – ООО Лидер К).

Для участия в отборе инвестиционных проектов на предоставление государственных гарантий Российской Федерации согласно постановления Правительства Российской Федерации от 04.05.2011 г. №338 [7] по кредитам, привлекаемым юридическими лицами, зарегистрированными и осуществляющими свою основную уставную деятельность на территории Северо-Кавказского федерального округа, на реализацию инвестиционных проектов на территории Чеченской Республики в 2014 году в Минрегион России направлено 10 проектов на общую сумму 38 857,6 млн. рублей.

Для повышения инвестиционной привлекательности региона, создания благоприятных условий для развития бизнеса, обеспечения защиты интересов и безопасности инвесторов в республике сформирована соответствующая нормативная правовая база.

В целях актуализации Перечня приоритетных инвестиционных проектов Чеченской Республики принято распоряжение Правительства Чеченской Республики от 23.12.2014 г. № 338. 1-р «Об утверждении Перечня приоритетных инвестиционных проектов Чеченской Республики» [8].

В перечень вошли 52 проекта, в том числе по отраслям:

- промышленность и энергетика – 24 проекта на общую сумму 106,88 млрд. рублей (7 018 рабочих мест);
- агропромышленный комплекс – 23 проекта на общую сумму 15,38 млрд. рублей (2 747 рабочих мест);
- туризм и сфера услуг - 5 проектов на общую сумму 75,77 млрд. рублей (3 918 рабочих мест).

Стоимость всех инвестиционных проектов составила 198,04 млрд. рублей, количество создаваемых рабочих мест – 13683. В экономику республики ежегодно привлекаются значительные средства частных инвесторов. Так, за счет привлечения внебюджетных инвестиций в 2014 году реализовано 23 инвестиционных проекта общей стоимостью 12994,21 млн. рублей и создано 1794 рабочих места. На стадии реализации находятся 11 инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций 38561,69 млн. рублей, планируется создание 1428 рабочих мест. На начальной стадии реализации находятся 4 инвестиционных проекта с общим объемом инвестиций 64 136,78 млн. рублей, планируется создание 7382 рабочих мест.

В текущем году проводилась работа по формированию пакета необходимых документов для включения в границы, созданной в 2013 году особой экономической зоны туристско-рекреационного типа в Итум-Калинском районе, на территории которой планируется реализация инвестиционного проекта «Всесезонный туристско-рекреационный комплекс «ВЕДУЧИ», дополнительных земельных участков. Освоение территорий и финансирование предполагается осуществить в 3 этапа – с 2015 по 2025 годы.

Также руководством Чеченской Республики планируется создание еще трех ОЭЗ:

- ОЭЗ туристско-рекреационного типа в Сунженском муниципальном районе Чеченской Республики, предполагающая реализацию инвестиционного проекта «Курорт «Серноводск-Кавказский». В 2014 году велась активная работа по формированию заявки на создание ОЭЗ ТРТ «Серноводск-Кавказский»;

- ОЭЗ промышленно-производственного типа в г. Аргуне (межрегиональный автомобильный кластер «Аргун-Черкесск-Ставрополь»). В 2014 году велась активная работа по формированию заявки на создание ОЭЗ ППТ;

- портовая ОЭЗ в г. Грозном на территории аэропорта Грозный (Северный).

В соответствии с п.2 протокола поручений Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова (выездное совещание от 08.05.2014 г. № 01-41) Минэкономтерразвития ЧР совместно с администрациями муниципальных образований Чеченской Республики проведена работа по формированию Реестра инвестиционных площадок Чеченской Республики, по результатам которой сформирован реестр из 136 земельных участков под инвестиционные площадки. Из общего реестра сформирован перечень из 13 наиболее перспективных земельных участков под инвестиционные площадки для реализации на

них 14 инвестиционных проектов с созданием 492 рабочих мест и объемом инвестиций 3159,04 млн. рублей.

В соответствии с Законом Чеченской Республики от 12.05.2014 года № 20-рз «Об индустриальных парках в Чеченской Республике» [9] начата работа по созданию индустриального парка «Грозненский» в Заводском районе г. Грозного.

Ведется активная работа по внедрению в республике Национального рейтинга состояния инвестиционного климата субъектов Российской Федерации. В целях внедрения Нацрейтинга принято распоряжение Правительства Чеченской Республики от 03.10.2014 г. № 271-р «Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») по улучшению инвестиционного климата в Чеченской Республике» [10].

В связи с переходом с 2014 года к программному методу формирования республиканского бюджета разработано 16 государственных программ Чеченской Республики (в том числе 97 подпрограмм). В 2014 году в рамках указанных государственных программ запланирована реализация подпрограмм с общим объемом финансирования 88 791,292 млн. рублей. По предварительной информации, представленной ответственными исполнителями госпрограмм, в 2014 году реализована 81 подпрограмма с общим объемом финансирования 74,131 млрд. рублей, в том числе из федерального бюджета – 11,55 млрд. руб.

В соответствии с информацией, представленной ответственными исполнителями государственных программ Чеченской Республики, заключено 34 соглашения о предоставлении в 2014 году субсидий из федерального бюджета бюджету Чеченской Республики на софинансирование подпрограмм, реализуемых в рамках государственных программ Чеченской Республики, на общую сумму 10,36 млрд. руб.

В качестве одной из мер по развитию экономики Чеченской Республики применяются налоговые льготы. В первую очередь, это льготы по оплате налогов на имущество, транспортного и земельного налогов.

Проведенный анализ подтверждает целесообразность предоставляемых налоговых льгот, так как степень влияния налоговых льгот на наполняемость республиканского бюджета, имеет решающее значение для взвешенной оценки эффективности преференций в целом. В Чеченской Республике в соответствии с порядком оценки эффективности предоставленных и планируемых к предоставлению налоговых льгот, утвержденным постановлением Правительства Чеченской Республики от 15.11.2011 №186 [11] Минэкономтерразвития Чеченской Республики проводит оценку эффективности налоговых льгот, установленных в Чеченской Республике, но согласно п.3 Порядка оценки эффективности налоговых льгот – оценка эффективности не осуществляется для налоговых льгот, установленных в отношении бюджетных учреждений, органов государственной власти и местного самоуправления, а также физических лиц и субъектов инвестиционной деятельности.

В настоящее время налоговые освобождения и исключения из общих правил налогообложения являются непрозрачными. Они не только не утверждаются в соответствующих бюджетах, но их общую сумму весьма сложно назвать по факту получения. Чтобы определить общую сумму установленных в НК РФ льгот, преференций, налоговых освобождений и других особых условий налогообложения, необходимо проделать научно-исследовательскую работу. Сейчас официальная статистика предоставляет достаточно скудную информацию по размеру указанных средств. Между тем, весьма важно знать, какова доля в установленных законодательством налоговых освобождениях собственных налоговых льгот.

Именно налоговые льготы, а не общая сумма налоговых освобождений должны стать предметом тщательного систематического анализа, эффективности их предоставления и достижения тех целей, которые преследовались при их введении. Как известно, утвержденными Правительством России еще в августе 2011 года направлениями налоговой политики РФ на 2012–2014 гг. предусмотрено осуществление проверки, эффективности установленных действующим законодательством налоговых льгот. Это подтвердил и Антон Силуанов, министр финансов РФ. В частности, он также предлагает проверить эффективность действующих налоговых льгот, а затем принять мораторий на установление новых, так как из-за налоговых льгот из бюджетов регионов ежегодно выпадают около 15% дохода, а это порядка 1 трлн. руб. Необходимость указанных мер вытекает из того, что предоставление фискальных освобождений без исследования их результативности дискредитирует саму идею данного налогового механизма.

В налоговой системе РФ действуют около 200 различных льгот и преференций – по налогу на добавленную стоимость, налогу на доходы физических лиц, налогу на прибыль организаций, НДПИ, налогу на имущество организаций, земельному и транспортному налогам. Между тем количество

льгот последние годы имеет тенденцию к расширению, что приводит значительному сокращению доходов федерального бюджета, а вместе с тем доходов региональных и местных бюджетов. В результате предоставления разного рода льгот государство недополучает, по различным оценкам, от 45-55% всех администрируемых ФНС России налогов и сборов. Поэтому поиск разумного баланса налоговых льгот продолжает оставаться актуальной проблемой.

В современных условиях все больше внимания уделяется расчетам налогового потенциала регионов на основе их налоговых паспортов. Налоговый паспорт субъекта Российской Федерации – это официальный документ, в котором дана систематизированном виде информация общего и специального характера, которую необходимо использовать для оценки налогового потенциала региона. В Налоговом паспорте субъекта РФ предусмотрен раздел «Льготы по отдельным администрируемым доходам». Однако, в нем выделены в суммовом выражении потери бюджета в связи с представлением льгот по налогам, подлежащим зачислению в полном объеме, либо частично в региональные и местные бюджеты, только по двум видам налоговых освобождений: снижении ставки налога и освобождению отдельных категорий налогоплательщиков от уплаты налогов. К тому же отсутствует очень важная информация о потерях региональных и местных бюджетов в связи предоставлением вычетов по НДФЛ. Пониженные ставки используются по имущественному налогу для физических лиц при невысокой стоимости недвижимого имущества. По налогу на имущество организаций региональные органы власти могут применять дифференцированные ставки, не превышающие 2,2%. Проблема состоит в том, что бюджеты многих субъектов Федерации являются дотационными, поэтому в регионах нет возможности установить пониженные ставки налога на имущество организаций даже при наличии право их предоставления.

Кроме того, стремление заменить налог на имущество организаций, налог на имущество физических лиц и земельный налог одним налогом на недвижимость вызывает вопрос: сохранятся ли льготы, имеющие свои особенности по перечисленным налогам?

Таким образом, на современном этапе приоритетным направлением совершенствованием налоговой системы остается ликвидация льгот, не оправданных с точки зрения социально-экономической эффективности. Необходима также оптимизация льгот, дающих значительные преимущества отдельным налогоплательщикам и возможности для уклонения от уплаты налогов. Однако отказ от льгот, так же как, и процесс введения новых льгот, должен сопровождаться их предварительной экспертизой о пользе и целесообразности. Отменяя налоговые льготы без анализа причин их низкой эффективности, государство теряет рычаги воздействия на экономику, сужает свои возможности рамками текущих, преимущественно фискальных задач в ущерб стратегии социально-экономического роста. Следует иметь в виду, что «действенное и качественное налоговое администрирование, позволяющее обеспечить наиболее полное поступление налогов и сборов в бюджетную систему Российской Федерации, является основой эффективного государственного управления» [2].

В процессе введения льгот, направленных на стимулирования экономики, законодательстве должны быть четко прописаны условия использования высвобождающих средств. Целевое назначение и условия предоставления льгот должны быть конкретно сформулированы и перечислены в решении органов власти, предоставившего налоговую льготу. При нарушении налогового соглашения всю сумму налога, исчисленную без учета льготы, а также 100% от этой суммы в виде штрафа необходимо взыскать соответствующий бюджет. Это послужило бы хорошим стимулом к целевому использованию льготируемых сумм, к соблюдению налогоплательщиком установленных законодательством норм.

Также необходимо в налоговом паспорте дать развернутую характеристику по всем видам налоговых льгот, включая налоговые вычеты и налоговые изъятия. Целесообразно ввести специальную форму отчетности с выделением всех видов налоговых льгот как по федеральным, так и по региональным и местным налогам, с указанием фактических использованных налогоплательщиками сумм от предоставления налоговых преимуществ.

В 2013 году государство начало налоговый маневр – снижение налоговой нагрузки на труд и капитал и ее повышение на потребление. Причем наиболее ярко этот маневр заметен в налогообложении физических лиц. С одной стороны, создаются дополнительные преференции по НДФЛ, с другой стороны, вводится так называемый налог на роскошь.

Впервые Минфин обозначил, что налоговое бремя в отношении разного рода инвестиционных доходов граждан должно быть одинаковым. Для создания равных или сопоставимых налоговых условий для всех видов долгосрочных инвестиций физических лиц Минфин предлагает в одних случаях вводить новые льготы, а в других – ужесточать действующие ограничения. Для реализации этих изменений Минфин установил достаточно продолжительный период: до 2018–2020 годов.

Не предлагая пока окончательного варианта решения, Минфин выносит на наш суд следующие подходы к решению проблемы выравнивания налогообложения инвестиционных доходов:

1) введение инвестиционного налогового вычета в размере положительного финансового результата, полученного налогоплательщиком в налоговом периоде от реализации (погашения) ценных бумаг с обязательным централизованным хранением, обращающихся на организованном рынке ценных бумаг и находившихся в собственности налогоплательщика более 3 лет, а также от инвестиционных паев ПИФов, состоящих из указанных ценных бумаг и находившихся в собственности налогоплательщика более 3 лет. Данная льгота не будет распространяться на доходы от прямых инвестиций, для чего предельная сумма доходов, освобождаемых от налогообложения при продаже акций, будет ограничена величиной финансового результата, получаемого от реализации количества акций, эквивалентного не более чем 1% акционерного капитала компании;

2) изменение порядка освобождения от налогообложения процентов, получаемых физическими лицами по банковским вкладам. Минфин предлагает снизить порог необлагаемых процентов по вкладам до следующих размеров: по вкладам в рублях – до величины ставки рефинансирования ЦБ РФ, увеличенной на 3 процентных пункта (против действующего в настоящее время увеличения на 5 процентных пунктов), а по вкладам в иностранной валюте – до 6% годовых (против 9% в настоящее время). В долгосрочном периоде (с 2018–2020 годов) возможно также установление абсолютного значения предельной суммы освобождаемых процентов для физического лица, а также применение аналогичных правил обложения НДФЛ процентных доходов, получаемых по обращающимся облигациям с обязательным централизованным хранением. При этом Минфин признает, что это потребует существенных изменений в части налогового администрирования;

3) изменение порядка освобождения от налогообложения доходов физических лиц от реализации жилой недвижимости, земельных участков, гаражей и долей в указанном имуществе. Предлагается установить новое требование для освобождения от НДФЛ доходов от продажи имущества: в собственности налогоплательщика на дату продажи объекта имущества помимо продаваемого объекта должно находиться не более трех таких объектов;

4) включение в законодательство о ценных бумагах понятия «индивидуальный инвестиционный счет».

В заключение, необходимо отметить, что в Чеченской Республике в рамках реализации налоговой политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов будет применяться правило, в соответствии с которым принятие новой льготы, налогового освобождения или иного стимулирующего механизма должно сопровождаться определением «источника» для такого решения, в качестве которого может рассматриваться отмена одной или нескольких неэффективных льгот. Также будет применено правило, в соответствии с которым любая налоговая льгота первоначально будет приниматься на временной основе с требованием об обязательном анализе эффективности по итогам ее применения.

Литература:

1. Арсаханова З.А. Источники формирования доходной части консолидированного бюджета Чеченской Республики: налоговые неналоговые доходы. Научно-аналитический журнал «Вестник Чеченского государственного университета». Грозный: изд-во ЧГУ, 2014 г. Выпуск 2. С. 65–68.
2. Баснукаев М.Ш., Баматалиев А-В.Б. Администрирование налогов с физических лиц: состояние и проблемы. Совершенствование налогообложения как фактор экономического роста. Материалы V1 Международной научно-практической конференции. Ставрополь: СКФУ, 2014. 404 с.
3. Байсаева М.У. Анализ инвестиционной деятельности ЧР на 2012–2013 гг. Научно-аналитический журнал «Вестник Чеченского государственного университета». – Грозный: изд-во ЧГУ, 2014. Выпуск 2. С. 30–36.
4. http://docs.cntd.ru/document/460216974
5. http://economy-chr.ru/wp-content/uploads/2015/04/Об-утверждении-Перечня-приоритетных-инвестиционных-проектов-Чеченской-Республики-№338.1.pdf
6. http://pravoregiona20.ru/chechzakon/regchechen_3632.htm
7. http://base.garant.ru/12185479/
8. http://economy-chr.ru/wp-content/uploads/2015/04/Об-утверждении-Перечня-приоритетных-инвестиционных-проектов-Чеченской-Республики-№338.1.pdf
9. http://www.parlamentchr.ru/legislation/zakony2014/1583-rz-ot-25-04-2014-goda-o
10. http://economy-chr.ru/wp-content/uploads/2015/04/Об-утверждении-плана-дорожной-карты-от-03.10.2014-№271-p1.pdf
11. http://www.minfinchr.ru/files/

УДК 336.2

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ (НДС) И ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА

Д.Д. Сайдулаев,
к.э.н., доцент кафедры «Налоги и налогообложение» ЧГУ
С.А. Курбанов,
к.э.н., доцент кафедры «Налоги и налогообложение» ЧГУ

CONTENTS ECONOMIC VALUE ADDED TAX (VAT) AND VALUE ADDED TAX FEATURES IN THE EUROPEAN UNION

D.D. Saydulaev,
Candidate of Economy, Associate Professor of «Taxes and taxation» Department of the Chechen State University
S.A. Kurbanov,
Candidate of Economics, Associate Professor in "Tax and taxation" Department of CheSU

В статье рассмотрено экономическое содержание добавленной стоимости и механизм ее расчета. Раскрываются актуальные проблемы применения налога на добавленную стоимость в странах Евросоюза и возможность его использования в России. Подробно рассмотрен инвойсный метод применения НДС в России и странах Евросоюза.
Ключевые слова: *добавленная стоимость, налог на добавленную стоимость, инвойсный метод.*

The article deals with the economic content of the added value and the mechanism for its calculation. The actual problems of application of VAT in the EU countries and the possibility of its use in Russia were disclosed. Details considered an invoice method of applying the VAT in Russia and in the EU were analysed .
Key words: *value added, value added tax, invoice method.*

Косвенные налоги – это налоги на потребление, которые включаются в стоимость товаров и услуг. Следует подчеркнуть, что носитель и плательщик при косвенном налогообложении не совпадают. Особенность косвенного налогообложения заключается в том, что оно включается в стоимость товаров и услуг и фактически является налогом на потребление. Продавец, реализуя товар, должен исчислить и уплатить налог с реализованного товара, возмещая при этом сумму налога, уплаченного им при приобретении материалов для производства такого товара – он и является плательщиком налога. Покупатель, приобретая товар, уплачивает косвенный налог в цене товара, и если не перепродает его, а потребляет, то не может возместить уплаченную сумму косвенного налога и является носителем налога.

Косвенные налоги имеют преимущества, и, прежде всего, это фискальная направленность – при увеличении потребления или повышения цен на товары автоматически увеличиваются налоговые поступления в бюджет. Увеличение ставок косвенного налога также приводит к росту их доли в цене товара; они не заметны для потребителя и уплачиваются без осознания необходимости платежа.

В настоящее время налогообложение добавленной стоимости – самая распространенная и значимая форма системы косвенного налогообложения.

Система НДС была разработана в 1954 году французским экономистом Морисом Лоре и впервые была введена в Дании в 1967 г., а во Франции и Германии – в 1968 г. Исключение из значительного перечня экономически развитых стран – США и Австралия, не использующие НДС в своей налоговой системе [2].

Основой его являлось развитие методики взимания налога с оборота, который прошел 3 этапа:

1. 1937 год. Переход от налога с оборота к единому налогу на производство.
2. 1948 год. Введение системы раздельных платежей, которая подразумевала уплату каждым производителем налога с общей суммы своих продаж за минусом налога, входящего в стоимость купленных им комплектующих.
3. 1954 год. Замена единого налога на производство на НДС.

В странах Евросоюза НДС был введен в 1967 году и объявлен Советом Европейского экономического сообщества (ЕЭС) основным косвенным налогом. Сегодня НДС является важнейшим источником формирования бюджета стран Европейского союза (ЕС). Более того, наличие НДС в налоговой системе страны служит обязательным условием вступления новой страны в Европейский союз. Кроме того, он взимается еще почти в 40 странах Азии, Африки и Латинской Америки. Пока еще этот

вид косвенного налогообложения не действует в Канаде, США, Австралии, Швейцарии.

В российскую практику хозяйствования НДС был введен Законом РСФСР от 6 декабря 1991 года №1992-1 с изменениями от 17 марта 1997 года в период внедрения в экономику рыночных отношений и перехода к свободным ценам на товары, работы и услуги с целью регулирования спроса и предложения на товарном рынке, и своими преимуществами заменил налог с оборота и налог с продаж, действовавшие прежде. В настоящее время НДС регулируется 21 главой Налогового кодекса РФ.

Следует отметить, что НДС своей универсальностью превосходит все другие налоги в системе косвенного налогообложения. Он взимается на каждой стадии производства и реализации и имеет широкий круг объектов налогообложения.

В налогообложении добавленной стоимости понятие «добавленная стоимость» в разных странах трактуется по-разному и существует несколько способов её расчета.

В экономике под добавленной стоимостью [value added] в системе национального счетоводства понимается разница между стоимостью произведенных *благ* и услуг и стоимостью благ и услуг, которые были использованы в процессе их производства. Кроме того, это показатель, включающий сумму затрат на заработную плату (доход работающих по найму), а также процент на капитал, ренту и прибыль.

Валовая добавленная стоимость исчисляется на уровне отраслей как разность между выпуском товаров и услуг и промежуточным потреблением. Термин «валовая» указывает на то, что показатель включает потребленную в процессе производства стоимость основного капитала, не входящую в состав промежуточного потребления.

Суммирование валовой добавленной стоимости всех секторов и отраслей экономики дает ВВП на стадии производства. Добавленная стоимость служит налогооблагаемой базой для одного из широко распространенных налогов – налога *на добавленную стоимость (НДС)* [4].

Итак, добавленную стоимость можно определить следующими способами:

1 способ – как сумму выплачиваемой заработной платы и получаемой прибыли:

$$\textbf{ДС=(ЗП+П)} \quad (1)$$

где: ДС – добавленная стоимость, ЗП – заработная плата, П – прибыль

2 способ – как разность сумм поступлений за проданную продукцию и произведенные затраты:

$$\textbf{ДС=(Ц-МЗ)} \quad (2)$$

где: ДС – добавленная стоимость, Ц – цена, МЗ – материальные затраты

При исчислении налога на добавленную стоимость применяются 4 метода его определения. Если обозначить условно ставку налога буквой С, то формула расчета налога с учетом особенностей вышеперечисленных методов будет представлена следующим образом:

- прямой аддитивный или бухгалтерский метод – С х (ЗП+П)
- косвенный аддитивный – С хЗП + С х П;
- метод прямого вычитания – С х (Ц – МЗ);
- косвенный метод вычитания – С х Ц – С х МЗ [2].

Не все вышеперечисленные методы расчета налога на добавленную стоимость являются удобными и эффективными. Так, при прямом и косвенном аддитивном методах, которые предполагают определение добавленной стоимости, исходя из получаемой прибыли и выданной заработной платы, проявляется сложность ведения аналитического и бухгалтерского учета и разбивку компонентов добавленной стоимости в зависимости от их отношения к конкретному товару.

Косвенный метод вычитания является самым распространённым и удобным при расчете НДС, так как он не предполагает определение добавленной стоимости, а начисляется на стоимость реализованных товаров, работ, услуг целиком и позволяет использовать более чем одну ставку.

Европейский союз – это объединение государств-членов ЕС с целью создания общего рынка, который предполагает свободное перемещение товаров, капитала, людей внутри Сообщества.

Необходимость применения добавленной стоимости как объекта налогообложения для европейских стран была обусловлена построением общего рынка, так как Римский договор 1957 года о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) предусматривал с этой целью меры гармонизации систем косвенного налогообложения. Наличие НДС в налоговой системе было обязательным условием вступления в члены ЕЭС.

Шестая Директива Совета ЕЭС от 17.05.1997 г. стала основой современной европейской системы НДС, так как была принята в целях унификации базы НДС в странах ЕЭС [3].

В настоящее время налогообложение добавленной стоимости в Евросоюзе регулируется Шестой Директивой ЕС *(*далее Директива*).* Согласно Директиве, налогообязанными лицами (плательщиками) являются все лица, которые самостоятельно осуществляют любую экономическую деятельность, независимо от места, цели и результатов такой деятельности. Директива предусматривает освобождение от уплаты НДС для малых предприятий, годовой оборот которых не превышает 5000 евро. Государства-члены ЕС могут применять специальные схемы для малых предприятий, которые предусматривают освобождение, упрощенное определение налога или применение пониженных ставок.

щиками) НДС являются лица, занимающиеся торговой, производственной, сельскохозяйственной, горнодобывающей деятельностью. Сделки, осуществляемые на территории стран Евросоюза налогообязанным лицом, подлежат обложению НДС по месту возникновения оборота. В соответствии с Шестой Директивой, «налогооблагаемое лицо» означает любое лицо, независимо ведущее где-либо какую-либо экономическую деятельность, независимо от целей и результатов такой деятельности, а также любое лицо, которое осуществляет реализацию нового транспортного средства на территории ЕС. Также определен перечень налогооблагаемых сделок для взимания налога на добавленную стоимость.

Объектом НДС являются следующие сделки:

- реализация (поставка) товара;
- приобретение товаров внутри Сообщества;
- реализация услуг;
- импорт товаров.

Страны-участницы ЕС могут устанавливать не более 2 ставок НДС: пониженную – не менее 5%, которая устанавливается в отношении продовольственных, фармацевтических товаров, медицинского оборудования, книжных товаров и некоторых других; стандартную – не ниже 15%.

Ставки НДС в каждом государстве ЕС приведены в таблице 1.

Таблица 1*

Ставки НДС в странах Евросоюза

Страна	Год введения НДС	Базовая ставка во время введения НДС	Текущая базовая ставка	Пониженные ставки
Австрия	1973	16	20	10
Бельгия	1971	18	21	6; 12
Болгария	1994	18	20	9
Великобритания	1973	10	20	5
Венгрия	1988	25	25	5; 18
Германия	1968	10	19	7
Греция	1987	18	23	6,5;13
Дания	1967	10	25	-
Ирландия	1972	16,37	21	4,8; 13,5
Испания	1986	12	18	4; 8
Италия	1973	12	20	4; 10
Кипр	1992	5	15	5; 8
Латвия	1995	18	22	12
Литва	1994	18	21	5; 9
Люксембург	1970	8	15	3; 6
Мальта	1995	15	18	5
Нидерланды	1969	12	19	6
Польша	1993	22	23	5; 8
Португалия	1986	16	23	6; 13
Румыния	1993	18	24	5; 9
Словакия	1993	23	20	10
Словения	1999	19	20	8,5
Финляндия	1994	22	23	9; 13
Франция	1968	16	19,6	2,1; 5,5
Чехия	1993	23	20	10
Швеция	1969	11,11	25	6; 12
Эстония	1991	10	20	9

*Источник: Ставки НДС в странах Евросоюза: [электронный ресурс]: Режим доступа: **http://taxman.org.ua/news.php?id=59** – Дата обращения 28.03.2015.

Механизм исчисления НДС в странах Евросоюза и в России одинаковый, так как применяется «инвойсный» метод расчета НДС – налог уплачивают со всей стоимости товаров, но имеет свои особенности при взимании.

Первичное значение английского слова идет от envois **отправка,** отправление, отсылка от *envoyer* – посылать.

Зачётный по счетам или инвойсный метод – это формирование налога на добавленную стоимость с использованием счетов-фактур. Инвойсный метод – это когда ставка применяется отдельно к цене реализации продукции и к цене приобретения. Инвойсный метод также называют косвенным методом вычитания налоговой ставки.

Применение инвойсного метода можно показать в формуле: [5]

$$СТ = Р + П = МР + ДС \quad (3)$$

где: СТ – выручка (стоимость); Р – расходы; МР – материальные расходы, откуда

$$ДС = СТ – МР \quad (4)$$

$$НДС = (СТ – МР) • СНДС \quad (5)$$

НДС бюджет = [SНДС, предъявляемая к покупателю (СТ • СНДС)] – [SНДС, принимаемая к вычету (МР • СНДС)], где С – ставка налога, S – сумма.

Ставки НДС – основные: 0% (товары на экспорт, услуги по международной перевозке товаров), 10% (продовольственные товары, товары для детей, периодические печатные издания, учебная и научная книжная продукция, медицинские товары, реализация племенного скота), 18% (остальные товары, работы, услуги), расчетные: 10/110 и 18/118 применяются при реализации товаров, работ и услуг по ценам и тарифам, включающим в себя НДС.

Общую сумму НДС определяют по формуле:

$$SНД Собщ = НБ1 • 18\% + НБ2 • 10\% + НБ3 • 0\% + SОТРУ• (10/110 или 18/118) \quad (6)$$

где: НВ1, НБ2, НБ3 – налоговая база, облагаемая по ставке 18, 10 и 0% соответственно; ОТРУ – оплата товаров, работ, услуг. Налоговый период – квартал.

В соответствии с действующей Директивой ЕС, НДС облагается поставка товара внутри страны-члена ЕС и внутрисоюзная поставка. Особое значение имеет внутрисоюзная поставка товаров, так как при осуществлении такой сделки значение придается тому, зарегистрирована ли организация-покупатель товаров как плательщик НДС в своем государстве или нет. Если покупатель регистрируется как плательщик НДС, то ему присваивается регистрационный номер НДС, который дает ему право фактически не уплачивать налог. Продавец выставляет счет без НДС, покупатель отражает НДС за приобретенный товар по ставке, установленной в стране регистрации, и ставит этот налог к вычету. При отсутствии же VAT-номера продавец начисляет НДС по ставке, установленной в своей стране, а покупатель не имеет право на возмещение налога, так как не является плательщиком НДС.

При заключении сделки на поставку товаров между организациями на территории одного государства-члена ЕС налог уплачивается продавцом вне зависимости от того, зарегистрирован ли покупатель как плательщик НДС или нет.

Экспорт товаров в третьи страны (не являющиеся участниками ЕС) облагается нулевой ставкой НДС. При импорте товаров из третьих стран в страны ЕС импортный НДС уплачивает декларант по ставке, установленной в стране назначения товара [6].

Еще одной особенностью налогообложения добавленной стоимости в странах Евросоюза является введение системы Tax-free, которая предусматривает возврат суммы НДС на покупки, сделанные иностранными гражданами при обратном пересечении границы той страны, в которой они были приобретены. Суммы возврата составляют от 7 до 20% от суммы покупки, в зависимости от величины НДС в данной стране.

С точки зрения взаимодействия ЕС с другими странами, по сути, система уплаты НДС мало чем отличается от действующей в любом другом государстве, она едина вне зависимости от конкретной страны, где взимается налог. Но, тем не менее, необходимо принимать во внимание особенности Евросоюза как интеграционного образования, сочетающего в себе признаки государства и международной организации. И хотя в состав ЕС входят независимые государства, правительства членов ЕС передали часть своего суверенитета общим органам ЕС для осуществления определенных ими функций. К таким функциям, например, относится осуществление единой таможенной политики. На территории ЕС действует принцип свободы передвижения товаров, то есть экспорт и импорт в пределах ЕС освобождены от всех таможенных сборов, но это, в свою очередь, не означает отмены других «входных» налогов. Следовательно, при такой, казалось бы, удобной системе торговли товарами внутри страны оставалась необходимость уплачивать импортный НДС, что сопряжено с соответствующими процедурами сбора, а значит, существенно замедляло передвижение товаров. Именно для упрощения подобных процедур в Европейском союзе и была введена единая система НДС [7].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что действующий механизм взимания НДС, по сути, не является налогом на добавленную стоимость, поскольку сумма налога, подлежащая к уплате в бюджет, рассчитывается, не исходя из добавленной стоимости, а из отпускной цены товара. Однако, несмотря на это, действующая практика НДС является удобной, поскольку с точки зрения налоговых органов контролировать цену товаров (работ, услуг) указанной сторонами сделки легче, нежели проводить сложную работу по проверке правильности расчетов добавленной стоимости, что значительно осложнило бы работу по его администрированию.

Литература:

1. Налоговый кодекс РФ. Части 1 и 2 (в актуальной редакции).
2. Лыкова Л.Н. Налоги и налогообложение в России: Учебник для вузов. М.: Издательство БЕК, 2001. С. 98–100.

3. Налоги и налогообложение. 5-е изд. / Под. ред. М.В. Романовского, О.В. Врублевской. СПб: Питер, 2006. С. 195.
4. Добавленная стоимость: [электронный ресурс]: Режим доступа: https://slovari.yandex.ru. - Дата обращения 29.03.2015.
5. Косвенные налоги.: [электронный ресурс]: Режим доступа: http://studme.org/1924070119098/finansy/kosvennye_nalogi. - Дата обращения 29.03.2015.
6. НДС в международной торговле: Евросоюз: [электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.roche-duffay.ru/articles/ec_vat.htm. - Дата обращения 29.03.2015.
7. Европейский НДС: запутанно или удобно?: [электронный ресурс]: Режим доступа: http://i-c-g.com.ua/evropeyskiy-nds-zaputanno-ili-udobno. Дата обращения 29.03.2015.

УДК 338.27

РОЛЬ SWOT-АНАЛИЗА В ПРИНЯТИИ ЭФФЕКТИВНЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

М.С. Гайрбеков,
к.э.н., заведующий кафедрой экономической теории ЧГУ

THE ROLE OF THE SWOT-ANALYSIS IN CONTROLLING EFFECTIVITY

M.S. Gayrabekov,
Head of Department of "Economics Theory" of CheSU

Данная статья посвящена сравнительно новому методу стратегического планирования в отечественной экономике. Принятие эффективных управленческих решений в российской экономике основывается на традиционных методах, которые в силу усиления динамичности развития компаний и внешней по отношению к ним среды следует дополнять методом SWOT-анализа. В конце статьи представлены направления, необходимые исследователю для успешного применения метода в инвестиционном планировании.
Ключевые слова: *SWOT-анализ, контроллинг, инвестиционное планирование.*

This article is dedicated to a comparatively new method of strategic planning in Russian economics. The effectivity of management decisions in domestic economics are based on traditional methods that nowadays should be accompanied with the SWOT-analysis, because of the high dynamic development of the companies and external environment. At the end of the article the directions that will be useful for the researcher to successful application of the method are represented.
Key words: *SWOT-analysis, controlling, investment planning.*

«По мере развития техники, технологии организация производства фирмы становится все более наукоемкой. Капиталовложения в здания, сооружения и оборудование растут постепенно, а в исследования и разработки – гигантскими темпами, достигая иногда 2/3 вложений в основные фонды» [1]. В своей статье А.М. Павлова делает акцент на тот факт, что традиционная система контроля уже морально изжила себя и была актуальной в те времена, когда изменение её внешнего окружения было еще настолько постепенным, что допускало замедленные реакции со стороны управления. Современная динамика рыночных отношений предполагает необходимость ориентировать контроль на предвидение будущих событий и координацию связанных с этим действий. В современном упреждающем контроле следует концентрировать внимание не столько на прошлых результатах, стандартах и отклонениях, а на меры по достижению будущих целей. «Контроллинг связан с процессно-ориентированным подходом к управлению компанией, активно обсуждаемом в последние годы. Контроллер принимает участие в оптимизации бизнес-процессов, построении процессно-ориентированной организационной структуры, используя метод расчета затрат по процессам» [2]. Таким образом, опережающий контроль предполагает корректировку действий или их изменение, если цели нереальны. При этом вышесказанное не означает призыв к отказу от фундаментальных показателей традиционного анализа эффективности капиталовложений, как интегральный эффект, внутренняя норма доходности, срок окупаемости и т.д. Однако руководству организации не помешает получать, помимо выводов традиционного анализа, и материалы качественно проведённого SWOT-анализа.

SWOT-анализ может стать полезным инструментом в оценке эффективности и мониторинге инвестиций в основной капитал. Его выводы строятся на оценке «сильных сторон», «слабых сторон», «возможностях» и «угрозах». SWOT-анализ был разработан Альбертом Хамфри в 1960-х годах и стал одним из основных методов в концепции управления бизнесом и инвестиционной оценки. В

нашей стране этот метод пока ещё не получил широкого распространения. Однако его применение, в дополнение к традиционному анализу, может стать мощным конкурентным преимуществом в бизнесе для организации, функционирующей в атомной промышленности.

SWOT-анализ наиболее часто используется в качестве бизнес-инструмента планирования, как может быть использован для оценки продуктов, подразделений, компаний и целых рынков. Он также может быть использован в качестве инструмента инвестирования, в качестве своеобразного скриншота потенциальных преимуществ или недостатков компании, текущего позиционирования.

Несмотря на то, что основные инструменты, которыми оперируют в SWOT-анализе, могут показаться простыми, от исследователя или специалиста потребуется достаточно много трудолюбия и внимания к деталям – это очень важно.

Следует отметить, что «сильные и слабые стороны» должны отражать «то, что есть сегодня», в то время как «возможности» и «угрозы» дают представление о том, «что может случиться в будущем».

В случае с компанией [3], функционирующей в атомной промышленности, например, узкоспециализированные работы в области радиационного контроля в политически стабильной стране могут быть указаны в качестве сильной стороны, в то время как по отношению к основным потребителям компании, наиболее сильной стороной является стоимость её брендов. Важно отметить, что растущая выручка не является сама по себе «сильной стороной» – это скорее результат популярности продукции (услуг) или эффективности организации производственного процесса, которые представляют реальную силу.

Среди наиболее распространённых недостатков «слабых сторон», препятствующих занятию компанией конкурентных позиций на рынке и возможности получить положительный экономический результат своей деятельности, обычно выделяют: профсоюзы, рабочую силу, продукты, – которые, по существу, рассматриваются как собственные услуги, необходимые для поддержания производственного процесса. Экономическая среда, характеризующаяся сильной конкурентной борьбой, например, тоже будет рассматриваться в качестве потенциальной «слабой стороны» компании.

«Возможности» компании представляют собой сценарий или вариант, при которых компания может существенно укрепить своё положение на рынке. Внедрение новой технологии, реструктуризация, приобретение нового оборудования – примеры «возможностей» для фирмы.

Другим типом хорошей «возможности» является эффективное использование внутреннего потенциала. Например, если включить в стоимость расчёта эффективной дозы персонала рентгенкабинетов затраты на издержки от почтовых отправлений индивидуальных дозиметров в соответствии с ежегодным графиком экспозиции и разместить соответствующую рекламу, компания имеет возможность расширить свою клиентскую базу за рамки только местных лечебно-профилактических учреждений.

Что касается «угроз», то в этой части SWOT-анализ должен дать ответ на вопрос: «Что может измениться в худшую сторону?». В основном угрозы связаны с внешней средой. «Возможности» и «угрозы» могут быть потенциальными или даже теоретическими, но они должны содержать больше конкретики, чем «что-то может пойти не так». Усиление государственного регулирования, низкий спрос или неодобрение потребителем новой продукции, внедрение конкурентом товара-субститута – все это представляет значимую «угрозу» конкурентоспособности компании.

Существуют определённые правила, которыми должен руководствоваться пользователь SWOT-анализа. Для начала он полностью игнорирует оценки и другие значимые фундаментальные показатели, такие как, например, рентабельность капитала, рентабельность, стоимость капитала и т.д. Хотя, с другой стороны, нет и такого принципа, что нельзя включать рассчитанные фундаментальные показатели как «сильные» или «слабые» стороны в оценке акций, перспектив инвестиций, но эти показатели имеют лучшее применение, когда пользователь исследует, почему и как компания получает определенный доход от использования капитала.

Применение SWOT-анализа предполагает крупный масштаб исследуемого производства, размера организации. Пользователь SWOT-анализа не должен пренебрегать традиционными средствами анализа, так как это необходимо для количественной оценки влияния разных сторон на компанию.

Главной особенностью SWOT-анализа является то, что он субъективен и самостоятелен. Весь процесс исследования опирается исключительно на исследователя, профессионала – носителя знаний и суждений. В случае с атомной промышленностью, например, «Бык» определит затраты на создание отдела контроллинга как большую «возможность», тогда как «Медведь» увидит в ней слабость, так как посчитает создание такого отдела слишком затратным и непринципиальным. То есть там, где «Бык-оптимист» видит потенциальную возможность для укрепления бренда, как одного из важней-

ших ресурсов (сил), «Медведь-пессимист» не видит никакой перспективы в финансировании бренда. На рисунке 1 мы представили основные направления подготовки профессионала в области SWOT-анализа.

В целом, SWOT-анализ используются инвесторами как способ количественной оценки мыслительного процесса, необходимый для принятия управленческого решения. Сам мыслительный процесс скрупулёзного анализа должен привести инвестора к определению того, что действительно важно и сможет вывести его лидеры, по сравнению с ее соперниками.

SWOT-анализ также работает лучше всего, когда исследование проводится последовательно. Последовательное отслеживание информации в SWOT-анализе позволяет эффективнее сравнивать разные экономические показатели участников отрасли. Также, более частое применение SWOT-анализа может помочь ограничить некоторые опасности погрешности, смещения и неполного анализа.

Инвесторы могут рассматривать SWOT-анализ как хороший инструмент скрининга для потенциально интересных идей, которые заслуживают дальнейшего исследования. SWOT-анализ является полезным инструментом отслеживания текущих авуаров.

Тщательный и вдумчивый анализ должен привести в фокус баланс компании, «возможности» и «угрозы», а также дать исследователю (инвестору) критерии оценки компании в будущем.

Рис. 1. Что должен знать пользователь метода «SWOT-анализ»

Литература:

1. Павлова А.М. «Контроллинг – лучший друг руководителя» [Электронный ресурс]: Элитариум: Центр дистанционного образования. Электрон. Дан. Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2006/08/03/kontrolling_luchshijj_drug_rukovoditelja.html - Загл. с экрана (дата обращения 04.09.2014).
2. Толкач В.А. «Контроллинг – немецкая идея, получившая международное признание» [Электронный ресурс]: Управление производством. Электрон. Дан. Режим доступа: http://www.up-pro.ru/library/management_accounting/controlling/kontrolling-tolkach.html – Загл. с экрана (дата обращения 03.09.2014).
3. Хизриев В.Х., Исаев Р.А. «Интегральный результат исследования современного предприятия» / Вестник ЧГУ, №2, 2013. С.55–58.

УДК 338.14

ВЗГЛЯД НА СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ «САНКЦИОННЫХ ВОЙН»

OPINION ABOUT THE STATE OF THE RUSSIAN ECONOMY THROUGH "SANCTION WAR"

М.Р. Таштамиров,
старший преподаватель кафедры «Банковское дело» ЧГУ

M.R. Tashtamirov,
Senior Lecturer in the "Banking" Department of CheSU

Данная работа посвящена анализу и оценке влияния принятых западными странами санкций в отношении России на состояние ее промышленного сектора, бюджетной системы и общего экономического развития. Также принятые ответные меры по продовольственному эмбарго дали скорее противоположный эффект, нежели обеспечили экономическую безопасность государства. Совокупность событий 2014 года наложила огромный отпечаток на современное развитие социально-экономической сферы России и требует кардинальных решений для выхода из сложившейся неблагоприятной ситуации.
Ключевые слова: *санкции, финансы, бюджет, промышленность, ущерб.*

This work is devoted to the analysis and assessment of the impact of sanctions adopted by western countries towards Russia on the state of its industrial sector, the budget system and the general economic development. Also received responses on the food embargo gave the opposite effect rather than to ensure the economic security of the state. The totality of the events in 2014 left a huge mark on the modern development of the socio-economic sphere of Russia and requires radical solutions to exit the current unfavorable situation.
Key words: *approval, finances, budget, industry, damage*.

Современные геополитические и международные экономические события меняются с высокой частотой и приводят к многогранным изменениям экономик отдельных государств. Россия сегодня переживает изоляцию в политическом и экономическом смысле, к которой привело отстаивание своей политической позиции на международной арене. Тупиковые отношения между Россией и странами Запада привели к «санкционным войнам», что определенным и негативным образом сказалось на состоянии и развитии всей экономики Российской Федерации.

Политический кризис на территории Украины, вызванный прекращением евроинтеграции и действиями оппозиции по государственному перевороту и свержению действующей власти, привел к расколу взаимоотношений братских народов России и Украины. События февраля 2014 года в Украине и заявления российского Правительства о неконституционном подходе в свержении государственной власти вовлекли интересы западных стран и охладили отношения между Россией и США со странами Европейского Союза. Критической точкой в обострении конфликта стало решение проведенного в Крыму Референдума о вхождении в состав РФ. На следующий день странами Запада были введены санкции, которые положили начало «санкционным войнам». На протяжении 2014 года вводились все новые пакеты санкций, касающиеся приоритетных отраслей экономики России. Основными являются следующие: запрет доступа российских компаний и банков к финансовым рынкам Европы и США, прекращение инвестиций в РФ, запрет поставок высокотехнологичного оборудования для добывающей и обрабатывающей отраслей, запрет экспорта и импорта из России в страны Запада товаров военно-промышленного комплекса, прекращение реализации проекта «Южный поток» и др. [9].

К санкциям против России присоединились Австралия, Канада, Европейский Союз и США.

Ответной реакцией России на принятые санкции стало решение о продовольственном эмбарго летом 2014 года в отношении тех стран, что приняли санкции. Для обеспечения экономической безопасности РФ был введен запрет на импорт из вышеперечисленных стран следующих продовольственных товаров: мясо, молоко и молочная продукция, курица, рыба и морепродукты, овощи, фрукты и орехи [13]. Следует отметить, что доля товаров из стран Запада, попавших под эмбарго, в общем объеме продовольственных товаров России составляет 40%, стоимостью более 12 млрд. евро [6].

Цель принятия эмбарго заключалась в нанесении ущерба сельхозотрасли странам Запада и переориентации продовольственного предложения в России с импорта на собственное производство.

Так, например, потери от запрета поставок с/х продукции из стран Европы в РФ составили 5–6 млрд. евро, хотя этот показатель может быть занижен. Только Голландия получила ущерб от санкций в размере 1,5 млрд. евро. Литва около 1 млрд. евро, Польша – 840 млн. евро, Германия – 589 млн. ев-

ро, Дания – 341 млн. евро, Испания – 326 млн. евро, Бельгия – 281 млн. евро, Финляндия – 273 млн. евро. Данные цифры были приведены Европарламентом в сентябре 2014 года [5]. Это не полный перечень стран Европы, понесших потери от введенных санкций, их экспорт в РФ составляет самый большой показатель среди других стран. В общем, объем всего импорта в России оценивается в $ 39 млрд. за 2013 год. Россия для Европы второй по величине рынок поставок продукции. Проблемы, связанные с потерями прибыли, в первую очередь касаются аграриев европейских стран. Фермеры после эмбарго и контрсанкций России вынуждены искать иные пути продажи своего товара, это чревато такими последствиями, как снижение чистой прибыли, рост дополнительных транспортных издержек для поставки товара в другие страны, увольнение работников в связи со снижением прибыли. Реакция фермеров последовала незамедлительно, во многих странах Европы прошли митинги и протесты. Однако больший ущерб от введенного эмбарго получила экономика России.

Продовольственное эмбарго привело к закрытию на территории России таких крупных иностранных компаний как «Valio» и «Danone». Доля мясной продукции в России снизилась на 50%, молочной на 38%, овощей и фруктов на 25%, рыбы на 12%. Состояние сельскохозяйственной отрасли России в части перерабатывающей сельхозсырье является плачевным. Производственные мощности изношены более чем на половину, основное сырье для производства сельхоз продукции в России является импортным. Оборудование и техника также является завозными. В течение короткого времени переориентировать потребительское предложение продовольственных товаров с импорта на собственное производство не реализуемо, что и воплотилось в падении предложения продукции, росте цен, снижении покупательской способности населения. Соответственно объявленная программа по импортозамещению явилась, скорее, политическим лозунгом, нежели действенным механизмом по улучшению ситуации в экономике.

Отдельная картина сложилась в промышленном секторе экономики России. Помимо запрета поставок оборудования, технологий и вливания инвестиций от санкций, падение цен на «черное золото» и отток инвестиций сказалось на деятельности экспортных промышленных предприятий. Объем добычи нефти за 2014 год снизился на 7%. Величина чистой прибыли компаний «Роснефть», «Лукойл», «Газпром» и НОВАТЭК снизилась на 40–50%. Общие потери только от нефтяных цен составили свыше $ 150 млрд. Также снижение инвестиций и отток капитала из страны составил $ 150 млрд. Это очень негативный фактор, так как внешний долг российских промышленных компаний составляет более $ 400 млрд. [1]. Проблемой погашения существующих долгов является запрет выхода российских компаний и банков к западным кредитам, которые активно привлекались в последние годы. Теперь выполнение долговых обязательств перед западными банками приводит к серьезным проблемам, вызывающим снижение или приостановление производств [10].

Совокупность оттока капитала, снижение цен на нефть, девальвация рубля, продовольственное эмбарго, снижение инвестиций и высокая инфляция сказалась негативно практически на все сектора экономики государства. В итоге не только иностранные компании, но и многие российские производства начали снижение своих объемов: УАЗ и АвтоВАЗ, Peugeot, Mitsubishi, Citroen, Ford приостановили сборку и выпуск своих автомобилей, так как продажи автомобилей упали на 40% [3]. Полное закрытие произошло на заводах: Volkswagen, General Motors, АЗЛК, Ижевский мотоциклетный завод, Павловский инструментальный завод, Златоуст, Саратовский авиационный завод, Тверской вагоностроительный завод (90% государственного производства вагонов). Закрытие заводов привело к спаду производства следующих видов продукции: Экскаваторы – 30%, кузнечное оборудование – 60%, электродвигатели – 63%, комбайны – 63%, лифты – 22%, подшипники – 36%, насосы – 40%, турбины – 86%, микросхемы – 50%, генераторы – 88%, автомобили – 26%, грузовые авто – 85% [12].

С падением цен на углеводородное сырье в середине 2014 года резко начала дешеветь отечественная валюта по отношению к иностранной. По итогам 2014 года девальвация рубля составила практически 100%, опустившись с 33 рублей за доллар в июле 2014 года до 81 рубля за доллар в середине декабря 2014 года. Следствием явилось повышение продовольственных цен в среднем на 20–30%. Потребительская корзина увеличилась на 20%. С учетом того, что россияне тратят на продукты питания 50% своих доходов, это стало серьезным негативным фактором. Более того снижение реальных доходов населения привело к тому, что 30% граждан страны не могут позволить себе минимального набора продуктовой корзины [9]. По данным Министерства экономического развития, 16,6 млн. человек в России получают доходы ниже прожиточного минимума.

Падение цен на нефть, девальвация рубля и невозможность рефинансирования долгов на внешнем рынке вызвало проблемы в финансовом секторе страны, в частности в бюджетной системе. Доходы федерального бюджета России на 40% зависят от доходов по внешнеэкономической деятельности, в том числе от продажи углеводородов или нефтегазовые доходы. Соответственно падение цены

на нефть привело к сокращению доходов от внешнеэкономической деятельности и поступлений в бюджет. В течение первого полугодия 2014 года цена держалась на уровне $ 110–100 за баррель. Это обеспечивало выполнение плана по доходам в федеральный бюджет. Однако с сентября цена стала снижаться с $ 100 за баррель и достигла своего минимального значения в середине января 2015 года – $ 49 за баррель [2]. Падение стоимости нефти на мировом рынке составило свыше 50%. Параллельно происходили скачки на валютном рынке. Если до сентября курс доллара по отношению к рублю составлял 33–35 руб./дол., то с сентября начался значительный рост доллара и обесценение национальной валюты. Пиком явился курс доллара с середины декабря в 80 рублей за доллар, после чего ниже 64 не опускался [4]. Картина очень негативная, но в ней можно найти определенные положительные моменты. Если рассчитать продажу барреля нефти за первое полугодие по цене $ 110 и конвертировать в национальную валюту по курсу 35 рублей, выходит что с каждого проданного барреля нефти в бюджет зачислялась сумма 3 580 рублей. Теперь при стоимости барреля в $ 55 и по курсу 65 рублей/доллар поступления в бюджет составят 3 575 рублей с каждого барреля. Очевидно, что разница не существенна. Падение цен на нефть компенсируется девальвацией рубля, что позволяет зачислять в бюджет практически ту же сумму доходов, что была запланирована в начале года. Единственной проблемой в таком случае является растущая инфляция и снижение реальных доходов.

Результатом неблагоприятных событий в экономике и бюджетном секторе стал пересмотр бюджета РФ на 2015 год. Было принято решение о снижении расходов на: здравоохранение – 21,4%, межбюджетные трансферты – 13,1%, СМИ – 6,6%, образование – 4,7%, спорт – 3,9%. Были повышены расходы на национальную оборону – 32,8%, социальную политику – 14,7%, общегосударственные вопросы – 13,4%, национальную экономику – 7,8%. Как видно, все запланированные обязательства по социальной сфере Правительство обязуется выполнить. Исходя из прогнозов Министерства экономики, в 2015 году ущерб в бюджетной системе РФ (дефицит) составит – 2,35 трлн. рублей. Уровень ВВП по прогнозу снизится на 3%.

Фонд национального благосостояния, чей объем зависит от цен на нефть, так как он пополняется из выручки от продажи нефти, за год сократился на $ 10 млрд. с $ 88 млрд. в январе 2014 года до $ 78 млрд. на январь 2015 года. По решению Министерства финансов и Правительства РФ предполагается направить на докапитализацию российских банков 1 трлн. рублей из данного фонда для выплаты западных кредитов. Но покрывать расходы бюджета за счет Фонда не предполагается.

Неблагоприятная экономическая ситуация сегодняшнего дня для РФ была вызвана не столько санкциями и обострением отношений с Западными странами, по сути, это послужило толчком, а структурными проблемами в экономике государства, которые развивались на протяжении последних лет. Главной из них является так называемая «голландская болезнь» – зависимость экономики от добычи и продажи сырья на мировом рынке. Россия сегодня в мировом хозяйстве представляет собой своеобразную «сырьевую колонию». Подобная политика выкачивания и продажи ресурсов приводит к высокой прибыльности с минимальными затратами, однако в перспективе вызывает серьезные структурные проблемы в производственном секторе и техническом обеспечении отраслей экономики. Добывая и продавая сырье, не вкладывая в инновации, научно-технический прогресс, производство высококачественной продукции, российская экономика привела себя в нынешней ситуации к стагнации и снижению экономического развития. И зависимость российской экономики от внешнего сырьевого рынка на лицо. Стоило упасть цене на нефть, перекрыть доступы к глобальному финансовому рынку и приостановить иностранные инвестиции и мы сегодня имеем ту картину, которая происходит в нашем хозяйстве.

В итоге, по данным независимого аналитического агентства EUobserver, ущерб российской экономики в 2014 году оценивается в 23 млрд. евро, в 2015 году – 75 млрд. евро. Журнал The Economist приводит еще более высокие потери в 2014 году – $ 1 трлн. Причем ущерб российским компаниям оценен в $ 700 млрд.

Другой стороной может явиться газовая проблема для стран Европы. Так, зависимость от российского газа на 75–100% наблюдается в Финляндии, Эстонии, Литве, Венгрии и Болгарии, на 50–75% зависимы Польша и Австрия, на 25–50% Германия, Голландия, Италия и Франция. В начале февраля 2015 года запасы газа в подземных газовых хранилищах Европы упали ниже 50%, что является самым низким показателем за последние годы. На фоне снижения поставок газа в Европу «Газпромом», который удерживает поставки на минимальном контрактном значении, и значительных поставках европейского газа в Украину – 40 млн. кубометров в сутки, страны Евросоюза могут столкнуться с серьезными проблемами в обеспечении себя энергетическими ресурсами.

Из-за ухудшения валютных курсов и повышения расходов для россиян в странах Европы произошло резкое снижение туристов из России на 40%. В 2015 году планируется отток туристов, при-

езжающих из России на 50%. Для таких стран, как Греция, Италия, Испания, чьи доходы во многом зависят от туристического кластера, это является серьезными потерями.

Сложившаяся ситуация в экономике России заставляет принимать конструктивные меры по обеспечению продукцией собственного производства. Встал и назрел серьезный вопрос, связанный с импортозамещением. Реализация этого плана во многом будет зависеть от скоординированных действий руководящих органов власти и корпоративного сектора. Приоритетными направлениями в данном плане выделены обрабатывающая промышленность, добывающий сектор, производство оборудования, агропромышленный комплекс, техническое обеспечение, энергетический комплекс. Проблема в реализации плана импортозамещения заключается в отсутствии инноваций и инвестиций в экономике.

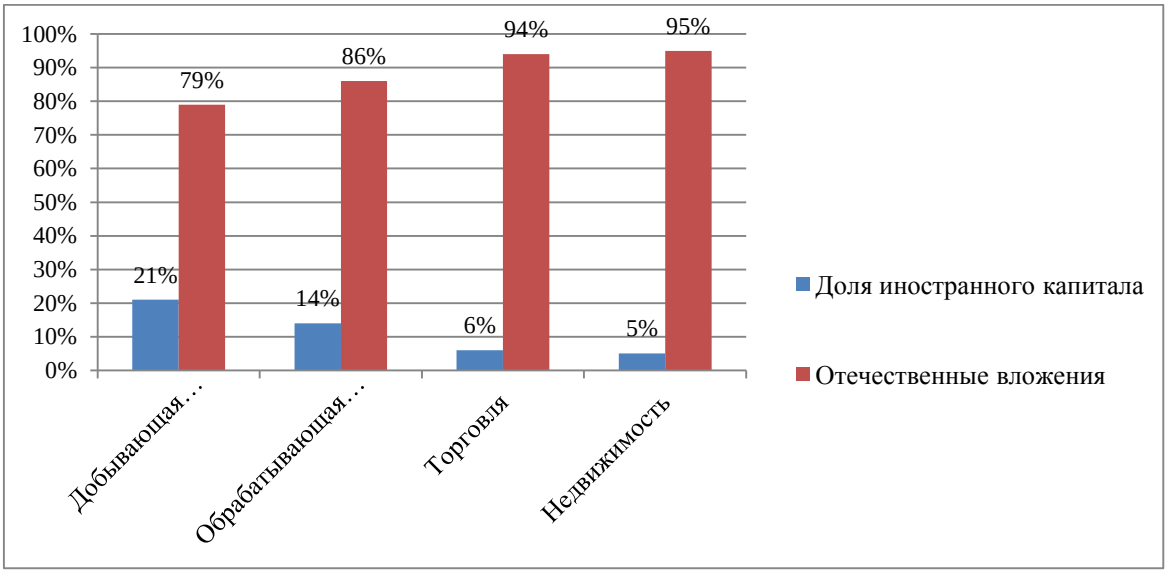

Рис. 1. *Структура иностранных инвестиций по секторам экономики России в 2014 году [11]*

При рассмотрении структуры инвестиций в различные сектора экономики РФ в 2014 году наблюдается высокая доля инвестиций в добывающую промышленность – 23% (причем участие иностранных инвестиций составляет 21%), транспорт и связь – 20%, обрабатывающую промышленность – 19% (доля иностранных инвестиций – 14%). А вот сельское хозяйство испытывает минимальные потоки инвестиционных ресурсов, всего 3,4%. Хотя с учетом продовольственного эмбарго и санкций стран Запада, агропромышленный комплекс служит приоритетным сектором экономики в рамках реализации плана импортозамещения. Второй проблемой является уровень рентабельности секторов экономки России.

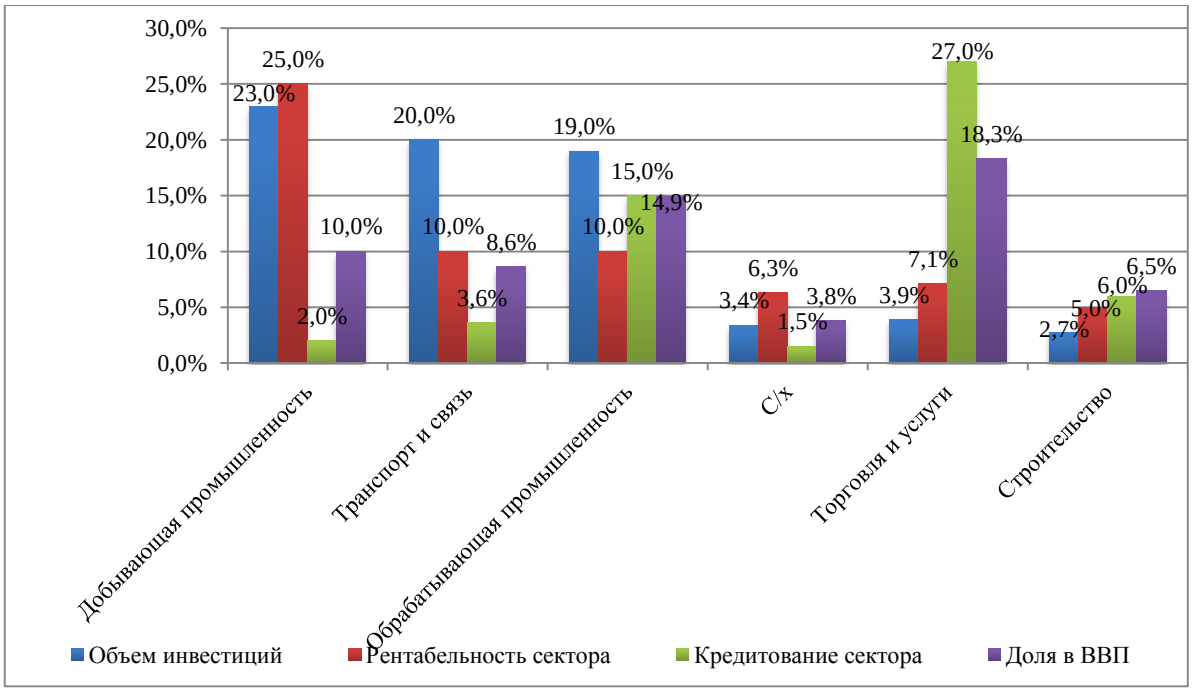

Рис. 2. Макроэкономические показатели экономической активности России в 2014 году [11, 8, 14]

Так, самый высокий показатель прибыльности в сфере Интернета и связи – 28%, добывающей промышленности – 25%, обрабатывающей промышленности – 10%, торговле – 7%, а в сельском хозяйстве – 6,3%. Данный показатель объясняет нежелание инвесторов вкладывать свой капитал в агропромышленный комплекс по причине невысокой прибыльности. Отсюда вытекает третья проблема, связанная с кредитованием секторов. Наибольшее количество кредитов в экономику приходится на сектор торговли – 27%, обрабатывающую промышленность – 16%, строительство – 6%, в сельское хозяйство всего 1,5%. Банки кредитуют агропромышленный комплекс в очень малых объемах. С учетом современной ситуации на кредитном рынке, где ключевая ставка составляет 14%, а размер процентной ставки по потребительским кредитам свыше 20%, возможность покрыть свои расходы, выплатить кредит с процентами и обеспечить себя еще и прибылью, с уровнем рентабельности в 6,3% становится просто невозможным. Привлекать кредиты по 20–25% годовых в сектор экономики с уровнем рентабельности 6,3% сравни банкротству. Притом, что доля сельского хозяйства в структуре ВВП РФ за 2014 год составила 3,8%, тогда как торговля – 18%. Подобное положение вещей говорит о том, что выгоднее вкладывать свой капитал в сферу реализации и торговли, нежели в реальное производство. Проблемами в реализации импортозамещения, помимо названных выше, еще являются дороговизна внутреннего производства, низкий объем производства оборудования, земельные проблемы, дешевый импорт из развивающихся стран, отсутствие сырья для сельскохозяйственных продуктов (семена, саженцы).

На 2015 год запланировано выделить на развитие импортозамещения в агропромышленном комплексе 250 млрд. рублей. Это весьма значительная сумма для обеспечения внутреннего рынка необходимой сельхозпродукцией на первом этапе. Следует отметить наметившиеся по итогам 2014 года продвижения по импортозамещению в сельском хозяйстве. Например, производство отечественного сыра выросло на 18%, мяса на 15%, птицы – 11%. Конечно, ожидать краткосрочного результата нет смысла, так как для обеспечения собственным производством сельхозпродукции требуется от 2 до 4 лет и финансирование до 600 млрд. рублей. В других отраслях промышленности также наметился определенный рост. Производство лакокрасочных изделий увеличилось на 33%, кожи на 24%, пластмасс на 10%.

Резюмировав вышеизложенную оценку состояния экономики России, однозначно и наглядно выстраивается логическая цепочка возникновения проблем и переход экономики из стагнационного цикла в кризисный от введенных в отношении России санкций с дальнейшей эскалацией политически негативных отношений со странами Европы и США. «Голландская» болезнь, поразившая экономику России и углублявшаяся в структуру хозяйственных связей на протяжении последних десятилетий, привела к прямой зависимости народного хозяйства России от цен на продажу сырья, доступа к внешнему финансовому рынку, иностранных инвестиций, импорта высокотехнологичного оборудования и товаров. Построение рыночной экономики в рамках российской действительности сформировала из некогда промышленного гиганта и импортера конкурентоспособной продукции в лице СССР в сырьевого придатка мирового хозяйства. Выстроенная экономическая модель жесткого капитализма привела к многочисленным барьерам, административным ограничениям, совместно с высокой степенью коррупции, налоговым бременем, не позволявшим внутрироссийскому бизнесу и предпринимательству развивать качественное производство и построить экономику инновационного типа. Бегство капитала из российской экономики наблюдалось в течение всего постсоветского периода. Сложилась ситуация, при которой внутреннее производство носило огромное количество затрат и издержек, что сдерживало экономический рост производственного сектора. Результатом явилась развитая отрасль торговли, когда купить и перепродать стало намного выгоднее вложения капитала в реальный и обрабатывающий сектор экономики.

Задачей же является недопущение возможной «импортозамены» продукции из стран Африки, Азии и Южной Америки, вместо импортозамещения. Самое главное – это наличие необходимых ресурсов, природных, технических и главное трудовых. Российская Федерация обладает всеми элементами таблицы Менделеева, огромные запасы нефти, газа, древесины, угля, руд, человеческого капитала, все это при правильном использовании и грамотно разработанной стратегической политике позволит привести государство к самообеспечению своими товарами качественного производства. Естественно, это не будет достигнуто, пока отношения на геополитической арене будут оставаться накаленными. Изоляция в условиях глобализации и неизбежного размывания границ различных сфер человеческой деятельности не приведет к благоприятному и эффективному развитию.

Литература:

1. Внешний долг Российской Федерации. Сайт ЦБ РФ. Макроэкономическая статистика. http://www.cbr.ru
2. График цены нефти Brent. Pro Finance service. Online trading. http://www.forexpf.ru/chart/brent/

3. Комитет автопроизводителей. Ассоциация европейского бизнеса. Официальный сайт. http://www.aebrus.ru/
4. Курс доллара США к рублю на межбанковском рынке. Pro Finance service. Online trading. http://www.forexpf.ru/currency_usd.asp
5. Официальный журнал Европейского Союза. С. 249. 31 июля 2014. http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2014:249:TOC.
6. Официальный сайт Европейского Парламента. http://www.europarl.europa.eu/portal/en
7. Импорт России из стран дальнего зарубежья. Официальный сайт Федеральной таможенной службы. http://www.customs.ru/index.php?option=com _newsfts&view=category&id=125&Itemid=1976
8. Оценка платежного баланса Российской Федерации за 2014 год. Сайт ЦБ РФ. Макроэкономическая статистика. http://www.cbr.ru
9. Потребительские цены в России. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#
10. Профессионалы.ru. Список и структура введенных санкций в отношении России. http://professionali.ru/Soobschestva/biznes-klub/posledstvija-sanktsij-protiv-rossii/
11. Прямые инвестиции Российской Федерации по институциональным секторам экономики в 1994–2014 годах. Сайт ЦБ РФ. Макроэкономическая статистика. Статистика прямых инвестиций. http://www.cbr.ru
12. Русская служба новостей. Официальный сайт BBC. http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2014/03/140317_eu_sanctions_russia.shtml;
13. Указ Президента РФ «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации». 6 августа 2014 года.
14. Уровень инфляции – список стран – 2014. Trading economics. http://ru.tradingeconomics.com/country-list/inflation-rate.

УДК 338.2

НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ ВИНОГРАДОВИНОДЕЛЬЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

А.А. Зармаев,
старший преподаватель кафедры «Экономическая теория» ЧГУ

THE NECESSITY OF FORMING REPUBLICAN INNOVATION POLICY IN GRAPE WINE INDUSTRY

A.A. Zarmaev,
Senior Lecturer in the "Economical theory" Department of CheSU

Решение проблемы формирования полного воспроизводственного цикла виноградарской отрасли лежит в инновационной сфере. Для обеспечения успешного инновационного развития отрасли должны выполняться определенные принципы и условия. Анализу сложившейся ситуации в отрасли виноградарства и необходимости формирования инновационной политики в отрасли посвящена данная статья.
Ключевые слова: *реформа, инновационная экономика, стабилизация, инновационный процесс, стратегия.*

Solving the problem of the formation of a full cycle of viticultural industry lies in innovation. To ensure the success of the innovative development of the industry to comply with certain principles and conditions were disclosed. Analysis of the current situation in the sector of viticulture and the necessity of innovation policy in the industry dedicated to this article were disclosed.
Key words: *reform, innovation economy, stabilization, the process of innovation, strategy*

Виноград – ценный пищевой, диетический и лечебный продукт, потребляемый в свежем виде. Из этой бесценной солнечной ягоды готовят изюм, соки, компоты, варенье, цукаты и т.д. Основная же часть выращенного урожая идет на переработку, для приготовления различных типов вин (столовых, крепленых, игристых) и коньяка. Вся ее продукция – от свежего винограда до вина и коньяка всегда была крупной бюджето-наполняющей частью экономики АПК и страны в целом.

Однако за последние десятилетия в нашей стране произошли значительные политические и экономические изменения, приведшие, в частности, к военным столкновениям и сделавшие территорию республики плацдармом военных действий, с вытекающими отсюда негативными последствиями.

В этой обстановке не выстояло ни одно хозяйство или предприятие. Все они оказались разрушенными и разоренными. В четырех районах виноградарства республики числится около 30 виноградарских хозяйств, в большинстве из которых виноградников вовсе не осталось.

Наряду с этим, высокий ценовой диспаритет, отсутствие системы и мер государственного регулирования отрасли (финансовых, кредитных, налоговых), непринятие действенных мер по регулированию товарного рынка и защите отечественного производителя приводят высокорентабельную отрасль к деградации.

Попытки формирования новых, как ожидалось, более эффективных механизмов хозяйствования на основе процессов прямолинейной трансформации производственных отношений, не привели к улучшению положения. Продолжается тенденция деградации отрасли, начавшаяся два десятилетия назад. На этом фоне обостряются противоречия, связанные с несовпадением интересов всех участников процесса (от производства винограда до выпуска готовой винодельческой продукции), усиливается деградация ресурсного потенциала и системы материально-технического обеспечения виноградарских хозяйств, низкий уровень механизации, падение «технологической» дисциплины производства.

Реформирование, кардинальные изменения в аграрном секторе экономики осуществляются без достаточно обоснованных концепций и их методического обеспечения.

Проблемы совершенствования методологии и практики трансформации управления производственными отношениями в АПК, вопросы стабилизации и повышения эффективности механизмов хозяйствования виноградарских предприятий являются достаточно актуальными и требуют своего немедленного решения.

Одной из предпосылок и обязательным условием, способным в какой-то степени стабилизировать состояние в отрасли, является введение эффективных экономических механизмов хозяйствования, основывающихся на принципах локальной интенсификации, имеющегося ресурсного потенциала хозяйственных формирований, возделывающих виноград.

Данные процессы представляют собой сложную динамическую систему, эффективность формирования и функционирования которой определяется множеством природных, технологических, организационных, экономических и социально-политических факторов.

Сложное экономическое положение большинства виноградовинодельческих хозяйственных формирований республики, диспаритет цен на сельскохозяйственную продукцию и потребляемые для ее производства ресурсы, сокращение спроса на виноград и продукты его переработки, а также падение производства отрасли в целом определяют необходимость скорейшего решения проблем совершенствования методологии и практики трансформации управления производственными отношениями в отрасли, а также достижения стабилизации и повышения эффективности механизмов хозяйствования виноградарских предприятий.

Оценивая и анализируя сложившуюся ситуацию в отрасли виноградарства республики, необходимо констатировать, что остановить сокращение площадей виноградников и в целом деградацию высокоэффективной отрасли возможно при условии привлечения дополнительных средств для развития ее и осуществления комплекса научно-обоснованных, адаптированных к современным условиям хозяйствования мер, среди которых:

- оптимизация размещения виноградарства и уточнение сортовой специализации виноградопроизводящих регионов на основе комплексных ампелоэкологических исследований;
- внедрение прогрессивных, ресурсосберегающих технологий закладки и возделывания винограда;
- улучшение существующего сортимента винограда путем внедрения новых сортов с заданными высокопродуктивными и высококачественными селекционными признаками, характеризующимися повышенной устойчивостью к неблагоприятным факторам внешней среды и позитивной реакцией на интенсивные факторы производства;
- совершенствование системы защиты виноградных насаждений;
- возрождение питомниководства отрасли;
- совершенствование системы ценообразования на виноградарско-винодельческую продукцию;
- формирование и развитие эффективной системы финансово-кредитного обеспечения отрасли.

Но эти меры могут быть реализованы лишь при условии государственного регулирования экономики и совершенствования хозяйственного механизма.

Виноградарство – специфическая отрасль сельскохозяйственного производства, и в силу биологических особенностей своих основных средств – виноградных насаждений, не может быть быстро приведена в соответствие с условиями рыночного хозяйствования. [2, С. 273].

Определение параметров и разработка перспектив развития виноградарства должны быть ориентированы на ресурсы, которые являются более стабильными (земля, виноградные насаждения), а не на имеющие временной характер (финансовые, материально-технические), поэтому неустойчивые

в переходной период.

Организационные формы крупного виноградарского производства должны иметь адаптивную производственную структуру, эффективную систему управления производственными отношениями и должны производить конкурентоспособную продукцию, удовлетворяющую потребности потребительского рынка, первичного и вторичного виноделия.

Процессы стабилизации, развития и роста эффективности виноградарской отрасли в современных условиях в решающей степени определяются успешностью становления и темпами адаптации внутрихозяйственных механизмов управления виноградарских предприятий к рыночной среде. Сохранение государственной формы собственности лишает коллективы заинтересованности в результатах трудовой деятельности, а отсутствие действенных законодательных актов, защищающих интересы трудовой деятельности работников, не вселяют уверенность в завтрашнем дне. От этого страдает производство.

В соответствии с Программой развития виноградарства и виноделия Российской Федерации существенно важным является создание передовой отрасли по производству высококачественной, конкурентоспособной и экономически эффективной виноградовинодельческой продукции. Выполнение этих задач требует значительных инвестиций, а также применения новейших систем возделывания виноградников, основанных на механизации традиционно ручных технологических операций от закладки до ухода за плодоносящими виноградниками.

Сегодня уже стало очевидным, что развитие виноградарства невозможно без реформ, в основе которых будут заложены три принципа: специализация, кооперация и интеграция. Именно по этому пути идут развитые страны, объединяя сравнительно мелких сельхозпроизводителей в крупные кооперативы (как правило, по территориальному принципу). Такое укрупнение позволяет им не только достойно выдерживать конкуренцию на внутреннем рынке за счет больших партий однотипного товара, как требует торговля, но и выходить на мировой рынок, часто с государственной поддержкой, за счет объемов высококачественной продукции или, наоборот, «брэндовых» новинок.

Поэтому даже небольшое предприятие, обладающее технологией производства новой продукции, может успешно конкурировать в глобальной инновационной экономике, заняв свою нишу в системе международного разделения труда [4, С. 28].

Решение проблемы формирования полного воспроизводственного цикла отрасли лежит в инновационной сфере. Помимо вышеперечисленных принципов для обеспечения успешного инновационного развития сельхозпредприятий должны быть выполнены следующие условия: совершенствование подготовки квалифицированных специалистов на базе вузов соответствующего профиля; развитие малого инновационного бизнеса в сфере освоения новых разработок.

Разнообразие почвенно-климатических условий и необходимость повышения экономической эффективности сельскохозяйственного производства требует усилия роли науки во всех отраслях АПК республики.

Для осуществления этого в республике должна быть принята долговременная программа научного обеспечения АПК. Помимо научно-исследовательского института сельского хозяйства следует создать самостоятельные научные подразделения по различным отраслям (виноградарству, плодоводству, овощеводству, животноводству и т.д. в зонах и районах, наиболее адаптированных к ним [6. С. 171].

Тенденции развития инновационных процессов в АПК определяются политической обстановкой, экономической конъюнктурой и инновационным климатом в стране и регионе. До начала реформ роль нормативно-финансового регулятора инноваций, в том числе и аграрных, выполняла государственная планово-распределительная система. В настоящее время федеральные органы власти сняли с себя такие обязательства, и необходимость активизации инновационного потенциала региона легла на плечи администраций субъектов федерации. Особенно сложно приходится аграрным регионам: в силу специфического характера большинства аграрных новаций их поддержка не поддается классическим механизмам государственного стимулирования инновационной деятельности [3, С. 112–115].

Поэтому нужна стратегия развития отрасли, которая наиболее полно отвечала бы сложившейся экономической ситуации.

Стратегию, в целом, можно охарактеризовать как определенную программу, план, генеральный курс хозяйствующего субъекта по достижению им стратегических целей в какой-либо области деятельности [5, С. 208–219].

По отношению к виноградарству – эта определенная программа развития предприятия, направленная на повышение его эффективной деятельности и конкурентоспособности. В этой стратегии

главное внимание должно быть уделено инновациям.

Исходя из рыночного определения, инновационный процесс – совокупность последовательных действий, в результате которых происходит овеществление научно-технического (интеллектуального) продукта в товар и использование его для получения социально-экономического эффекта. Но следует сказать, что это не просто внедрение завершенных научно-технических разработок, это взаимодополняемый и взаимовыгодный процесс. С одной стороны, необходимо выявление отраслевых потребностей в новых знаниях для получения реального социально-экономического эффекта, с другой выявление «узких мест» и пробелов в знаниях для планирования дальнейших перспективных исследований.

Результативность инновационного процесса зависит от того, как выстроены и организованы отношения между субъектами научно-технической и инновационной сфер и субьектами отраслевого предпринимательства, а также насколько научное учреждение способно разрабатывать то, что необходимо реальному сектору экономики, и насколько предприятие восприимчиво к новациям [2, С. 276].

Для осуществления инновационной политики целесообразно создание на базе Академии наук ЧР или ЧГУ малого инновационного предприятия (МИП), через который ученые могли бы реализовывать результаты своих исследований в виде технологий, рекомендаций, новых сортов, услуг на рынке научно-технической продукции.

Такие структуры научного предпринимательства созданы и успешно работают во многих регионах страны [1, С. 32].

Главное условие успешного продвижения новых программ в сельскохозяйственное производство заключается в тесном взаимодействии, прежде всего, предприятия, министерства и организации, внедряющей технологии. Там, где нет поддержки местных властей, говорить о каком-либо успехе просто бессмысленно.

В любом случае, ситуация заставит даже самых консервативных руководителей мыслить по новому, а именно, идти в ногу со временем, решать вопросы на современном уровне, опираясь на инновации. Чем раньше это осознают, тем быстрее можно будет справиться с проблемами отрасли.

Литература:

1. Жуков А.И., Перов Н.И. Система ведения культуры винограда на основе новых агротехнических приемов. Анапа, 2001. 87 с.
2. Зармаев А.А. Развитие виноградарства Чеченской Республики на основе инновационной деятельности. Грозный, 2010. 334 с.
3. Кисиль М.Ф., Рапча М.П., Кисиль С.М. Разработка экологического паспорта винограда сорта Шардоне. Сб. материалов н.-п. конф., посвященной 100-летию Е.И. Захаровой. 23–25 мая 2007. Новочеркасск, 2007. С. 112–115.
4. Малтабар Л.М. и Матузок Н.В. Новая технология формирования и ведения насаждений в зоне укрывной культуры винограда //Ж. Виноделие и виноградарство. 2009. №5. С. 28.
5. Панкин М.И., Петров В.С. Формирование продуктивных виноградников на основе оптимизации сортимента. / Материалы Межд. н.-п. конф., посв. 85-летию со дня образования АЗОСВиВ. Анапа, 2007. С. 208–219.
6. Зармаев А.А. Научно-аналитический журнал «Вестник чеченского государственного университета». Грозный: изд-во ЧГУ, 2014, выпуск №1. С. 171.

УДК 94 “5/18”

КАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ПЕРИОД НАМЕСТНИЧЕСТВА П.Д. ЦИЦИАНОВА

CAUCASIAN POLITICS OF RUSSIA IN GOVERNORSHIP PERIOD OF P.D. TSITSIANOV

Ш.А. Гапуров,
д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории ЧГУ
А.М. Сугаипова,
старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории ЧГУ
М.А. Иразова,
старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории ЧГУ

Sh.A. Gapurov,
Doctor of Historical Sciences, Professor in “Modern and Contemporary History” Department
A.M. Sugaipova,
Senior Lecturer in “Modern and Contemporary History” Department
M.A. Irazova,
Senior Lecturer in “Modern and Contemporary History” Department

В статье рассматриваются особенности российской политики на Северном Кавказе в период наместничества П.Д. Цицианова (1802–1806 гг.). Отмечается, что в этой политике сочетались мирные и военные методы и глубокая противоречивость, непоследовательность.
Ключевые слова: *Россия, Кавказ, горцы, кавказская политика.*

The article discusses the features of Russian policy in the North Caucasus during the governorship of P.D. Tsitsianov (1802-1806 gg.). It is noted that this policy combined peaceful and military methods, deep contradictions and inconsistencies.
Key words: *Russia, the Caucasus, the Highlanders, P.D. Tsitsianov, Caucasian policy*

Начало XIX века занимает особое место в кавказской политике России. Именно в это время происходит резкая активизация кавказского вектора восточной политики Петербурга. Происходят и серьезные изменения в самой кавказской политике России: от «политики ласканий» в отношении горских владельцев и старшин Петербург переходит к более жесткой политике с ними, все больше используя военные средства и методы. Реализация этой новой политики было возложено на кавказского наместника П.Д. Цицианова.

В XII в. на Руси наместниками назывались должностные лица, возглавлявшие местное самоуправление. В середине XVI в. наместники были упразднены. Однако в 1775 г., в связи с усилением централизованной власти, была введена должность генерал-губернатора или «государева наместника», который возглавлял управление нескольких губерний. Согласно губернской реформе 1775 г. наместник имел чрезвычайные полномочия, как представитель «высшей политической власти в местности». Эта должность признавалась пригодной только для некоторых территорий империи, имевших особую значимость и находившихся на военном положении. Как правило, генерал-губернатор (наместник) возглавлял и вооруженные силы на вверенной ему территории. Кавказское наместничество в составе Кавказской и Астраханской губерний было образовано указом Екатерины II от 5 мая 1785 г. Первым кавказским наместником (термин «генерал-губернатор» к Кавказу обычно не применялся) был назначен генерал-поручик П.С. Потемкин, который нес ответственность лишь перед Екатериной II [1, С. 33]. С тех пор на эту должность назначались только военные лица, пользующиеся особым доверием монарха. В 1796 г. Павел I упразднил должность кавказского наместника. Глав российской администрации на Кавказе стали называть «главнокомандующий войсками», «главноуправляющий в Грузии», «инспектор Кавказской линии», «Астраханский военный губернатор" и т.д. Наместничество на Кавказе официально было восстановлено лишь в 1844 г. Но главы кавказской администрации по своим полномочиям и положению оставались наместниками, и потому в исторической литературе за ними осталось традиционное название – «наместник Кавказа».

Северный Кавказ, в силу своей специфичности (разноязычности, разнообразия верований, дробности, неоднородности уровня развития и т.п.), требовал особенно искусного типа государственного деятеля – дипломата, администратора, политика, военного стратега. «Сочетание этих качеств – явление редчайшее, если не сказать, невозможное». В Петербурге же считали, что главная задача на Северном Кавказе – это «умиротворение» края. Исходя из этой посылки, все полновластие в регионе всегда вручалось человеку военному, со всеми вытекающими отсюда последствиями, а именно приверженностью его к чисто силовому решению не только проблемы «покорности», но и межплеменных или внутриплеменных распрей. В глазах же тогдашних военных применение силы, «наказание

непокорных» было не только привычно, но и оправдано. Все кавказские наместники с конца XVIII в. и вплоть до окончания Кавказской войны были военными. В тогдашней России существовало убеждение, что военный – профессия универсальная, что он может возглавить любую отрасль политики [13, С. 56].

Российские императоры очень строго подходили к отбору наместников на Кавказе, так как это было очень важное звено в осуществлении августейших планов. Наместники имели право прямого обращения к императору, выдвижения предложений, согласования с ними своих принципиальных действий, и потому ясно, что это должны были быть лица, которым бы император доверял. Каждый из них искал такого человека, которому бы он мог отдать управление большой, бурлящей и периодически становящейся ареной военных действий с Османской империей и Ираном территорией. Для Александра I такими доверенными лицами на Кавказе были генералы П.Д. Цицианов и А.П. Ермолов, руководившие кавказскими войсками и гражданской администрацией [12, С. 58].

Наместники на Кавказе обладали практически неограниченной властью. В какой-то степени это было оправдано сложной, зачастую военной, обстановкой. Петербург был далеко, а местная обстановка требовала быстро и эффективно принимать решения, что было возможно лишь при централизации власти в одних руках. Подчинение и ответственность лишь перед царем давали возможность оперативно принимать решения, не оглядываясь особо на министерства. Но это имело и массу отрицательных сторон, так как система управления на Кавказе приняла сугубо военизированный характер, «фактически осуществлялась военная диктатура» [22, С. 44]. При этом нужно учесть, что на Кавказ зачастую попадали далеко не лучшие представители российского офицерства и генералитета. В. Савинов в середине XIX в. отмечал: «Как ни перевертываешь страницы летописца, желая встретить что-нибудь утешительное в делах и порядках Кавказской линии от 1782 по 1816 г., везде останавливаешься без всякой надежды на утешительное сказание: являются только распри начальников, неловкости их действий, их же ничем неоправдываемые ошибки, казнокрадство и предательство чиновников пред правительством, неразумное обращение с покоренною страною и лужи, потоки крови, пролитой ни за что, ни про что. …В начальники же линии…, точно к довершению неудобств и неурядиц, назначались люди неспособные, иногда бойкие вояки, но плохие тактики, иногда весьма добродетельные командиры…, иногда просто враги вверенного им края, как, например, генерал Дель-Поцо [18, С. 39]. Кавказский корпус «был местом ссылки отнюдь не только гвардейских дуэлянтов или политически неблагонадежных. Командование корпусов, расположенных в России, старались сбыть на Кавказ всех, кого не хотело видеть у себя под началом. Ермолов в свое время пытался положить конец такой практике засорения корпуса пьяницами, нечистыми на руку людьми, нерадивыми по службе офицерами и солдатами. Ему это удалось только отчасти» [13, С. 22]. Отсюда понятно, какому произволу могли подвергаться горцы, когда вся власть на Северном Кавказе была в руках военных.

В силу огромных полномочий кавказских наместников, многое, «что и как» происходило на Кавказе (т.е. формы и методы колониальной политики) зависело от их характера и личных качеств. Поэтому остановимся несколько подробно на личности князя П.Д. Цицианова.

В исторической литературе XIX века, как и следовало ожидать, деятельность его на Кавказе и его личность оцениваются очень высоко. «Павел Дмитриевич Цицианов был первым и выдающимся главноначальствующим на Кавказе, – писал Ф.А. Смирнов. – С именем П.Д. Цицианова соединяется славная деятельность его на Кавказе в самое трудное время» [8, С. 17]. «При великих способностях и знаниях военного человека, он одарен был умом проницательным и чрезвычайной терпеливостью в проведении всякой трудности; обладал и способностями для гражданской службы, – отмечал П. Зубов [17, С. 54]. «Талантливый и верный слуга русского правительства, прекрасно понимавший задачи русского владычества на Кавказе и всецело посвятивший свою жизнь осуществлению этих задач», – так характеризовал П.Д. Цицианова В.Е. Романовский [4, С. 90]. «Князь Цицианов пользовался репутацией доблестного воина и выдающегося государственного деятеля», – отмечал С. Эсадзе [5, С. 60]. Однако и в дореволюционной литературе были авторы, довольно критически оценивавшие П.Д. Цицианова. К ним, прежде всего, относится его соратник генерал-лейтенант С.А. Тучков, долгие годы служивший с ним и близко его знавший. «Он был одарен от природы острым разумом, довольно образован воспитанием, познанием и долговременной опытностью, – пишет С.А. Тучков о Цицианове, – был честным и хотел быть справедливым; но в сем последнем нередко ошибался. При этом был он вспыльчив, горд, дерзок, самолюбив и упрям до той степени, что, наконец, чрез то лишился жизни. Считая себя умнее и опытнее всех, весьма редко принимал он чьи-либо советы. Мало было среди его подчиненных таких людей, о которых имел бы он хорошее мнение» [22, С. 81]. Эта характеристика личных качеств П.Д. Цицианова объясняет многое в его отношениях с кавказскими владельцами и в целом в его деятельности на Кавказе.

В советской и российской историографии оценки Цицианова совсем иные. Р.М. Магомедов называет его одним «из самых жестоких ставленников царизма на Кавказе», который «основной своей задачей считал беспощадную борьбу с горскими массами…» [15, С. 33]. Х.М. Ибрагимбейли отмечал, что П.Д. Цицианов «отличался презрительным и жестоким отношением к народам Кавказа» [8, С. 127]. «Сторонник энергичных и крутых военных мер по распространению российской власти на Кавказе» [2, С. 11], «надежный проводник интересов царского правительства» [5, С. 89], «честолюбивый и падкий на низкую лесть» Цицианов «разыгрывал роль всесильного сатрапа» [4, С. 56]. По мнению Я. Гордина, именно Цицианов заложил фундамент того многообразного, жестокого, трагического явления, которое называется Кавказской войной. Именно он определил основные черты взаимоотношений России и горских народов на десятилетия вперед, именно он наметил основы и силовой, и мирной политики [7, С. 101]. Цицианов «без особых трудностей принял роль восточного деспота и именно в этой роли (как оказалось, весьма продуктивной и прагматичной) предстал как полномочный представитель императора на Кавказе, – отмечает В. Лапин. – Антиперсидская, антиазербайджанская и антигорская настроенность Цицианова видна невооруженным глазом. Выражениями «собачья душа», «ослиный ум», обещаниями все сжечь, «вынуть из детей и жен утробы», вымыть сапоги кровью адресата наполнены его письма местным владетелям» [10, С. 42].

Однако в конце XX столетия наметилась определенная тенденция не только к оправданию, но и к возвеличиванию П.Д. Цицианова. Так, в 1997 г. появилась статья А.В. Шишова, который пишет, что Цицианов относится к плеяде российских полководцев XIX в., «чьи славные деяния и заслуги перед отечеством» оказались незаслуженно забытыми. Шишов считает, что «велика заслуга князя П.Д. Цицианова, силою оружия и искусством дипломатии (этого наместника можно восхвалять за что угодно, только не за «искусство дипломатии» на Кавказе. – Г.Ш.) склонявшего к покорности ориентировавшихся на исламские державы местных владык» [15, С. 61]. Как и авторы XIX в. Н.Ф. Дубровин, М. Острогорский, Ф.А. Смирнов [18, С. 90], А.В. Шишов полагает вполне оправданным грубое и высокомерное поведение П.Д. Цицианова с кавказскими владельцами, применение к ним силы, так как это было «в полном соответствии с морально-этическими нормами той противоречивой эпохи и обычаями местных правителей» [24, С. 105].

Как мы уже отмечали впереди, кавказские наместники имели огромные полномочия. Князь П.Д. Цицианов, которому действительно предстояло решить сложные задачи: наведение порядка в Грузии, расширение российских владений в Закавказье и усмирение северокавказских горцев – получил еще и дополнительные права. Указом Сената в ноябре 1802 г. он был назначен «главным военным и гражданским начальником на Кавказе» [21, С. 77] (до этого эти две должности были разделены). Вскоре после назначения на Кавказ Александр I указывал Цицианову: «Я разрешить должен вопрос ваш, чтобы большое расстояние и медленность в получении предписаний, от оного проистекающая, не могла затруднить вас в исправлении дел, на вас возложенных, вы же по сему пункту совершенно развязаны, и мне остается только повторить, чтоб вы отнюдь не затрудняли себя ожиданием на всякое дело отсель предписаний, но чтоб распоряжались в оных как наилучше для пользы службы моей признаете» [28, С. 81]. В рескриптах Цицианову от 3 января и 27 мая 1803 г. Александр I еще раз указывает: «…Желая, чтобы вы оных (инструкций. – Г.Ш.) сколько можно менее были стеснены», «я поручаю вам, для установления лучшего порядка… соединить часть гражданскую в одном военном начальнике…» [23, С. 69]. Таким образом, император «признал необходимым подчинить ему край во всех отношениях» [29, С. 21]. Дубровин Н.Ф. отмечал, что «Александр предоставил ему (Цицианову. – Г.Ш.) право … распоряжаться по усмотрению, не ожидая распоряжений из Петербурга. …Желая доставить главноуправляющему все средства к уничтожению вкоренившихся злоупотреблений, император признал необходимым подчинить ему все места и лица, входившие в состав управлений вверенных ему областей и губерний» [21, С. 11]. П.Д. Цицианов в качестве наместника Кавказа имел полномочий значительно больше, чем все его предшественники. Однако ему и этих прав покажется недостаточно, и в 1805 г. в специальном рапорте царю он будет просить еще более увеличить власть и полномочия инспекторов Кавказской линии [20, С. 41].

Наделенные огромными полномочиями и практически неподконтрольные никому (кроме царя, который всегда весьма смутно представлял себе северокавказские реалии), наместники осуществляли свою власть на Кавказе через военачальников (наделяя их, соответственно, огромной малоконтрольной властью на местах), далеко не всегда имеющих нужные деловые и человеческие качества, тем более – добросовестность. «Самые же горцы, расположенные по линии, не питали к нам решительно ни боязни, ни уважения, ни доверия, – писал В. Савинов. – Последнего от них мы не имели права и требовать. Грубое коварство наших начальников с давних пор засвидетельствовало пред горцами нашу немощь вести свои дела строго-дипломатично или держать свое слово, в которое крепко верует

горец. Перед ними мы не однажды оставались в этом деле виноватыми. Так, например, граф Гудович, в первое свое командование линиею, пригласил в Георгиевск выборных из кабардинских князей, под видом совещания об устройстве в земле их административного порядка, и представителей митинга отправил в ссылку; Дель-Поцо, совершенство всего безобразного и бессовестного, под видом вытребования из плена нашего майора Шевцова, долго томил в Кизлярской крепости преданнейшего слугу России, князя Шефи: казаки же, при своих впадениях в аулы горцев, для избежания излишних издержек на содержание пленных, …резали на месте жен, детей и стариков закубанских…» [25, С. 22].

П.Д. Цицианову при его назначении наместником Кавказа Петербург поставил еще одну (кроме покорения края) важную задачу: навести порядок в административном управлении. Дело в том, что большая часть российских чиновников на Кавказе погрязла в коррупции. «При Кнорринге должность губернатора, или по тогдашнему, правителя Грузии, занимал Коваленский, пользовавшийся в крае общим нерасположением за свое корыстолюбие, самовластие и надменность. Он правил Грузией как самостоятельный владелец и имел неограниченное влияние на бесхарактерного Кнорринга. Печальное положение вновь присоединенного края обратило, наконец, на себя внимание Петербурга. Слабый Кнорринг был отозван в 1802 г. и заменен энергичным князем П.Д. Цициановым, а Коваленский предан суду Сената за многочисленные злоупотребления и корыстолюбие. Можно представить себе, каковы были, при таких начальниках, мелкие чиновники в новом, совершенно неустроенном, крае, служба в котором приравнивалась к ссылке. Очевидно, что контингент чиновников, отправившихся искать счастья в Грузии (под Грузией понимали в первой половине XIX в. весь Кавказ. – Авт.), мог составиться никак не из лучших представителей служилого сословия, не отличавшегося тогда и в самой России высоким образовательным и нравственным цензом.

…Произвол и корыстолюбие достигли в Грузии такого развития, что даже сам кн. Цицианов должен был признать себя бессильным в борьбе с ними. Ходатайствуя в 1805 году об отозвании его с Кавказа, он не скрыл от императора Александра I, что дурной состав гражданской администрации «есть одна из тех побочных причин, кои заставляют его считать удаление от службы верховным благоденствием; один человек, ищущий истребить мздоимство и исполненный усердием к службе отечества и к защите неимущих для насыщения мздоимцев богатства не может принести пользы службе» [10, С. 20].

П.Д. Цицианов прибыл в Георгиевск (центр Кавказского наместничества**)** в начале декабря 1802 г., имея предписание канцлера А. Воронцова закончить начатое при Кнорринге создание федеративного союза кавказских владельцев [14, С. 18]. К этому времени основные вопросы на съезде были более или менее утрясены и разработка итогового документа – Георгиевского договора – шла уже к концу. Убежденный противник «политики ласканий», каких-либо союзнических отношений с кавказскими владельцами, уверенный, что применение силы представляет собой универсальный способ решения любых проблем, П.Д. Цицианов еще более утвердился в своих взглядах, ознакомившись с обстановкой на съезде, где царили раздоры и взаимная неприемлемость горских правителей. Он считал, что каждый из кавказских владельцев, принявших российское подданство, есть «лицо, ему подвластное» и потому полагал излишним заключать с ними какие-либо соглашения, относиться к ним как к союзникам, пусть даже и зависимым. И уже на четвертый день своего пребывания в Георгиевске, 7 декабря 1802 г., он пишет Александру I о своем неприятии создаваемого союза кавказских владельцев: «Смею донести Вашему Императорскому Величеству, что интересы всех сих ханов, будучи противоположны друг другу, дают причину сомневаться о твердости сего взаимного союза» [29, С. 33]. В подобных же выражениях П.Д. Цицианов выражает свое несогласие с созданием федеративного союза кавказских владельцев в отношении к министру иностранных дел графу А. Воронцову, написанному на следующий день, 8 декабря [6, С. 81]. Категорически не желая подписывать с горскими владельцами никаких политических договоров, наместник буквально забрасывает Петербург рапортами, в которых он еще и еще раз твердит о необходимости отказа от союзнических отношений с ними. В отношении к графу А. Воронцову от 21 декабря 1802 г. он утверждает: «Подданство вообще ханов персидских и горских владельцев есть мнимое: поелику оно не удерживает их от хищничества и притеснений торговли. …Итак, чем менее подданства, тем менее оскорбления достоинству Империи». П.Д. Цицианов убеждает Воронцова в необходимости отказаться от выплаты жалованья горским владельцам, так как это только наносит вред престижу России и вовсе не способствует их преданности ей. «…В Азии политика есть сила, – убеждает он министра, – добродетель лучшая владельца – храбрость, способы – деньги для найма войска. Итак, чем беднее, тем покойнее» [11, С. 123].

Из-за дальности расстояния Петербург никак не мог отреагировать на отчаянные послания П.Д. Цицианова, а того жестко поджимало время. Политическая ситуация в Грузии была довольно напряженной: часть царского дома Багратидов, в особенности царевичи Александр, Юлон и Парнаоз, а

также некоторая часть грузинского дворянства выступили против лишения Грузии государственности и вообще против присоединения ее к России. Надо было навести порядок и в административном управлении Грузией, так как и этот вопрос не был решен Кнорингом. Все это требовало присутствия П.Д. Цицианова в Закавказье и он больше не мог тянуть с подписанием Георгиевского договора, который, как уже отмечалось, был подписан 26 декабря 1802 г. Однако наместник Кавказа, формально выполнив волю Петербурга о создании федеративного союза кавказских владельцев, вовсе не считал себя обязанным отказаться в дальнейшем от своего видения подчинения и управления Кавказом. Тем более он не собирался придерживаться той «политики ласканий», которой был порожден Георгиевский договор. В феодально раздробленных, вечно враждующих между собой кавказских владельцах П.Д. Цицианов не видел серьезных противников. Тем более таковыми не являлись, по его представлению, северокавказские горцы. Наместнику казалось, что с помощью российской армии он в короткое время подчинит весь Кавказ. Это его представление предельно четко и лаконично выражено в его письме к хану Аварскому от 2 февраля 1804 г.: «…Кто имеет честь командовать, как я, непобедимым Всероссийским войском, тот весь Дагестан считает за мух и желает иметь случай на деле то показать…» [22, С. 90]. Надо было совершенно не знать менталитет северокавказского горца, тем более горского аристократа, чтобы так его оскорблять и думать, что после этого последний не станет лютым врагом своего оскорбителя. Для П.Д. Цицианова же оскорбление («уничижение», «приведение в ничтожество») кавказских владельцев станет нормой и формой его общения с ними.

В то же время официальный Петербург, в отличие от кавказского наместника, придавал серьезное значение Георгиевскому договору 1802 г. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в том же году Петербург известил многих кавказских владельцев (шамхала Тарковского, уцмия Каракайтагского, владельцев буйнакского, костековского, аксайского, брагунского, целый ряд чеченских старшин – алдынского, шалинского, атагинских и др. [7, С. 60] о заключении данного договора, как бы показывая им, что Россия стремится к присоединению Кавказа именно политико-дипломатическими средствами, сохраняя внутреннюю автономию региональных политических образований, особо не ущемляя их самостоятельность. «Многие положения Георгиевского трактата легли в основу подданнических грамот Русского правительства к северокавказским народам и их правителям этого времени. Россия предлагала владетелям Северного Кавказа свое покровительство, оговаривая при этом отношения их с другими государствами. …В этих грамотах русское правительство брало на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела горских правителей» [45, С. 55].

В начале XIX в. Россия имела на Кавказе относительно незначительные военные силы. Здесь располагались 33 батальона пехоты, 4 драгунских и 5 донских казачьих полков (это – кроме терских и черноморских казаков) [18, С. 59]. В Петербурге понимали, что этих сил мало для решительных действий по покорению Кавказа, к которым должен был приступить Цицианов, и поэтому в октябре 1802 г. Александр I сообщает ему, что дополнительно направляет на Кавказ 2 полка – мушкетерский и егерский – для «усиления… Кавказской инспекции» [16, С. 71]. Летом 1804 г. в связи с началом русско-иранской войны и антироссийскими восстаниями в Кабарде и Осетии на Кавказ были отправлены еще один мушкетерский полк, 2 полка донских казаков и артиллерийская полурота [20, С. 33]. В результате к 1804 г. (ко времени серьезных военных действий против горцев и Ирана) в распоряжении кавказского наместника находилась 13 тыс. армия из пехоты и конницы [11, С. 21] (по данным А.Л. Нарочницкого – 15 тыс.) [27, С. 11]. Это войско было разбросано по всей Кавказской линии и Закавказью. Но все компенсировалось высокими боевыми качествами Кавказской армии. Кавказский корпус был самой боеспособной частью российской армии и во многих отношениях представлял собой исключение. Ведя постоянные бои, он был менее подвержен казенщине и «плац-парадной муштре», отчего страдали большинство частей российского войска. Дисциплина в нем была не такой палочной, отношения командиров и подчиненных – более тесными [23, С. 44]. Главную силу русской армии составляла артиллерия, против которой горцы в первой четверти XIX в. были бессильны и еще не приспособились к ее действию. Кавказское командование могло в любой момент собрать в одном месте экспедиционный отряд из нескольких тысяч солдат и казаков, усиленных огневой мощью артиллерии. Спаянный железной воинской дисциплиной, такой военный кулак российской армии становился очень серьезной силой против горцев (даже при значительном численном превосходстве последних), вооруженных только ружьями и холодным оружием, совершенно не знакомых даже с понятиями воинской дисциплины. Поэтому горское ополчение в первой четверти XIX в. почти всегда проигрывало фронтальные сражения и было сильно только своими партизанскими действиями.

Человек военный, предельно амбициозный и честолюбивый П.Д. Цицианов стремится побыстрее приступить к решительным военным действиям по установлению российской власти на Кавказе. Успехи на этом направлении давали ему возможность «показать пред молодым императором военные

свои способности» [11, С. 38], доказать верность избранной им тактики и методов покорения края и делали бы в принципе невозможным следование мирным, политическим средствам в отношениях с горцами.

С 1801 г. Ших-Али-хан Дербентский настойчиво добивался предоставления ему в помощь российских войск для подчинения соседних территорий. Цицианов решает вмешаться в конфликт между ним и Ширванским ханом, «чтобы низвергнуть последнего и привести в ничтожество первого» [5, С. 16], и занять российскими войсками Дербент, Баку и Сальяны. Но подобное серьезное дело требовало одобрения его Петербургом, так как оно, безусловно, означало нарушение российской стороной Георгиевского договора и его принципов. В представлении министру иностранных дел А. Воронцову от 8 января 1803 г. (т.е. спустя буквально две недели после подписания Георгиевского договора) кавказский наместник испрашивает разрешение на предполагаемую экспедицию и пишет далее: «Способы, которые теперь открываются, несомнительно усугубятся при разрешении образа моего поведения с ханами и горскими владельцами, ибо должен я откровенно пред в.с. изъясниться, что уже в таком случае и буде воспоследует прямое соизволение Е.И.В. повелеть мне действовать сообразно известному плану завоевания, правила кротости и человеколюбия [8, С. 198] невместны будут в отношениях моих с хищными, коварными и вероломными народами, которые предлежать будут в пути моем к усмирению или обласканию; напротив того, я не предвижу полезнейшего для нас средства, как содержать их тогда и теперь во вражде междуусобных и даже иногда возжигать оные, дабы тем удобнее отвлекать внимание их от наших движений» [28, С. 128]. «Вражда есть пища и упражнения горских народов, – докладывает тогда же Цицианов в рапорте Александру I, – видя силу российского оружия, в Кавказе водворенного, они прибегают к нам, прося друг против друга помощи и т.о. сами ходатайствуют о собственной гибели. Не смея одобрить пред человеколюбивым сердцем В.И.В. сию систему завоевания, должен сказать, что она необходима в настоящих обстоятельствах…» [26, С. 11]. На первый взгляд создается впечатление, что метод «разделяй и властвуй», предлагаемый П.Д. Цицановым в отношении горских феодалов, совершенно расходится с политикой Александра I, который, создавая федеративный союз кавказских феодалов, в первую очередь требовал от них прекращения междуусобиц. Очевидное расхождение между политикой царя и его кавказского наместника налицо. Я. Гордин считает, что в кавказской политике позиции Петербурга и Цицианова «радикально рознились». В Петербурге считали, что нужно идти именно по пути вовлечения ханов в русское подданство и всевозможными мирными способами закреплять их в этом положении. Наместник же был убежден, что только демонстрация силы и ослабление системы ханств с последующим ее уничтожением может привести к желаемым результатам – установлению российского господства на Кавказе [29, С. 80]. А.В. Шишов полагает, что Цицианов «пересмотрел государственную политику в отношении местных ханов» [27, С. 41].

П.Д. Цицианов не пересматривал и не менял в корне кавказскую политику царского правительства в начале XIX в. Он знал, что Александр 1 в принципе выступает за установление российского господства на всем Кавказе и расхождение у наместника с царем в выполнении этой задачи, как мы увидим далее, было лишь во времени, отчасти в методах и то лишь относительно Дагестана. На остальной же территории Кавказа (а позже и Дагестана) Цицианов волен был сам выбирать средства, методы и формы покорения, лишь бы был результат. Иначе зачем император в 1802–1804 гг. присылал ему на Кавказ дополнительные войска? Наконец, выступая на словах против феодальных междуусобиц на Кавказе, Александр I при назначении Цицианова дал ему четкое и недвусмысленное указание: «…Что касается до горских народов, то едва ли не лучшею или не коренною политикою нашею существовать должно, дабы отвращать между ними всякое единомыслие…» [15, С. 39].

Кавказская политика Александра I была крайне непоследовательной, зачастую противоречивой и путаной, что позволяло наиболее решительным кавказским наместникам (как Цицианов и Ермолов) действовать на Кавказе, исходя из собственных представлений о благе державы и целесообразности применения тех или иных методов колониальной политики. Император и его кавказские наместники были едины в одном – в стремлении установить российское господство на Кавказе. П.Д. Цицианов пытался осуществить эту цель как можно быстрее и потому выбирал преимущественно военные средства. В Петербурге предпочитали действовать осторожно и последовательно, применяя как военные, так и политико-экономические средства.

Александр I, ознакомившись с предложением Цицианова занять ряд прикаспийских городов в начале 1803 г., не стал в принципе возражать против этого. Он поручил изучить вопрос графу В. Зубову, как знатоку кавказских дел. Зубов считал, что подобные военные мероприятия должны быть хорошо подготовлены: нужно точно знать, сколько для этого требуется войск, обеспечить их необходимым количеством продовольствия и боеприпасов, продумать систему управления занятыми райо-

нами. Ввиду всего этого, по мнению гр. Зубова, предполагаемая операция не могла быть предпринята ранее мая 1804 г. Кроме того, он считал необходимым учесть, что занятие Дербента и других прикаспийских городов подорвет доверие горских владетелей к российскому правительству и прервет тот политический диалог, который наметился в Георгиевске в 1802 г.

Министр иностранных дел А. Воронцов категорически выступил против данного похода, опасаясь, что это вызовет обострение русско-иранских и русско-турецких отношений [18, С. 67].

Исходя из этих мнений, император в рескрипте к Цицианову от 19 марта 1803 года указывает, что занятие Дербента, Баку и Сальян представляется ему преждевременным, так как это может встревожить дагестанских ханов, только что подписавших Георгиевский договор. Александр 1 в принципе не отвергает целесообразность занятия прикаспийских городов, но, как это рекомендовал Зубов, предлагает Цицианову повременить с этим [29, С. 20]. Как видим, царь – «либерал» вовсе не против использования военной силы для покорения кавказских территорий, но он предпочитает действовать с осторожностью и наверняка. Таким образом, российская сторона, так же, как и дагестанские владельцы, не собиралась следовать в своей реальной практике (если это ей было выгодно) мирным принципам Георгиевского договора 1802 г.

Успех военной экспедиции против джаро-белоканских лезгин в начале марта 1803 г. окончательно уверил П.Д. Цицианова в ненужности политического диалога с местными владельцами в деле установления российского господства на Северном Кавказе и в своих донесениях в Петербург от 26 марта 1803 г. он ставит крест на существовании федеративного союза кавказских феодалов под покровительством России. «…Без силы оружия ни жалованьем, ни союзами невозможно будет воздержать от варварских обычаев сих закоренелых в грабительстве народов, – пишет он царю, – хотя и есть дружелюбное и союзное постановление между персидскими ханами и горскими владельцами под верховным покровительством В.И.В.» [4, С. 29]. «…Непозволительные поступки дагестанских в хищничестве неукротимых владельцев и самое событие на опытах всего того, что я имел щастие представить вашему сиятельству из Георгиевска при заключении с ханами и горскими владельцами дружелюбного и союзного постановления, которого существование, сколько мне известно, есть в числе вещей невозможных», – отмечает Цицианов в донесении А. Воронцову [6, С. 88]. В этом же послании наместник изложит еще один свой принцип действий на Кавказе: «Страх и корысть суть две первенствующие причины, коими руководствуются в Азии дела и приключения. Побуждаем рвением к службе Е.И.В., я дерзнул признать правило противоположное прежде бывшей здесь системы и вместо того, чтобы жалованьем и подарками определенными для умягчения нравов горских народов, платить некоторый род дани, за мнимое их подданство, я требую дани от чарской провинции…» [7, С. 30].

П.Д. Цицианов был непреклонным противником сохранения в какой-либо форме и степени самостоятельности кавказских народов и полагал, что сохранение власти кавказских феодалов в их владениях несовместимо с задачей установления в крае российского владычества. Наместник против «мнимого подданства», он требует полного покорения. А выдача жалованья («дани») покоренным, по его мнению, оскорбительно для достоинства России и потому он категорически против этого. А ведь жалованье было одним из притягательных моментов для феодалов, подписавших Георгиевский договор.

В своих дальнейших действиях на Кавказе П.Д. Цицианов совершенно не будет учитывать факт существования федеративного союза местных владельцев и сделает безусловную ставку на применение военной силы для установления российской власти в крае. «В Азии все убеждения и переговоры суть ничто, а сила все», – заявлял он [8, С. 54]. В своих донесениях в Петербург он больше не будет возвращаться к теме Георгиевского договора, тем более, что и само царское правительство, столкнувшись с несоблюдением его условий кавказскими владельцами и учитывая непреклонную позицию П.Д. Цицианова, «позабудет» о факте существования этого «федеративного союза».

Подобная непоследовательность в принципах кавказской политики станет правилом для царского правительства и Александра I в дальнейшем. После провала «Георгиевского эксперимента» политика России на Северном Кавказе стала принимать все более откровенный колониальный характер.

Литература:

1. АВПРИ. Ф.110.1802–1805 гг. Оп. 110/7. Д. 127. Л. 63–67.
2. АВПРИ. Ф. 161. СП ГА. 1–13. 1803 г. Оп.10. Д. 6. Л. 16.
3. АВПРИ. Ф. 161. СП ГА. 1–10. 1801 г. Оп. 9. Д. 2. Л. 7–7 об.
4. АВПРИ. Ф. 110. 1802–1805 гг. Оп. 110/7. Д. 127. Л. 21, 27 об.
5. АВПРИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский главный архив. (Далее – СП ГА). 1–13. 1805. ОП. 10. Д. 9. Л. 4.
6. АКАК. Т. 2. С. 755.

7. Блиев М.М. Осетия в первой трети XIX в. Орджоникидзе, 1964. С. 74.
8. Богданович М.И. История царствования Александра I и Россия в его время. В 6 т. Т. I. СПб, 1869. С. 287–288.
9. Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды. Тифлис, 1901. С. 305.
10. Гаммер М. Шамиль. М., 1996. С. 48; Матвеев О.В. Русская армия на Кавказе в XIX веке // Донской юридический институт. Ученые записки. Т. 10. Ростов-на-Дону, 1998. С. 203.
11. Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб, 2000. С. 242.
12. Гордин Я. Пролог Кавказской войны // Россия в Кавказской войне. Вып. 4. СПб, 1997. С. 21.
13. Дубровин Н.Ф. Три года из истории войны и владычества русских на Кавказе // Военный сборник. 1875. №9. С. 4, 12.
14. Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. М., 1969. С. 60.
15. История народов Северного Кавказа. С. 21.
16. Маршаев Р.Г. Георгиевский договор 1802 г. (предпосылки и значение) // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI–XIX вв. Махачкала, 1998. С. 96.
17. Очерк Кавказской войны // Военный сборник. 1864. №5. С. 238.
18. Романовский В.Е. Очерки из истории Грузии. С. 330.
19. Российский государственный исторический архив. (Далее-РГИА). Ф. 1284. Оп. 7. Д. 2. Л. 3.
20. Савинов В. До Ермолова и при Ермолове // Северная пчела. СПб, 1861. №148. С. 1.
21. Смирнов Ф.А. Краткая история Кавказа. СПб, 1901. С. 28–29.
22. Тучков С.А. Записки. СПб, 1908. С. 196–197.
23. УРВК. Т. 3. Ч. 1. С. 51.
24. УРВК. Т. 1.Тифлис, 1901. С. 44.
25. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. С. 109.
26. Хмара Н. Институт наместников в России (Северный Кавказ конца XVIII – начала XIX века) // Обозреватель, 1995. №1–2. С. 156–159.
27. Цицианов, видимо, имел в виду инструкцию Александра I от 26 сентября 1802 г., в которой говорилось: «…Привести в ясность и систему тамошние запутанные дела, и кротким и справедливым, но при том и весьма твердым поведением стараться приобрести к правительству Российскому, доверенность не только Грузии, но и разных соседственных владений». АВПРИ. Ф. 110. 1802–1805 гг. Оп. 110/7. Д. 127. Л. 119.
28. Чернуха В.Г. Кавказская война 1817–1864 гг. глазами императоров всероссийских и наместников кавказских // Россия в Кавказской войне. Вып. 3. СПб, 1997. С. 5, 6.
29. Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Тифлис, 1909. С. 17.

УДК 94 “15/18”

КИШИН-ХЬАЬЖА ГУЬНА ВАРАХ А, ЦО ЦИГАХЬ ТИЙСИНЧУ ГЕРГАРЛОНЕХ А ЛАЬЦНА

М.М. Ибрагимов,
д.и.н., профессор кафедры истории России ЧГУ

KUNTA-KHADZHI AND HIS RELATIONSHIPS

M.M. Ibragimov
Doctor of Historical Sciences, Professor in “History of Russian” Department of CheSU

Статья написана о великом суфие Кунта-Хаджи, который стал устазом для большинства чеченцев, ингушей и других народов Северного Кавказа. В данной статье описан маршрут приезда предков Кунта-Хаджи из Мекки в Чечню (Ама, Шовхал, Киши), также говорится о местах их проживания. Автор высказывает свою точку зрения по поводу года рождения Кунта-Хаджи.
Ключевые слова: *Кунта-Хаджи, Керим, Гуни, Иласхан-Юрт.*

This article is devoted the great sufie Kunta-Khadzhi, who became Ustaz for most Chechen, Ingush and other North Caucasian people. This article describes the route of arrival of Kunta-Khadzhi ancestors from Mecca in Chechnya. (Ama, Shovkhal, Kishi), also refers to the places where they live. The author expresses his point of view on the year of birth of Kunta-Khadzhi.
Key words: *Kunta-Khadzhi, Kerim, Guni, Ilaskhan-Yurt, Ramzan Kadyrov.*

Ша баккъал а къобалвинчу муридан ІиндагІал цунна генахь хир вац ша аьлла,
Кишин Кунта-Хьаьжас.

Ша яздеш долу хІума литературан я историн цхьана буха тІехь яздан Іеминчу стагана хала ду цхьана наха дуьйцуш (уьш мел лераме нах белахь а) шена хезнарг халкъе дІакховдо. Амма вайна хууш ду нохчийн къоман истори дукхах ерг халкъан бартакхолларалица вайга схьакхачар. Цундела

тхайн дайшкара хезнарг а, кхин болчу Іеламнаха йозанца дитинарг а дарна кхерарна шун кхиеле кховдадо оха. И ду Кишин воІан Кунта-Хьаьжин дай (Киши, Шовхал, Ама) вайн махка кхачар а, царах вайн къомана а, кхидолчу къаьмнашна а хилла доккха беркат а.

Оцу нахера вайга схьакхаьчнарг ду Хьаьжин дай Іаьрбийн махкарчу Макка шахьарара схьабевлла хилар а, Делан а, Пайхамаран а «мухІажарш» хилла уьш ДегІастана бахкар а.

Церан некъ кху тайпана хилла: ГІирмехула (Крым) Абзахе (Абхазе) баьхкина, цигара ГІумхе (Суьлийн мохк) кхаьчна, цу меттигера схьабевлча ГІоьрдала биссина. ГІоьрдалахь велла, дІавоьллина ву Кишин денда Ама. Ама дІаверзийначул тІаьхьа Шавхалан доьзал Мелчахе охьабеана. Мелчахехь цхьа хан а яьккхина Иласхан-Юьрта схьакхелхина Киши-Хьажин доьзал.

Вайн махкахь яьккхинчу хенах дукхах ерг Кишин доьзало Иласхан-Юьртахь яьккхина, цундела цуьнан мурдаша Кунта-Хьаьжех Иласхан-Юьртара хьаьжа олу.

Амма, Кишин-Хьаьжас а, цуьнан гергарчу наха а кІеззиг хан ца яьккхина Гуьнахь (Хьаьжин-Эвлахь).

Муха тасаделла хилла Хьаьжин доьзалан гуношца гергарло? Гуьнарчу Даков-Хьаьжис дийцарехь Кишин денда Ама а, Воккхачу Кериман денда ГІирма-Хьаьжа а, Гуьмсал дехьара кхин цхьа стаг а (цуьнан цІе ца хаьа) Макка ХьаьжцІа воьдуш ГІирмехь цхьана нахехь буьйса йоккхуш сецна. Уьш Хьаьжин дай хилла, шайца Ама а волуш. Шаьш охьахевшинчу махкана реза боцуш болчу цара ГІирма-Хьаьже хаьттина шу дехаш долу мохк муха бу, аьлла? ГІирма-Хьаьжас чІогІа хастийна вайн мохк. Лаьмнаш а, шовданаш а, шортта дитташ а долуш бу тхан мохк, аьлла. И тайначу АмагІара ГІирма-Хьаьже дехар дина, шаьшшиъ юхавогІуш чуверзахьара, шаьш шуьца шун махка догІур дара, аьлла. Оцу тІехь барт а хилла, АмагІар ГІирма-Хьаьжица вай долчу богІуш ГІумхахь кІеззигчу ханна севцца.

Марзойн-Махкара Дилин Мохьаммад-ЯрагІис кху кепара дуьйцу и.

ГІирма-Хьаьжис Макка хьаьжийн цІа ваханчохь ворхІ шо хан яккхина. ХІора шарахь хьаьж а деш. И хан йоккхуш вевзина хилла ГІирма-Хьаьжина Кишин денда Ама. Оцу гергарлонашна тІетевжина баьхкина АмагІар ДегІастана.

Цу хенахь тасаделла хилла Кишин Кунта-Хьаьжин дайн а, Вокхачу Кериман дайн а гергарлонаш. Г1ирма-Хьаьжи Вокхачу Кериман денда хилла, уьш Гуьнахь бехаш а хилла.

И юкъаметтиг ларйина церан бераша а, берийн бераша а. Шайн дайша лелийна доттагІалла хилла Кишин Кунта-Хьаьжас а, Воккхачу Керима а лелийнарг. И доттаг1алла бахьана долуш Кишин-Хьаьжис Кериме ша устаз а ца лацайтина, ши доттаг1 цхьаъ устаз важа мурид а хуьлийла дац аьлла. Т1аккха холча ваьллачу Керима хаьттина бахара Кишин-Хьаьже ша цхьаъ Зандакьахь вирд долуш висича кхиберш ахь хьехна вирд доккхуш хилча шена х1ун хир дуте аьлла. Хьуна шина жих бекхначу 1ахарна хилларг хира ду аьлла жоп деллера Мубарик Хьаьжис. И цара шайн тІаьхьенашна дитар бахьана долуш доккха беркат кхаьчна гуношна. И беркат тахана а совдуьйлуш лаьтташ ду.

И шиъ (Кунта-Хьаьжи а,Воккха Керим а) цхьана хеннара хилла кху тІехь Керима а 52 шо ду Хьаьжин йишин Хьаптийн 42 шо ду), цундела вовшашна тІекхачар цаьршиннан алссам хилла жима волуш дуьйна. Цхьацца болчу 1илманчаша а, 1елимнаха а яздарехь Кишин-Хьаьжи дуьнент1е ваьлла 1830 шарахь. И терахь цара архивехь долчу кехаташ (документаш) т1ера схьаэцнехь а кьовсаме хета суна. Хьалхара: Вайна хууш ду Сесанара Воккха-Хьаьжа а Кишин-Хьажа а цхьаьна диване хийжар. Кхин а хаьа вайна Сесанара Воккха-Хьаьжи дуьнент1ера 1841 я 1843 шарахь д1авахар. И терахь (1830) нийса делахь Кунта-Хьажа шен 12–13 шо долуш хийжина Воккхачу-Хьаьжица диване. И хуьлийла дац, х1унда аьлча шен 18 шо кхаччалц ша «мила» ву хаайтина вац Кунта-Хьаьжа. Шолг1а: 1867 шарахь кечйинчу Посемейный список т1ехь Хьаптин 42 шо ду аьлла яздина ду. Вай лакхахь бийцинчу 1илманчаша дийцарехь 1867 шарахь Кунта-Хьаьжин 36–37 шо хуьлу. Т1аккха иза Хьаптел жима нисло. Вайна хаьа Кунта-хьаьжа Хьаптел воккха хиллий. Кхоалг1а: Гуношка, бартакхолларал-лехь а (дегара к1анте кхочуш) йозанца а схьадеанарг ду Кишин-Хьаьжа а Воккха Керим а цхьана хеннара хилар. И шиъ цхьана хенара а хилча, Керима 1867 шарахь йинчу Посемейный список т1ехь 52 шо а хилча, Киши-Хьаьжин тхуна хетарехь дуьненат1евалар 1815 шарахь хилла. Оцу хено **дукхохдерг** д1анисдо. Воккхачу-Хьаьжица диване а шен 25–26 шо долуш хийжина хуьлу и. Хьаптел вокха хилара а д1анисло. Керим а Киши-Хьаьжа а цхьана хеннара хилар а ч1аг1ло. Оцу лаькхахь вай дийцинчо гойту 2015 шарахь Кишин-Хьаьжи дуьненат1еваьлла 200 шо кхачар. И хан вай т1еэцахь вайн йиш хир ю кху шарахь Кишин-Хьаьжин 200 шо кхачарна лерина цхьанакхетарш дан.

Хьаьжина хьала Гуьна ван лаьий хеъча шен нахаца дага а ваьлла Воккхачу Керима шен вордана-хь цуьнан бахам а бохьуш, берийн ага шен белаш тІе а диллина Курчалой-Эвлахула ша волчу хьала валайна. ВогІуш-воьдуш Гуьнахь цхьайолу хан яккхина Хьаьжас. Цул тІаьхьа шена Гунойн лаьтта тІехь ваха пурба а даьккхина хІинца йолу Хьаьжин-Эвла йиллина. И юрт юьллу меттиг Хьаьжис

билгалъяьккхича Керима аьлла хиллера: «Кхузахь муха ховшу шу охьа, кхузахь хи а ма дац». ТIаккха Хьаьжас хIинца Къулло долчу Iаса а Iоьттина элира боху – хи-м кхузахь хир дара аьлла. Иштта даьккхина ду хIинца Хьаьжин-Эвлахь долу «Хьаьжин Къулло».

Цу заманчохь Кунта-Хьаьжин лаамца дина ду Хьаьжин йишин Хьаптин а, Воккхачу Кериман вешин Везин а захало. И захало дан Кишин-Хьаьжис Воккхачу Керимна т1едиллина хилла. И декхар шена кхочуш дан ч1ог1а хала хир дуйла хаайтина Керима Кишин-Хьаьжина, Хедех болчу бехкана. Т1аккха Кишин-Хьаьжа ша хьалха а ваьлла Воккха Керим а Гехай (имам Шамилан наиб хилла ву Геха) йо1 Поха т1ехьа а х1оттина Иласхана юьрта а вахана хьала ялайна шен йиша Хьапта Керима вешина Везина. Церан тIаьхьенаш тахана а Гуьнахь а, Хьаьжин-Эвлахь а, Марзойн-Махкахь а, кхечу ярташкахь а ехаш ю. Шен йиша Мата а елла Хьаьжас Эвтараруч гуночуьнга Атабига.

Гуьнарчу наха доккха дозалла до Кишин Кунта-Хьаьжа шайн юьртахь Iар-дахар долуш хилла хиларх а, ша шен муридашна юкъа даьккхина долу чIагаран зуькар цигахь долорна а.

ХIинца а билгал ю Хьаьжин-Эвлахь (кегийчу кешнашкахь) устаза шен мурдаш вовшах а тоьхна дуьххьара чIагаран зуькар дина меттиг. Гоубаьккхина гIожмаш а йоьгIна, гуо ларбайта цунна гуонаха хайохур а тесна, долийра бохуш дуьйцу гуношца Iола-лахI, Iуьлиллах I олуш долу чIагаран чехка зуькар. И зуькар Хьаьжигахула вайн дайшкара схьадеана доллушехь, тIе тоха а, дIадаккха а хIума а доцуш, цхьаболу цIе езаш болу нах и хийца гIерташ лела. Ас чIогIа тамаш бо оцу «муридех».

Хьаьжин муридашна боккха кхаъ хилира шен нана Хеда (Чартойн тайпана йолчу) дIакхелхича и дIайолла меттиг шайн лаьтта тIехь билгаляьккхича. Хеда дIакхалхале Хьаьжис аьлла хиллера шен нене, меттиг а гайтина, хьо кхузе дIаерзо дагахь ву ша, аьлла. Баба-Хедас аьлла хиллера, ахь муха юллу ша кхузахь дIа, хIара чораш а евлла, бежнаш а лелаш, цхьа а каш а доцуш хьуьнаюкъ ма ю. Ша елча Иласхан-Юьртахь дIайолла, я Веданахь биэ шена кошан барз. Кишин-Хьаьжас шен нене аьлла хиллера, Маккахь-Мединатехь йолу еза меттигаш дIаевлча еза меттиг ю хIара. Хьан коша тIехь зиярат а хир ду, кхузара адам а хедар дац, хазъелла, тоелла дIахIуттур ю.

Делан лаамца, Кадыров Рамзанан омрица и дерриг а вайна тахана гуш ду. Хьаьжин-Эвла кхачалц асфальтан некъ билийтина, некъаца чиркхаш а туьйсуш. Хьаьжа Iийна а, цо Iамалш йина а метигаш, зиярат, чIогIа исбаьхьа тодина. Хьаьжин а, цуьнан ненан Хедин а сийнна юртахошна газ йиллийтина, хиш а даладайтина. Оцу белхашна доккха баркалла олу Хьаьжин муридаша а кхиболчара а Кадыров Рамзанна.

Хеда дIакхелхинчул тIаьхьа(дийцарехь Хеда кхелхина 1851–1859 шерийн юкъехь) а дикка Iийна Хьаьжа а, цуьнан доьзал а, хIинца йолчу Хьаьжин-Эвлахь. Шена детташ долу меттанаш совдевлча, Россин паччахьан Iедало ша лаца герга вахча, Гуьнара Иласхан-Юьрта охьа вахана Кишин Кунта-Хьаьжа, гуной ша лацарна тIаьхьарчу тIаьхьенашка бехке ца байта.

Цхьа эзар бархI бIе кхузткъе доьалгIачу шеран кхоалгIачу январехь Кунта-Хьаьжа, Мовсар, Коврнакъа, Iалхан-Юьртара Тутгиреев Iабдусалам (Хьаьжин йозанча), ТIалиб Iедало схьалецна.

Оцу шеран ялхолгIачу январехь уьш Соьлжа-ГIаларчу набахтера Буру-ГIала дIабигна. Ткъа цигара Ставрополехула, Екатеринодарехула Новочеркасске бигна. Цигахь шен муридашца ялх бутт баьккхина Хьаьжас. Цул тIаьхьа Хьаьжа «даиманна а хан яккха» Новгородски губернин Устюжина гIала хьажийна. Iабдусалам, Коврнакъа, ТIалиб Смоленски губерни вигна. Мовсар Выборгски гIопе вуьгуш новкъахь Iедалан карара ваьлла, къайлах Уьстамала (Стамбул) дIавахна. Хьаьжас Устюжинехь ши шо сов хан яьккхина, цигара къайла ваьлла 1867-чу шеран 19-чу майхь. Дала къайле цIинйойла цуьнан. Хьаьжас махках волуш аьлла боху: «Шайга килсаш чу гIо бахахь, цу чу гIолаш, уьш гIишлош бен яц шуна, шун дегнаш цIена хилчахьана. Шайга коча жIараш охка бахахь, дIаохкалаш, иза эчиг бен яц шуна, ойла а, синош а бусулба хилчахьана.

Хьаьжин весеташца вай дахахь, вайн дахар маьрша а, хаза а, беркате а, токхе а хир ду.

Дала адамашна елла йолу цхьатерра бакъонаш чIагIъян пурба лойла вайна.

Кху балха тIехь ас яздинарг суна дийцинарш хIорш бу:

Гуьнара Воккхачу Кериман кIентан ТIушалан воI Сайд-Iаьлви (шен 86 шо долуш кхелхина 1978-чу шарахь).ТIушалан Дилин кIант Мохьмад-ЯрагIи (90 шо ду).

Гуьнара Бугаев Даков-Хьаьжа (87 шо ду).Гуьнара Илесан кIант Увайс (75 шо ду). ТIушалан кIентан ИбрехIиман кIентий Сайд-Ахьмад а (шен 84 шо долуш 1994-чу шарахь кхелхина) Муьсли а (шен 82 шо долуш кхелхина 2000-чу шарахь).

Литература:

1. Посемейный список Ичкерийского округа 15.03.1867 г. Ф.11, оп. 52. Д. 2.

УДК 93

МИР ДЕТСТВА НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ (ПО УСТНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ ДЕТЕЙ-СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ)

WORLD OF CHILDHOOD IN BANISHMENT (INTERPRETATION MEMORIES OF CHILDREN AS SPECIAL SETTLERS)

И.В. Лиджиева,
старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

I.V. Lidzhieva,
Senior Researcher in "History and Archaeology" Department Kalmyk Institute for Humanities Research RAN

В рамках данной статьи автором поставлена цель показать отражение депортации по этническому признаку в памяти детей на основе опубликованных материалов, а также полученных в ходе интервьюирования и опросов людей, являвшихся непосредственными свидетелями насильственного выселения и режима спецпоселения. В результате исследования был сделан вывод о том, что воспоминания как никакой другой исторический источник субъективны, тем не менее, несмотря на возможные неточности в рассказах, стертые за давностью лет подробные детали, в конечном итоге из них формируется картина нелегкого детства, которая несет на себе отпечаток личности автора.
Ключевые слова: *детство, детская память, воспоминания, репрессивная политика, депортация.*

The article is aimed to show a reflection of deportation on ethnic grounds in memory of children on the basis of published materials, and obtained during interviews and surveys of people who were direct witnesses of forced evictions and the special settlement regime. The study concluded that memories like no other historical source are subjective, however, despite possible inaccuracies in the stories, after so many years the details eventually form a picture of difficult childhood, which has imprint of the author's personality.
Key words: *childhood, children's memory, memories, repressive policies, deportation.*

В ноябре 1936 года VIII Чрезвычайный съезд Советов принял новую Конституцию, провозгласив построение в СССР социализма. Но, к сожалению, даже Основной закон не стал препятствием для репрессий. В государстве окончательно сформировался тоталитарный политический режим. Апогеем этой репрессивной политики стали годы Великой Отечественной войны, когда насильственному переселению подверглись народы и группы населения – 61 национальность [1].

Правовая система проводимых мер по депортации народов являлась составной частью законотворческой деятельности государственного аппарата. Каждой из проводившихся акций по переселению народов соответствовала необходимая нормативная база, придававшая всем этим антигуманным действиям правовой характер. Очевидно, что такие акты в большей мере имели уклон в сторону усиления репрессированных действий в отношении депортированных, принадлежавших к различным национальностям и попавших под статус «неблагонадежных».

В современной исторической науке наметилось повышение исследовательского интереса к «малозаметным» повседневным практикам «обычного» человека в «необычных» условиях. Тема депортации не стала исключением. Одним из актуальных направлений в изучении повседневности является обращение к ее детскому аспекту.

Сегодняшний возраст респондентов колеблется от 64 до 85 лет. Их воспоминания позволяют соприкоснуться с той атмосферой, в которой им пришлось выживать в самый лучший этап жизни каждого человека – детство. Именно на их детство выпало немало горечи: война и депортация, но, несмотря на все социальные трансформации, жизнь идет своим чередом, и они, дети депортации, преодолевая моральные и материальные лишения, не только выстояли, но и сохранили свою этническую культуру.

Тема депортации народов на основе документальных источников стала одной из наиболее изучаемых проблем в отечественной историографии, но, к сожалению, обращение к отдельным аспектам повседневной жизни на спецпоселении не получила широкого освещения.

Согласно Основному закону государства все граждане Советского Союза были наделены равными политическими правами, декларировались важнейшие личные и политические свободы: совести, слова, печати, собраний и митингов, шествий и демонстраций, союзов и общественных организаций, неприкосновенность личности и жилища. Между тем согласно воспоминаниям непосредственных свидетелей насильственных выселений ряда народов в годы Великой Отечественной войны

все эти права только декларировались. Детская память о дне выселения карачаевцев сохранила образ собаки, с которой, как и со многим другим, ее хозяевам поневоле пришлось расстаться. «… Прибежала наша собака и бросилась на них, одного она укусила за руку и пошла кровь. Разозлившись, солдат взял автомат и пристрелил собаку. Мне было больно видеть все это, и я заплакал» [2]. Для 9 летней Гали депортация калмыков запомнилась как внезапный приход в дом солдат, которые кричали, толкали ее родителей дулом автомата, «по-русски я плохо понимала, поэтому не могла понять, почему эти чужие люди ругают моих родителей» [3]. 11-летняя Ану Б., описывая атмосферу, царившую в день депортации чеченцев, отмечает: «На хуторе стоял плач людей, мычание коров и лай собак» [4]. В памяти 13-летней Джиргалы запечатлелись несправедливость и жестокость со стороны тех, кто выселял их с родного дома: «Солдаты перегородили дорогу и не дали взять семейные ценности из сундука – серебряную статуэтку Будды, токуги, кольца из драгоценных металлов», а ведь все эти вещи могли значительно облегчить жизнь их хозяев, вынужденно оказавшихся в новых условиях [5]. Но это было только начало…

Перевозили людей в декабрьскую стужу в необорудованных железнодорожных вагонах, предназначенных для перевозки скота. 6-летняя Александра с характерной детской непосредственностью описывает тот холод «Не знаю, как спали мать и бабушка, но мы, дети, спали у них на руках, очень трудно было просыпаться: на ресницах и вокруг рта образовывался лед. Трудно и больно было открывать глаза. Помню, как я выдирала эти сосульки и эту ужасную боль» [6].

За относительно короткое время в пути дети повзрослели, изменилось их отношение к окружающей действительности, для 12-летней Нины Г. дорога, как пограничное событие «… я потеряла счет времени, сколько мы едим, бабушка старалась, чтобы я спала, так меньше чувствовался голод. Просыпалась, когда открывали дверь вагона на очередной станции и выносили трупы умерших людей. К ним относились спокойно, а ведь раньше боялись» [7].

И вот новое местожительство, определенное беспомощным старикам, женщинам и детям. «Нам, степнякам, в первое время было страшно находиться в тайге, огромные деревья давили на нас, терялась видимость и запросто можно было заблудиться» [8]. Сплошные лесные массивы, которые так внушали страх жителям бескрайних степей со временем стали хорошим подспорьем, дававшим пропитание. Воспоминание Булгун Н., чье детство тоже прошло на спецпоселении, характерно для многих калмыцких детей: «Летом мы, калмычата, как и все сибирские дети, научились плавать, собирать ягоды, распознавать грибы, какие можно собирать, какие нет. Насаживая их на прутики, мы их жарили на костре, так и кормила нас тайга» [9].

У многих респондентов депортация ассоциируется с чувством голода. Для 6-летней Розы Г. приезд в Сибирь запомнился как «голод, кушать было совсем нечего, пекли на плите найденную мерзлую картошку» [10], но даже и та была доступна не всем. Тяжелые воспоминания связаны с картошкой у такой же по возрасту Александры: «Лунная ночь. Местные ребята играют в хоккей. Вместо шайбы у них хорошая картошка. Вот мы, дети-калмыки, стоим и ждем, когда они закончат играть. Кончив играть, так сильно бьют по шайбе. Шайба летит в сугроб и мы, голодные дети, кидаемся в сугроб за ней. Помню холод, который пронизывает тебя до плеч колючками, когда ты роешься в сугробе в поисках картошки» [6]. Пропитание добывали кто как мог, память другой девочки сохранила следующий фрагмент: «Недалеко была столовая ФЗУ, которая выливала кухонные помои, там попадалась шелуха картошки, репы, турнепса, капусты – мы собирали это и тоже ели. А когда проезжали эшелоны с солдатами, мы ходили по вагонам и просили милостыню, пели, плясали, и иногда что-то нам доставалось» [11]. Подростком оказавшийся в Сибири Бака П. четко отразил положение калмыков с питанием, особенно в первое время: «Ели картошку и жареный лук, единственное, что нам было доступно, радовались и этому» [12].

8 января 1945 года было принято постановление СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» [13], закрепившее принудительное трудоустройство и ограничение свободного передвижения. Спецпереселенцы – главы семей или лица, их замещающие, были обязаны в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях, происшедших в составе семьи. Так высланные народы полностью оказались во власти спецкомендатур. По агентурно-осведомительным данным калмыки преследовались даже за высказанную где-либо вслух мысль об обиде на советскую власть, что рассматривалось как антисоветское выступление. 14-летняя Сяхля М. четко воссоздала ту атмосферу: «В первый же год выучила русский язык, потому что комендант грозил лагерями, когда слышал калмыцкую речь» [14]. Депортированным народам в первое время пришлось еще и столкнуться с негативным отношением местных жителей. Родившаяся уже в статусе спецпереселенца Зайдан вспоминает: «Казахам рассказали, будто идут страшные люди, с рогами, их не надо любить, надо закидывать камнями и т. п. Правда, на деле оказалось по-другому. Вместо того

чтобы закидывать камнями, казахи нас боялись. Постоянно просили отца снять шапку и показать рога. Когда отец снимал шапку, они снова просили «показать» рога, думали, что он их втягивает в голову и прячет» [16].

Процесс адаптации в новых условиях, как для взрослых, так и детей, проходил по-разному. У Галины А. теплые воспоминания о школе: «Мне нравилось учиться, учительница меня хвалила, все время говорила, что калмыки – молодцы» [16]. А для другой девочки обучение в школе стало еще и самоутверждением в детском обществе: «В школах, в которых я училась, я была единственной калмычкой. Или в диковинку были азиаты для местного населения, или это детская жестокость, но мне часто приходилось отбиваться от школьников, которые дразнились и оскорбляли» [17]. Со временем жизнь у спецпереселенцев понемногу налаживалась, но «дети все равно дразнили «Фрида – фриц», «Фрида – Гитлер», хоть не появляйся на улице – сразу закидывали нас камнями и плевали в лицо» [18].

Но не везде было такое отношение к высланным. «В моей памяти не осталось тяжелых воспоминаний о школе. Я училась хорошо, учителя это ценили. Дразнили нас поначалу, и такое бывало. Но я не была робкой, могла и ответить» [19].

Родившейся уже на спецпоселении Маше Б. запомнилась только одна местная девочка, которая «…все время меня дразнила: «Калмыки, калмыки нет ни хлеба, ни муки, картошку едят, понемножку сопят», – тем самым она пыталась подчеркнуть наше тяжелое материальное положение» [20].

Но, несмотря на непростой процесс социализации, спецпереселенцы стремились дать образование своим детям, а те в свою очередь проявляли стремление и упорство в получении знаний. «По итогам 1-й четверти в канун 7 ноября в класс зашла учительница Анна Степановна Котова и объявила, что я единственная отличница в семилетней школе, и на утреннике, посвященном ноябрьским праздникам, мне подарили черный сатиновый отрез» [21]. Эти воспоминания той первоклассницы, одной из немногих калмыцких детей, проявлявших усердие в получении знаний. Еще один первоклассник вспоминает, как «в 1947 году пошел в первый класс, …закончил с похвальной грамотой. За отличную учебу мне выдали пуд ржи. Отец нес мою премию по деревне, а я гордо шел рядом с ним. И так по четвертый класс я каждый год заканчивал с похвальной грамотой» [22].

Обучение в старших классах было платным, но, несмотря на тяжелые условия, и родители, и дети считали, что необходимо получить образование. Школьница Надя М. собирала ягоды «и выносила продавать их на проходящие пароходы, и было чем за школу заплатить» [23].

Оказавшись поневоле спецпереселенцами, ограниченными в правовом статусе, дети находили возможность продолжить обучение, еще и на «отлично». «С первого курса я училась на «отлично». Поэтому меня не удивляло, что я была выбрана комсоргом группы, потом секретарем комитета комсомола факультета, членом комитета института. Но Сталинскую стипендию (повышенную и поощрительную) я не получала» [19].

Но не все могли учиться, кому-то пришлось очень рано повзрослеть и стать кормильцем в семье, а у кого-то элементарно было нечего одеть. Девочка Фрида закончила три класса и с сожалением вспоминает: «Дальше возможности учиться не было, т.к. не было обуви» [18]. «После «ухода» папы и Яши мы остались вчетвером с мамой. Старшей сестре было 12, мне младшему, исполнилось шесть. Если я не выходил на работу, паек на семью не выдавали. Так что в шесть лет я пропалывал зерновые и немного помогал на огороде, в семь – пас овец, в восемь – телят. В 11 лет уже начал управлять комбайном» [24]. Работали, чтобы выжить, как-то прокормиться, 12-летний Яков вспоминает: «Работал в колхозе в разное время то сторожем, то разнорабочим на элеваторе и конюхом пришлось потрудиться. Маленький пацан, я даже помню как на лошадь взобраться не мог» [25]. 8-летняя Зоя М. после смерти мамы осталась единственной опорой для маленького братика, пришлось «рыться на помойках, чтобы как-то с братом выжить» [26].

«Так мы остались круглыми сиротами…. С 10 лет я начала работать, чтобы заработать хоть на хлеб. Работала наравне со взрослыми, начиная с раннего утра до ночи, ужасно уставала. Так прошло мое детство, незаметно для себя я стала взрослой» [18].

Выживать, мириться с ужасными бытовыми условиями помогали мечты, они были связаны с надеждами на лучшую жизнь, без чувства голода. «Маленькой мечтала быть продавцом, думая, что находиться рядом с товаром значит быть сытой, но стала врачом» [27]. Другая девочка, как и многие другие дети депортации, оставшись сиротой, в своих мечтах «хотела стать геологом, но после детского дома дорога была только в ремесленное училище, далее на завод» [28].

Выжить в тех суровых условиях спецпереселенцам помогали добрые люди, старожилы тех мест или такие же высланные. «До сих пор вспоминаю с благодарностью, как перед выездом на поле по утрам заходил к нам в класс дядя Иван, тогдашний председатель местного колхоза, и отдавал мне

свой «полевой» паек» [29]. Характерно, что большинство опрошенных респондентов, вспоминания свое детство на спецпоселении, выражают благодарность местным жителям, которые в трудную минуту не прошли мимо детского горя, которое не имеет национальности.

Воспоминания как никакой другой исторический источник субъективны, тем не менее, несмотря на возможные неточности в рассказах, стертые за давностью лет подробные детали, в конечном итоге из них формируется картина нелегкого детства, которая несет на себе отпечаток личности автора. События давно минувших лет через судьбу конкретных людей получают новое освещение, ведь история – это самопознание человечества, а что может быть интереснее, чем сам человек? Эта галерея детских воспоминаний позволяет обратиться к одному из трагических периодов в истории депортированных народов.

Литература:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ Ф. А-327. Оп. 2. Д. 721. Л. 85)
2. Асхаков С.И. Воспоминания, как источник изучения процесса депортации // Репрессированные народы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2013. Ч. I. 292 с. С. 92–97.
3. Полевые материалы автора: Хулхачиева Галина Манджиевна, 1934 г.р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в сентябре 2013 г.
4. Полевые материалы автора: Бахарчиева (ур. Абдулаева) Ану, 1932 г.р., записано в с. Кегульта Кетченеровского района Республики Калмыкия в сентябре 2013 г.
5. Полевые материалы автора: Шевенова Светлана Ивановна, 1952 г.р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в феврале 2013 г.
6. Оконова Л.В., Настаева А.Ф. Дети в депортации: воспоминания о сибирском детстве (к проблеме изучения истории повседневности) // Репрессированные народы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2013. Ч. II. 158 с. С. 209.
7. Полевые материалы автора: Гаврилова Нина Давыдовна, 1930 г.р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в августе 2013 г.
8. Бакаев П.Д. «Навечно» высланный (воспоминания о депортации). // Репрессированные народы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2013. Ч. II. С. 180.
9. Полевые материалы автора: Нохаева Булгун Мактеевна, 1930 г.р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в сентябре 2013 г.
10. Полевые материалы автора: Гынгеева Роза Эльдяевна, 1937 г.р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в октябре 2013 г.
11. Цакирова П.А. Всем смертям назло // Во глубине сибирских руд… Воспоминания и статьи (1943–1957). Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2013. 720 с. С. 588.
12. Полевые материалы автора: Питкиев Бака Немаевич, 1934 г.р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в марте 2013 г.
13. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Отв. за вып. Е.А. Зайцев. М.: Республика, 1993. 224 с. С. 113.
14. Полевые материалы автора: Есенова (ур. Манцаева) Сяхля Мукабеновна, 1927 г.р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в феврале 2013 г.
15. Полевые материалы автора: Исраилова Зайдан Джамуловна, 1946 г.р., записано в п. Кегульта Кетченеровского района Республики Калмыкия в марте 2013 г.
16. Полевые материалы автора: Питкиева (ур. Айтаева) Галина Багаевна, 1940 г.р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в марте 2013 г.
17. Кекеева А.У. 28 декабря детство у моего поколения закончилось // Во глубине сибирских руд… Воспоминания и статьи (1943–1957). Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2013. С. 57.
18. Полевые материалы автора: Музаева (ур. Шейт) Фрида Филипповна, 1937 г.р., записано в с. Овата Целинного района Республики Калмыкия в сентябре 2013 г.
19. Хонгорова Е.Б. Он все равно поднялся в небо // Во глубине сибирских руд… Воспоминания и статьи (1943–1957). Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2013. С. 512.
20. Полевые материалы автора: Бавуева Мария Санджиевна, 1947 г.р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в марте 2013 г.
21. Зольванова С.Б. Сибирь – мое детство // Во глубине сибирских руд… Воспоминания и статьи (1943–1957). Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2013. С. 111.
22. Басангов И.Н. Любовь к родному пепелищу // Репрессированные народы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2013. Ч. I. С. 136.
23. Чурюмова В.С. Лучше поздно, чем никогда // Во глубине сибирских руд… Воспоминания и статьи (1943–1957). Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2013. С. 585.
24. Сазонов С. Депортация немцев 1941 года в воспоминаниях очевидца. URL: http: //altapress. ru /story/72428.
25. Полевые материалы автора: Майер Яков Яковлевич, 1929 г.р., записано в с. Яшалта Яшалтинского района Республики Калмыкия в августе 2013 г.
26. Полевые материалы автора: Манцева Зоя Владимировна, 1938 г.р., записано в г. Элиста Республики

Калмыкия в феврале 2013 г.
27. Полевые материалы автора: Есенова Валентина Бабаевна, 1950 г.р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в октябре 2013 г.
28. Полевые материалы автора: Онгульдушева (ур. Басангова) Елена Егоровна, 1936 г.р., записано в г. Элиста Республики Калмыкия в феврале 2013 г.
29. Убушаев В.Б. Через три института // Во глубине сибирских руд… Воспоминания и статьи (1943–1957). Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2013. С. 496–511.

УДК 394

К ИССЛЕДОВАНИЮ ДРЕВНЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАВКАЗА (ЧЕЧЕНЦЫ)

THE ANCIENT ETHNIC HISTORY OF CAUCASUS (CHECHEN)

С.М. Джамирзаев,
д.и.н., профессор кафедры СКС и Т ЧГУ

S.M. Dzamirzaev,
Doctor of Historical Sciences, Professor in "SKS and T" Department of CheSU

Основная цель данной статьи – это попытка теоретического осмысления древней этнической истории Кавказа на основе научного анализа и синтеза достижений ряда наук (этнология, лингвистика, антропология, археология и др.) создать целостную систему и показать древний облик чеченцев в общекавказском контексте, а также исследование их созидательной деятельности, вклад в мировую цивилизацию, взаимосвязь и взаимоотношения с другими народами.
***Ключевые слова**: чеченцы, автохтоны, древняя история, синергетика, этнос.*

The main purpose of this article is an attempt to theoretical understanding of the ancient ethnic history of the Caucasus on the basis of scientific analysis and synthesis of the achievements of a number of sciences (ethnology, linguistics, anthropology, archeology, etc.). Creation of a complete system and show the ancient image of Chechens in the context of the Cross Caucasus, as well as the study of their creative activities, contribution to world civilization, the relationship and relations with other nations.
***Key words:** the Chechens, the autochthonous, ancient history, synergetics, ethnos, tribes*

Без должного учета диалектической взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего не представляется целостным объективное воспроизводство реальной картины исторических проблем. Основная цель данной статьи – это попытка теоретического осмысления древней этнической истории Кавказа на основе научного анализа и синтеза достижений ряда наук (этнология, лингвистика, антропология, археология и др.) создать целостную систему и показать древний облик чеченцев в общекавказском контексте, а также исследование их созидательной деятельности, вклад в мировую цивилизацию, взаимосвязь и взаимоотношения с другими народами. В значительной степени эта работа получила освещение благодаря научным исследованиям Н. Марра, И. Дьяконова, И. Джавахишвили, Г. Меликишвили, О. Джапаридзе, Е. Крупнова, М. Агларова, М. Магомедова, Ю. Дешериева, С. Старостина и др. В свою очередь, относительно древней истории чеченцев, определенные научные результаты междисциплинарного синтеза освещены в специальной работе [2]. В данной статье затрагиваются некоторые актуальные вопросы решения историко-этнологических проблем древней истории народов Кавказа.

Основным недостатком значительных исследований прошлых столетий следует считать игнорирование из-за политических констант, синергетики, иначе: неиспользование должным образом лингвистических достижений, данных археологии, этнологии, антропологии, этнонимики, топонимии, гидронимики и др. в области исторических исследований, что также отодвигал этнос на задний план, т.е. мы имели дело с односторонним толкованием «исторических» проблем без учета самого творца человеческой истории – народа, племени (их главный определитель и культурное ядро – это язык). Однако с развитием исторической науки новые археологические открытия и активизация научно-исследовательской работы в области археологии, антропологии, этнологии, этимологии, родственных связей носителей хуррито-урартских и нахских и, в особенности, иберийско-кавказских языков в определенной степени обусловили возможность воссоздания цельной научно обоснованной картины исторического развития чеченского народа [2, С. 7].

Как установлено целым рядом исследований, «изучение далекого прошлого Северного Кавказа (его исконных этносов) имеет большое значение, прежде всего, для исследования древней истории

современных народов этого региона. Более того, история древних северокавказских племен была неразрывно связана с историей населения т.н. русских степей, племен Закавказья и всего переднеазиатского мира» [2, С. 7–8]. Причем, «это объясняется географическим положением Северного Кавказа, исстари связывающего юго-восточную Европу с Передней Азией. Этническая пестрота современного населения Северного Кавказа, разница в темпах исторического развития отдельных его народов требуют углубленного исследования той основы, на которой сложились эти народности» [4, С. 3]. Соответственно, история чеченцев нами рассматривается как частный случай (слагаемый) из общедревнекавказско-переднеазиатского этно-культурно-языкового процесса и в органической связи с ней.

Научные исследования последних лет свидетельствуют о том, что «немаловажную роль при обсуждении вопросов этногенеза (определенный древний этап развития этноса – Д.С.) отводится определению критериев, каждой из слагаемых наук (антропология, этнография, лингвистика, археология, топонимика, источниковедение), которые способствовали бы наиболее достоверному реконструированию этнической картины с древнейших времен. Несомненно, для воссоздания ранних этапов этнической истории важное значение имеют палеоантропологические, археологические и лингвистические материалы. Вместе с тем, суть этногенеза заключается не в механическом проецировании данных разных наук, а в диалектическом толковании соотношения конкретных антрополого-археолого-лингвистических фактов» [2, С. 8]. При отсутствии достаточно полных данных по антропологии и языку, правильное сочетание данных материальной культуры с письменными источниками позволит приблизиться к верному решению проблем [3, С. 46], исследования подлинной древней истории чеченцев.

Междисциплинарное исследование этнической истории позволяет выделить «три главных аспекта: языковой (прежде всего история формирования, развития и распространения языка, или языков, определенных групп населения), культурный (вопросы культурной преемственности, взаимодействия, интеграции и дифференциации внутри этих групп (с учетом как общих, так особенно и «этнизирующих» признаков) и соматический (антропологическая характеристика носителей данных групп, вопросы их близости, различий, взаимодействия и последовательности развития). Каждый из этих аспектов глубоко специфичен и должен изучаться методами соответствующих наук. Соотношение между ними далеко не всегда идентично и должно рассматриваться особо в каждом конкретном случае. Но равное внимание ко всем указанным аспектам и профессиональный характер их освещения представляются при разработке отмеченных проблем необходимыми. При этом следует учитывать различные уровни такой разработки. На высшем уровне всестороннего изучения этногенетических проблем в целом необходимы сопоставление, корреляция и комплексное исследование всех отмеченных факторов с привлечением данных и методов ряда наук – не только лингвистики, археологии и антропологии, но и палеогеографии, палеоботаники, палеозоологии, истории, этнографии, истории культуры и т.д. Соответственно и язык, при всей своей важности и специфике, выступает здесь как один из факторов, взаимодействуя с прочими» [5, С. 8]. Изучение поливалентной природы племени, народа и др. ставит нас перед необходимостью о том, «что решение узловых проблем этнической истории возможно только на основе комплексного подхода при учете данных различных гуманитарных и естественных наук – истории, лингвистики, археологии, антропологии, этнографии, палеоботаники и т.д.» [2, С. 9–10]. Такая позиция требует не только простого привлечения материалов смежных наук, но, прежде всего, выработки методики их соотнесения друг с другом и, соответственно, единых критериев отбора сопоставляемых данных [1, С. 58]. Соответственно, задача состоит в том, чтобы разрозненные научные и полевые данные о нахских древностях привести в систему и показать их во всей своей широте, глубине, взаимосвязи и исторической динамике.

Как это установлено, «к началу III тыс. до н. э. на Кавказе и древней Передней Азии мощное развитие получает металлургия и металлообработка (хотя сам процесс начинается с V тыс. до н.э., т.е. медный век, с III тыс. до н.э. – бронзовый, а с конца II тыс. до н.э. – железный, но наиболее широкое распространение последний получил с VIII в. до н.э.). Соответственно, совершенствуется и ускоряется процесс производительных сил и производственных отношений» [2, С. 10]. Благодаря производящему хозяйству увеличивается прибавочный продукт. Это повлекло за собой процессы, связанные с утверждением новых социально-общественных и кровнородственных отношений (на основе адатов) и строя (вар-ов или тайп-ов), с опорой на существовавшие базисные культурные ценности [2, С. 10].

После неолитической революции рациональное использование домашних животных, новых металлических орудий производства, зерновых культур, более совершенные технологические процессы, появление письменности и т.д. требовали от общества более устойчивого и совершенного использования миропорядка автохтонами древней Передней Азии и Кавказа. Эти достижения стали возмож-

ными благодаря их базисным ценностям: генотип, психология, язык, мировоззрение, мораль, культура, основы монотеизма и т.д.). «Более того к этому времени были заложены основы современных естественных и общественных наук. К отмеченным процессам напрямую причастны предки автохтонов Кавказа (аварцы, лакцы, даргинцы, лезгины, чеченцы, картвелы, адыги, абхазы). Здесь необходимо подчеркнуть и то, что не последнюю роль в этом процессе сыграли природа и природные ресурсы древней Передней Азии и Кавказа» [2, С. 10].

Следовательно, объективный научный взгляд на прошлое может способствовать взаимопониманию, а также сосуществованию народов и прогнозированию будущего.

Литература:

1. Бонгарад-Левин Г.М., Гуров Н.В. Древнейшая этнокультурная история народов Индостана: итоги, проблемы и задачи исследования. / Сб.: Древний Восток. Этнокультурные связи. LXXX. М., 1988.
2. Джамирзаев С.М. Древняя история чеченцев-нохчий. (К древней истории нахских племен III–I тыс. до н. э.). Саарбрюккен (Германия), 2011.
3. Козенкова В.М. Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях. / Сб.: Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
4. Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.): Автореф. дис… канд. истор. наук. М., 1960.
5. Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тыс. до н. э. в циркумпонтийской зоне. / Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
6. Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996.

УДК 902 (4/9) (Чеч.)

РАССКАЗ ГЕРОДОТА О ПОХОДЕ ПЕРСИДСКИХ ВОЙСК ДАРИЯ I ПРОТИВ СКИФОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

HERODOTUS' TALE ABOUT CAMPAIGN OF THE PERSIAN ARMY OF DARIUS I AGAINST THE SCYTHIANS AS A HISTORY SOURCE OF NORTH CAUCASIAN PEOPLE

С.М. Демелханов,
старший преподаватель кафедры истории народов Чечни ЧГУ

S.M. Demelkhanov,
Senior Lecturer in "History of people f Chechny" Department of CheSU

Статья посвящена анализу рассказа Геродота о персидском походе Дария I, традиционно датируемого 512 г. до н.э. Рассматриваются вопросы взаимоотношений автохтонного населения со скифами, возможные причины и предполагаемый маршрут похода персидских войск на Северный Кавказ.
Ключевые слова: *Геродот, Дарий I, персы, скифы, Северный Кавказ.*

This article analyses the story of Herodotus about the Persian campaign of Darius I, traditionally dating back to 512 BC. The questions of the relationship of the indigenous population with the Scythians, and the possible reasons for the proposed route march of the Persian army in the North Caucasus.
Key words*: Herodotus, Darius I, the Persians, the Scythians, the North Caucasus.*

У Геродота есть интереснейший рассказ о походе персидского царя Дария I против скифов в 512 г. до н.э. В одном из отрывков этого рассказа есть эпизод о вторжении персов в землю будинов: «Пока путь персов шел через Скифию и Савроматию они не могли опустошать местность, так как она была бесплодной. Проникнув в землю будинов, персы нашли там город, окруженный деревянной стеной. Будины бежали, город опустел и персы предали его огню. После этого персы продолжали следовать все дальше за отступающим противником, пока, пройдя через эту страну, не достигли пустыни. Пустыня эта совершенно необитаема, расположена она севернее страны будинов и тянется в длину на семь дней пути. Севернее этой пустыни живут фиссагеты. Из их земли текут четыре большие реки через область меотов и впадают в так называемое озеро Меотиду. Название этих рек: Лик, Оар, Танаис и Сиргис» (Her., IV, 123). Танаис – это, как известно, традиционное название реки Дон у античных авторов, а Оар – позднейший Вардан – современная река Кубань.

М.В. Агбунов детально проанализировал все сведения о скифском походе Дария I и пришел к выводу, что «Геродот слил воедино сведения о двух разных походах персов против скифов. Один поход был совершен под командованием Дария через Фракию и Истр. А другое вторжение, менее из-

вестное, персы предприняли со стороны Кавказа – с ним и связаны основные пританаисские события» [4, 154–155]. Предположение о двух разных походах высказывались до этого Ф. Хадсоном и И.В. Куклиной [13, 139–142].

Некоторые исследователи считают возможным связать геродотовских будинов с кавказскими удинами//удами. Сторонники такого отождествления опираются на сообщения Псевдо-Скилака, упоминавшего их вместе с меланхленами и фтирофагами. Так, Де Гинь локализовал будинов на Кубани и в Черкессии [21, 549, suv.], К. Маннерт и К. Цейс – между Кавказом и Каспийским морем [22, 138; 23, 703], С. Кассон и Ф. Хадсон – между Астраханью и Кавказом, по направлению к Каспию, у северной границы Персии [20, 175], Л.А. Ельницкий – «на западном Кавказе или в Прикаспии» [9, 70–71; 8, 129 и сл.]. Причем, последний подкрепляет свои выводы ссылкой на исследования В.А. Городцова, А.А. Иессена и Е.И. Крупнова, обнаруживших предметы материальной культуры северокавказского происхождения в степных и лесостепных скифских комплексах, «попавших туда не вследствие обмена, а в результате перемещения самих северокавказских племен» [9, 72]. С кавказскими удами, возможно, связаны и некоторые гидронимы Восточной Европы – река Уда в бассейне Северского Донца и Удай – в бассейне Днепра.

В VII–VI вв. до н.э. скифы являлись самой могущественной силой в Предкавказье. В связи с этим Северный Кавказ во многих исследованиях предстает как плацдарм для походов скифов в Переднюю Азию. Более того В.Ю. Мурзин [16, 104] вслед за М.И. Ростовцевым утверждает, что в кон. VII–VI вв. до н.э. на территории Прикубанья и Ставрополья находился политический центр Скифии. В сер. VI в. до н.э. скифы перенесли свой центр из Северного Кавказа в Северное Причерноморье, а к кон. IV в. до н.э., возможно, практически исчезли из северокавказского региона. Интересно, что именно к этому времени прекращает свое существование и северопричерноморская Скифия.

Можно предположить, что этот северокавказский центр Скифии окончательно переносится в Северное Причерноморье именно после персидского похода, предпринятого при Дарии I. В это же время туда могли переселиться и какие-то группы северокавказских племен как те же упомянутые в «Истории» Геродота будины//удины, гелы//гелоны, меланхлены и стать впоследствии частью скифского этноса.

Если принять во внимание, что граница персидских владений при Дарии I проходила по Кавказскому хребту, а скифы, обитавшие в Предкавказье и Прикубанье, были достаточно беспокойными соседями, то рейды персидского царя (или его полководцев) на Северный Кавказ с целью усмирения воинственных соседей и обеспечения мира и спокойствия на границе империи можно рассматривать как вполне закономерные и необходимые.

В эпоху поздней древности тесные связи нахских племен с Закавказьем, а также степными и лесостепными областями Восточной Европы не только не прерываются, но и усиливаются, что подтверждается археологическими исследованиями. Так, изыскания Л.С. Хомутовой и Н.Н. Тереховой дают возможность предположить, что Кавказ оказал большое влияние на становление железоделательного производства у ананьинских племен Волго-Камья [11, 281]. Примечательно, что название стали в скифском («andan») и чеченском («onda») языках совпадают [1, 12]. Надежная этимология этого термина в нахских языках[1] (чеч. онда – «сильный», «крепкий») позволяет говорить о его заимствовании скифами у предков современных чеченцев, а не наоборот, как утверждал В.И. Абаев. Закреплению этого термина в скифской среде могло способствовать не только близкое соседство скифских и нахских племен и превосходство последних в уровне железоделательного производства, но и совместное участие в переднеазиатских походах.

Большой интерес специалистов до сих пор привлекают материалы Нартановских курганов с территории Кабардино-Балкарии. Одни исследователи относят их к памятникам кобанского населения, ассимилировавшего часть кочевников, другие – к памятникам нового этнообразования или собственно скифов или савроматов [2, 4; 3, 122 и др.]. Многие важные черты погребального обряда свидетельствуют о преобладании у хозяев курганов кочевнических традиций.

Курганные могильники Ани-Ирзо и Бойси-Ирзо возле с. Урус-Мартан в Чечне были оставлены кобанским населением, вступившим в тесные и дружественные связи со скифами. Это население заимствовало у соседей некоторые черты материальной и духовной культуры. Аналогичные процессы выявляются на материалах Моздокского, Нестеровского, Воздвиженского, Лугового (Мужичи) и некоторых других могильников.

Многие скифские курганы концентрируются возле оседлых центров автохтонов. Между ски-

[1] Лингвист А.Дж. Вагапов восстанавливает исходную нахскую форму **анд-ун* // **анд-он*, откуда осетинское *андон*, идущее из нахского субстрата [6, 503].

фами и местным населением могли устанавливаться родственные отношения или отношения типа куначества. Симбиоз традиций способствовал постепенному изменению экономического уклада и форм хозяйствования кочевников. Часть из них могла переходить к полукочевому, а затем оседлому образу жизни. На базе ряда кобанских поселений, занимавших наиболее выгодное географическое и экономическое положение, в VI–V вв. до н.э. стали появляться протогородские центры со смешанным составом населения, типа Татарского [12, 71–72].

На Северо-Восточном Кавказе обнаружены «скифоидные» изваяния, рядом особенностей отличающиеся от «классических» скифских памятников. Они делятся на галайтинскую, мескетинскую, замай-юртовскую и, возможно, мамайкутанскую группы. Они являются несомненной скифской инновацией для данного региона, демонстрируя и местные особенности, что свидетельствует о прямых контактах потомков носителей каякентско-харачоевской культуры со скифами. Кроме того, внедрение их в инокультурную среду указывает на внедрение инноваций в особо консервативную, религиозно-мифологическую сферу жизни автохтонов. Некоторые исследователи полагают, что практика использования таких изваяний была принята этнически смешанной группой, но через 100–200 лет исчезла. Галайтинские изваяния были вторично использованы местным населением для сооружения каменных ящиков. Видимо, изваяния переиспользовались тем населением, которое впитало в себя скифские религиозно-мифологические воззрения [7, 37–38, 277; 5, 136; 14, 30–31; 15, 105; 18, 82–83; 19, 103–104; 17, 15, 45–46].

Касаясь галайтинского каменного изваяния VI–V вв. до н.э. В.Б. Виноградов считает вполне естественным «появление кочевнических «каменных баб» на пути их походов в Азию» [7, 38]. Традицию сооружения надмогильных антропоморфных изваяний он считал применительно к территории Чечни сугубо ичкеринской. Надо признать, что в других районах Чечни подобные памятники не обнаружены до сих пор.

Оформлялись подобные изваяния «в подражание степным скифским каменным «бабам», что лишний раз подчеркивает действенность контактов с населением равнин» [7, 277].

Здесь вполне уместно вернуться к вопросу о персидском походе времен Дария I на Северный Кавказ, точнее, о маршруте движения персидских войск. И в древности, и в средневековье двумя основными сухопутными магистральными путями из Закавказья на Северный Кавказ и обратно являлись прикаспийский путь и более сложный, через Дарьяльское ущелье.

Скифы, как известно, пользовались преимущественно прикаспийским маршрутом в своих походах в Переднюю Азию. Логично предположить, что персы для ответного карательного похода воспользовались тем же хорошо известным путем.

Можно представить себе насколько тяжелым и опасным был для персов этот поход в страну ишкузу (скифов), что на северной стороне горы Эрезура (Эльбрус) хребта Хара Березати. В зороастрийской мифологии эта гора являлась проявлением инфернального зла: «Северный хребет Хара Березати страшен. На вершине самой высокой горы Эрезуры собираются вместе дэвы, выползая из логова Лжи. Ибо отверзаются там врата преисподней» [10, 28]. Такой негативный образ Кавказа у древних персов, возможно, сложился вследствие частых бедствий, доставляемых им северокавказскими обитателями своими походами и набегами. И вот к этим «вратам преисподней» направились персы, чтобы наказать «часть туранцев, окончательно изгнанных из страны Мада Кави Хаосравой» [10, 29].

Персидские войска шли, очевидно, сначала вдоль предгорий Дагестана по узкой полосе прикаспийской низменности до нынешнего поселка Тарки, затем они должны были повернуть на северо-запад. Дальнейший путь, как можно полагать, шел в направлении Кизилюрт–Хасавюрт–Гудермес. Примерно этой дорогой шли гораздо позже ильхан Хулагу против хана Берке в 1262 г., эмир Тимур против хана Тохтамыша в 1395 г. От Гудермеса через Сунжу и Терек, по левому берегу Терека вверх по его течению, шла известная еще в средневековье дорога, в XVI–XVII вв. называвшаяся Османовской.

Вполне вероятно, что торговый путь, идущий по предгорным равнинам Северного Кавказа от побережья Черного моря до Каспия, возник еще в древности. Где-то в Терско-Сулакском междуречье эта дорога соединялась с прикаспийской дорогой (дорогой к аорсам, известной еще Плинию), шедшей из Закавказья и Передней Азии в Нижнее Поволжье. От низовьев Волги шли речные пути вверх по Волге до Урала и Балтики, и сухопутный – через северное побережье Каспийского моря в Среднюю Азию и Китай.

На Тереке, в районе впадения в него Сунжи, издревле были известны удобные переправы через эту многоводную реку. К северу от левобережья среднего и нижнего течения Терека лежит обширная Терско-Кумская низменность, которая характеризуется засушливым климатом. Вряд ли персы стали

углубляться в эти безводные районы. Двигаясь дальше в северо-западном направлении персы могли добраться до Кубани (двигаясь в направлении Моздок–Георгиевск–Невинномысск).

Вновь обратимся к тексту Геродота. Путь персов лежал через земли савроматов и скифов, которые они не могли опустошать, так как они были бесплодными. Здесь содержится прямое указание на то, что персы не встречали на своем пути земледельческие поселения, которые могли бы быть подвергнуты грабежу и разбою с целью взятия добычи. Такая возможность им представилась, вероятно, только когда они дошли до земли будинов, где персы нашли город, окруженный деревянной стеной. Таким образом, очевидно, что персы шли до Прикубанья предложенным нами степным маршрутом, в противном случае, пройдя чуть южнее, они встретили бы на своем пути многочисленные поселения племен каякентско-харачоевской и кобанской культур, располагавшихся в предгорно-плоскостной зоне Северо-Восточного и Центрального Кавказа. В Прикубанье, богатом лесными массивами, известны довольно крупные городища рассматриваемого времени. Здесь, возможно, надо искать легендарный город будинов.

Севернее земли будинов простираются безлюдные равнины, тянущиеся на семь дней пути, пройдя которые можно дойти до земли фиссагетов. В их землях берут начало реки Лик (Егорлык?), Оар (Кубань?), Танаис (Дон) и Сиргис (Ея?), текущие через область меотов и впадающие в Меотиду (Азовское море). На одной из этих рек, реке Оар, «Дарий с войском остановился станом». Затем, как повествует Геродот, «царь приказал построить восемь больших укреплений на равном расстоянии – около 60 стадий друг от друга. Остатки этих укреплений сохранились еще до нашего времени. Пока царь занимался этим сооружением, преследуемые им скифы обошли его с севера и возвратились в Скифию. При внезапном исчезновении скифов Дарий велел оставить наполовину завершенные постройки и, так как скифы больше не появлялись, повернул на запад. Царь предполагал, что перед ним находится все скифское войско и что скифы бежали на запад» (Her., IV, 124).

Если согласиться с предложенной нами версией, то получается, что пока Дарий занимался постройкой укреплений на Кубани, северокавказские скифы ушли за его спиной в северопричерноморскую Скифию, где, как и предполагал персидский царь, они соединились с главными силами своих сородичей. Вместе с ними могли уйти, как мы указывали выше, и бежавшие при приближении персидских войск будины и ряд других северокавказских племен, ставших впоследствии частью скифского этноса в Северном Причерноморье. Далекую аналогию этому можно найти, вспомнив миграцию в период арабо-хазарских войн на Дон части северокавказского населения, оставивших салтово-маяцкую культуру.

Итак, мы попытались выяснить основной маршрут движения персидских войск по Северному Кавказу. Здесь возникает вопрос – прошел ли благополучно и безболезненно для местного нескифского населения (за вычетом будинов, естественно) поход многочисленных персидских войск? Ответ на этот вопрос могут дать данные археологических исследований, и потому мы не затрагиваем этот вопрос ввиду ограниченности как самого археологического материала, так и объема данной публикации. Однако появление скифоидных изваяний в предгорьях на северо-востоке Чечни возможно связано с описанными выше событиями кон. VI в. до н. э.

Литература:

1. Абаев В.И. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
2. Абрамова М.П., Козенкова В.И. Предисловие // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. Т. 2.
3. Абрамова М.П. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV–III вв. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии М., 1990.
4. Агбунов М. В. Путешествие в загадочную Скифию. М.: Наука, 1989.
5. Багаев М.Х. Новые каменные изваяния скифского времени из Чечено-Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982.
6. Вагапов А. Дж. Этимологический словарь чеченского языка. Тб.: Меридиани, 2011.
7. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.). (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный, 1972.
8. Ельницкий Л.А. Скифия Евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977.
9. Ельницкий Л.А. Скифские легенды как культурно-исторический материал // СА, 1970. №2.
10. Заратустра. Учение огня. Гаты и молитвы. М.: Эксмо, 2007.
11. Квирквелия О.Р., Кулаков В.И., Станюкевич А.К., Хамидуллина Н.М. Совещание «Человек и окружающая среда в древности и средневековье» (Москва, 1983) // СА. 1984, №3.
12. Кудрявцев А.А. Северокавказский город: проблемы возникновения и развития (по материалам Татарского городища) // XXI Крупновские чтения. Тезисы докладов. Кисловодск, 2000.
13. Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука, 1985.
14. Махортых С.В. Об ичкеринских скифоидных стелах // Археология и краеведение – вузу и школе.

Грозный, 1981.
15. Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.
16. Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 1984.
17. Ольховский В. С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М., 1994.
18. Ольховский В.С. Скифоидные изваяния Северо-Восточного Кавказа // ИСКНЦВШ. 1989, №2 (66).
19. Ольховский В.С. Скифы и Кавказ (по материалам монументальной скульптуры) // XXI Крупновские чтения. Тезисы докладов. Ессентуки – Кисловодск, 2002.
20. Casson S. Herodotus and the Caspien // Annual of the British school at Athens. L., 1918–1919.
21. De Guignes. Memoires dans laguels, on entreprent de fixer la situation de quelques de pueples scythes dont il est parle dans Herodote et de rechercher si du temps de set historien on connaisait la chine // Memoires de Litterature. 1770. XXXV.
22. Mannert K. Geographic der Griechen und Romer. Nürnberg. 1795, IV.
23. Zeus K. Die Deutschen und ihre Nach-barstamme. München, 1837.

УДК 377. 351(470.6)

ИЗ ИСТОРИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В КАЗАХСТАНЕ В ГОДЫ ДЕПОРТАЦИИ (1944–1957 ГГ)

FROM THE HISTORY OF SCHOOL EDUCATION OF CHECHENS' AND INGUSH' CHILDREN IN KAZAKHSTAN IN THE YEARS OF DEPORTATION (1944–1957).

Ш.Б. Ахмадов,
д.и.н., профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ЧГУ

Sh.B. Akhmadov,
doctor of History, Professor of Ancient History and the Middle Ages Department of the Chechen State University

В данной статье на базе документальных источников автором предпринята попытка показать первые, тяжелые годы становления школьного образования детей чеченцев и ингушей в Казахстане в годы депортации (1944–1957гг). При этом отмечается, что местные власти уделяли определенное внимание охвату учебой детей спецпереселенцев. Однако при этом в различных областях Казахстана существовали проблемы, связанные с учебой детей спецпереселенцев, и, прежде всего, с посещаемостью школ, нехваткой одежды и обуви, особенно в зимний период, незнанием детьми ни русского, ни казахского языков и т.д.
Ключевые слова: *Казахстан, депортация, чеченцы и ингуши, школа, обучение.*

In this article, based on documentary sources the author attempts to show the first, difficult years of the schooling of Chechens' and Ingush' children in Kazakhstan during the years of deportation (1944–1957gg). It is noted that the local authorities paid particular attention to coverage of studying special settlers' children. However, in various regions of Kazakhstan there were problems related to the education of the children of special settlers and, above all, with the attendance of schools, lack of clothing and shoes, especially in winter, children's ignorance of neither Russian nor Kazakh languages, etc.
Key words: *Kazakhstan, deportation, Chechens and Ingush, school, schooling.*

Выселение… Страшный кошмар предстает в памяти людей моего поколения, сполна испытавшего на себе и полной чашей испившего горечь несправедливых обвинений, клеветы, унижений и пережившего боль потерь родных и близких, погибших от холода, голода и болезней в невыносимых условиях жизни на чужбине. Из полумиллионного народа чеченцев и ингушей, выселенных из своих родных мест, через 13 лет депортации осталось в живых около 300 тысяч человек [1].

Как известно, в годы пребывания в депортации чеченцев и ингушей их национальные языки и культурные традиции совершенно исчезли из числа официально признанных и поддерживаемых Советским государством. Это не было случайным следствием депортации, а явилось намеренной государственной политикой, которая была направлена «на стирание историко-культурной основы существования репрессированных народов, на подготовку их социокультурной и в т.ч. языковой ассимиляции» [2].

В Казахстане, как и в других районах компактного проживания депортированных народов, наряду с трудоустройством взрослого работоспособного населения, местные власти одновременно уделяли определенное внимание охвату учебой детей спецпереселенцев школьного возраста. Во многих областях Казахстана уже наблюдались многочисленные факты, связанные с вовлечением к учебе детей спецпереселенцев. В большинстве же случаев, к сожалению, охват детей спецпереселенцев

обучением в школах был очень низким. Объяснялось это, прежде всего, нехваткой одежды и обуви, особенно в зимний период. Многие чеченские дети школьного возраста не знали ни русского, ни казахского языков, а преподавание в школах в сельской местности велось только на одном из этих языков. Как отмечает казахский исследователь Ж.А. Ермекбаев, во многих справках, отчетах и докладных записках того времени местные власти ссылаются на слабую работу отделов народного образования, которые в свою очередь не проводили на должном уровне разъяснительную работу с родителями спецпереселенцев для полного охвата учебой их детей и не прилагали усилий к проведению дополнительных занятий на уроках с детьми спецпереселенцев [3].

Особую роль в будущей системе образования Казахстана и Киргизии в деле обучения детей спецпереселенцев в начальных школах должно было сыграть Распоряжение СНК СССР за №13287 – рс от 20 июня 1944 г., согласно которому обучение детей чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и крымских татар, переселенных в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР, производилось на русском языке в существующих школах по месту жительства [4]. Однако проблема школьного обучения детей на родном языке начала подниматься спецпереселенцами только с середины 1950-х годов, когда действительно наступило ощутимое послабление режима спецпоселений после прошедшего XX съезда КПСС.

Однако до принятия Распоряжения СНК СССР (20 июня 1944 г.) в высших правительственных кругах чиновников появилось официальное письмо Л. Берии на имя В.М. Молотова 19 июня 1944 г, на основании которого, по-видимому, и было принято вышеуказанное Распоряжение. Суть этого письма высвечивает два момента, очень важных для Л. Берии с точки зрения существовавшей в тот период советской идеологии: а) отсутствие якобы на тот момент проверенных педагогических кадров для обучения детей на их национальных языках; б) обучение детей спецпереселенцев проводить только на русском языке в школах по месту жительства.

В свете сказанного небезынтересно будет привести содержание письма Л. Берии В.М. Молотову от 19 июня 1944 г.: «В составе семей переселенцев – чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар – в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР в 1944 году прибыло до 300 тысяч детей в возрасте до 16 лет. Спецпереселенцы размещены небольшими группами в колхозах и районах вперемешку с местным – русским, казахским, узбекским и киргизским – населением. Проживают они в условиях особого режима (запрещение свободно перемещаться вне пределов пунктов проживания и др.). Организовать начальную школу для детей спецпереселенцев – чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и крымских татар – с обучением на их национальных языках нет возможности в силу отсутствия соответствующих проверенных педагогических кадров. В силу всех этих условий НКВД СССР считает целесообразным обучение детей спецпереселенцев производить на русском языке в существующих школах по месту их жительства…» [5].

В Распоряжении СНК СССР за №13287 – рс от 20 июня 1944 г. предусматривались также особый порядок и условия обучения детей спецпереселенцев – чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и крымских татар – в средних и высших учебных заведениях на территории Казахской, Киргизской и Узбекской ССР. Согласно данному Распоряжению обучение проводилось в существующих учебных заведениях перечисленных республик с правом переезда учащихся к месту нахождения учебного заведения, но без права выезда за пределы республики, как во время обучения, так и после окончания данного учебного заведения. Кроме того, в данном Распоряжении был определен перечень тех вузов, в которых могли получать образование дети спецпереселенцев. Выдача разрешений детям спецпереселенцев на переезд в пределах республики в местах нахождения этих средних и высших учебных заведений было возложено соответственно на Народные Комиссариаты внутренних дел Казахской, Киргизской и Узбекской ССР [6].

Некоторые цифровые данные по отдельным областям и городам Казахской ССР, в которых более или менее компактно были расселены и проживали спецпереселенцы, свидетельствуют о состоянии школьного образования детей спецпереселенцев. Так, в Павлодарской области из 2386 детей школьного возраста в 1944–1945 учебном году школы посещали только 295 детей. В Северо-Казахстанской области на 1 июля 1946 г. было учтено 3617 детей спецпереселенцев. В 1945–1946 учебном году здесь было охвачено учебой 801 ребенок, из них в школах с русским языком обучения 768 детей, с казахским языком обучения 33 ученика и не училось вообще 2816 детей школьного возраста. По Кокчетавской области в 1944–1945 учебном году из 7818 детей школьного возраста учебой было охвачено только 433 ребенка. В Карагандинской области на 1 января 1948 г. из 5890 детей школьного возраста учебой было охвачено только 1306 детей. В г. Темиртау Карагандинской области в 1948 г. детей школьного возраста было учтено 504 человека, из них школу посещали только 295 учащихся [7].

Только с осени 1945 г. органы НКВД СССР начали вести учет детей спецпереселенцев школьного возраста для того, чтобы с осени 1946 г. определить их в начальные школы. В мае 1946 г. из 89 тысяч детей спецпереселенцев, которые должны были посещать начальные школы, фактически обучалось всего 22 тысячи [8].

В 1944–1945 учебном году в Казахской ССР учебой было охвачено всего 6099 детей школьного возраста из 50329 детей спецпереселенцев разных национальностей. В том числе по областям – Алма-Атинской – 644 детей; Актюбинской – 377, Акмолинской – 1500; Карагандинской – 1270, Кокчетавской – 280; Кустанайской – 627, Северо-Казахстанской – 938; Семипалатинской – 373, Южно-Казахстанской – 90 [9].

Однако в первый год переселения, как отмечает профессор Муса М. Ибрагимов, по оценке руководства МВД Казахстана, положение со школьным образованием было крайне тяжелым. «Это было связано с незнанием большинством детей языков, на котором велось преподавание, отдельными фактами противодействия обучению со стороны родителей, а также раздетостью и разутостью, вследствие чего в зимние периоды большинство детей, привлекаемых к учебе, вынуждено было посещение школ прекратить. Но в Казахстане уже в 1945 / 46 учебном году из 89102 человек, детей школьного возраста, обучалось 22020 человек, из которых закончили ремесленные училища и школы ФЗО 1050 детей. В Киргизии из учтенных в 1946г. 21240 детей школьного возраста школы посещали 4560 человек. А уже к 1950г. практически все дети спецпереселенцев обучались в школе» [10].

Пребывание на спецпоселении стало временем сильной аккультурации чеченцев и ингушей. Подавление государством этнокультурных традиций и языков репрессированных народов компенсировалось ростом влияния русского языка, его заметным распространением среди депортированных народов. По наблюдениям исследователя Ж.А. Ермекбаева, в различных областях Казахской ССР, где были расселены чеченцы и ингуши, со временем дети спецпереселенцев в совершенстве овладели казахским и русским языками, и никто из их родителей не ставил вопрос об организации обучения детей на родном языке [11].

В сводках районных отделов народного образования Казахстана постоянно отмечалась низкая степень охваченности учебной детей спецпереселенцев. Особенно низок был показатель по охвату учебой девочек – чеченок. Например, по Чуйскому району Джамбульской области в 1954–1955 учебном году ни одна чеченская девочка не окончила среднюю школу, а в Меркенском районе этой же области жители колхоза им Ворошилова Хамид Гасанов и Жамал Гаджиев даже отказались отдавать своих детей в школу [12].

В годы депортации в Казахской ССР, безусловно, проводилась определенная работа по ликвидации неграмотности среди чеченского населения. Однако данная проблема была далека до ее окончательного решения. Местные органы народного образования вели учет детей школьного возраста, и эти дети худо-бедно обучались в школах, а вот относительно взрослое население чеченцев в основной своей массе в это время оставалось безграмотным. Так, в Таврическом районе Восточно-Казахстанской области в 1952 г. из 831 чеченца практически 55% оставались неграмотными [13].

В местах компактного проживания чеченцев и ингушей в Казахстане создавались также специальные классы для обучения детей спецпереселенцев. Среди педагогов встречались и представители спецпереселенцев. Так, в Верхне-Убинской средней школе в 1949–1950 учебном году преподавателями работами Бабатгиреев, имевший среднее педагогическое образование и 13-летний педагогический стаж работы, а также преподаватель Эжаев, окончивший 3 курса педучилища и с 4-летним педагогическим стажем. Преподаватель Кайсаров со средним образованием и двухгодичным педагогическим стажем также продолжал работать учителем в Казахстане и т.д. [14].

В Восточно-Казахстанской области в 1954–1955 учебном году всего было взято на учет 315 чеченских детей школьного возраста, из них 275 детей было фактически охвачено учебой. В 1955–1956 учебном году в школах этой области обучалось 1041 чеченских детей, а в 1956–1957 учебном году было запланировано организовать в Усть-Каменогорске, в средней школе №17, начальную школу на чеченском языке для детей депортированных чеченцев. В средней школе № 33 было организовано обучение на родном языке детей депортированных чеченцев [15].

Как известно, дети депортированных чеченских и ингушских родителей после окончания семилеток и полных средних школ стали поступать в средние специальные (техникумы, педагогические и медицинские училища) и высшие учебные заведения.

В годы депортации определенная часть детей дошкольного и школьного возраста чеченцев и ингушей осталась без родителей. Беспризорных детей брали на учет и устраивали в детские дома. Так, в Северо-Казахстанской области в 1944–1946 гг. беспризорных детей депортированных чеченцев и ингушей было взято на учет 108 человек, из них в детские дома были определены 72, а остальные

находились в семьях у родственников. В Кокчетавской области в 1944–1945 гг. 216 детей спецпереселенцев, оставшихся без родителей, не были устроены в детдома. Во многих областях Казахстана в детских домах находились дети дошкольного и школьного возраста. По этому поводу было вынесено специальное решение исполкома Кзыл-Ордынского областного совета депутатов трудящихся от 29 июня 1944 г. «Об открытии детского дома для детей переселенцев – чеченцев». Следует отметить также, что в это же время в Кызыл-Орде находился детский дом №2, в котором проживали дети чеченских родителей – спецпереселенцев в 1944–1955 годах. Это был один из тех известных детских домов в Казахстане, о котором свидетельствуют сохранившиеся списки детей, чьи судьбы требуют поиска и возможно, оставшиеся живые свидетели помогут поведать и дополнить горькую историю разлучения детей с родными и близкими в те тяжелые годы депортации [16].

Известно также, что депортированные чеченцы и ингуши по возможности не оставляли детей дошкольного и школьного возраста в детских домах. Узнав, что дети родных по крови или знакомых людей остались без родителей и находятся в детских домах, чеченцы и ингуши сразу же старались забрать их в свои семьи. «Это было характерной национальной особенностью этих народов, – пишет профессор Ж.А. Ермекбаев, – где тайповое родство не позволяло оставаться с самим собой вне общины. Это свойство отличало их от других депортированных народов» [17].

Известно также, что отделы народного образования и социальные государственные органы Казахстана вели учет детей дошкольного и школьного возраста, а также престарелых людей и инвалидов. Насколько это было возможно, дети чеченцев и ингушей, как и дети других граждан республики, посещали детские ясли. Так, в Карагандинской области в 1945–1948 гг. во время полевых работ во всех совхозах и колхозах были организованы детские площадки и детские ясли. Дети работающих депортированных чеченцев и ингушей наравне с детьми местного населения были пристроены в детские ясли и детские площадки [18]. В то же время во многих семьях чеченцев и ингушей, – как отмечает З.С. Исакиева, – основными рабочими являлись дети-подростки – их отцы погибли на фронтах ВОВ или во время депортации. Это были дети с обокраденным детством [19].

При всем чрезвычайно тяжелом, сложном и трагическом положении депортированных народов Северного Кавказа, к сожалению, на местах, куда прибывали спецпереселенцы, были случаи, когда со стороны отдельных чиновников в сфере образования имелись факты нечестного и непорядочного отношения к нуждам спецпереселенцев. Так, например, в Восточно-Казахстанской области 17 февраля 1945г. заведующий облоно Молдыбаев ходатайствовал перед облисполкомом об отпуске хлопчатобумажной мануфактуры из фонда спецпереселенцев для детей депортированных чеченцев и ингушей, находившихся в детских домах области. Для этих нужд облисполком, естественно, разрешил отпустить для детских домов мануфактуры из расчета 5 метров на одного ребенка, несмотря на существующую норму по 2,5 метра на человека. Однако, Молдыбаев обманным путем представил в соответствующие органы заведомо завышенные сведения на 657 детей спецпереселенцев и на указанный контингент людей, соответственно, было выделено 3960 м. мануфактуры из расчета 5 м. на человека. Отдел облисполкома по хозустройству спецпереселенцев и НКВД Казахской ССР при проверке установили, что сведения о количестве детей в детских домах спецпереселенцев, данные в справке Молдыбаева, не соответствуют действительности и являются явно завышенными. Фактически же в детских домах числилось 72 ребенка. Тем самым, своими заведомо ложными приписками о количестве детей, Молдыбаев нанес большой моральный и материальный ущерб детям и семьям депортированных народов [19].

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы: органы местных властей Казахстана уделяли определенное внимание охвату учебой детей спецпереселенцев. При этом детям спецпереселенцев давали право посещать школы в местах их компактного расселения. Существовало специальное Распоряжение СНК СССР за № 13287 – рс от 20 июня 1944 г., регулирующее обучение детей чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев и крымских татар на русском языке в действующих начальных школах по месту их жительства. В то же время многочисленные факты в различных областях Казахстана свидетельствовали о проблемах, связанных с учебой детей спецпереселенцев. Во многих областях республики посещаемость детей спецпереселенцев в школах была низкой. Это объяснялось нехваткой одежды и обуви, особенно в зимний период, а порой и прямым злоупотреблением некоторых работников отделов образования облисполкомов. Многие дети спецпереселенцев школьного возраста не знали ни русского, ни казахского языков, а в начальных школах в сельской местности, как правило, обучение вели только на одном из этих языков. Обучение же детей спецпереселенцев на их родном языке в начальных школах, к сожалению, невозможно было вести из-за отсутствия соответствующих кадров учителей со специальным педагогическим образованием из числа депортированных лиц. Многочисленные справки, отчеты и докладные записки местных органов свидетельство-

вали также о слабой работе отделов народного образования, которые не проводили на местах должной разъяснительной работы с родителями детей спецпереселенцев на предмет их полного охвата учебой, не принимали активного участия в проведении дополнительных уроков и занятий с учениками.

Литература:

1. Исакиева З. С. Жизнь и быт депортированных чеченцев и ингушей в Центральном Казахстане в 1944–1957 гг // Вестник Института развития образования ЧР, Выпуск 13, Грозный, 2014. С. 183.
2. Эльбуздукаева. Т.У. Культура Чечни: XX век, Грозный, 2012. С. 227.
3. Ермекбаев. Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане: история и судьбы, Алматы, 2009. С. 173.
4. Эльбуздукаева. Т.У. Культура Чечни: XX век, Грозный, 2012. С. 227.
5. Ингуши. Депортация, возвращение, реабилитация. 1944–2004. Документы, материалы, комментарии, Магас, 2004. С. 229.
6. Ингуши. Депортация, возвращение, реабилитация. 1944–2004. Документы, материалы, комментарии, Магас, 2004. С. 230.
7. Ермекбаев. Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане: история и судьбы, Алматы, 2009. С. 173.
8. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты и комментарии. М, 1994. С. 155.
9. Ермекбаев. Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане: история и судьбы, Алматы, 2009. С. 174.
10. ГАРФ, ф. Р–5446, оп. 46 а, д. 4374, л. 4. Цитирую по работе Мусы М. Ибрагимова. Некоторые аспекты повседневной жизни чеченцев в период депортации. // Вестник АН ЧР, № 4 (25). Грозный, 2014. С. 59.
11. Ермекбаев. Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане: история и судьбы, Алматы, 2009. С. 176.
12. Там же.
13. Эльбуздукаева. Т.У. Культура Чечни: XX век, Грозный, 2012. С. 228–229.
14. Ермекбаев. Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане: история и судьбы, Алматы, 2009. С. 176.
15. Там же.
16. Ермекбаев. Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане: история и судьбы, Алматы, 2009. С. 174.
17. Ермекбаев. Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане: история и судьбы, Алматы, 2009. С. 175.
18. Там же. С. 175.
19. Исакиева З.С. Депортированные чеченцы в освоении Карагандинского угольного бассейна. Научно-аналитический журнал «Вестник Чеченского государственного университета». Вып. 2. Грозный, 2013. С. 106–107.
20. Ермекбаев. Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане: история и судьбы, Алматы, 2009. С.173–174.

УДК 93/94

13 СТУПЕНЕЙ ВНИЗ: ВОСПОМИНАНИЯ МОЕГО ДЯДИ МАТАГОВА АРБИ ЛУКМАНОВИЧА

13 STEPS DOWN: MEMORIES OF MY UNCLE MATAGOV ARBI LUKMANOVICH

Х.А. Матагова,
к.и.н., доцент кафедры истории России ЧГУ

K.A. Matagova,
Candidate of Historical Sciences in "History of Russia" Department

В статье рассказывается о трагических событиях в истории чеченского народа в 1944–1957 гг. на примере судьбы одной чеченской семьи.
Ключевые слова: *депортация, чеченцы, Средняя Азия и Казахстан, трудоустройство, реабилитация.*

The article shows the tragic events in the history of the Chechen people in the 1944–1957th by example the fate of a Chechen family.
Key words: *deportation, Chechens, the Central Asia and Kazakhstan, employment, rehabilitation.*

23 февраля 1944 г. – трагическая страница в истории чеченского и ингушского народов, подвергшихся выселению в Казахстан и Среднюю Азию. С каждым днем все меньше остается в живых очевидцев этих событий. Сегодня мне, как историку, остается только сожалеть, что не записаны воспоминания моих родителей – Матагова Абу Матаговича и Абубакровой Коки Семаевны – о 13 годах в выселении.

Из семьи моего отца, состоявшей из матери и троих братьев в живых остался только Арби, мой дядя, который согласился поделиться своими воспоминаниями о тех годах ссылки. Семья состояла из матери Байсари, 1902 г. рождения, и ее сыновей – Матагова Абу (1929 г.р.), Али (1932 г.р.), Арби (1934 г.р.) и Абаза (1936 г.р.). Глава семейства, мой дедушка – Матагов Лукман, «1900 г.р., беспартийный, малограмотный, чеченец, колхозник, постановлением тройки НКВД ЧИАССР от 20 ноября 1937 г. был заключен в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь для осужденных к лишению свободы на

срок свыше трех лет) сроком на 10 лет без указания квалификации по статьям УК РСФСР» [1]. Заключённые ИТЛ в массовом порядке принимали участие в строительстве каналов, дорог, промышленных и других объектов на Крайнем Севере, Дальнем Востоке и в других регионах. И только 27 апреля 1990 г. постановлением Президиума Верховного Суда ЧИАССР постановление тройки НКВД было отменено, дело прекращено за отсутствием состава преступления, Матагов Лукман реабилитирован» [1]. До сих пор не известна судьба моего деда. К сожалению, и бабушка Байсари не дождалась, не говоря о возвращении или сведений о его дальнейшей судьбе, хотя бы реабилитации своего мужа, она умерла в 1985 г.

Возвращаясь к событиям 1944 г. отметим, что семья Арби оказалась в выселении без отца. Дядя вспоминает, что везли их в товарных вагонах. Во время следования в ссылку людей кормили, умерших оставляли на станциях. Высадили их в Карагандинской области, Шахтинском районе, с. Новая Узенка, где в основном проживали русские и украинцы. В числе спецпереселенцев этого населенного пункта из бывшей Чечено-Ингушской АССР оказались только жители села Верхний Наур. По свидетельству Арби, семья, как и многие другие, оказавшиеся в данном населенном пункте, не испытала того страшного голода, о котором писали многие очевидцы тех лет. Видимо, это было связано с тем, что в данном хозяйстве занимались выращиванием овощей, и у людей была возможность не умереть с голоду. Арби вспоминает, что на каждого спецпереселенца выделяли по 300 г. хлеба в сутки, а на работающего – по 500 г.

Как свидетельствуют официальные документы, с первых дней переселения в качестве основной задачи ставилось хозяйственное и трудовое устройство, обязательное вовлечение всех трудоспособных переселенцев в общественно-полезный труд. В правилах хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев – калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев, утвержденных ГУЛАГом НКВД СССР 8 марта 1944 г., отмечалось, что все трудоспособные спецпереселенцы, водворяемые на новые места расселения, в целях создания им нормальных условий существования должны быть в самые короткие сроки устроены на работу» [2]. Предусматривалось первоочередное предоставление возможности устройства на работу по своей производственной квалификации или специальности. Власть вовлекает всех трудоспособных переселенцев в общественно полезный труд с целью обеспечения их семей условиями существования.

Арби вспоминает, что мать Байсари и старший брат Абу устроились работать на колхозном огороде, а сам он ухаживал за своим малолетним братом Абазом. Дядя уважительно вспоминает слова, сказанные директором в ответ на жалобу начальника участка о том, что чеченцы занимаются воровством овощей: «Когда наедятся досыта – перестанут воровать». Чтобы прокормить детей, видимо, люди пытались незамеченными унести с поля овощи. Первоначальным жильем для проживания переселенцев стало хранилище для овощей. Через два месяца каждая семья построила землянки, правда, местная власть оказала помощь при строительстве крыши. В этой землянке семья проживала до их переселения в 1952 г. в поселок Большая Михайловка.

Чеченцы, как и другие спецпереселенцы в выселении не были лишены права обучаться в начальных, средних и высших учебных заведениях. Однако следует понимать, что людям, потерявшим родных и близких, разлученных с родственниками, не имевшим собственного жилья, жившим впроголодь было не до учебы. В связи с вышесказанным неоднозначную оценку вызывает распоряжение СНК СССР, предоставлявшее спецпереселенцам возможность продолжить обучение в начальных, средних, высших учебных заведениях, которое было принято уже в июне 1944 г. В нем указывалось, что обучение детей спецпереселенцев в начальных школах производится на русском языке в существующих по месту жительства в начальных школах. Согласно данному распоряжению обучение в средних и высших учебных заведениях на территории Казахской, Киргизской и Узбекской СССР должно было проводиться в существующих средних и высших учебных заведениях перечисленных республик с правом переезда учащихся к месту нахождения учебного заведения. Однако переселенцы не имели права выезда за пределы республики, как в период учебы, так и после окончания учебного заведения [3]. Выдача разрешений детям спецпереселенцев на переезд в пределах республики в места нахождения средних и высших учебных заведений возлагалась соответственно на Народные комиссариаты внутренних дел Казахской, Киргизской и Узбекской ССР [3] .

Арби вспоминает, что до выселения учился во втором классе, однако в Казахстане его записали в первый класс и обучение проводилось на русском языке. Даже после стольких лет дядя с благодарностью вспоминает свою учительницу начальных классов – Агрофину Николаевну Мельникову. Отношение к детям спецпереселенцев, по его воспоминаниям, было доброжелательным.

С переездом в Михайловку в 1952 г. у членов его семьи появились новые возможности для улучшения уровня жизни, для обучения. Семья приобрела свой собственный дом по адресу: Степная,

д. 112. На новом месте Арби устроился работать сначала на обувную фабрику, затем перевелся на местный мясокомбинат. При мясокомбинате действовали трехмесячные курсы по подготовке специалистов, окончив которые Арби стал работать мастером по выработке муки из костей животных. Повзрослевшие дети материально обеспечивали семью, и мать Байсари по просьбе Арби и остальных трех сыновей оставила работу. Как и все переселенцы, семья жила надеждой на возвращение в родные края. Смягчение режима для спецпереселенцев началось после смерти Сталина в 1953 г. Чеченцам и ингушам стали выдавать паспорта, а с 1955 г. призывать на действительную военную службу [4]. Процесс реабилитации значительно ускорился после XX съезда партии в феврале 1956 г. 9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР».

Сразу же после получения разрешения старший брат Абу вернулся в родное село, чтобы приобрести жилье для возвращающейся семьи. Арби вспоминает, что пришлось выкупить дом по ул. Центральная, где сегодня проживает семья старшего брата Абу. На Родину, в с. Верхний-Наур, семья вернулась 26 сентября 1957 г. Арби и его брат Али приехали домой с дядей (братом матери) на машине «Победа», остальные на поезде. Так после долгих 13 лет ссылки семья вернулась на Родину.

Сегодня перед историками стоит задача собрать воспоминания очевидцев выселения, чтобы воссоздать историю чеченского народа в 1944–1957 гг. В эти 13 лет ссылки единая история чеченского народа представлена судьбами многих тысяч семей, оказавшихся в тяжелых условиях жизни на чужбине. Эта работа не упрек прошлому, уже осужденному властью и простыми людьми, а дань памяти перед жертвами массовых репрессий, перед многими простыми людьми разных народов, перед многими представителями власти, протянувшими руку помощи чеченцам в эти суровые годы. Именно в этих воспоминаниях простых чеченцев мы находим страницы, свидетельствующие о глубоком человеческом сочувствии к невинно сосланным, желании оказать посильную моральную и материальную помощь со стороны представителей многих народов, чиновников, от позиции которых зависели судьбы людей. И в очередной раз мы убеждаемся, что независимо от политических режимов во все времена человеческое сострадание спасало жизни людей, вселяло надежду на торжество справедливости.

Литература:

1. Ответ Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР от 27 апреля 1990 г., №44-V-58/р за подписью Председателя И.А. Албастова на запрос Матагова Арби о судьбе отца // Личный архив Матагова Арби Лукмановича.
2. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 182. Л. 160.
3. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 47. Д. 4374. Л. 4.
4. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т.II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. С. 576.

УДК 93/94

ВКЛАД ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

CONTRIBUTION OF HOME FRONT WORKERS INTO THE VICTORY IN WORLD WAR

А.В. Тимаралиева,
аспирант кафедры истории России ЧГУ

A.V. Temaralieva,
Postgraduate student in "History of Russia" Department of CheSU

Важное значение имеет вклад тружеников тыла в победу над фашистской Германией. Тружениками тыла являлись не только мужчины, но и женщины и дети. Именно они сыграли огромную роль в производстве и доставке продовольствия на фронт, так как основная часть мужского населения находилась на полях Великой Отечественной войны.
Ключевые слова: *Великая Отечественная война, труженики тыла, промышленность, транспорт, награды.*

The contribution of home front workers into the victory over Nazi Germany is very important. Home front workers were not only men but also women and children. They played a huge role in the production and delivery of food to the front, as the majority of the male population was on the fields of the Great Patriotic War.
Key words*: Great Patriotic War, home front workers, industry, transport, rewards*

Великая Отечественная война Советского Союза со всей очевидностью доказала правдивость вывода В.И Ленина о том, что «во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своей жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести» [1, С. 484].

По мнению автора, работники тыла – это такие же герои, как и солдаты. Их бесперебойный труд, кропотливая работа и неимоверные силы, потраченные в тылу, можно сравнить с храбростью и мужеством воинов, сражавшихся на полях Великой Отечественной войны.

Мужчины уходили на фронт, следовательно, специалистов в республике оставалось все меньше и меньше. В первые месяцы войны многие инженерно-технические работники, выпускники нефтяного института и техникума покинули ЧИАССР. На 1 января 1941 г. в «Грознефти» работало всего 628 дипломированных инженеров. На 1 января 1942 г. 2 870 специалистов было занято на предприятиях «Грознефтикомбината», где дипломированный контингент составлял 41%. К концу 1941 г. число специалистов уменьшилось на 1679 человек, 737 из которых – дипломированные [2, С. 482]. Известны были имена ценных работников в нефтяной промышленности: Махмуда Мурдаева, Михаила Клейменова, Абу Хасанова, Петра Жуланова, Ножи Ампукаева, Ильяса Алмазова, Абдулы Багучиева, Александра Рябова, Дмитрия Тулаша, Ахьяда Цомаева; в колхозах – Ахмета Сагова, Григория Величко, Али Гучигова, Михаила Буняева, Бабули Муталиева, Петра Павленко, Доку Сулейманова. Филькин назвал их «образцами трудовой доблести» [3, С. 3].

Железнодорожный транспорт играл самую важную роль в годы войны. Основной его работой была перевозка военной продукции, продовольствия, груза для промышленности республики и страны, а также обеспечение фронта людскими резервами. Железнодорожники были главными связующими тыла и фронта. Неоценимый вклад внес коллектив Грозненского отделения железной дороги, работники станции Гудермес, занявшие первое место на Орджоникидзевской железной дороге [4, 482–483].

Промышленные предприятия во всех союзных республиках, в частности в ЧИАССР, стали перестраиваться на военный лад. Завод «Красный молот», механические мастерские «Грознефти», завод «Красный труд», а к началу сентября 1941 г. еще и 28 предприятий работали на выпуск вооружения, боевой техники, боеприпасов [5, С. 475].

В работе «Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны» В.И. Филькин писал: «Буквально за несколько первых дней войны более 17 тысяч трудящихся республики добровольно вступили в ряды ополченцев. При подразделениях народного ополчения создавались санитарные дружины. В них записывались сотни женщин» [6, С. 24].

За самоотверженный труд на заводах и фабриках медалью «За оборону Кавказа» были награждены 3482 женщины Чечено-Ингушетии [7, С. 208].

«Все для фронта, все для победы» – лозунг, которым руководствовались старики и подростки, женщины, вставшие на места ушедших на фронт мужчин. Женщины твердо брались за самую тяжелую работу и достойно сдавали нормы, даже сверх нормы. С июля 1941 г. по апрель 1943 г. на предприятия «Грознефти» пришли работать 2500 женщин, а на 1 января 1944 года в нефтяной промышленности число трудящихся женщин составляло 6691 – 44,2% от общего числа рабочих. На заводе «Красный молот» в 1942 г. работало 385 женщин – 22% от общего числа рабочих [8, С. 482]. В их числе Маржан Борщигова – трактористка, стахановка Кужу Баталова, получившая звание Героя Социалистического труда за высокие трудовые подвиги [9, С. 3]. В 1943 году звание майора медицинской службы было присвоено Асият Тутаевой [10, С. 208]. Она добровольно ушла на фронт, где работала военным врачом. Спасала раненых в госпиталях Воронежского фронта. Попав в засаду вместе с группой воинов, Асият пережила плен, издевательства, пытки. 29 октября 1944 г. в гор. Колодино Вишневского района Тернопольщины, так и не добившись от нее нужной информации, фашисты повесили Асият Тутаеву и ее товарищей. Подвиг горянки увековечен в 1-м медицинском институте Санкт-Петербурга, ее имя на Доске почета героев Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Лиза Муцаева – токарь машиностроительного завода «Красный молот». Отважная и расчетливая Лиза прошла боевой путь сначала в составе женского батальона 1-го Украинского, затем 2-го Белорусского фронтов. Имела правительственные награды. Храбрых девушек, готовых отдать свою жизнь за Родину, было очень много. Патриотический дух выплескивался из них фонтаном. Не дай Всевышний повторить подобной катастрофы вновь, унесшей миллионы жизней, ведь таких смелых и мужественных девушек, к великому сожалению, практически нет… Среди них и Совдат Тепсаева, Човка Бакаева, Есимат Мазаева, Зина Исакова [11, С. 207–208].

Вместе со всеми народами СССР многонациональное население Чечено-Ингушетии во время

войны оказывало всестороннюю помощь Красной Армии и семьям военнослужащих. Рабочие, служащие, вся интеллигенция, учащиеся, домохозяйки вносили личные сбережения, часть зарплаты, облигации государственных займов и драгоценности в фонд обороны. Труженики села сдавали хлеб, скот, птицу, масло, молоко, овощи, фрукты и пр. Это оказывало существенную поддержку защитникам Отечества.

Между промышленными предприятиями устраивались своего рода «соревнования на обгонку» (авт.). Так, например, работники колхоза имени Ленина Сунженского района в 1941 г. вызвали на соревнование колхоз «Хлебороб». Члены этих колхозов (одного – чеченского, другого – казачьего) всегда первыми в районе проводили сев и уборку, первыми сдавали хлеб и продукты для фронта и страны. Такая же система была и между русскими колхозницами сельхозартели «Ударник» и женщинами-чеченками колхоза «Маяк Чечни» Староюртовского района [12, С. 27]. Обмен опытом, дружеские советы и взаимопомощь приводили к крепкой дружбе между людьми разных предприятий. В таблице 1. приведены результаты работы трестов республики по добыче нефти и газа [13, С. 8–13].

Трест	Результат (в %)
«Октябрьнефть»	98,4
«Грознефтехимкомбинат»	103,7
«Старогрознефть»	105,1
«Горскнефть»	110
«Малгобекнефть»	113,9
«Грознефтестрой»	220

«Даже дети Чечено-Ингушетии не оставались в стороне. В первых числах августа 1941 года 15 тысяч пионеров и школьников добровольно трудились в народном хозяйстве» [14, С. 89]. Абазатов М.А. высоко отзывался о работниках предприятий ЧИАССР, трудившихся во имя победы, многие из которых были награждены орденами и медалями. Среди них яркими звездами светятся фамилии: А. Цомаев, А. Мациев, А. Хабиев, Э. Мадагова, А. Саидова и многие другие. «За самоотверженный труд в 1941 г. были награждены значком «Отличник социалистического соревнования» 339 работников «Грознефтекомбината», 412 – Почетными грамотами» [15, С. 90].

Ошаев Халид в своей художественно-документальной повести пишет: «В плане «молниеносной войны» с Советским Союзом, носившем кодовое название «Барбаросса», с немецкой педантичной скрупулезностью все было расписано по дням и даже по часам. Все было как будто правильно и непререкаемо с точки зрения военной стратегии. Однако в плане «Барбаросса» вовсе не был отражен один существенный момент: морально-политическое единство советского народа» [16, С. 7]. Действительно, казалось бы, непобедимая армия Гитлера сметет все на своем пути, но Всевышний распределил все иначе, и сила оказалась на стороне сплоченности и дружбы народов. Победа далась ценой многомиллионных жизней самых мужественных и отважных патриотов Советского Союза.

Литература:

1. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. II. Мовсур Ибрагимов – главный редактор. Грозный, 2008.
2. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. II. Мовсур Ибрагимов – главный редактор. Грозный, 2008.
3. В.И. Филькин. Патриотизм трудящихся Чечено-Ингушской АССР в период Великой Отечественной войны. Грозный, 1989.
4. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. II. Мовсур Ибрагимов – главный редактор. Грозный, 2008.
5. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. II. Мовсур Ибрагимов – главный редактор. Грозный, 2008.
6. Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Грозный, 2005.
7. Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. Нальчик, 2007.
8. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. II. Мовсур Ибрагимов – главный редактор. Грозный, 2008.
9. В.И. Филькин. Патриотизм трудящихся Чечено-Ингушской АССР в период Великой Отечественной войны. Грозный, 1989.
10. Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. Нальчик, 2007.
11. Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. Нальчик, 2007.
12. В.И. Филькин. Патриотизм трудящихся Чечено-Ингушской АССР в период Великой Отечественной войны. Грозный, 1989.

13. Гакаев Х.А. Годы суровых испытаний. Грозный, 1988.
14. Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Грозный, 2005.
15. Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Грозный, 2005.
16. Ошаев Х. Брест-орешек огненный. Грозный, 1990. С. 7.

УДК 7.01+008.001

РЕАЛИИ В КОНСТРУИРОВАНИИ ОБРАЗА КАВКАЗА КИСТЬЮ ЖИВОПИСЦЕВ XIX ВЕКА

REALITIES IN THE DESIGN IMAGE OF THE CAUCASUS BY PAINTERS OF X1X CENTURY

З.А. Абдулаева,
к.филос.н., доцент кафедры культурологии ЧГУ

Z.A. Abdulaeva,
Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor in "Cultural Studies" Department

В статье представлен материал, содержащий биографию известных и малоизвестных художников. Дан анализ изобразительных произведений, в которых отображена соцоикультурная реальность Кавказа. Определены основные методологические факторы отображения социокультурной реальности Кавказа в художественных произведениях живописцев. В ходе анализа художественных произведений дается информация о некоторых живописцах, которая ранее была недоступна.
Ключевые слова: *Кавказ, кавказский народ, реальность, талантливые мастера.*

The article presents the material containing a biography of famous and lesser-known artists. The analysis of visual works, which are displayed socio-cultural reality of Caucasus is presented. The main methodological factors display socio-cultural realities of the Caucasus in the artistic works of painters are noted. During the analysis of works of art the information about some of the painters, which was previously unavailable, is given. Finally, the cultural value, who wrote the Caucasus, is the special genre of fine art which displays a complex, contradictory socio-cultural reality of the Caucasus. These great works of history transformed the life of its people and form a specific aesthetic perception of the era and region.
Key words: *beautiful places, the artists wanted to capture, the Caucasus visitors, the Caucasian people, the reality, socio-cultural, display, study the work of artists, talented craftsmen.*

Создаваемый образ Кавказа, как в литературе, так и живописи, не был однородным, что связано с разным художественным восприятием данного края, но, тем не менее, доминировал художественный стиль отображения жизни, природы, принятого называть в культуре, искусстве реализмом. Известны публикации 1879 г. А.П. Берже [1], посвященные этнографическому изучению Кавказа, в которых дается подробная характеристика народов Кавказа.

Попытаемся осмыслить с позиции культурологического анализа ряд произведений художников, побывших на Кавказе и отобразивших в них социокультурную реальность края. Социокультурный анализ художественных произведений избирательного искусства является наиболее актуальной и интересной формой изучения развития социума на этом этапе. Этот способ изучения и рефлексии духовной элиты общества того времени во многом способствовал формированию массового сознания, накоплению нравственных ценностей России. Отображение социокультурной реальности позволяет судить о работе существенной части механизма формирования в стране нравственных ценностей, нравственного идеала массового сознания. Изобразительное искусство русских и европейских художников, конструировавших образ Кавказа – «наиболее чувствительное зеркало, отражающее общество и культуру, составной частью которых оно является». В нем отражены все «основные формы экономической и политической организации, большая часть… нравов и обычаев, …образа жизни и мышления (менталитета)» [2].

О. Шпенглер в «Закате Европы» уделял особое внимание стилю, одной из главных и сущностных характеристик культуры, ее определенных эпохальных этапов. Для него стиль – это «метафизическое чувство формы», которое определяется «атмосферой духовности» той или иной эпохи [3, С. 30]. Он не зависит ни от личностей, ни от материала или видов искусства, ни даже от направлений искусства. Изучением Кавказа занимался ряд исследователей, как с литературными, историческими источниками, так и персоналиями изобразительного искусства.

В «сложении образа Кавказа» вводятся дифференцированные стили отображения, присутствует стремление художников максимально приблизиться к действительности, передавая через «позицию» живописи особенности этнонационального характера. Тема Кавказа с особенным энтузиазмом находит отображение в изобразительном искусстве русских и европейских художников XIX в. Фактически стиль является сложно опосредствованным оптимальным художественным отображением и выражением на макроуровне неких сущностных духовных, эстетических, религиозных, социальных, мировоззренческих, предметно-практических характеристик определенной исторической общности людей, конкретного этноисторического этапа культуры; своего рода макроструктурой художественного мышления, адекватного определенной социокультурной, этноисторической общности людей [4]. Эти грани художественного отображения социокультурной реальности Кавказа в отмеченный период мы находим в деятельности прославленных мастеров «старой» художественной традиции, посетивших Кавказ, таких как И.К. Айвазовский, Н.Г. Чернецов, Г.Г. Гагарин, Б.П. Виллевальде, В.Ф. Тимм, М. Врубель, Ф.А. Рубо, а также менее изученных – И.Н. Занковский, П. Бабаев, Т. Хоршельт. В творчестве этих живописцев количественно преобладали произведения, где запечатлены однообразные широкие панорамы и ее фрагменты, словно искусственно восстановленные в развернутый ближний план. Каждый из них был индивидуален в сложении образа Кавказа, имел своеобразный художественный стиль. В содержании произведений, сопровождавших подобные вояжи художников, появлялось созерцательное и меланхолическое отношение к природе.

Так, почти неизвестная работа художника непрофессионала И.И. Раевского «Вид лагеря на склоне Бештау» [5] поражает продуманностью каждого эпизода. Наряду с экзотическим пейзажем в ней с документальной точностью передан вид лагеря, расположенного на склоне массивного Бештау. Исследуемая И. Раевским эпоха на полотне связана с реалистическим раскрытием социальной природы войн и роли в них народа. Малоизвестны работы прекрасного живописца Полидора Бабаева. П. Бабаев (1813–1870) – ученик К.П. Брюллова, вольнослушатель Академии художеств, изменивший свой первоначально исторический подход к батальной живописи, верно изобразил многие героические подвиги и эскизы из кавказской боевой жизни [6]. В 1848 г. получил большую золотую медаль от ОПХ (Общество поощрения художников) за программу «Сражение на Кавказе при Михайловском укреплении». В 1849 г. он написал большую работу «Осада крепости Ахты», в которой молодому художнику удалось создать прекрасное батальное произведение о трагических событиях периода Кавказской войны. Вероятно, П. Бабаеву помогло и то, что он был отставным подпоручиком, служил в Тифлисе.

Также как П. Бабаев у К.П. Брюллова, у А.И. Зауервейда учился художник-живописец Виллевальде Богдан Павлович (настоящее имя – Готфрид) (1818–1903) гг. [6]. Продолжатель батального дела Б.П. Виллевальде писал в основном большие картины. В 1860 г. он отправился на Кавказ собирать на месте материал для картин и исключительно изображать подвиги русского оружия. Его многочисленные батальные картины украшают дворцы и галереи особ императорской фамилии. Особого внимания заслуживают такие его произведения, как «Охотники Ширванского полка на Гунибе» (1870), «Переход русских войск через Аджарское ущелье» (1872) [7], «Сдача Шамиля» (1866) [9].

Почти нет материала о жизни и деятельности прекрасного русского живописца XIX в. И.Н. Занковского (1832–1919). Удалось собрать некоторый архивный материал: письма, делопроизводственные справки и т.п. И.Н. Занковский учился в Академии художеств России (1862–1863). Жил в Тифлисе, служил при Военно-топографическом отделе Кавказского военного округа. На выставках «Кавказского общества поощрения изящных искусств», «Общества взаимопомощи кавказских художников», «Общества русских акварелистов» и др. с 1888 г. – «Эльбрус» (акварель), «Военно-грузинская дорога», «Дарьяльское ущелье», «Горный аул в лунную ночь», «Вид с горы Гуниб на ущелье», «Сурам» написан акварелью в 1888 г., хранится в Горьковском государственном художественном музее, «Кавказ» (хранится в Омском ОМНИ). «Казбек на рассвете», «Горная цепь», «Вид Эривани и Арарат» (хранятся в Азербайджанском Государственном музее искусств), «Сакля Шамиля на Гунибе», «Место сдачи Шамиля на Гунибе» (хранятся в Дагестанском Краеведческом музее) [8] и др.

В нетронутой природе художники видели тот закон и порядок, которые могли служить для них образцом «возвышенного и прекрасного». Отсюда и появление в произведениях пейзажистов мечтательной лирики, ставшей предтечей сентиментального живописного представления природы. Художник все еще «облагораживал» запечатленные на холсте зеленые массивы, привнося уже личное поэтическое переживание в классицистически построенный пейзаж. Используют различные стили и детали, приемлемые для воспроизводства конкретного эпизода. Этими чертами характеризуются и произведения многих художников первой половины XIX в. Произведения братьев – художников Григо-

рия Григорьевича и Никонора Григорьевича Чернецовых нередко упоминаются в краеведческих, литературоведческих, исторических, географических публикациях как своеобразные изобразительные способы – иконографические, топографические, меморативные, справедливо отображающие образ социокультурного содержания.

Особенно часто их имена звучат в связи с пушкинской темой: старший был автором натурного портрета великого поэта, младший исполнил для национального гения картину «Дарьяльское ущелье», 1831 г. (сепия хранится в Государственном Русском музее) [10]. Эти многогранные мастера – уникальный феномен в летописи национальной художественной школы. Наследие их огромно. Собрание Русского музея включает свыше 60-ти живописных полотен, несколько тысяч графических листов, сотни страниц рукописных записок и путевых дневников. Уже к середине XIX в. творчество таких художников, как Айвазовский, братья Г.Г. Чернецов и Н.Г. Чернецов, соединяло в себе классицистические традиции предыдущего периода и новации развивающегося романтического направления. В основе композиционного принципа их произведений лежала видовая картина. Однако помимо «портрета» местности они стремились запечатлеть на живописном холсте «характер» ее состояния [11]. И тогда в творчестве художника И.К. Айвазовского, как и Н.Г. Чернецова, очарованного пейзажами гор и населявшими их народами, проявлялось обостренное поэтическое восприятие окружающего мира.

В 2007 г. вышла монография З.А. Абдулаевой «Кавказ – глазами именитого немецкого художника». В ней впервые был опубликован архивный материал о жизни и творчестве баварского художника Теодора Хоршельта. Хоршельт был известен в России только как автор знаменитого полотна «Пленение Шамиля». Пять лет провел Хоршельт на Кавказе, разделяя не по рассказам трудную боевую жизнь русских солдат. Он принимал участие в 1858 г. в Дагестанской экспедиции с И.А. Вревским, а 1859 г. – в зимнем походе Н.И. Евдокимова в Чечню и был свидетелем пленения Шамиля и последних кровавых усилий царских войск России на Кавказе [12, С. 8]. Будучи прекрасным живописцем, вполне обладавшим техникой искусства, он является в 1859 г. на Кавказ с целью «изучения характера тамошенной борьбы нашей с горцами и действующих лиц, героев борьбы с обеих сторон, «по мнению Э. Саида, Хоршельт по-своему отображал социокультурную реальность «ориента» [14, С. 2]. В 1861 г. Государь Император изволил осчастливить Кавказ своим посещением. Горшельт был милостиво принят Его Величеством и удостоился высокой чести сопровождать монарха в его путешествиях по покоренному краю и Закавказью.

Альбом об этом путешествии составил громадную коллекцию этюдов и рисунков, полотен Хоршельта, что является, несомненно, достоверной источниковой базой [15]. Это своеобразный конгломерат информации словесного и изобразительного отображения социкультурной реальности Кавказа. Многие работы баварского художника несут сложнейшую задачу сочетания двух принципиально разных культур, имеющих своеобразные традиции. Несколько работ художника посвящено именно пребыванию императора на встречах различных депутаций. Одна из них «Государь Император принимает Бжедуховскую депутацию 13 сентября 1861 год». Гостя встречают с хлебом и солью, все стремятся подойти как можно ближе, быть в центре происходящего, однако на лицах настороженность и внимание. Художником дан скудный фон пейзажа, в данном случае все внимание обращено к участникам эпизода. Император и свита в офицерском мундире верхом на лошадях; на всех остальных свойственный здесь национальный кавказский костюм.

Аналогичный этому многолюдному эпизоду Т. Хоршельт выполняет работу иного характера «Обед Государя Императора в укреплении Колиджик, в сентябре 1861 г». В ней ничто не говорит о военной обстановке: где-то на заднем плане двое-трое с ружьем; натянута палатка по центру, где мирно обедает сам император «запросто, среди простых солдат». Вокруг так и льнет толпа, ведь приехал государь-батюшка. Художник каждому участнику определил место, костюм и характер. На картине бежит лакей с блюдом в руках мимо «заиндевевшей» публики; а дама в светском платье и шляпке у угла хочет «засвидетельствовать свое почтение». На заднем плане полотна расположена кавалерия на фоне гор и стройных деревьев с густой кроной только на верхушках, повествующих о деликатности момента [16, С. 9]. Создавая батальные полотна, художник постоянно изучал этническую культуру, этнографические черты, особенности быта и природного окружения народов Кавказа и Средней Азии, разные типы психологического склада воинственных «детей гор».

Таким образом, появление в XIX в. значительного количества произведений, отображающих социокультурные реалии Кавказа, объясняется интересом, который и Россия, и мировое сообщество проявили к региону, где происходили очень важные исторические события. Как показал анализ, социальный заказ на реалистические отображение истории культуры и быта народов Кавказа стимулировал творчество многих художников, которые свое знакомство с краем передавали через высокоху-

дожественные образы индивидуального творчества. Культурная ценность творчества русских и европейских художников XIX в., писавших Кавказ, история и быт населявших его народов и формирует специфическое эстетическое восприятие эпохи края.

Литература:

1. Берже А.П. Этнографическое образование Кавказа. СПб, 1879.
2. См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 429, 435.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 668 с.
4. Власов В.Г. Стили в искусстве. Словарь: В 2 т. Т. 1. СПб: Кольна, 1995. С. 540.
5. Архив Раевских: В 3 т. Т. 1. СПб: Изд. П.М. Раевского, 1908. С. 525.
6. См.: Андреев А.И. Живопись и живописцы главнейших европейских школ. СПб: Изд-во М.О. Вольфа, 1857. С. 21.
7. Сомов А.К. Картинная галерея Императорской Академии Художеств. Каталог оригинальных произведений русской живописи. СПб: Типография Императорской академии наук, 1872. С. 98.
8. Библиографический словарь: В 6 т. Т. 2. Художники народов СССР. М.: Искусство, 1970. С. 61.
9. Архив ГТГ (Государственная Третьяковская галерея). Д. №79/117, от 15. 12. 1866. Л. 31. Список художественных произведений для отправки в Париж на выставку. Б. Виллевальде «Сдача Шамиля».
10. Голдовский Г. Художники, братья Чернецовы. Греческий мир в русском искусстве. СПб: Государственный русский музей, 2000. С. 94.
11. Столопнянский П.Н. Первые патриоты русского искусства, братья Чернецовы. Типография Сириус, 1915. С. 13.
12. См.: Абдулаева З.А. Кавказ глазами именитого немецкого художника Теодора Горшельта. Грозный: ГУП «Книжное изд-во», 2007. 128 с.
13. Всемирная иллюстрация: В 48 т. Т. 11. №275. СПб: Типография Э. Гоппе, 1874. С. 3.
14. Саид Э. Восток путешественников и ученых: между дефиницией и живой мыслью // Отечественные записки. 2003. №5. С. 466–472.
15. См.: Кавказские сцены. СПб: Издание Гоффертъ. 1872. С. 3.
16. Гортшельт Т. Кавказские походные рисунки: В 5 вып. 1. СПб: Изд. Великого князя Григория Михайловича. Экспедиция гос. бумага. 1895–1896. С. 1.

УДК 323.1

МИГРАЦИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СТРАНЫ ЕВРОПЫ. ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

MIGRATION OF CHECHEN YOUTH IN EUROPE, REASONS AND CONSEQUENCES

А.Э. Хасуев,
ассистент кафедры истории, геополитики и политологии ЧГУ

E.A. Khasuev,
Assistant in "The history, Geopolitics and Political Science" Department of CheSU

Цель – всесторонне рассмотреть и взвесить причины и последствия оттока молодого населения из Чеченской Республики. Попытаться понять социальную значимость проблемы массовой миграции кавказских народов для современного социума.
Ключевые слова: *миграция, эмиграции, реэмиграции, Европа, молодежь.*

The aim of this article is to fully consider and weigh the reasons and consequences of the outflow of young people from the Chechen Republic. Attempt to understand the social significance of the problem of mass migration of the Caucasian people to modern society is analysed.
Key words: *migration, emigration, re-emigration, tradition, Europe, young people*

Термин *«миграция»* следует понимать, как *территориальные перемещения индивидов из государства в государство, из региона в регион.*

Следует также отметить, что динамика миграционных процессов обусловлена социальными явлениями. Так, неблагоприятные внешние условия, такие как ухудшение экономической, экологической или политической ситуации в стране проживания, могут стать факторами, обуславливающими готовность потенциальных переселенцев к вынужденной миграции. Однако мигрантам присущи различные социально-экономические характеристики, и поэтому они различными способами реагируют на неблагоприятные условия среды проживания и выбирают разнообразные стратегии миграции. Поэтому для более полного анализа причин детерминации миграции необходимо уделять внимание социально-психологическим особенностям потенциальных и реальных.

Мигранты – это социальные субъекты, двигатели миграционных процессов, а в свою очередь

миграционные процессы определяются как результат личной мотивации мигрантов. Естественно, отрыв человека от конкретных людей и конкретного места, где он родился и вырос, дается нелегко. Попав в иную чуждую и незнакомую среду, мигрант с набором своих индивидуальных особенностей создает значительные трудности и для воплощения образа в отдельных сферах культуры, науки и искусства. Но кавказские люди, веками закаленные трудностями, легко их преодолевают. Незнание языка, культуры местного поведения, кардинальное отличие в уровне образования, невладение современными механизмами ведения бизнеса в широком смысле и самого обычного вида работ – это малая часть проблем, которые встают на пути чеченских переселенцев в Европе в независимости от возраста и прежнего социального статуса. Все эти проблемы усугубляются тем, что мигрант остается один в чужой стране, и нет родственников рядом, которые всегда помогали и поддерживали в независимости от близости родства. Но последние 25 лет непрерывной миграции населения с Кавказа научила последующих эмигрантов различным эффективным путям достижения Европы и адаптации там.

Исторически преобладала миграция кавказского населения *«переселенческого типа»* – так в результате данного типа миграции мигранты перемещались через границы государств и меняли место жительства. Кавказцы, переезжающие в Европу, не едут на сезонные работы, они там хотят жить постоянно, и не все, конечно, хотят там работать, часть из них довольна, если получит пособие и вид на жительство. Но это далеко не все. Переехавшие люди постарше, конечно, понимают, что имеют призрачные шансы вернуться домой, так как уехав они потеряют все, что было на родине. Переезд стоит немалых средств, и они продают, закладывают все свое имущество и землю. Молодежь в свою очередь переезжает в Европу, чтобы заработать, и часто мы видим, что, будучи в разных европейских странах, они присылают деньги и строят дома в родном городе или селе. Это говорит о том, что эти молодые люди не думают всю жизнь прожить в Европе, вдали от родины. Это один из главных позитивных факторов эмиграции чеченской молодежи в Европу. Из этого следуют и причины, почему чеченская молодежь стремится в Европу – это безработица и низкий уровень доходов в Чечне и России в целом. Экономика республики не может восполнить все потребности молодежи в трудоустройстве. Полностью занят только сектор государственных служб и служб правопорядка. Промышленная экономика еще не встала на ноги в достаточном масштабе, чтобы людям не приходилось искать лучшей доли за рубежом.

Еще одна позитивная сторона миграции нашей молодежи в Европу то, что, вернувшись оттуда, она привозит с собой европейский опыт работы, европейское образование и трудолюбие. Молодые люди в большей мере заняты и ценятся в Европе в сфере строительного бизнеса, охранного сектора и торговли. Особенно важны для нас соотечественники, которые смогли устроиться врачами или окончить медицинские учебные заведения в Европе. Ни для кого не секрет, что наше здравоохранение оставляет желать лучшего. А люди, получившие образование и опыт, нужны для экономики и общества Чеченской Республики.

К эмиграции или реэмиграции (процесс возвращения эмигрантов в страну исхода на постоянное место жительства), как результат массовых потоков миграции и иммиграции, могут привести различные факторы, те или иные политические события. Однако процессы, стимулирующие приток иммигрантов, могут завершить свое действие, и тогда эмигранты под воздействием факторов могут стать реэмигрантами или репатриантам.

В современном мире потоки переселенцев из Кавказа воспринимаются иначе, чем в кровавые 90-е годы, когда люди целыми семьями, селами бежали от бесчисленных бомбежек и непрерывных зачисток. В то время двери для всех бегущих из Чечни были открыты по всей Европе. Этот поток увеличивался, и многие страны физически не могли принимать больше беженцев, да и обстановка в конце 2000-х годов не была настолько тяжёлой в военном и правовом смысле, как в 90-е, и Европа уже не хочет принимать людей, не приносящих пользу экономике страны. Молодежь, устремившаяся в Европу, уже слабо может надеяться на беззаботную жизнь. Например, в Германии к человеку, который приехал в страну и живет на пособия и не пытается найти работу, отношение будет резко негативным, немцы не любят физически здоровых иждивенцев. Но если ты стараешься найти работу и пытаешься улучить свою жизнь, то все без исключения коммерческие и государственные службы искренне начнут помогать тебе в достижении твоих целей. Европа устала и не верит больше каждому, что его убивают и лишают прав в Чечне, и она должна его принять и кормить. Время аргумента «там опасно» прошло.

Немалая часть молодежи тратит свою жизнь в Европе впустую, толпами, без дела шатаясь из квартала в квартал, из района в район. Не приносят эти молодые люди пользы ни себе, ни государству, приютившему их, ни тем более своим родственникам в Чечне. Такая тенденция существует, и

отрицать этого нельзя. Безделье рождает тягу к аморальной жизни, которая полна наркотиков, алкоголя и иных неподобающих наклонностей для чеченца. Это касается обоих полов. Также состояние беззаботности и безответственности рождает радикализм и необоснованную агрессию к окружающим. Деградация такого слоя чеченской молодежи в Европе является угрозой для имиджа республики на международной арене. Эти элементы негативно влияют не только на Чечню, но и рождают множество проблем для нормальной трудолюбивой законопослушной чеченской молодежи, которая страдает от этого черного пиара.

Сегодня международная миграции обусловлена такими факторами, как экономические, политические и социокультурные. Экономические факторы стоят первыми не случайно. В период кризиса это становится краеугольным камнем в решении проблемы миграции. Европа рада рабочим с Кавказа, только если они вернутся назад**.** Как отмечают эксперты, в целом Европейский Союз заинтересован в привлечении мигрантов из Закавказья. Но лишь в том случае, если они трудоустроятся официально и на короткий срок, по окончании которого гарантированно вернутся домой. И это тоже позитивное направление – эти рабочие будут полезны для своего региона, принося тот же опыт и средства на родину.

Чеченцы очень привязаны к родной земле и очень ее любят, это бесспорный факт. В нашей крови есть что-то такое, что не позволит нам стать немцем, французом, бельгийцем и так далее, каждый эмигрант-чеченец останется чеченцем, по крайне мере, мы очень на это надеемся. Молодые люди, раскинутые по всей Европе, рано или поздно вернутся на родину, и мы должны быть готовыми к их возвращению.

УДК. 94(470.661)

ДЕПОРТАЦИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ ПОТЕРИ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА

DEPORTATION: CULTURAL LOSSES OF CHECHEN NATION

М.К. Осмаев,
доцент кафедры журналистики ЧГУ

M.K. Osmaev,
Associate Professor of "Jurnalism" Department of CheSU

Статья посвящена проблеме депортации чеченского народа, в результате которой был нанесен непоправимый ущерб его национальному имиджу. Чеченцев лишили собственной истории, письменности, памятников материальной и духовной культуры. Также в статье описываются и трагические последствия двух военных кампаний на территории Чеченской Республики.
Ключевые слова: *депортация, чеченцы, народ, материальная и духовная культура, геноцид.*

The article is devoted to the problem of deportation of Chechen people as a result the irreparable harm was brought to the Chechen culture. The Chechens have been deprived of their own history, literature, monuments of material and spiritual culture. The article also describes the tragic consequences of the two military campaigns in Chechnya were disclosed in the article.
Key words: *deportation, Chechens, nation, material and spiritual culture, genocide*

В феврале этого года исполнился 71 год со дня депортации чеченцев. Насильственное выселение отдельных общностей, отобранных по определенному принципу (этническому, расовому, религиозному, социальному, политическому и т.д.) признается в мировой практике военным преступлением против человечности.

Именно по этническому принципу были высланы чеченцы и другие народы. Однако до сих пор никто не понес наказания за совершенное преступление против целого народа. И не только чеченского…

Сталинские репрессии 30–40-х годов уничтожили почти всех истинных носителей чеченской культуры: интеллигенцию, духовенство и, вообще, весь лучший генофонд народа. Удачное определение сталинской истребительной политике дал известный политолог Абдурахман Авторханов, обозначив ее суть одним сложным и емким словом – «народоубийство». В своей книге «Убийство чечено-ингушского народа» он приводит такие факты: «Так, за одну только ночь с 31 июля по 1 августа 1937 года по спискам НКВД было одновременно арестованы до 14 тыс. человек, то есть 3 процента общего населения ЧИАССР. В числе других были арестованы практически все чеченцы и ингуши, занимав-

шие посты от председателя сельсовета и выше»[1].

Арестовывались, а затем, в абсолютном большинстве случае, уничтожались носители духовности – духовенство, интеллигенция. Это была своеобразная форма этноцида. Таким образом, Сталин, движимый патологическим тщеславием, уничтожил образованнейший и здоровый цвет чеченского народа, как, впрочем, и других народов страны. По этой причине фактически была прервана духовная связь поколений, поколебались духовно – нравственные устои чеченского этноса.

В чеченских селах Хайбах и Зумсой в феврале 1944 года были убиты и сожжены, по различным данным, более 1300 человек. Трагедию Хайбаха сравнивают с Куропатами, Хатынью, Сонгми. Однако эти сравнения не корректны с моральной, юридической и военной точек зрений. Экзекуция была проведена там, куда не докатилась волна войны, и никакими соображениями нельзя оправдать убийство тысяч ни в чем не повинных людей. Хайбах – это трагедия куда большего масштаба: она должна была поставить последнюю точку в истории целого народа. Считается, что примерно треть чеченцев во время депортации погибли от голода, болезней, холода. Прибавьте к ним тысячи жертв политических репрессий 30–40-х годов XX века. Абсолютный геноцид собственного народа.

Международная конвенция Генеральной Ассамблеи ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него» предусматривает наказания за действия, «совершенные с целью уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, убийства, тяжкие телесные повреждения». Эта же Конвенция отнесла к геноциду и уничтожение языка, религии или культуры какой-либо национальности, расовой, религиозной группы. Запрещение пользоваться национальным языком в повседневной жизни или в школах, запрещение печатания и распространения изданий на языке такой группы: уничтожение библиотек, музеев, школ, исторических памятников, зданий, предназначенных для нужд религиозных культов и т.д.».

Через депортацию была ликвидирована национальная государственность чеченского народа, он был лишен конституционных прав и поставлен вне закона, подвергся огульному унижению и оскорблению… Народ оказался отброшенным на десятки лет назад в своем национальном развитии, образовании, подготовке специалистов, формировании политической и интеллектуальной элиты. Непоправимый ущерб был нанесен его национальному имиджу. Чеченцев лишили собственной истории, письменности, могил предков, памятников материальной и духовной культуры.

Волею судьбы мне довелось быть первым министром культуры Чеченской Республики (2000–2007 гг.). Это был, пожалуй, самый тяжелый период в истории чеченского народа: в республике прошли две жесточайшие военные кампании. Ниже я расскажу, в каком виде мы застали сферу культуры и искусств в 2000-м году. Но прежде остановлюсь на культурных потерях чеченского народа в период депортации, 1944–1957 годах.

К моменту депортации национальная книга была представлена как в общественных фондах (библиотеки публичные, различных систем и ведомств), так и в личных (частных) собраниях. Общественные фонды количественно во много раз превосходили совокупный книжный фонд личных библиотек, а в них более широко были представлены первые издания на основе арабской графики и (что более важно и ценно) рукописные книги, т.н. «шира – тептарш».

Уже на первом этапе выселения, по распоряжению властей, происходило повсеместное изъятие национальных изданий из фондов библиотек как общедоступных, так и специализированных – имеются в виду библиотеки научно – исследовательских учреждений. Книги, изъятые из библиотек г. Грозного, уничтожались путем сжигания в сквере возле Республиканского дворца пионеров и школьников (рядом с площадью им. Ленина). Аналогичные костры горели в районных центрах, куда доставлялась литература, изъятая из сельских и школьных библиотек. Среди уничтоженных во время выселения частных библиотек наибольшее сожаление вызывают семейные библиотеки известных чеченских алимов, в частности, прославленная библиотека Сугаип – муллы Гайсумова.

Древние манускрипты и рукописи чеченцев о своем происхождении, древние рукописи, религиозно-философские трактаты, литература из частных библиотек и архивов – все эти бесценные документы были уничтожены, пытаясь стереть с лица земли историческую память о чеченском народе. По всей республике переименовывались названия улиц, площадей и населенных пунктов. Историю чеченцев представляли как историю народа, который провел тысячи лет во тьме веков, вытесненного врагами в дикие горные ущелья, не имеющего ни государства, ни письменности, никоим образом не влияющего на происходящие вокруг него события. Таким образом, народ уничтожался не только физически…

Как утверждает бывший директор Национальной библиотеки Чеченской Республики Э. Хасмо-

[1]Александр Уралов (А. Авторханов) «Убийство чечено-ингушского народа». М.: 1991.

гамадов, из изданий на чеченском языке уцелели лишь те, что хранились в фондах учреждений, являющихся государственными хранилищами обязательного экземпляра. Это, прежде всего, Всесоюзная книжная палата и Государственная публичная библиотека им. Ленина (Москва), а также библиотека им. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург). Кроме того, отдельные издания были сохранены, на свой страх и риск, руководством Чечено-Ингушской республиканской библиотеки им. А.П. Чехова.

Изданы два тома «Истории Чечни». Это первый в истории Чечни труд академического характера. Затронута в этой истории и тема чеченских тептаров – своеобразных летописей, носивших в основном дневниковый характер.

На странице 365 1-го тома читаем: «По-видимому, к XVI–XVIII вв. относится в Чечне период, когда отдельные религиозно-образованные чеченцы активно предпринимают попытки составления на арабском и чеченском языках (с использованием арабской графики) индивидуальных рукописей с подробным описанием и анализом генеалогии развития того или иного рода (тайпа), общества и т.д. Известно, что у многих чеченцев такие рукописи существовали вплоть до самой депортации в 1944 году. Назывались они «шира тептарш» (чеч.) – древние рукописи. Сейчас они мало у кого сохранились»[1].

Кроме того, в рассматриваемое время, надо полагать, во многих чеченских селах были хронографы или хронисты, хорошо владевшие арабским языком и письменностью, специально занимавшиеся описанием исторических событий, важнейших военных действий, междоусобиц, землетрясений, наводнений, пожаров, неурожаев, эпидемий.

Как пишет общественный деятель Л.Усманов, в горах уничтожались древние этнографические памятники, кладбища, сотни тысяч надгробных стел, безжалостно разбивались на части и вывозились для строительства дорог, мостов, и хозяйственных построек. Подверглись уничтожению даже стелы с античными греческими надписями. Специальные отряды НКВД были откомандированы в горы для уничтожения национальных памятников чеченской архитектуры. Надо знать содержание этой архитектуры и их происхождение, чтобы уметь оценить их значение и место в истории мировой культуры!

К примеру, чеченцы и ингуши ещё в средние века в сложных горных условиях строили 6–7-этажные сторожевые башни, 4–5-этажные жилые каменные сооружения с высокоразвитой для того времени системой вентиляции и отопления, с устройством сложнейших по исполнению сейсмостойких узлов. Удивительный для того времени уровень сочетания рациональности, изящности и устойчивости чеченской народной архитектуры стал даже предметом дискуссий на различных международных инженерных форумах.

Только лишь на территории Аргунского ущелья было взорвано до 250 древних и средневековых каменных башен и замков. Уцелело не многим более 50 памятников чеченской истории. Как это ни парадоксально, часть памятников просто не смогли уничтожить традиционными подрывами: настолько прочными и искусно исполненными оказались некоторые архитектурные сооружения[2].

В результате депортации чеченский народ понес огромные потери: и людские, и духовные, и культурные, и материальные и т.д. Через 13 лет ссылки, путем неимоверных усилий, удалось чеченскому народу вернуться на родную землю и восстановить свою самобытную культуру.

К великому сожалению, все это повторилось в значительно худшем исполнении в 2000 году, после двух военных кампаний. Причем, ситуация во втором случае была намного ужаснее и трагичнее.

Автор этих строк, выступая в июле 2001 года на Международной научно-практической конференции в Российской академии наук, говорил о том, что трагические события приблизили нашу культуру к опасной пропасти исчезновения. До начала трагических событий в республике имелись прекрасные театры (русский, чеченский и театр кукол), цирк, высокопрофессиональный коллектив филармонии, который базировался в добротном здании с редчайшей акустикой, богатейшие на Северном Кавказе музеи (краеведческий и изобразительных искусств); театрально-концертный зал; республиканская библиотека им. А.П. Чехова; средние профессиональные учебные заведения, кинотеатры, парки, скверы. Одни практически были стерты с лица земли, другие лежали в руинах.

Никакие международные правовые акты и конвенции по вопросам охраны культурных ценностей противоборствующими сторонами не соблюдались: уничтожались музеи, библиотеки, архивы, историко-архитектурные памятники, здания учреждений культуры и искусств. В одном только Чеченском республиканском музее число предметов основного фонда составляло около 5 тысяч единиц

1. «История Чечни». Грозный, 2008. Т. 1. С. 335.
2. Газета «Правозащита». №1, март, 2004.

хранения. Были уничтожены или разграблены около 90% музейных экспонатов, почти весь фонд изобразительного искусства (за исключением девяноста произведений живописи, переданных еще в 1995 году на реставрацию во Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И.Э. Грабаря)[1].

В Гаагской конвенции от 14.05.1954 г. «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» отмечается, что «ущерб, наносимый культурным ценностям каждого народа, является ущербом для культурного наследия всего человечества, поскольку каждый народ вносит свой вклад в мировую культуру. Стороны должны воздерживаться от принятия любых репрессивных мер, направленных против культурных ценностей, обязуются уважать культурные ценности, расположенные на их собственной территории, а также на территории других сторон…».

В декларации о принципах международного культурного сотрудничества государств – членов ЮНЕСКО, подчеркивается: «Каждая культура обладает достоинством и ценностью, которые следует уважать и сохранять; развитие собственной культуры является правом и долгом каждого народа и все культуры являются частью общего достояния человечества».

Таким образом, налицо грубое нарушение международных принципов культурного строительства и сотрудничества. Действия вандалов, разграбивших и уничтоживших многие памятники античной культуры в Риме, выглядят детскими шалостями по сравнению с тем, что сотворено в Грозном современными вандалами.

Все это дает основание говорить о «бескультурной» политике государства по отношению к памятникам истории и культуры Чеченской Республики.

К сожалению, подобное отношение сложилось не только к памятникам, но и к народу в целом. Часто из уст различных государственных и общественных деятелей типа Жириновского и Пыхалова мы слышим самую гнусную ложь и клевету в адрес малых народов, которые травмируют душу и сердечные раны невинно оболганных людей.

В Законе РФ «О реабилитации репрессированных народов» сказано о том, что не допускается агитация или пропаганда, проводимые с целью воспрепятствования реабилитации репрессированных народов. Лица, совершающие подобные действия, а равно подстрекающие к ним, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке.

Практически бездействует этот Закон, призванный также возместить моральный и материальный урон, нанесенный репрессированным народам, в отношении которых проводилась политика клеветы и геноцида на государственном уровне.

Известный киргизский советский прозаик Чингиз Айтматов в своей статье «Подрываются ли основы»? писал: «…Думаю, что и полпотовцы, учинившие невиданный геноцид собственного народа, имели в этом смысле достаточно прозрачный пример (стоит вспомнить историю истребительного сталинского переселения к концу войны чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, кавказских турок-месхетинцев, курдов, крымских татар, немцев Поволжья. До сих пор… тянется шлейф тех бед и страданий!».

Новая Россия с ее демократическими устремлениями, с претензиями на вхождение в мировое культурное сообщество, должна пройти, как минимум, два этапа в своем становлении: во-первых, стать правовым государством; во-вторых, осуществить качественный переход к культурному государству. Для этого потребуются определенные предпосылки, прежде всего – решительные меры политической элиты страны. Иначе долго еще будет «…тянуться шлейф тех бед и страданий».

Литература:

1. Александр Уралов (А.Авторханов) Убийство чечено-ингушского народа. СП «Вся Москва», 1991.
2. Газета «Правозащита», 2004. №1.
3. Газета «Южный федеральный», 2007. №7.
4. История Чечни. Том 1. Грозный. 2008. С. 335.
5. «Известия». 4 мая 1988 г.
6. Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. М.: «Академия», 2003.

3. Осмаев М.К., Алироев И.Ю. «История и культура вайнахов». М., 2003. С. 363.

УДК 811.161.1'36

К ПРОБЛЕМЕ МЕСТА БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДИКАТИВОВ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

IMPERSONAL PREDICATIVES IN PARTS OF SPEECH

А.И. Халидов,
д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой русского языка ЧГУ

A.I. Khalidov,
Doctor of Philology, Professor, Head of Russian language Department

Статья возвращает к обсуждению все еще актуальной не только в русском языкознании проблемы выделения слов категории состояния как части речи. Утверждается, что наличие в языке слов, употребляемых исключительно или, как правило, в роли главного члена безличного предложения со значением недейственного состояния и не имеющих «омонимов» среди наречий, существительных и причастий, – существенный аргумент в пользу выделения категории состояния как части речи, и то, что исследователями ему не придавалось должное значение, является главной причиной неразрешенности самой проблемы определения статуса слов безлично-предикативного употребления со значением недейственного состояния.
***Ключевые слова**: часть речи, грамматическая омонимия, категория состояния, безличный предикатив, недейственное состояние.*

The Article shows the discussion of actual problem of the draft of words to categories of state as a part speech. Argued that the words in language are use solely as a rule in dug the main of the faceless offer with importance the meaning of state without action and not having "homonyms" amongst adverb, noun and participle, – an essential pro of the separation to categories of the condition as a part speech, and that researcher to him was not added due importance, is a main by reason of the absence of the decision most problems of the determination of the status of the words faceless-predicative use with importance the state without action.
***Key words and word-combinations:** a part speech; grammatical homonym; the category of the condition; faceless predicative; the state without action.*

Объект рассмотрения в этой статье – обширная группа слов, статус которых в системе частей речи не определен до сих пор, несмотря на более чем двухсотлетнюю историю изучения (если считать с момента выделения А.А. Барсовым в завершенной к 1788 году «Российской грамматике» «безличных глаголов» типа *должно, надобно, потребно, нужно, необходимо* [1: 643]), и на то, что достаточно широко они употребляются в русском языке уже в XVII веке и уходят своими корнями в древнерусский язык (см. [8: 17–37]). Само обращение к этой теме после многих авторов, высказывавших порой прямо противоположные мнения, рискованно, но вряд ли правильно оставлять решение вопроса в том «подвешенном» виде, в каком оно находится на протяжении полувека с небольшим после известной дискуссии 1950-х годов, об остроте которой можно судить по формулировкам двух ключевых в дискуссии статей: [3], [4]. В русском, и не только в русском, но и в славянском языкознании в целом сложилась ситуация, когда после длительного обсуждения с участием выдающихся ученых проблема не то что осталась неразрешенной – она просто заброшена, хотя после 1950-ых годов ею еще продолжали заниматься некоторое время (см. [51], [17], [12], [3], [15]).

В наше время большинству языковедов само выделение КС как самостоятельной части речи представляется если не вообще безосновательным, то, во всяком случае, спорным. В первую очередь потому, что все слова, относимые сюда, омонимичны или наречиям на **-о**, или существительным, или кратким страдательным причастиям на **-о**, или некоторым модальным словам. То есть, с их точки зрения, нет ни одного слова категории состояния, которое можно было бы охарактеризовать только как СКС и не могло быть в ином контексте словом другой части речи. Следовательно, это всего лишь наречия и т.д., но в особой функции предиката безличного предложения (иногда к этому добавляют и «особость» значения недейственного, бессубъектного состояния).

Вот здесь, думается, оппоненты Л.В. Щербы и др. заблуждаются явно, поскольку можно привести немало примеров слов категории состояния, которые ничем, кроме категории состояния, являться не могут, или таких слов, которые ограниченно употребляются в функции и значении, например, наречия или причастия, но в основном используются как безличные предикативы. То, что наличие среди исследуемых единиц таких, которые не используются как обычные наречия, или существительные, или причастия и употребляются исключительно в функции предиката безличного предложения, не было использовано как один из главных аргументов «в защиту категории состояния», следует считать серьезным упущением.

Первый намек на эту особенность определенного круга слов, называемых сейчас словами категории состояния, сделал, наверное, А.Х. Востоков, обративший внимание на слова типа *льзя, нельзя, жаль, лишь, можно, страшно* и др., охарактеризованные им как краткие формы имен прилагательных, перешедшие в сферу глагола и вследствие этого ставшие «безличными глаголами». Одним из отличительных свойств их он считал то, что они не имеют параллелей среди «членных» (полных) имен прилагательных и фактически оторвались от прилагательных, а то, что у части таких слов сохраняются родовые формы (слова на **-о**), не говорит, что у них действительно есть род [4].

Следовало бы ожидать, что такая особенность «наречных форм сказуемого», как он назвал соответствующие слова, была подчеркнута Н.П. Некрасовым [11]. На самом деле этого не произошло, но заслуга Н.П. Некрасова в том, что он, впервые в русском языкознании, заострил внимание на этой группе слов и поставил определеннее, чем предшественники, вопрос об их отличии и от имен, и от глагола, и, в принципе, от самого наречия, хотя называл их «наречными формами сказуемого», «прилагательными формами глагола». То, что это какое-то «инородное тело» в системе частей речи, понимал Н.П. Некрасов и понимали другие исследователи после него, но еще долгое время шел поиск места этого инородного тела в постулируемой многими и сейчас системе из 10 частей речи, в которой, естественно, такого места просто не могло быть.

О том, что такие слова не относятся ни к какой из известных частей речи, впервые заявил Д.Н. Овсянико-Куликовский, назвавший их, однако, «предикативными наречиями» [11]. Это уже был прогресс, но нужно было сделать следующий шаг, и в первую очередь отделить эти слова от тех частей речи, с которыми у них общей является внешняя форма, – в первую очередь наречий, а также прилагательных среднего рода на **-о**, существительных, модальных слов, причастий на **-о**.

Существенно продвинуть русскую грамматику в этом направлении удалось А.М. Пешковскому. Нет, он не выделил еще эти слова в самостоятельную часть речи, но сделал многое для того, чтобы это смогли сделать другие. Самым существенным представляется то, что А.М. Пешковский привлек внимание к довольно многочисленной группе «безлично предикативных членов», не имеющих соотносительных пар соответственно ни среди наречий, ни часто среди прилагательных и существительных. «Безлично-предикативный член всегда более или менее близок по значению к наречию, – писал А.М. Пешковский, тут же добавляя: «...хотя в некоторых случаях как обычное наречие не употребляется, а только как безлично предикативный член (например, *совестно, стыдно, грешно*» [13: 354]. Несмотря на то, что «в некоторых случаях сама безличная предикативность создает, по-видимому, какое-то отличие в значении по сравнению с наречием. Ср. *он **смешно** ходит* и *Мне было **смешно***» [13: 355], оснований для окончательного отделения «безлично предикативного члена» от наречий А.М. Пешковский не находит: «... с наречием эта категория во многих случаях сливается» (там же). Но важно, что от прилагательных слова на **-о**в предикативной функции отрываются без колебаний: «... от прилагательного среднего рода ее надо отделить самым решительным образом» (там же) и «прилагательные безлично пониматься не могут вообще» (там же).

Другое место в цитируемой работе А.М. Пешковского проливает свет и на то, как формировалась в русском языке категория слов, употребляемых исключительно в предикативной функции и только безлично: «Нужно, впрочем, добавить, что живой разговорный язык решительно стремится к пониманию формы на **-о** как наречия и в связи с этим к безличности всех этих сочетаний. В сущности, живой язык тяготится этой двойственностью значения, которая создалась в форме на **-о**, и выходит из затруднения тем, что или избегает совсем кратких прилагательных в среднем роде (такие сочетания, как *это здание хорошо, это животное мало, платье легко* и т.д., крайне редки и явно книжны), или там, где их избежать невозможно, смешивает их с наречиями» (13: 357).

Главное, что мы можем извлечь из этих и не цитированных суждений и наблюдений А.М. Пешковского, подкрепленных солидным фактическим материалом, – это то, что в русском языке достаточно много «безлично предикативных членов», которые как таковых омонимов среди наречий не имеют. Впоследствии ни Л.В. Щерба, которому принадлежит первенство в выделении категории состояния как части речи [20: 89–90; первая публикация – 1928 г.], ни В.В. Виноградов, ни многие другие авторы, специально или в связи с синтаксической проблемой (односоставности и безличности) обращавшиеся к словам категории состояния, не придали должного значения этому достаточно убедительному доказательству частеречной самостоятельности слов, выражающих значение недейственного состояния в функции предиката безличного предложения. Л.В. Щерба и В.В. Виноградов могли не придавать этому значения потому, что для них к категории состояния относились не только безлично-предикативные слова и даже не только наречия и наречные выражения со значением состояния в функции сказуемого в личном предложении (такие, как начеку, настороже, замужем, без памяти, без чувств, в состоянии и т.п.), но и некоторые краткие прилагательные, выражающие состояние

или долженствование (*грустен, намерен, рад, горазд, должен* и др.). Но трудно объяснить, почему на это не обращалось особое внимание и после того, как границы употребления КС и их общеграмматическое значение были ограничены безличным предложением и недейственным состоянием [5].

Время от времени, однако, об этом свойстве СКС вспоминали, как, например, А.В. Исаченко, писавший, что «слова типа *темно* или *надо* не являются ни определением, ни обстоятельством, следовательно, не подходят под наше определение наречий» [6: 356]. Однако поиск среди обширной литературы, посвященной в целом безличным предложениям и в частности безличным предикативам, работ, в которых в качестве убедительного аргумента выдвигался бы этот и в которых целенаправленно выявлялись бы, безусловно, безличные предикативы, не имеющие «омонимов» среди имен, наречий или причастий, к успеху не привел.

А.М. Пешковский привел достаточно много примеров слов, употребляемых только как «безлично предикативный член». Это слова на **-о** (*совестно, стыдно*), слова, соотносимые с существительными (*жаль, льзя, нельзя, недосуг*), слова, соотносимые с краткими страдательными причастиями на **-о** (*накурено*). За прошедший после написания А.М. Пешковским своего труда век этих слов могло стать только еще больше, хотя, наверное, для доказательства частеречного статуса и частеречной самостоятельности категории состояния важно даже не столько количество таких единиц, сколько то, как они, скажем, преподносятся в словарях.

Обратившись к словарям, обнаруживаем, что довольно большое количество оканчивающихся на **-о** слов, которые многие до сих пор относят к наречиям, лишь оговаривая возможность употребления в качестве безличных предикатов, или вообще в этих словарях отсутствуют (следовательно, наречий таких нет, а как безличные предикативы они не выявлены, малоупотребительны или малоизвестны), или имеют помету «*в знач. сказ.*», а не «*нареч.*», или, если даже имеют помету «*нареч.*», снабжаются примерами безлично-предикативного употребления. Ср., напр., у С.И. Ожегова [11]: **стыдно** – «в знач. сказ.» (с. 691); **совестно** – «в знач. сказ.» (с. 659); холодно – «в знач. сказ.» (с. 770); **горько** – «как нареч.» с примером *Горько в этом сознаться* (с. 126); **грустно** – «нареч.» с примерами *грустно смотреть* (может быть и наречием, и КС в зависимости от контекста), *Грустно расставаться* (с. 133). К «ненаречным», или «редко наречным» словам на **-о**, извлекаемым из [17], можно добавить и другие, например, из [18]: **тяжко** – «нареч.», «безл. в знач. сказ.» (IV, 439); **горько** – «нареч.», «безл. в знач. сказ.» (I, 337); **недосужно** – «нареч. в знач. сказ.» (II, 440); **душно** – «в знач. сказ.» (I, 164).

Примеры только безлично-предикативного употребления находим и среди слов, «омонимичных» другим словоформным группам – существительным, кратким страдательным причастиям среднего рода. В [18] мы обнаруживаем, например, такую подачу следующих слов: **жаль** – «безл. в знач. сказ.» (I, 471); **недосуг** – 1) сущ., разг., «отсутствие свободного времени»; 2) «в знач. сказ.» (II, 440); **невдогад** – «безл. в знач. сказ.» (II, 424); **невдомек** – «безл. в знач. сказ.» (II, 424).

Однако многие слова, употребляемые в качестве предикатов безличных предложений неглагольного типа, имеющие все основные признаки безлично-предикативных слов (категории состояния), ни в упомянутых, ни в других словарях русского языка не приводятся вообще. В [17] и [18] нет, например, таких слов, как *пасмурно, ветрено, весело, жарко, скользко, тяжело, трудно, тяжко, легко, неловко, нелегко, несладко, светло, темно* и др. И это несмотря на то, что «многие предикативы относятся, несомненно, к основному словарному фонду русского языка [6: 381]. Причина неотражения приведенных и многих других предикативов в словарях или их невыделения в качестве самостоятельных слов явно не в том, что они не входят в основной словарный фонд, или они не были известны составителям словарей, или их не было в русском языке на момент составления словарей. В словарях, например, нет многих единиц, восходящих к причастиям и употребляемых в качестве предикатов безличных предложений – *накурено, надымлено, натоптано* и др., хотя «предложения такого рода восходят к общеславянскому праязыку» и «в старинном и областном языке причастные предложения имеют гораздо большее распространение, чем в литературном» [19: 75], выразившееся в употреблении в качестве предикатов таких предложений не только глаголов. Полагаю, что именно с неопределенностью и противоречивостью суждений о них среди самих лингвистов, а частично и с тем, что многие из соответствующих слов, особенно «причастные», носят разговорную окраску и менее употребительны в книжно-письменной речи, связано невключение в словари многих слов, употребляемых исключительно или, как правило, в качестве безличных предикатов состояния (впрочем, круг значений этих слов давно расширен исследователями и сюда входят и модальные значения, и различные оценочные оттенки – см., напр., в [7: 153], но все равно и эти оттенки тем или иным образом связаны с состоянием).

Итак, совершенно очевидно, что в сфере рассматриваемых нами слов достаточно много единиц,

которые лишь своей внешней формой совпадают с той или иной из традиционных частей речи, но или не встречаются в виде соотносимых наречий, существительных, причастий, или встречаются в этом виде редко. Тогда в целом в отношении всех этих слов закономерен вопрос, поставленный Л.В. Щерба: «Если не признавать наличия в русском языке категории состояния, … то такие слова, как *пора, холодно, навеселе* и т.п., все же нельзя считать наречиями, и они просто оказываются вне категорий» [20: 91]. Если заменить не совсем удачные в данном контексте примеры Л.В. Щербы (*пора* и *навеселе*, взятые вне контекста, однозначно к КС нельзя отнести) такими, которые приведены выше, то тем, кто не признают частеречность безличных предикативов (слов категории состояния), придется определить, в состав какой части речи с учетом комплекса своих лексико-грамматических признаков вводимы такие слова, как *холодно, жарко, стыдно, темно, ветрено, безветрено, скользко, дождливо, безлюдно* и т.д. Кроме того, упорствуя в отнесении их к наречию, привести примеры их приглагольного употребления в роли обстоятельств (соответственно: относя к прилагательному, показать употребление в роли определения при существительном или именной части в составном сказуемом).

Литература:

1. Балиашвили О.К. Вопрос о категории состояния в русском языке. Диссертация … к. филол. н. Тбилиси, 1952.
2. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. Подготовка текста и текстологический комментарий М.П. Тоболовой. Под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. М., изд-во Моск. ун-та, 1981.
3. Вердиева Н.Ф. Категория состояния в современном русском языке. Диссертация … к.филол.н. Л., 1971.
4. Востоков А.Х. Русская грамматика. СПб, 1831.
5. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1958.
6. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть первая. Братислава. 1954.
7. Кабанова С.А. Безлично-предикативные слова со значением состояния в сербском и русском языках. Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2012. №1 (15).
8. Козырева Т.Г. Безлично-предикативные слова в русском литературном языке 2-й половины XVII и XVIII веков. Ученые записки Ферганского гос. пед. ин-та. Серия «Гуманитарные науки». 1984. Т. 4. Вып. 2.
9. Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. СПб, 1865.
10. Овсянико-Куликовский 1912 – Овсянико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. Изд. 2-ое. СПб, 1912.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., «Русский язык», 1982.
12. Озаровский В.В. Безлично-предикативные слова в русском литературном языке 1 половины 19 века. Диссертация … к.филол.н. М., 1967.
13. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., Учпедгиз, 1956.
14. Поспелов Н.С. В защиту категории состояния. – «Вопросы языкознания», 1955, №2.
15. Скрипник Я.Н. Особенности функционирования безлично-предикативных слов в современном русском языке. Дис. … к.филол.н. Ставрополь, 1998.
16. Словарь русского языка. В четырех томах. Изд. 2-ое, испр. и доп. М., «Русский язык». 1984.
17. Тихонов А.Н. Категория состояния в современном русском языке. Дис. ... к. филол. н. Самарканд, 1960.
18. Шапиро А.Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? – «Вопросы языкознания», 1955, №2.
19. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Учение о предложении и о словосочетаниях. Л., 1925.
20. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., «Наука», 1974.

УДК 81’ 0

СТАНОВЛЕНЕ ЧЕЧЕНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И СИСТЕМНАЯ ОШИБКА В КЛАССИФИКАЦИИ ЕГО ДИАЛЕКТОВ

FORMATION OF CHECHEN LANGUAGE AND MISSTEPS IN CLASSIFICATION OF DIALECTS

Н.Н. Альбеков,
к.филол.н., доцент кафедры общего языкознания ЧГУ
А.Э. Дасаев,
старший преподаватель кафедры общего языкознания ЧГУ

N.N. Albekov,
Candidate of Philology, Associate Professor of Linguistics Depertment of CheSU
A.E. Dasaev,
Senior Lecturer of General Linguistics Department of CheSU

Статья посвящена этапам формирования чеченского литературного языка, а также системной ошибке, возникшей в структуре диалектологии чеченского языка.
***Ключевые слова**: чеченский язык, диалект, нохчмахкхоевский[1], литературный язык, система.*

The article is devoted to phases of forming Chechen literary language and systematic mistakes in

the dialectology of Chechen language.
Key words: *Chechen language, dialect, nohchmahk, literary language, system.*

«Литературный язык является средством развития общественной жизни, материального и духовного прогресса данного народа, орудием социальной борьбы, а также средством воспитания народных масс и приобщения их к достижениям национальной культуры, науки и техники» [1], пишет известный советский лингвист В.В. Виноградов.

Процесс становления литературного языка народа, с точки зрения науки, подразделяется на несколько этапов.

Первый этап заключается в использовании народом языка другой, более прогрессивной на данный этап культуры в качестве письменного литературного языка. Такую функцию в Европе долгое время выполнял латинский язык. В Азии и на Дальнем Востоке – китайский, а в Ближнем Востоке – арабский. Влияние арабского языка в качестве письменного литературного языка в определенный период распространялось и на территории Северного Кавказа, в том числе и в Чечне.

Второй этап – это когда экономическое, культурное, политическое составляющее одного из диалектов народа занимает авангардную позицию в процессе становлении нации. Причиной лидирующей позиции данного диалекта, главным образом, заключается в том, что значительно большая часть этого народа говорит на данном диалекте, в силу природных, географических и других обстоятельств она находится в более развитой экономической ситуации, она находится в более тесных контактах с окружающими народами и многие другие.

Ко второму этапу становления чеченского литературного языка относится период, когда самые многочисленные тайпы народа переселились с Галанчожского ущелья (с Нашха), куда они были загнаны монгольскими и тюркскими полчищами, на территорию Нохчмохка (Ножай-Юртовский).

Веденский, Курчалоевский, части Гудермеского и Шалинского районов и утвердились на этой территории. По некоторым источникам, этот период продлился с X до XVI вв. [2].

Нохчмохк по сравнению с другими горными территориями Чечни находится в более благоприятном месте с точки зрения богатства ландшафта (для ведения сельского хозяйства, скотоводства, лесные массивы и т.д.), протяженностью границ с внешними народами, а значит и необходимостью установления соседских контактов с ними и по многими другими позициями. Соответственно, именно здесь образуются новые политические (Кхеташ корта в с. Центарой, где собирается Мехкан кхиел) экономические (большой рынок в с. Шали) и культурные центры чеченского народа. Исходя из этих благоприятных условий наблюдается быстрый прирост населения. В XVI и XVII вв. на этой территории проживает как минимум 70% чеченцев. Так как основная часть населения народа проживает на данной, сравнительно небольшой территории, торгово-экономические, социальные и культурные связи у них активизируются в силу отсутствия глобальных внешних угроз на данный период. В результате этих интенсивных взаимоотношений язык, на котором говорит население данной территории, приобретает более-менее единую фонетическую, морфологическую и синтаксическую норму. Соответственно, наблюдается совершенствование и обогащение лексического и грамматического строя языка. Создаются первые фольклорные текстовые произведения (илли), пословицы (кицанаш), загадки (х1етал-металш) и т.д.

В силу сложившихся обстоятельств, процесс возвращения равнинной территории, т.е. чеченской равнины (нохчийн аре), которая была оккупирована монгольскими и тюркскими полчищами, преимущественно закладывает население, проживающее в Нохчмохк, по причине, во-первых, из-за увеличения количества населения в горах, соответственно, и нехватки пахотной земли и приобретения достаточной силы и мощи, чтобы проводить постепенную экспансию на эту территории. Так как абсолютное большинство населения, мигрировавшее вновь на равнинную территорию, приходится на представителей Нохчмаккхоевских общества (Беной, Билтой, Гедарганой, Гуной, Г1оьрдалой, Зандакъой, Ишхой, Сесаной, Харчой, Ц1онтарой, 1аларой, Энганой, Эрсаной и др.), т.е. современного Ножай-Юртовского и Веденского районов, язык или диалект этого общества распространяется на равнинную территорию. Это третий этап формирования чеченского литературного языка. В этом контексте интересно исследование С.М. Джамирзаева, который в своей диссертационной работе отмечает, что если провести сравнительно-исторический анализ фонетического, морфологического и синтаксического строя Ножай-Юртовского диалекта, то он занимает промежуточный вариант между современным литературным языком и горными диалектами [3]. Известный в нашей республике и за ее пределами ученый лингвист К.З. Чокаев, также утверждает, что «Ножай-Юртовский диалект является основой плоскостного диалекта» [4].

Нохчмохк – территория современного Ножай-Юртовского, Веденского, Курчалоевского, части Гудермесского и Шалинско-

го районов.

Однако если говорить о диалекте в целом, его граница не ограничивается только Ножай-Юртовским районом. Без сомнения она распространяется и на Веденский и Курчалоевский районы, потому что те наблюдаемые в них дефиниции не могут быть классифицированы как диалектные. Максимум о чем можно говорить, анализирую эти дефиниции, это локальный говор, который очень часто встречается даже между соседними селами. Поэтому, определяя диалект ставшего основой чеченского литературного языка, необходимо говорить о Нохчмахкхоевском диалекте в целом. Я.З. Ахмадов, также подтверждает это в своей работе. «Нохчмохк (чеченская земля) представляла собой самую густонаселенную часть Чечни и самую крупную политическую единицу – своеобразную крестьянскую республику – федерацию. Население региона говорило на едином нохчмахкхоевском диалекте, который и лег в основу чеченского литературного языка» [5: 164].

После завершения Кавказской войны XIX в. и относительной стабильности по сравнению с военным периодом, население горных районов начинает миграцию в предгорные села, так как условия проживания здесь более выгодны и возможности быстрого отступления в горы также открыты, в случае дестабилизации обстановки. Таким образом, в Шалях и Урус-Мартане образовываются торгово-экономические центры. Соответственно, в эти села и в окрестности начинает мигрировать население со всей горной территории Чечни. Нохчмахкхоевский диалект, на котором говорят здесь, начинает обогащаться лексическими и некоторыми классификационными формами из других горных диалектов, однако, необходимо отметить, что эти заимствования не внесли существенные изменения в структуру и семантику нохчмахкхоевского диалекта. Тем не менее, несколько синонимических и классификационных вариантов новых заимствований закрепились в качестве основных словарных единиц. Например, *н1аьна – борг1ал, тезет ду – тезет ю,* и др. период закрепления этих вариантов в языке можно отнести к четвертому этапу формирования чеченского литературного языка.

Период утверждения Советской власти в Чечне и формирование чеченской письменности (XX в), образование норм орфографии, издание художественных, научных и других произведений на чеченском языке и по сегодняшний день можно отнести к пятому этапу формирования чеченского литературного языка.

Итак, началом этапа формирования чеченского литературного языка можно считать переселение значительной части населения чеченского народа с Галанчожского района в область Нохчмохк.

Становление литературного языка, его совершенствование – это динамический континуум. Тем не менее, мы полагаем, что для полноценного анализа ситуации, сложившегося в этом процессе, необходимо еще раз возвратиться к концепции о так называемом «плоскостном» диалекте (Ю.Д. Дешериев, 1963, И.Ю. Алироев, 2001 и другие), которая была сформирована в XX веке в чеченской лингвистике некоторыми языковедами. Без сомнения, эти выдающиеся лингвисты внесли неоценимый вклад в развитие чеченского языкознания и их работы являются энциклопедическими трудами для исследователей нахского языкознания. Тем не менее, концепция о так называемом «плоскостном» диалекте, по нашему твердому убеждению, необходимо пересмотреть, исходя из исторического и системологического анализа формирования чеченского литературного языка как системного целого.

В лингвистическом энциклопедическом словаре диалект обозначается как «разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. Различают территориальные и социальные диалекты. Территориальные диалекты обладают различиями в звуковом строе, грамматике, словообразовании, лексике» [8].

Основываясь на концепциях данного определения, особенно на той его части, которая истолковывает сущность территориального диалекта, возникают вопросы:

- Что такое «плоскостной» диалект?
- Территория какой плоскости чеченской равнины охватывает «плоскостной» диалект?
- Какому из определившихся диалектов чеченского языка он близок по своему фонетическому, морфологическому, синтаксическому строю?
- Как получилось, что среди диалектов чеченского языка, определенных нашими лингвистами (плоскостной, аккинский, чебарлоевский, итум-калинский, шароевский, кистинский. Д. Дешериев, 1963) не оказался диалект нацияобразующей части населения, т.е. нохчмахкхоевский диалект?
- Если проанализировать фонетический, морфологический, синтаксический строй

«плоскостного» и нохчмахкхоевского диалекта, то обнаруживаются ли в них столько же грамматической разницы и структурно-семантической дефиниции как, скажем, между «плоскостным» и аккинским, «плоскостным» и чебарлоевским, «плоскостным» и итум-калинским и т.д. диалектами?

- Которая из диалектов (нохчмахкхоевский и, так называемый «плоскостной») формировался раньше другого?
- Если с точки зрения фонетики, морфологии, синтаксиса, словообразовании между, так называемым, «плоскостным» и нохчмахкхоевским диалектами не обнаруживается разница, разграничивающий язык на диалекты, то актуально ли использование термина «диалект» с дефиницией «плоскостной»?

Без сомнения, между плоскостным говором и нохчмахкхоевским диалектом обнаруживаются некоторые дефиниции. Однако эти дефиниции, как мы отметили выше, не имеют существенной разницы, чтобы определить плоскостной говор как отдельный диалект. Исходя из всего вышесказанного, определяя диалект, на основе которого сформировался чеченский литературный язык, термин «плоскостной», с точки зрения диалектологии, не имеет под собой научного основания, чтобы идентифицироваться как отдельный диалект.

В сложившейся ситуации единственно правильным термином в определении основы чеченского литературного языка будет дефиниция – плоскостной говор нохчмахкхоевского диалекта.

Может возникнуть вопрос, стоит ли сегодня «играть» в термины и опять возвращаться к «пройденному» уже материалу?

Отвечая на этот вопрос, отметим, что одной из главных задач, поставленных сегодня перед творческой интеллигенцией Главой Чеченской Республики, является поиск путей единения народа, превращения его в высокомотивированное общество, в самобытную нацию. Превращение разношерстного народа в единую нацию происходит только при условии всемирной культивации и превалирования наиважнейшего фактора объединения народа, т.е. языка. Статистические исследования, проведенные среди представителей чеченской национальности, как в Чеченской Республики, так и за ее пределами показали, что на вопрос «Что Вас роднит с представителями своей национальности?» от 78 до 85% (в соответствии с регионами) респондентов ответили – язык [9: 39].

Язык – это наиважнейшая система в человеческом социуме, естественный системный код, определяющий свой-чужой. Если мы будем продолжать искусственное переформатирование его системных элементов, мы никогда не добьемся результата единения нации. Если мы намериваемся системно развить наше общество, мы, прежде всего, должны упорядочить структурное строения нашего языка. Структурное строение языка невозможно упорядочить, если элементы этой системы не занимают должное по значимости положение в структуре этой системы. Именно такой ошибкой, обнаруживаемой сегодня в структуре диалектологии чеченского языка, на наш взгляд, является переформатирование диалекта нацияобразующей части населения, т.е. нохчмахкхоевского диалекта на термин «плоскостной» диалект.

Литература:

1. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка М. 1978. 288 с.
2. Исраилан Джабраилан тептар. Дег1астанехь хиллачийн хронологи.
3. Джамирзаев С.М. «Ножай-Юртовская речь в ее отношении к чеченскому литературному языку (историко-сравнительный анализ)». Дис. на звание к.ф.н.
4. Чокаев К.З. «Нохчийн халкъан юкъара мотт а, литературин мотт а». Материалы Региональной научно-практической конференции «Чеченский язык: проблемы и перспективы развития», посвященной Дню чеченского языка. Грозный, 2012. 3 с.
5. Ахмадов А.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. 164 с.
6. Ю.Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Чечено-Ингушское книжное издательство. 1963. 83 с.
7. И.Ю. Алироев. Чеченский язык. М., изд. Академия, 2001. 14 с.
8. http://tapemark.narod.ru/les/132d.html.Лингвистический энциклопедический словарь.
9. О.С. Павлова. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М., 2013. С. 39.

УДК 811.51

О КОНЦЕПТАХ «ПРАВЫЙ-ЛЕВЫЙ» В ЯЗЫКАХ МИРА

CONCEPTS “RIGHT- LEFT” IN WORLD LANGUAGES

А.Д. Вагапов,
к.филол.н., доцент кафедры чеченской филологии ИЧиОФ ЧГУ

A.D. Vagapov,
Condidate of Philology, Associate Professor of Chechen Philology Department of CheSU

В статье рассматриваются этимологические связи концептов «правый» и «левый» в индоевропейских, кавказских и некоторых других языках.
***Ключевые слова**: концепт, правый, левый, чеченский, индоевропейский.*

The article shows etymological links of concepts “Right” and “Left” in Indo-European, Caucasus and some other languages.
***Key words:** concept, right, left, Chechen, Indo-European*

Связь понятий и представлений о правой и левой стороне с понятием и представлением о положительном и отрицательном моменте (… правде – кривде, добре – зле, прямоте – кривизне, удаче – неудаче, легкости – трудности и т.п.) восходит к очень глубокой древности [7]. В древности левая рука считалась нечистой [3]. Следует строго оговорить, что такие выражения как «в древности считалось», «по языческим или суеверным представлениям считалось» применительно к левой и правой стороне свидетельствуют о незнании божественной истины, по которой разделение правой и левой руки является **абсолютом на все времена.**

Правая рука – вера

1. И.-е. ***am-** ‘рука; брать, схватывать’, чеч. *Іама* ‘овладевать навыками, знаниями’ – семит. jamin ‘правая рука’, amin ‘верно, воистину’.

2. И.-е. ***dak-** ‘рука’ [3, 207] – и.-е. ***dek ‘отправлять религиозный культ, верить’, греч. dekeo ‘верю’, литовск. tiketi ‘верить’, латыш. ticet ‘верить’.

3. Греч. deksios ‘правый, искусный’, dikaios ‘правый, справедливый’, dekeo ‘верю’.

4. Лит. teisùs ‘правый’, tiesùs ‘прямой; правдивый’, tiesti ‘выпрямлять’ – tiesà ‘правда, истина’, и.-е. ***dhes-** ‘поклоняться божеству’ [3, 390].

5. Лтш. tiešs ‘прямой’ – tiesa ‘правда’, и.-е. ***des-** // ***dek** ‘отправлять религиозный культ, верить’.

6. И.-е. ***das-** > ***des-** // ***dos-** ‘рука, правая‘: иран. dasa, рус. *десница* ‘правая рука’ – чеч. *тиеш* ‘свидетель’, *тиеша* ‘верить’ < ‘клятвенно свидетельствовать правой рукой’ [1, 567].

7. Тохар. A poke ‘правая рука’ – тох. A puk- ‘верить’ [3: 283, 391].

8. И.-е. *lab- ‘рука’ (*реконструкция – наша – В.А.*): латин. labor ‘работа, труд’, гот. lofa ‘рука’, латыш. labs ‘правый’ (< ‘правая рука, рука’), литовск. labas ‘хороший’ – англ. believe, нем. glauben, готск. ga-laubjan ‘верить’ [3: 282].

Право

Рус. *право – правый*.
Лит. teise ‘право’ – лит. teisùs ‘правый’.
Чеч. *бакъуо* ‘право’ – чеч. *бакъ* ‘истинный, правдивый’.

Правая рука – удобство, удача

1. Семит. *йад-* ‘рука’, нах. *амт* ‘правая рука’: чеч. *аьтту* ‘правый’, *аьттуо* ‘удача, успех’, *амта* ‘легкий’, *аттуо* ‘легкость’.

2. И.-е. *dak- ‘правая рука’ [1, 48, 58], нах. *dak ‘рука; ветвь, ива, верба’ [1: 36, 264] – латин. factor ‘мастер, создатель; виновник’ < facio ‘делать, производить, совершать, разрешать, брать, забирать’ (< *thak < *dak- ‘рука; резать’), facilis ‘легкий, нетрудный, мягкий, податливый; гибкий, ловкий, проворный, искусный’, греч. daktilo ‘палец’, daktilaki ‘пальчик, мизинец’; deka ‘десять’, deksios ‘правый, искусный’, dikaios ‘правый, справедливый’.

Правая рука – правый – удобный, хороший

И.-е. ***dal** ‘локоть, рука, ладонь’ – нах. *дал ‘рука, локоть руки, длань’, Дали ‘Бог’ < ‘владыка, в руках

которого всё’.

И.-е. ***lad** ‘рука, пальцы, ладонь’ – рус. *лад*, *ладный*.

И.-е. ***wer** ‘рука’ [3: 282] = рус. вера, верный.

И.-е. ***dek-** ‘рука, правая рука’: греч. dekomai ‘принимаю’, deksios ‘правый, искусный’, dikaios ‘правый, справедливый’, dekeo ‘верю’.

Пранах. ***дак-** ‘правая рука’, дарг. диал. *д-ука* ‘правый’ – пранах. д**акин** ‘правый, правильный, хороший, добропорядочный’ (чеч. **дика** ‘хороший’, ц.-туш. даки[н]), хурр. Da-a-ki ‘Прекрасная’ (атрибут богини Хебат), dagi ‘красивый’, кельт. *dago ‘хороший’, кабард. *Дахэ* ‘красивый’, греч. Dike (богиня справедливости) [1, 264].

Чеч. *бакъхьа ду* ‘хорошо’, *бакъхьара* ‘правый, положительный, хороший’ – *бакъ* ‘правда’.

Ног. *онъ* ‘перед, лицевая сторона; правый, правильно; удобно, удобный; обилие; обильный’ – *енъ* ‘рукав’, *он* ‘десять’ (от ‘правая рука’).

Правый – хороший

1. И.-е. *dek- ‘правый’ (< *dek- ‘правая рука’), ирл. dess ‘правый’ [3: 207), дарг. диал. *д-ука* ‘правый’ – нах. *daki ‘хороший’ (чеч. *дика*).

2. Латыш. labs ‘правый’ (< ‘правая рука, рука’) – лит. labas ‘хороший’.

3. Груз. mardzwen- ‘правый, right hand’ – mardzwe- ‘ловкий удобный’, mardzw- ‘побеждать, одолевать’ (dz = дж). Ср. груз. marcxena- ‘left, left hand’ – marcx- ‘неудача, поражение’.

4. Греч. xeir ‘рука’ (< ‘правая рука’?) – араб. *хайра* ‘хороший’.

5. Гунзибск. *кIemIāc* ‘правый’ – *кIomImIy* ‘хороший’ (бежт. *кIemIo*).

Левый – (левая) рука

1. Англ. left ‘левый’, left-handed ‘1) делающий все левой рукой, 2) сделанный левой рукой, 3) неуклюжий, 4) лицемерный, неискренний, сомнительный, 5) движущийся против часовой стрелки’.
2. Франц. gaushe ‘левый’, ‘неловкий, неуклюжий, нескладный, несуразный; косой, искривленный’.
3. Латин. laevus ‘1) левый’, ‘2) неловкий, неумелый; неумный, глупый; 3) неудобный, неподходящий; 4) зловещий, предвещающий беду, неблагоприятный; губительный, гибельный’.
4. Латин. scaevus ‘левый’, ‘неловкий, неуклюжий, неумелый; неудачный, несчастный, прискорбный’.
5. Эстон. pahan ‘левый’ – paha ‘дурной, плохой, злой’.
6. Груз. marcxena- ‘левый, левая рука’ – marcx- ‘неудача, поражение’.
7. Кабардинск. *сэмэгу* ‘левый’ от чеч. *цамега* ‘недозволенная, запретная (рука)’.

Левый – кривой, искривленный

Во многих языках *левый* понимался как *кривой*, а *правый* как *прямой*.

1. Рус. *левый*, латин. laevus ‘левый, изогнутый’, англ. left, греч. laios ‘левый’, лит. išlaivoti ‘делать изгибы’ – и.-е. ***laiuos** ‘кривой’.

2. Гот. hleiduma ‘левый’, буквально ‘кривой’.

3. Кимрск. cledd ‘левый’ – латин. clivius ‘кривой’.

4. Курдск. *чап* ‘левый’ от *чап* ‘кривой’, ср. древнеинд. čapa- ‘лук для стрельбы’ (от изогнутый, кривой), турецк. *чапа* ‘мотыга, кирка’, чагатайск. *чап* ‘ложь, обман’. Следовательно, *мотыга* – кривая, изогнутая (ср. чеч. *гам* ‘мотыга’ > *гаму* > *гома* ‘кривой’).

5. Нем. link ‘левый’ – и.-е. *leig- // *leik- ‘подлый, презренный’: [8, 667] алб. lig ‘плохой, злой’, хетт. lenk- ‘проклинать’ [3: 207; 4: 310]; рус. *лгать*, *ложь* ‘искажение правды, кривда’, устар. *облыжный* (от *облыг* ‘ложь’, восходящего к *облыгать* ‘клеветать, говорить неправду’ – форме несов. вида к *оболгать* [6, 298]).

6. Латин. scaeva ‘левша’ – scaevus ‘левый; неловкий, неуклюжий; неудачный, несчастный’.

7. Латин. sinister ‘левый, неправильный, неверный, неблагоприятный, несчастный’, sinistra ‘левая рука’ – слова, однокоренные с sinus ‘изогнутость, кривизна, изгиб, извив’.

8. Осет. *галиу* ‘1) левый, 2) неправдивый, несправедливый’; *галиу кæнын* ‘извращать, сбивать с толку, портить’; *галиу митæ кæнын* ‘совершать дурные, незаконные поступки’; *галиу митæ кæнын* ‘развращенный, склонный к дурному; плохо, дурно, неправильно воспитанный’.

Разве не говорят сами за себя слова *правоверный, православный*? А где, в каком языке существуют понятия *левоверный, левославный*?

Люди писания – евреи и арабы – пишут справа налево, чем негласно подтверждают, верховенство правого над левым. А те, кто оторвались от святых писаний и святых земель, на каком-то этапе развития человечества стали писать наоборот, слева направо. Конечно, при этом, объясняя свой выбор удобством письма: так, мол, не стирается, написанное правой рукой.

Предпочтение правой руки перед левой – не прихоть людей.

Это деление идет из святых писаний. Вот что говорится, например, о правой и левой стороне в самом авторитетном из источников КОРАНЕ:

Когда упадет падающее /56,1/, –
когда сотрясётся земля сотрясением /56,4/,
когда сокрушатся горы сокрушением /56,5/
и станут рассыпающимся прахом /56,6/,
и станете вы тремя группами /56,7/,
то **владыки правой стороны**, – что это за **владыки правой стороны**? /56,8/
И **владыки левой стороны**, – что это за владыки левой стороны? /56,9/
И предварившие – предварившие? /56,10/
Это – те, которые будут приближены /56,11/
в садах благодати /56,12/, –
толпа первых /56,13/
и немного последних /56,14/,
на ложах расшитых /56,15/,
облокотившись на них друг против друга /56,16/.
А черноокие, большеглазые, подобные жемчугу хранимому /56,22/ –
в воздаяние за то, что они делали /56,23/.
Не услышат они там пустословия и укоров в грехе /56,24/,
а лишь слова: "Мир, мир!" /56,25/
А **владыки правой стороны**, – что это за владыки правой стороны? /56,26/ —
среди лотоса лишенного шипов /56,27/,
и талха, увешанного плодами /56,28/,
и тени протянутой /56,29/,
и воды текучей /56,30/,
и плодов обильных /56,31/,
не истощаемых и не запретных /56,32/,
и ковров разостланных /56,33/,
Мы ведь создали их (гурий) творением /56,34/
и сделали их девственницами /56,35/,
мужа любящими сверстницами /56,36/, —
для **владык правой стороны** /56,37/.
А **владыки левой стороны**, – что это за владыки левой стороны? /56,40/ –
в самуме и кипятке /56,41/,
и тени чёрного дыма /56,42/,
не прохладной и не благой /56,43/.
Они ведь до этого были избалованы /56,44/
и упорствовали в великом грехе /56,45/,
и, бывало, говорили /56,46/:
"Разве, когда мы умрём и станем прахом и костьми, – разве мы действительно будем воскрешены /56,47/,
или отцы наши первые?" /56,48/
Скажи: "Поистине, первые и последние /56, 49/,
конечно, будут собраны к сроку известного дня! /56,50/
Потом, поистине, вы – заблудшие, обвиняющие во лжи /56,51/,
будете есть с дерева заккум /56,52/,
и наполнять им животы /56,53/,
и пить за этим кипяток /56,54/,
и пить, как пьют истомленные жаждой" /56,55/.
Это – угощение их в день суда /56,56/.

19 (19). И вот тот, кому будет дана его книга в **правую руку**, он скажет: "Вот вам, читайте мою книгу!

20 (20). Я ведь думал, что встречу свой расчет".
21 (21). И он – в жизни довольной,
22 (22). в саду высоком,
23 (23). плоды которого близки.
24 (24). "Ешьте и пейте во здравие за то, что вы совершили раньше в дни прошлые!"
25 (25). А тот, кому дана его книга в **левую**, он скажет: "О, если бы мне не дана была моя книга!
26 (26). И я бы не знал, каков мой расчет!
27 (27). О, если бы это было кончающим!
28 (28). Не избавило меня мое достояние.
29 (29). Погибла у меня моя власть!"
30 (30). "Возьмите его и свяжите!
31 (31). Потом в огне адском сожгите!
32 (32). Потом в цепь, длина которой семьдесят локтей, его поместите!
33 (33). Ведь он не верил в Аллаха великого,
34 (34). и не побуждал накормить бедняка.
35 (35). И нет для него сегодня здесь друга,
36 (36). и нет пищи, кроме помоев.
37 (37). Не ест ее никто, кроме грешников".

Помня заповеди Корана, чеченские матери в старину всеми силами старались отучить леворукого ребенка от левой руки еще в колыбели: они привязывали левую руку свивальником (чеч. *куохка*), а правую оставляли свободной. С 2-3-х лет старшие учили ребенка принимать пищу только правой рукой. В Африке до сих пор есть народы, которые во время еды вообще не пользуются левой рукой, даже как вспомогательной.

Ничем иным, кроме как знамением Аллаха, нельзя считать тот факт, что чем дальше люди отходят от божественных истин и праведной жизни, тем больше в обществе становится левшей. В этом легко можно убедиться на примере американского общества, в котором с катастрофической быстротой растет число леворуких людей. В частности, это хорошо видно по американским фильмам, где практически все артисты-персонажи, когда пишут письма, подписывают чеки или рисуют картины и т.д., пользуются левой рукой.

На основании изложенного выше, с уверенностью можно сказать, что практически во всех языках отражена божественная дихотомия: ‘правая рука (сторона)’ – ‘положительная, правильная, хорошая рука (сторона)’, ‘левая рука (сторона)’ – ‘отрицательная, неправильная, нехорошая рука (сторона)’. В частности, в чеченском языке это наглядно видно в словосочетаниях *бакъхьара куьг* ‘правая, правильная рука’ – *харцхьара куьг* ‘неправильная, ложная, превратная рука’, *бакъхьара бер* ‘правильный, послушный, воспитанный ребенок’ – *харцхьара бер* ‘неправильный, невоспитанный, непослушный ребенок’.

И наконец, неравноценность правого и левого – это абсолютная, неотъемлемая характеристика, не только духовного мира, но и физического: физики установили, что в мире элементарных частиц *правый спин* (вращательный момент) не равен *левому*.

P.S. Сказанное не следует понимать так, будто левая рука – это незаконная рука и ею не нужно пользоваться вообще. Должно быть совершенно ясно, что речь идет только о том, что нельзя внушать через средства массовой информации мысль, что леворукость это положительное качество, что такие дети якобы более талантливы, что они более энергичны, более предрасположены к учебе, к искусствам и т.д.

Литература:

1. *Вагапов А.Д.* Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси, 2011.
2. *Коран*. Перевод И.Ю. Крачковского. М., 1990.
3. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
4. *Маковский М.М.* Этимологический словарь современного немецкого языка. М., 2004.
5. *Фасмер М*. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М., 1964-1973.
6. *Шанский Н.М., В.В. Иванов, Т.В. Шанская*. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1975.
7. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский фонд. Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 15. М.,
8. *Pokorny J*. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

УДК 811. 351.2

К ИЗУЧЕНИЮ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

STYLISTIC RESEARCH OF SYNONYMS IN LAK LANGUAGE

Т.Б. Баранникова,
д.филол.н., профессор кафедры английской филологии ДГПУ
З.З. Курбанова,
аспирантка кафедры общего языкознания ДГПУ

T.B. Barannikova,
Doctor of Philology, Professor of English Philology Department of DGPU
Z.Z. Kurbanova,
Postgraduate in the General Linguistics Department of DGPU

Статья посвящена исследованию стилистических синонимов лакского языка, не получивших в лаковедении достаточного освещения. В ней выделяются и описываются типы стилистических синонимов, определяется специфика их семантики и структуры.
Ключевые слова: *стилистические синонимы, лакский язык, типы стилистических синонимов, структура, семантика.*

The article shows the Stylistic research of synonyms in Lak language which haven't studied sufficiently. There are the main types of stylistic synonyms, specifics of their semantics and structures in the article.
Key words: *stylistic synonyms, Lak language, types of stylistic synonyms, structures, semantics.*

Несмотря на определенный интерес к вопросам лексико-стилистической дифференциации лакского языка [4, 5, 6], в теоретическом и лексикографическом аспектах они продолжают оставаться мало изученными, а составление функциональной стилистики лакского языка представляет собой одну из наиболее насущных задач лаковедения.

Настоящая статья, выполненная в русле поставленной проблемы, посвящена рассмотрению стилистических синонимов лакского языка, в наиболее общем плане отражающих его функционально-стилистическую дифференциацию. В частности, в ней выделяются и описываются типы стилистических синонимов, определяется специфика их семантики и структуры.

Проведенный отбор и анализ материала исследования показал, что стилистические синонимы распространены в лакском языке как в стилистически возвышенных, так и сниженных сферах. Например, общее значение синонимов *х1аллу* и *ххаят1и* – "женские косы", вместе с тем, *х1аллу* - стилистически нейтральная доминанта этого ряда, *ххаят1и* – единица, употребляющаяся в поэтической речи. Ср. также: *чу* «конь» (нейтр.), *оьручу, бидав* (поэт.), «красавица» – *х1уруэн* «красавица, гурия» (поэт.), *исвагьи* «красавец» (нейтр.), *чаргас, азнавар* (поэт.). В синонимическом ряду *аьламат, карамат, х1икмат, мюъжизат* «чудо» *карамат* относится к поэтическому, возвышенному стилю, *х1икмат и мюъжизат* характеризуют стиль религии.

Различные сферы употребления имеют синонимы *дак1* и *къюк1'*сердце*'*: *дак1* – стилистически нейтральная единица, *къюк1'*сердце как анатомический орган*'* имеет книжную окраску. В синонимической паре *ччаву, эшкьи*, арабизм *эшкьи* носит книжный характер. В ряду *ч1ун, замана, мугьлат, мутта, манзил, лах1за, х1ал, ваъда* «время, срок», слова отличаются оттенками значений, некоторые их них носят сугубо книжный характер (*вяъда* «срок»). В ряду ***халкь****, жямат, агьлу, кьан, махлукьат, ил* «люди, народ» синонимические единицы *кьан, махлукьат* относятся к книжному стилю. Ср.: *Занналгу, залунналгу рирщусса* ***кьан*** *буру жу* (Лагънал душ», 45) «Мы люди, обиженные и хозяином, и богом». *Агьа-гьей,* ***махлукьат****, дуниял лекьлакьиссар* (Там же, 52) «Эгьей, люди, мир рушится!».

Синонимы *ахъулсса, ккурукки*, имеющие общее значение 'фрукты', различаются тем, что употребление *ккурукки* ограничено преимущественно бытовой сферой. Аналогично: *оь* «кровь»(нейтр.) – *оьтту* (прост.), *ццахханну* «паника» –*аьлав-чялав* (разг.).

В следующих же рядах стилистических синонимов лакского языка наблюдается присутствие единиц как стилистически возвышенных, так и стилистически сниженных: *арс* «сын, мальчик» (нейтр.) – *биттул арс* (высок.) – *чучухъ, оьнц1ул оьрч1* (простореч.);

Разнообразной стилистической окраской, как отмечает С.Г. Гаджиева, могут отличаться синонимические компаративные ФЕ, например, единицы со значением *дирисса* (быстрый): 1)*марч куна дирисса* (быстрый, как ветер,) 2) *ч1ут1ул ккулла куна дирисса* (быстрый, как свинцовая пуля), 3) *лачин куна дирисса* (быстрый, как сокол), 4) *ч1ут1 куна (дирисса)* (быстрый, как пробка). Первая единица принадлежит к литературно-разговорному стилю, вторая – к разговорному, третья – к высокому поэтическому, четвертая – просторечному стилю [3:19].

Далее в составе исследуемых стилистических синонимов были выделены их межстилевые и внутристилевые разновидности. Так, вышеприведенный синонимический ряд *арс* сын, мальчик включает межстилевые единицы: *арс «*сын, мальчик» (нейтр.) – *биттул арс* (высок.) и *арс* (нейтр.) – *чучухъ, оьнц1ул оьрч1* (простореч.), просторечные же синонимы *чучухъ, оьнц1ул оьрч1*выступают по отношению к друг другу как – внутристилевые. Аналогично: синонимы*чу* «конь» (нейтр.) – *оьручу, бидав* (поэт.) межстилевые, а поэтические синонимы *оьручу, бидав* выступают по отношению друг к другу как – внутристилевые и т.д.

К стилистическим синонимам могут быть отнесены и эвфемизмы, т.е. лексические единицы, служащие для замены обозначений, представляющихся говорящему не вполне принятыми в обществе. Например, «*задерживается* вместо *опаздывает*, *поправился* вместо *потолстел»* [9: 199]. Подобные замены встречаются и в лакском языке. Они содержат различную экспрессивную окраску: *инибуку* (букв. поедатель толокна) – *кьац1* «рот», *ларайлахху* (букв. снизу вверх надеваемое) – *х1ажак* «штаны» и др. Такие замены соприкасаются с одной из разновидностей табу и становятся (или приближаются к тому, чтобы стать) словарными фактами.

При выявлении эмоциональной семантики стилистических синонимов была сделана попытка приложения к материалу лакского языка приема определения эмоциональности синонимов посредством их антонимического противопоставления. В отечественном языкознании на особую роль антонимов в дифференциации синонимов, вслед за Ш. Балли [1], А.М. указывал Пешковский [7: 175]. Прием находил применение в исследованиях Черемисина [8], Т.Б. Баранниковой [2] и др.

Основываясь на этих разработках, в лакском языке были выявлены эмоционально-маркированные и эмоционально-нейтральные стилистические синонимы. К первой группе относятся, например, следующие:

не *лажин* ‘лицо’, а *сичча* – разг. (груб., пренебр.),
не *лажин* ‘лицо’, а *симан* – поэт.(возв.),
не *х1аллу* ‘косы’ ,а*ххаят1и* – поэт.(возв.),
не *чу* ‘конь’, а *бидав* – поэт. (возв.),
не *ччан* ‘нога’, а *шапIа, ххяппа* – разг.(груб.),
не *ссурссу* ‘шея’, а *дарвач* – разг. (груб.) и т.д.

Сравним в русском языке: «не *глаза,* а *очи*; не *ел,* а *питался*; не *идет,* а *шествует*; не *смотрит,* а *созерцает.* Эмоционально-нейтральные синонимы этой способностью не обладают. Нельзя сказать *'не сегодня,* а *нынче', 'не небрежно,* а *кое-как'* и т.д.» [8: 58–59].

Эмоционально-нейтральными синонимами являются, например, *дак1'*сердце*'* - *къюк1'*сердце как анатомический орган*'* (книжн.), *оь* ‘кровь’ – *оьтту* (разг.), *бит1янхъ* ‘ладонь’ – *хъат* (разг.) и др., в которых антонимическое противопоставление невозможно.

Дополнительным приемом выявления эмоциональной семантики синонимов послужил прием незаконченных предложений. Применительно к лакскому языку данный прием был реализован следующим образом:

у нее не ‘*ка*' (рука), а '*ххяппа'*, сказал он _____ (грубо);
это не просто *кIисса* (‘палец’), а *‘магьилул кIисри*’, добавил он ___(возвышенно) и т.д.

Выявлению эмоциональной семантики также способствовало сопоставление оригинального контекста с тем же контекстом, содержащим произведенную синонимическую замену. Например:

лихъан, *ч1ут1 бан, ака бан* «убежать, пуститься прочь, дать дёру»

… къари ***ливхъун*** *нанисса Апул хъиривгу чартту личлан дирк1уна* («Виратти», 93),

«Тти ванил шикку нава ивч1ан най урахха» куну, Апул к1ич1иравух лавай ***ч1ут1 бувна*** (Там же, 93).

Синонимы *ч1ут1 бан, ака бан* относятся к разговорному стилю и имеют ироническую окраску. При замене ими стилистически нейтральной единицы ***лихъан*** в первом контексте их стилистически сниженная окраска актуализируется как несоответствующая описываемому стилистически возвышенному референту высказывания.

Структурные характеристики рядов стилистических синонимов лакского языка определялись в работе в сопоставлении с эквивалентными единицами русского и английского языков. Отобранные ряды были распределены на градуированной шкале стилистической парадигмы, включающей стилистически возвышенные (книжные и поэтические) и стилистически сниженные (разговорные и просторечные) разряды. Подобное представление рядов стилистических синонимов, наглядно показывающее их сходства и различия, позволяет определить структурную специфику стилистических синонимов каждого из сопоставляемых языков наиболее полно. Ср.:

	лакский	русский	английский
поэт.	*оьрч1а къатта*	---	---
книжн.	---	*утроба, черево, чрево, стомах*	*abdomen* (анат.)
N	**лякьа**	**живот**	**stomach**
разг.	*гьарта лякьа*	*брюшко*	*tummy, belly ,maw, paunch, corporation, gizzard*
прост.	*пургьан лякьа*	*мамон(а), пудо, брюхо, пузо*	*guts, meat bag, pod, pantry*

Сходство рядов с доминантой «живот» в трех сопоставляемых языках состоит в развитии в них стилистически сниженной парадигмы, отличие – в присутствии в лакском языке поэтического синонима *(оьрч1а къатта)*, не представленного в русском и английском языках, а также в отсутствии в лакском языке книжных синонимов, наличествующих в русском и английском *(утроба, черево, чрево;abdomen)*.

Ср. также:

поэт.	*хъазам*	*перси*	*bosom*
книжн.	---	---	*thorax , chest*
N	**ккукку**	**грудь, бюст**	**breast, bust**
разг.	---	---	---
прост.	*нак1лил къатта*	*титьки, сиськи*	*bazoom, boobs, bubs, muffins*

В рядах с доминантой «грудь» сходство состоит в отсутствии в сопоставляемых языках разговорных синонимов и наличии поэтических и просторечных синонимов, различие – в отсутствии лакском и русском языках книжных синонимов, присутствующих в английском (*thorax,chest).*

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о достаточно развитой и разноплановой стилистической синонимии в исследуемом языке. В его результате обозначаются и причины выявленных сходств и различий. Они заключаются как в специфике развития функционально-стилистических подсистем в каждом языке, так и в факторе социальной значимости денотатов рядов. Сравним синонимические ряды с денотатами различной степени социальной значимости «лицо» и «бровь»:

	лакский	русский	английский
поэт.	*мусил симан*	*лик , личико*	*front*
книжн.	*сиппат*	---	*visage*
N	**лажин**	**лицо**	**face**
разг.	*сикка, нит1а, лажинчул*	*рожица, физиомордия*	*physiognomy, pudding-face*
прост.	*симан*	*морда, рожа, харя, мурло, рыло,физия, вывеска, ряшка, мордасово*	*dead-pan,mug,puss*

	лакский	русский	английский
поэт.	---	---	---
книжн.	---	---	*eyebrow*
N	**иттац1ани**	**бровь**	**brow**
разг.	---	*бровка*	---
прост.	---	---	---

Как видим, во всех трех сопоставляемых языках ряды с денотатом «лицо», обладающем высокой сепенью социальной значимости, имеют распространенную структуру, ряды же с менее значимым денотатом «бровь» отличаются неразвитой структурой.

Полагаем, что выделение и описание в настоящей работе типов стилистических синонимов лакского языка, наблюдение за их структурой и семантикой могут оказаться полезными в дальнейших изысканиях в области стилистики лакского языка.

Литература:

1. Балли Ш. Французская стилистика. Перевод с франц. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961.
2. Баранникова Т.Б. Стилистические синонимы: принципы и методы исследования. Махачкала: ДГПУ, 2005. 232 с.
3. Гаджиева С.Г. Структурно-семантические особенности компаративных фразеологических единиц лакского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 1995. 24 с.
4. Джидалаев Н.С. Поэтика лакских эпических песен. Махачкала, 2001.
5. Джидалаев Н.С. Джидалаев Н.С. Тенденции функционального развития языков в дореволюционном

Дагестане (к характеристике языковой ситуации) / отв. ред. А.А. Абдуллаев. Махачкала, 2004. 288 с.
6. Махмудова Э.С. Из опыта экспериментального исследования стилистически маркированной лексики лакского языка//Известия Дагестанского государственного педагогического университета. № 3(28). 2014. С. 68–71.
7. Пешковский А.М. Как вести занятия по синтаксису и стилистике в школах взрослых // Он же. Избранные труды. М., 1959.
8. Черемисин П.Г. Русская стилистика. Учебное пособие для студентов-заочников 4 курса факультета русского языка и литературы педагогических институтов. Ч. I. М., 1979.
9. Шмелёв Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: К постановке проблемы. М., 1977.

УДК 811.51

НЕКОТОРЫЕ НЕМЕЦКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

SOME GERMAN ETYMOLOGY

А.Д. Вагапов,
к.филол.н., доцент кафедры чеченской филологии ЧГУ
Л.Б. Абдулвахабова,
старший преподаватель кафедры иностранных языков ЧГУ

A.D. Vagapov,
Condidate of Philology, Associate Professor of Chechen Phylology Department of CheSU
L.B. Abdulvakhabova,
Senior Lecturer of Foreign Languages Departmemnt of CheSU

В статье рассматриваются некоторые немецкие (индоевропейские) этимологии с привлечением нахского материала.
***Ключевые слова**: этимология, германские языки, нахские языки, лексические параллели.*

The article shows some German (Indo-European) etymology involving Hakh materials.
Key words: etymology, German languages, Nakh languages, cognates.

Просматривая «Этимологический словарь современного немецкого языка» М. Маковского [4] с точки зрения кавказоведа, складывается впечатление, что привлечение материала нахских языков позволило бы автору значительно улучшить некоторые немецкие этимологии, а в отдельных случаях и установить этимологию слов, на наш взгляд, оставшихся необъясненными. Убедимся в этом на нескольких примерах.

AIN ‘один’. Вслед за другими исследователями М. Маковский возводит к ие. *oi-d-nos [4, 108], что вызывает у нас определенные сомнения в фонетическом отношении. На наш взгляд, герм. **ain* ‘один’ неотделимо от семит. ‘*ain*, аккадск. ‘*īnu* ‘глаз; источник’, нах. ‘*an* ‘ущелье, пропасть, овраг’ (чеч. ‘*in* – id., мн. ‘*annaš*), ‘*ana* ‘пролиться, протечь’, ‘*iēna* ‘литься, изливаться, течь’. Развитие значения нам видится следующим образом: ‘глаз, око’ – ‘очко (на игральной кости, карте)’ – ‘одно очко’ – ‘один’. Типологически ср. тюрк. bir ‘один’ – авар. ber, диал. birzul, чеч. b’ar ‘глаз, око’ (>b’arig>b’ärg ‘глаз; очко на игральной карте или кости’). В пользу нашей гипотезы говорит и омонимичное нем. ain- ‘приставка, означающая движение внутрь’, на наш взгляд, связанная с ие. *in ‘в, внутрь’, чеч. ‘in ‘ущелье, пропасть’.

Др.-в.-нем. **andi** ‘лоб’, гот. anda- ‘против’, др.-ирл. etan ‘лоб’, ие. ***ant-** // ***and-** ‘лоб, передняя часть (головы)’. – Нах. **andun** ‘сильный, крепкий, мощный, здоровенный’ (чеч. onda – то же, anduo ‘крепость, мощь’, anda-vala ‘окрепнуть, возмужать’, ünt’aphid ‘черепаха’ < *undaphid ‘крепкая лягушка’), даг. **анд* // **над* ‘лоб’ (лак. *аънт-* ‘крепкий’, авар. *нодо*, карат. *гьанду*, ботл. *гьанда*, ахв. *нидо*, дарг. *анда,* таб. *унтIу* ‘лоб’, ахвах. *гьанде* ‘мозг’, арч. *онт* ‘голова’), адыг., каб. *натIэ* ‘лоб’. Кавказский материал позволяет установить связь между ие. ***ant-** // ***and-** ‘лоб, передняя часть (головы)’ и слав. *nadъ, рус.*над* ‘верх’, словен. *nâda* ‘надставка’ [6: 148]. Семантически ср. осет *андон* ‘сталь’ < ‘твердая накладка поверх железа’ (из нахского субстрата), а также рус. *череп, черепок, черепица* ‘каменная плитка’ при однокоренном *крепкий, крепость* ‘сила, мощь’, др.-герм. kraptr ‘сила’.

В конечном счете, сюда же может относиться и ср.-ирл. ond ‘скала, гора’ (ирл. ond ‘камень’), др.-инд. adri ‘скала, камень’, ие.***ond-** ‘скала, камень, твердь’, а также хурр. enda ‘мужчина, господин, владыка’ < ‘голова, глава семьи’. Исторически нахское прилагательное **and-un*‘сильный, крепкий’ является формой род.п. от **and* ‘верх; голова, череп, лоб’.

ANGST ‘страх’. Автор соотносит с ие. **angh-* ‘eng, einengen’, ‘dasEngsein, ZustandderEnge, Beklemmung’ < **ag-*/**eg-* ‘огонь’: ‘переплетение языков пламени, сжатие’ [4: 31].

Учитывая семантическую универсалию *страх – дрожь*, ср. рус.*страх – трястись*, нем. *angst* ‘страх’ (наряду с др.-англ. ege, гот. agis ‘страх’, ogjan ‘испугать’, ирл. -agur ‘я боюсь’, герман. *agan

‘страх’ [Зализняк, 1965: 220]) лучше связывать с нах. *āgan ‘качнуться, колыхнуться, дрогнуть’ (чеч. *āга* ‘колыбель’, инг. *āга* ‘трястись’, *оага* ‘сотрясаться, дрожать’), *iegan ‘дрожать, трястись, падать‘ (чеч. *иэга*^{n}), *iegjan ‘дрожать, трястись (от страха); ронять’ (чеч. *иэгайан, иэгуо*). В то время как ие. *ag-/*eg- ‘огонь’ лучше сближать с нах. *jāgan ‘гореть’ [1, 317].

Эта же основа представлена в нахских языках и с живыми классными показателями *b-iegan, *d-iegan, *j-iegan, *v-iegan ‘дрожать, трястись, падать’, но интереснее всего то, что в ие. языках обнаруживаются соответствия и этим основам, ср. в частности ие. ***bheg-** ‘гнуть(ся)’ – нем. диал. boggen ‘бояться’ [4: 113].

ARSCH ‘задница’. Соотносится с др.-в.-нем. ars, др.-англ. ears, англ. arse, др.-сев. ars, ирл. err ‘хвост’, ‘задок повозки’ < *ersa, греч. orros< *orsos ‘Hintern, Steiss’, арм. or, ие. ***ars- // *orso-** ‘зад, ягодицы’. М. Маковский добавляет сюда др.-инд. arus ‘рана’, др.-сев. err, orr ‘шрам’ [4], что дает нам основание сближать эти слова с нах. ***ars-** ‘порез, прорезь, отверстие, дыра’: чеч. ars ‘порез, царапина’, род. orsan, эрг. orso. Типологически ср. франц. fesse ‘задница’ – лат. fissura ‘щель’, нем. Steiss ‘задница’ < ие. *stei- ‘резать’ [4].

ASCHE ‘пепел, зола’: англ. ash, др.-англ. asce ‘пепел’, герм. *askon ‘зола, пепел’, лат.ara ‘алтарь, жертвенник’ <*asa, оск. aasai, хетт. hašša ‘очаг’, др.-инд. asa- ‘зола, пепел’, тох. A, B as- ‘высохший’, ие. ***as-** ‘очаг; гореть’ [3: 203; 4: 182]. – Еще П.К. Услар (1888) отметил явное сходство с чеч. **āša** ‘зола’. Этимологическая связь Asche ‘зола’ с формой **asc-* не является, на наш взгляд, препятствием для его сближения с чеченским словом, потому что и в нахских языках представлены основы с комплексом -sk- // -šk-, ср.äxkie ‘лето’ (< *ask- ‘сушь, засушливый сезон’), äškal‘совок для золы’ (? курд. eskil ‘горячий шлак; потухшие угли’). Чередование xk // sk отмечается в чеченских основах и в некоторых других случаях, например: *maxk // *mask ‘ступа’ (*см. ниже*).

Др.-в.-нем. **ODHI** ‘легкий’, др.-англ. eadhe, ср.-англ. eathe ‘легкий; легко’ – Нах. ***atta** ‘*прил.* легкий, нетрудный; *нареч.* легко’: чеч. atta, инг. atta, ц.-туш. at’t’a^{n} ‘легкий, удобный’. Исторически – форма род.п. лексемы *ad // *at’ // *att ‘(правая) рука’, соотносительная с чеч. t’a ‘конечность’ (с метатезой). Генетически родственны чеч. attu ‘правый’, itt ‘десять’ < ‘и пять пальцев правой руки (плюс к пяти левой)’.

BACKE^{1} ‘щека’. М. Маковский утверждает, что первоначально это слово обозначало нижнюю челюсть и связывает его с греч. fagein ‘есть, кушать’. Думается, что эта мысль получила бы дополнительную поддержку при сопоставлении с чеч. baga, инг. bage ‘рот’, даг. *bag ‘губа, берег, край’, груз. bage ‘губа, край’ [1: 106].

BUCKEL ‘горб; *разг.* спина’ (др.-сев. bak, др.-англ. bæc, англ. back‘спина’, диал. back ‘холм’, франкск. buk ‘trunkofthebody’, прагерман. ***bak-** ‘спина’ (The American Heritage Dictionary of the English Language, 97, 1507) – Нах. ***baq’** ‘спина, тыльная сторона’: чеч. buq’, мн. baq’q’aš, инг. buq’, ц.-туш. buq’ ‘поясница; подпруга’, buq’ ‘спина’ [2: 170]. Возможно, сюда же относится и нем. **BACKE^{2}** ‘круп лошади’.

Др.-в.-нем. **BARTA** ‘топор’ – нах. bart ‘рот, уста’, дарг. barda, диал. barto ‘топор’ . Типологически ср. др.-сев. bilda ‘топор’– чеч. *балда* ‘губа’; нем. Beil ‘топор’ – др.-ирл. bel ‘губа’; лак. *рикI*‘топор’ – пралак. **ракI*‘рот, пасть’; чеч. *жуоммагIа* ‘небольшой топор’ – удин. *жIомох* ‘рот’, *жIомо* ‘рот’. Следует отметить также, что др.-сев. bilda ‘топор’ напоминает чеч. *balt в žambalt ‘топор’, тюрк. *balta ‘топор’. Инг. bord ‘губа’, ц.-туш. bat’r ‘губа’ (< *bart’) при чеч. balda может указывать на то, что *bald // *bart // *bard может быть древнейшей (ностратической?) основой в значении ‘срез, обрыв, борт; губа, рот; резать, топор’.

Герман. ***ber-**, ***barn** ‘ребенок’ (крым.-гот. bar ‘ребенок’, лтш. berns, лит. bernas ‘парень, батрак’, алб. bir ‘сын’, курд. ber ‘плод в утробе матери’, ие.***bher-**). – Нах. ***ber**, род. п. ***beran** ‘ребенок’: чеч. **bēr** ‘ребенок, дитя’, инг. ber [2: 169]. В прагерманской форме ***barn-** // ***bern-** ‘ребенок’, вероятно, произошло опрошение, так же, как и в ие. ***korn** ‘голова, рог’, ср. пранах. *kar, род. *karn (чеч. kur, род. kuran). Г. Климов привлекает к сравнению с ие. *ber- ‘ребенок’ и лазск. bere ‘ребенок, сын’. Сюда же относится, видимо, и др.-евр. bar ‘сын’.

BOCK ‘самец рогатых животных, козёл, баран’ (др.-в.-нем. boc, др.-исл. bokkr, др.-ирл. boc ‘козёл’, др.-англ. bucca ‘козёл’, англ. buck, ие.***bog-** ‘крутой, с изогнутыми рогами’) – Нах. **buog** ‘козёл, козёл-вожак’: чеч. buož, диал. buog [2: 171], инг. buož, ц.-туш. b'ok' ‘козёл’. Более древняя форма этого нахского слова ***bag** восстанавливается по основе косв. падежей: род. bežan (<baž-in< *bag-in), мн. bežaloj (<baž-iloj), а также лак. bak’ ‘голова; главарь, вожак’. Отсюда чеч. buōža ‘мужчина’ (мн. buožarij), buožaber ‘мальчик’ (< ‘мужчина-ребенок’), лит. bouže ‘голова; горб’, buožis ‘головастый человек’. Интересно отметить семантически, что англ. buck в сленге употребляется также в значении ‘парень’, ‘денди, щеголь’, oldbuck ‘дружище, старина’.

BUCH‘книга’ (гот. boka ‘буква’, мн. bokos ‘книга, письмо’, др.-в.-нем. buoh ‘книга’, др.-сев. bok ‘книга’). Отсюда производят ст.-слав. *букы*, рус. *буква.* Герм. *bok- ‘буква’, увязывают с названием дерева *бук*, на дошечках которого якобы первоначально начертывали письмена [5 236]. На наш взгляд, семантически более правдоподобно развитие значения ‘буква’ из значения ‘надрез, зарубка’ (ср. др.-рус. «черты и резы»), поэтому предлагаем следующую этимологию: пранах. ***buog** ‘надрез, зарубка’ (инг. boaž) > герм. **bok-** ‘буква’ > ст.-слав. *букы*. Оглушение звонкого смычного **g** в германском закономерно.

Ср.-н.-нем. **BULLE**, др.-англ. bula, bull ‘бык’, др.-сев. boli, лит. bulius ‘племенной бык’, кашуб. bul ‘бык’. В Кратком этимологическом словаре английского языка это слово дано с пометой «неизвестного происхождения». Сравните в связи с этим чеч. bula‘дикий бык, зубр’ [2: 171], однокоренное с нах. b-ulan ‘напрягать(ся), вздувать(ся)’. Мы полагаем, что германские и нахские формы неотделимы от рус. *булавка, булава, булыжник* (от *булыга*), др.-рус. *була* ‘шишка, шар’, чеш. boule ‘шишка’, польск. bulla ‘глыба’, bulka ‘большой круглый хлеб’, франц. boule ‘глыба’, итал. bulla ‘шишка, шар’, лат. bulla ‘круглая печать, шар’. Действительно, зубр с широким надувшимся передом и узким задом напоминает в какой-то мере булаву.

BURSCHE ‘парень, молодой человек’. М. Маковский [4, 85] связывает то ли с лат. bursa ‘мешок’, то ли с нем. Bursa ‘общежитие для студентов’, ‘живущий на общие деньги’ (?!). Полагаем, что сближение с чеч. *буорша* ‘бычок; молодой мужчина’ нисколько не уступает по убедительности этой этимологии.

BUSCH ‘куст’. Трудно согласиться с этимологией М. Маковского [4, 85], связывающего это слово с ие. *beu-sko ‘раздуваться, изгибаться, вздыматься вверх, расти’. Традиционно связывают с ср.-англ. bosh ‘куст’, прованс. bosc, франц. bois ‘лес’, позднелат. buskus ‘лес, кустарник’. В связи с чем ср. чеч. *биеш* ‘парк, сад, роща’, мн. *буошмаш* [1, 137].

BUSEN ‘женская грудь’. Вместе с нидер. boezem, др.-англ. bosm, англ. bosom ‘ж. грудь’ возводят к ие. *beusna от *bheu- / *bhu- ‘надуваться, раздуваться’ [4, 85]. На наш взгляд, здесь нелишне было бы отметить нах. busina (naqa) ‘вздутая грудь’ < *busan ‘надувать, накачивать’ [1, 158], соотносительные с ср.-н.-нем. bus ‘надутость, припухлость’, н.-в.-нем. bausen ‘набухать, распухать’, вост.-фриз. busen ‘шуметь, гудеть’, нахских праформ ***beusan** // ***bousan** // ***busan** с ие. ***beus-** // ***bous-** // ***bus-** ‘дуть, раздувать’.

DICK ‘толстый, густой’. Родственно др.-сев. thykkr, англ. thick, нидер. dik, норв. tjukk, др.-ирл. tiug ‘толстый, плотный, густой’ [6: 490; 3: 92]. В других индоевропейских. языках параллели не обнаружены. И тем удивительнее несомненная связь с чеч. d-üq’a ‘густой’ (<d-uq’i), инг. diq’a, ц.-туш. duq’i^{n}, имеющим соответствия в дагестанских языках: авар. *б-акьва-* ‘густой’, лак. *б-укьва-, д-укьра-* ‘густой’, *дукъ* ‘гуща’ [1, 284; 2: 176].

DIEB ‘вор’. Родственно англ. thief ‘вор’, голл. dief, др.-в.-нем. diob ‘вор’ [4, 5]. Никакого отношения к англ. thief ‘обгоревший фитиль свечи’, ие. *tep- ‘огонь’, вопреки М. Маковскому [3], не имеет. Но через чеч. taba ‘затаиться’, tieba ‘подкарауливать, подсиживать’ связано с болг. *дебя* ‘подстерегать’, диал. *деба* ‘незаметно наблюдать’, рус.диал. *дебеть* ‘долго, упорно сидеть над чем-л.’, польск. dubac ‘подстерегать, подкрадываться’, праслав. *debeti ‘подстерегать’.

EIS ‘лёд’ (др.-в.-нем. is, др.-англ. is, исл. is ‘лед’, авест. isu ‘ледяной’, пушту *асай* ‘иней’, перс. jax, курд. jex, осет. ix, ие.***ais- // *ieg-** ‘снег, лед’) – Пранах. ***as** ‘иней’: чеч. jis [2: 173], род.п. esaran, мн. *эсарш*, диал. *асиреш*, инг. *йис*. Основа обнаруживает многочисленные соответствия в северокавказских языках: авар. *гIанси* ‘сугроб; снежная лавина’, диал. *гIиси*; годоб. *аса* ‘иней’, *асар* ‘роса’, будух. *исанг* ‘иней’, будух., цах., рутул., крыз. *йиз* ‘снег’, цез. *иси*, хварш. *эсо,* удин. *иIж,* лезг. *жив* ‘снег’; адыг. **сы*, абх.-абаз. *сы* ‘снег’. К чередованию а // аi в основах ср. чеч. asa «я», aisa «я сам», aha «ты» – aiha «ты сам».

FEDER ‘перо’ (< ‘крыло’), др.-в.-нем.fedara, др.-англ. feðer ‘перо’, рус. *бедро* ‘бок’. – Др.-чеч. *бедар* ‘перо, оперение’, чеч. *бедар* ‘одежда’ (< ‘оперение, волосяной покров, мех’), инг. *бедар* ‘перо, оперение’ [1: 264; 2: 170]. Глухим вариантом этой основы является чеч. **patar** ‘1. почка, бутон; 2. побег, росток; 3. пух’, инг. *petar*, возможно, связанное с ие. ***ptero:** хетт. pattar ‘крыло’, др.-инд. patra ‘крыло, перо; лист растения’, греч. pteron ‘перо крыла’.

GASSE ‘переулок, узкий проход’ (др.-в.-нем. gazza, гот. gatwō, др.-сев. gata, герм.*gatwe ‘улица’ > лит. gatve ‘улица’). В Оксфордском этимологическом словаре английского языка дается с пометой «ofunkn. orig.» (неизвестного происхождения). – Неотделимо от чеч. gattiē // gattuō ‘теснина; теснота, стесненность; узкое место’ [2: 172], инг. gottuō, производного с известным нахским суф. -iē // -uō (ср. baqiē // baq’uō‘правило; право’, *šuortie // šuortuo*‘изобилие; широта, простор’) от основы *gatt-un* ‘узкий’, представленной также в чеч. gat-dan ‘сузить’, gat-dala ‘сузиться, стать тесным’, sin-gatt-am

‘скука, стесненность души’. Семантически ср. осет. *уынг* ‘улица’ – *уынгаг* ‘тесный; узкий’.

GAST ‘гость; приезжий (в гостинице); гастролёр’. Родственно др.-в.-нем. gast, др.-англ. giest (англ. guest ‘гость, постоялец в гостинице’), др.-сев. gestr, лат. hostis ‘чужеземец’, ‘иностранец’, ‘враг’ рус. *гость*. Этимология не ясна. – Вероятно, восходит к нах. *qasta, *итер*. *qiesta ‘скитаться, слоняться, шататься, странствовать, путешествовать’; 2. развеваться, полыхать’: чеч. qarsta, qiersta – то же (r – вставное), *разг*. qiesta ‘праздношатающийся, слоняющийся, любитель ходить по гостям’, инг. qiesta, ц.-туш. qest’a^{n} ‘обходить страны, странствовать’.

GEIST ‘дух, дыхание’. Полагая, что понятие души в древности отождествлялось с огнем, М. Маковский [4, 172] сближает это слово с лит. kaisti ‘гореть’, лтш. gàiss ‘воздух’, gaišs ‘светлый, яркий’, ие. *kai- ‘гореть’ [7, 519]. В пользу такой этимологии говорит и нах. qiesta ‘1. полыхать, бушевать, развеваться (об огне); 2. слоняться, шататься, странствовать, путешествовать’.

GAU ‘округ, край, область’ (др.-в.-нем. gawa, гот. gaw ‘округ’, др.-в.-нем. gawa, нидерл. gouw). – По всей видимости, сопоставимо с чеч. guō ‘круг, окружность; круг приближенных, окружение, свита’ (инг. gūō, ц.-туш. gogo ‘кольцо, обод, круг’), закономерно восходящим к исходной форме *gāu, как lūō ‘снег’ – к lāu, t’ūō ‘сметана’ – к t’āu, šalgūō ‘вилы’ – к šalgāu. Родственно чеч. gā ‘ответвление, отклонение, изгиб’ (акк. пхарчойск. gaw), gū ‘пригорок, бугор’ (<guw), gūōla ‘локоть, колено’, инг. gūō ‘колено’ [1, 207].

HASTEN ‘торопиться’, англ. hasten ‘торопиться, спешить’, ‘торопить; ускорять’, haste ‘спешка’, tomakehaste ‘торопиться, спешить’. – Нах. ***kasten** чеч. kesta ‘скоро’, инг. *kasta*, ц.-туш. *kast’en* ‘скоро, быстро’. В бацбийском языке этот корень представлен значительно лучше, чем в вайнахских языках, ср. в частности, отсутствующие в чеченском языке бацбийские глоссы: *кастIдала* ‘ускорять-ся, спешить’, *кастIдан* ‘ускорить, ускорять, торопить’, *кастIивх* ‘быстрее’, *кастIлаш* ‘спеша’, *кастIлайни* ‘спешащий’, *кастIол* ‘поспешность, торопливость’ (Кадагидзе, 1984: 606-607). Сюда же следует отнести слав. *čestъ (< *kestъ), др.-рус. *частыи* ‘часто повторяющийся’, рус. *часто*; болг. *честя* ‘частить, часто ходить, часто сбываться’ [7-4: 105], сербохорв. *касати*, словен. *касати* ‘бежать’, лтш. kuost ‘спешить’, герм. *kasti ‘поспешность’.

HIRSCHE ‘олень’. Сопоставляют с рус.-цслав. *сршени* ‘шершень’, лит. širšuonas ‘род крупной осы’, др.-инд. śirṣa(n) ‘голова’, др.-хетт. haršar, род.п. haršanaš ‘голова’, ново-хетт. haršar ‘голова’, греч. karaa ‘голова’, лат. cerebrum ‘мозг’, ие.***k`ers(n)-** ‘голова, рог’ [3, 813]. При этом, ни в каком качестве не учитывается чеч. kirša ‘рогатое животное (баран, козел и т.д.)’, антонимичное чеченскому dirša ‘комолое, безрогое животное’. Если в этих словах выделить суф. ласкательности *-ша*, ср. чеч. *йитша, мимша* ‘корова’, образованные от *йиетт* ‘корова’ и *мими* ‘вымя, *перен*. корова’, то элемент *кир- в *кирша* логично увязать с основой сущ. *кур* ‘рог’ < пранах. ***kar** (= ие. ***k`er-** ‘голова, рог’), а корень *дир- в *дирша* ‘безрогое животное’ – с англ. deer ‘олень’, др.-сев. dier. В пользу такого сближения может говорить, в том числе, и то, что олень в определенный период сбрасывает рога, ср. чеч. топоним *СемаIашка* ‘Самашки’, букв. ‘Оленерожье’, ‘место, где олени сбрасывают рога’, а также чеч. пословицу: *йича хуьлу дирша аьлла, Iуьно, гIаж тоьхна, ши маIа яькккхана* – «Безрогим делают», – сказал чабан, ударом палки, обломав рога (козы).

HOF ‘двор, усадьба’ (ср.-в.-нем. hof, род. п. hoves, др.-сев. hof ‘двор’, норв. hov ‘возвышение’, герм. *kau ‘двор’). – Чеч. **ков**[1] ‘1. ворота; 2. щербина, пустота на месте выпавшего зуба’, инг. *ков* ‘двор, усадьба’, даг. **кав* ‘ворота’ (авар. *кав, каву*, ахв. *кō, кав, каву* ‘ворота, двор’, бежт. *кав*, гин. *каву*, годоб. *кяву, каву*, карат. *кав*, чам. *кāв* ‘ворота’), адыг. **кав* ‘плетень’, картв. **kav* ‘ворота, ограда, крепость’, урарт. *ka* ‘ворота’. Второе значение чеченского слова позволяет привлечь сюда лат. cavea ‘углубление, пустота, выемка; огороженный участок, обнесенное решеткой место’, cavus, cava ‘пустой, выдолбленный’, rupescava ‘скала с расселиной’, caverna ‘полость, впадина, отверстие, проход’, ие. ***keu-** ‘полый’ [7, 229] < ***kau-**. Развитие значения от ‘резать’ (ср. чеч. *ков*[2] ‘напильник’) > ‘выемка, полость’ > ‘проход, ворота, дверь’ > ‘двор’, ср. рус. *дверь* и *двор*.

JUNGE ‘мальчик, парень, юноша’, **JUNG** ‘молодой, юный’, гот.juggs ‘юный’, англ. young ‘юный, молодой’. – Соответствует нах. ***къуонг** ‘мальчик, сын’ (чеч. *къуоьнгий* ‘*уст*. мальчики, сыновья’, инг. *къуонгий* ‘сыновья’) от *къуона* ‘молодой, юный’ (<*Iуона*< **уона*). К соотношению в анлауте нах. *къ* [q’] – ие. j ср. *къуонах* ‘молодец, рыцарь’ – др.-чеш. junoch ‘юноша’, болг. *юнак* ‘герой’.

KÜHN ‘смелый, дерзкий’: др.-в.-нем. **KUONI**, ср.-н.-нем.kone, нидер. koen, др.-сакс. *koni, др.-англ. cene ‘смелый, отважный’, ср.-англ. kene, keen ‘острый’, англ. keen ‘острый; резкий; пронзительный; проницательный’, «whichhasnocertaincognates» [6, 351; 4, 282]. – нах. ***k’uōn** ‘острый’: чеч. *k’uō*^{n} ‘горький, острый, пряный (о вкусе)’, инг. *k’ōma*. Образовано путем обобщения основы род.п. от *k’au* ‘остриё, зубец’, родственной **gu* // **guo* // **k’ou* ‘острие, зубец, грань, выступ’, ср. чеч. *jea-k’ou(n)* ‘четырехугольный’, ‘четырехгранный’, *ćhalgu* ‘однорожковые вилы’, *šalgu* ‘двурожковые вилы’,

кист. *šalgou,* чеб. *šologau* то же, инг. *gou* ‘ветвь; зубец у вил’. Переход нисходящего дифтонга *au* в восходящий *ua* (>*uo*) – типичное явление в чеченском языке: *guo* ‘круг’ <*gau, duo* ‘делаю’ <*dau, zuoq* ‘блаженство’ <*zouq*. Родственно чеч. *t’e-k’uon-van* ‘заострить внимание, нацелить’, *k’ir-dan* ‘заострить, нацелить’, *k’ou-dala* ‘прогоркнуть (о муке)’. Семантическое развитие *острый>горький* хорошо известно и по другим языкам, ср. например, рус. *острая* пища, англ. bite ‘укус’ – bitter ‘горький, резкий’. Значение ‘смелый, дерзкий’ возникло на базе значения ‘острый взгляд, смотрящий прямо в глаза, не отводящий взгляд’.

LACHE ‘лужа’ (шотл. loch ‘озеро’), ср.- нем.lah ‘низкий’, др.-исл. lagr ‘низкий’ (logr‘озеро’ [5: 449, 515]), швед. lag ‘низкий’, дат. lav, англ. low ‘низкий’, греч. laxys ‘низкий’, laxaia ‘низкий, плоский’, laxe ‘ров, яма’. – Нах. ***laxun** ‘низкий’: чеч. *loxa*, инг. *loxa*, ц.- туш. *laxu* [n]‘низкий’, чеч. *laxie* ‘низ; низина’, инг. *loxie*, ц.- туш. *lauxna*– то же. Итальянское laguna ‘лагуна’ (> рус. *лагуна*), образованное от lago ‘озеро болото’ (лат. lacus), на наш взгляд, является словообразовательной изоглоссой нах. *laxuna // *laghuna ‘низина, впадина’.

LOHN ‘заработная плата, награда’: др.-в.-нем. **LEHAN** ‘лен, владение землей’, др.-англ.lan ‘заем, дарование’, др.-исл. lan. – Чеч. **len** ‘залог, задаток’, инг. *la,* мн. *lāniš* ‘заклад; пари’. По всей видимости, является одним из свидетельств контактов предков чеченцев с древними германцами, ср. чеч. *lēnakara*‘ в заложники, под залог’, *lēna-kara-villinarg* ‘заложник’, ‘отданный в аманаты, в заложники’, *lēnakaravala* ‘отдать в аманаты, в заложники’.

MARK[1] ‘костный мозг’ (др.-в.-нем. mark, др.-англ. mearg, англ. marrow, др.-исл. mergr, прусс. musgeno ‘костный мозг’ [3: 813]), ие.***mark** // ***mask**- // ***mazg**- ‘мозг, мозжить’ [7, 750: *mozgo // *mosko]. Сближаем с нах.*mark // *maxk ‘ступа’ (чеч. *muoxk*[1] ‘ступа’, инг. *muoxk*, ц.-туш. morg, moxkgorč), осет. *mask* ‘ступица (колеса)’. Ц.-туш. morg ‘ступица (колеса)’, возможно, заимствовано из груз. *morgvi* ‘ступица’. Вероятно, первоначально ступу изготовляли из черепа. С другой стороны, понятие мозга связано с *раздроблением, разбиванием (кости)*, ср. рус. *мозг* и *мозжить*. На этом основании нах. **mark // *maxk // *mask* ‘ступица’ мы склонны рассматривать в одном ряду с балт. *mask-, *mazg-, слав. mosk-, mozg- ‘ударять, бить, мозжить; мозг’, рус.диал. *москотать*‘стучать, долго постукивать’, *мозгонуть* ‘сильно ударить’ (В.Н. Топоров), авест. mazga- ‘мозг, костный мозг’.

MARK[2]‘*уст*. граница, рубеж’ (гот. marka, др.-англ. mearc, др.-сев. mork ‘лес’ < ‘граница’, лат. margo, авест. marezu ‘пограничная область’, перс. marzo ‘межевой знак’). С учетом метатезы Махк сопоставил нем. Mark также с праслав. *krom- ‘кромка, край, большой участок земли’ [7-12: 185]. Думается, что с не меньшим основанием к сравнению с герм. *mark- ‘пограничная территория’ можно привлечь и нах. *mark // *maxk ‘край, большая территория’: чеч. muoxk (эрг. maxko), диал. muork (эрг. marko), инг. muoxk [1, 478]. Как и в ряде европейских языков, эта основа в чеченском языке используется при образовании названий стран, ср. чеч. *Noxčimuoxk* ‘Ичкерия; Чечня’, *Güržimuoxk* ‘Грузия’, *Danimuoxk* ‘Дания’, нем. *Dänemark,* англ. Danemark ‘Дания’.

MOOS ‘мох’ (др.-в.-нем. mos, англос. meos, англ. moss ‘мох’), лит. musos ‘плесень’, лат. muscus, афган. mos ‘мох’, болг. *мъх* ‘мох; ворс, ворсинка’, *мухъл* ‘плесень’, сербохорв. *мах* ‘мох; плесень; пушок’, словен. mâh ‘мох; болото; пух у птенцов’, слвц. mach ‘мох’, польск. mech ‘мох; пух; пушок’, рус.*мох*, диал. *мох* ‘мох; болото, поросшее мхом; тундра; растительность на лице; пух, пушок, мягкие и тонкие мохры’ [8-20: 216], ие.***mas-)**. Ср. также производные рус. *мохна* ‘клок волос, пучок шерсти’, *мохнатый* ‘обросший шерстью, волосами’, ‘с высоким густым ворсом’ [4, 666]. – чеч. **MAS** ‘волос, перо’, инг. *mos* ‘щетина; волос’ [2: 171], имеющее соответствия в дагестанских (*mix-, *mux*- ‘шерсть’; гин. *mus*, цез. *mus*, ботл. *basa*, авар. *ras*‘волос’).

MODER ‘гниль, затхлость, плесень’ (др.-в.-нем. matara ‘гнилой, тухлый’, ср.-нем. moder ‘гниль, болото’, н.-нем. moder ‘плесень’, англосак. moedere, др.-исл. mad`ra [5: I, 581; III, 11], рус. *матёрый*, цслав. *маторъ* ‘старый’, словен. mator ‘престарелый’, морав. диал. zmaterele ‘сгнивший’ [8-21: 28]. – Сближаем с чеч. *matar* ‘плесень, гниль’. Несмотря на определенные фонетические трудности, в конечном счете, сюда же относятся и слав. *modrъ ‘синий, сизый’ (сербохорв. modar) и *мудрый* (из *mondru). Семантическое развитие *зрелый > перезрелый > гнилой, заплесневелый > синеватый, сизый, седой > старый, матёрый > мудрый.*

Изложенный материал показывает, как глубоко связана индоевропейская и кавказская, особенно нахская, лексика. Привлечение нахско-дагестанского материала позволяет устранить многие темные пятна индоевропейской этимологии, поэтому игнорирование данных кавказских языков в индоевропейских разысканиях сродни непростительной халатности.

Литература:

1. Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси, 2011.
2. Вагапов А.Д. Англо-чеченские лексические параллели. Вестник ЧГУ, выпуск 2. Грозный, 2011.

3. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
4. Маковский М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка. М., 2004.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
6. Concise Dictionary of English Etymology. Oxford University Press.
7. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
8. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский фонд. Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 12, 20, 21. М., 1985–1992.

УДК 81.443

ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ: ТИПЫ, СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ

ADJUNCTS IN CHECHEN LANGUAGE: TYPES, WAYS OF EXPRESSING

А.И. Халидов,
д.филол.н., профессор,
заведующий кафедрой русского языка ЧГУ
Х.С. Арсакаева,
ассистент кафедры русского языка ЧГУ

A.I. Khalidov,
Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department of CheSU
Kh.S. Arsakaeva,
Assistant of Russian Lenguage Department

Статья посвящена проблеме классификации и описанию способов выражения одного из типов второстепенных членов предложения в чеченском языке – определений.
***Ключевые слова**: предложение, член предложения, определения, типы определений, способы выражения.*

The article shows the classification and description the ways of the types of expressing the secondary parts of the sentence in Chechen Language like an adjunct.
Key words: sentence; the parts of sentence; the types of expressing, an adjunct

Как известно, определение как член предложения указывает на признак предмета и вообще какого-либо опредмеченного понятия. В учебной практике для выявления определений и установления их типа используются различные вопросы, и их много: *муха? муьлха? масалгIа? мацалера? мичхьара? стенгара? хьенан? стенан?* Однако в теоретическом плане проблема сложнее и в ее разрешении полная ясность не достигнута.

Проблеме выделения и классификации определений в чеченском языке посвящена достаточно обширная литература, как научная (см., напр.: [1], [2], [3], [4]), так и учебная ([5]). С точки зрения Н.Ф. Яковлева, какого-то единого критерия, на который можно было бы опираться при классификации определений чеченского языка, нет: слова-определения с качественным значением, например, трудно отличить от обстоятельственных, слова-определения, выраженные определительно-притяжательными прилагательными, являются обычно грамматическими омонимами дополнений в родительном падеже [1: 117–129]. Ю.Д. Дешериев (видимо, на этом же основании) не выделяет ни определения, ни обстоятельства: в числе второстепенных членов у него рассмотрены только дополнения [2: 496–505]. Но впоследствии языковеды обычно указывали в качестве второстепенных членов, наряду с дополнениями и обстоятельствами, и определения, придерживаясь в их классификации разных принципов. В ряде работ, содержащих тот или иной вид классификации, выделяется книга И.Ю. Алироева [3: 99–100], в которой определения делятся на качественные и относительные: у других авторов, в том числе авторов учебных грамматик, такой классификации нет, определения делятся на согласованные и несогласованные, обособленные и необособленные. Семантический принцип, приемлемый при классификации имен прилагательных на соответствующие разряды, не может, с обоснованной точки зрения многих авторов, использоваться в классификации определений как членов предложения. Более того, менее, чем в других языках, в частности, в русском, в чеченском языке морфологически поддержана классификация и по синтаксическим критериям – таким, как наличие признаков согласования или обособления.

О выражении определений в чеченском языке З.Д. Джамалханов и М.Ю. Мачигов пишут следующее: «Согласованное определение выражается несамостоятельными качественным и относительным прилагательными, относительными прилагательными со значением времени с суффиксом *-лер-*, несамостоятельными указательными местоимениями, несамостоятельными порядковыми числительными, несамостоятельными причастиями. Например: *ПекхечираА **хазаI**уьйре. **Ломара** шовда шийла а, цIена а ду. Ас **таханлера** газет дийшира. **ХIара** книга хаза ю. **Ишта** книга дешархошна дукхаеза. Марема йийшира С. Бадуевн произведенийн **шолгIа** том. **ЦIийбелла** малх а, цаьрга ца хьоьжуш, чу-*

буьзна белира».[1]

Определения могут и согласовываться с определяемым словом (им, как правило, является существительное) в тех формах, которые имеются у последнего, и не иметь такого согласования. По этому признаку – по грамматическим связям с определяемыми словами – определения делят на два типа:

1) **согласованные** (в чеченской терминологии *бертан* (или *бартбеш*),

2) **несогласовапнные** (*бертаза,* или *бартбар доцуш)*.

Согласованные определения – это те, которые строят свою форму в соответствии с общими с определяемым словом грамматическими категориями. В отличие от русского и многих других языков, в которых согласование определения с определяемым осуществляется в роде, числе, падеже, в чеченском языке возможности согласования определений с определяемыми словами ограниченны: в принципе, это в основном согласование в классе, но даже в этом случае согласование ограничено теми прилагательными, которые имеют возможность употребляться с разными классными показателями: ***б****-овха кхача,* ***д****-еха у,* ***й****-оккха стаг,* ***в****-оккха стаг,* ***д****-еса гали,* ***й****-еса чоь;* ***в****-огIу кIант,* ***й****-огIу йоI,* ***б****-аькхина толам,* ***й****-оьхкина кIади*. Кроме этого, согласно традиционной грамматике, имена прилагательные в чеченском языке согласуются с определяемым словом в падеже, но все согласование сводится к употреблению одной общей формы косвенного падежа в сочетании с семью (а с учетом «ветвей» местного падежа тринадцатью) падежными формами самих определяемых существительных (причем, это общая форма для обоих чисел): *дика стаг – дикачу стеган, дикачу стагана, дикачу стага, дикачу стагаца, дикачу стагах, дикачу стаге, дикачу стагал; дика нах – дикачу нехан, дикачу нахана, дикачу нахаа, дикачу нахаца, дикачу нахах, дикачу нахе, дикачу нахал* и т.п.. Падежное «согласование» специфично у несамостоятельных количественных числительных (вернее – числительных в несамостоятельном употреблении): у них тоже общая форма косвенного падежа, но ее образование связано не с употреблением соответствующего аффиксального показателя – внешней флексии, а с «внутренней флексией» – перегласовкой гласных в корне: *диъ гIант – деа гIантан – деа гIантана*. Согласование в числе связано с меной классных показателей: если есть сам классный показатель, во множественном числе употребляется иной классный экспонент (иногда эта мена классных показателей сопровождается также внешним аффиксом множественного числа *-ий*): *в-оккха стаг – б-аккхий нах, в-огIу кIант – б-огIу кIентий, й-огIу йоI – б-огIу мехкарий*). Вместе с тем, немало случаев, когда такой мены классных показателей при образовании множественного числа не происходит, так как у многих имен прилагательных и иных адъективных словоформ классные показатели как таковые отсутствуют и в результате в обоих числах употребляется одна и та же форма: *б-аькхина толам – б-аьхна толамаш***;***хIара книга – хIара книгаш, цхьайттолгIа класс – цхьайттолгIа классаш*). В связи с этими особенностями синтаксической связи определения и определяемого, слабо поддерживаемой морфологически, возникает вопрос: а правильно ли вообще применять понятие «согласование» к определениям чеченского языка?

Нам представляется, что в этой связи заслуживает поддержки то понимание согласования определений в чеченском языке, которое изложено у Х.Б. Навразовой. Проанализировав разные примеры согласованных определений и установив, что определения в одних случаях имеют одну общую форму косвенного падежа на **- чу** (*жима-чу, дика-чу, лекха-чу, лаьтта-чу, дашо-чу, хьалхар-чу* и др.) или вовсе не меняют своей формы (*аннийн, аьчган*), в редких случаях при наличии классных экспонентов возможно согласование в классе (*воккха стаг – бакхий нах*), а у некоторых слов также может полностью или частично измениться основа (*Iуьллу тIулг – Iохку тIулгаш; жима гIант – кегий (ра) гIанташ*)), Х.Б. Навразова заключает: «В итоге мы имеем тот случай, когда можно говорить о ***неполном***, или ***частичном*** согласовании. Отрицать же полностью согласование, когда наличествует согласование в числе (пусть и не охватывающее все эти определения) и различие форм именительного и остальных падежей, вряд ли будет правильно, поэтому, видимо. С учетом выясненного выше, определения чеченского языка все же можно делить на согласованные и несогласованные» [4: 119].

Несогласованное определение – такое, которое не координирует свои формы с определяемым словом ни в числе, ни в падеже, ни в классе. В чеченском языке таковыми являются: несамостоятельные относительные прилагательные, возводимые к форме родительного падежа имен существительных; притяжательные прилагательные в той же форме; возводимые к родительному падежу несамостоятельные притяжательные местоимения; прилагательные, заимствованные из русского языка: *аннийн керт – аннийн кертан – аннийн керташ; вешин кIант – вешин кIентан – вешийн бераш; сан ва-*

[1] З.Д. Джамалаханов, М.Ю. Мачигов. Нохчийн мотт. II дакъа. Синтаксис. Педучилищан студенташна. Грозный, 1985, стр. 35.

ша – сан вешин – сан вежарий; *пионерски лагерь – пионерски лагеран – пионерски лагерш*.

Другая классификация определений основана на синтаксическом признаке, связанном с составом самой единицы, употребляемой в качестве единого члена предложения. По этому признаку определения подразделяются на:

1) нераспространенные;
2) распространенные.

Распространенное определение имеет в своем составе два или более слов. Такие определения получили в чеченском языке особенно широкое распространение. В большинстве случаев это причастные обороты. Например: ***Селхана хьо волчохь хьошалгIахь Iийна волу*** *ши стаг тахана гIалахь гира суна*; ***Тхьоьга баьхкинчу наха*** *беънарг вон кхаъ бу*; *Дакъаза ма дала,* ***Аренца къена*** *Терк, Бехк боцуш бехкала Хьо бахьнехь вахна и, Дакъаза ма дала,* ***И хьайха хьоьгу*** *Терк, Кхин марша хьо даьлла Ган доьгIна вуй те и?* Особенно широко такие определения используются в устном народном творчестве чеченцев, преимущественно в героико-исторических песнях – илли. Например: *Дакъаза ма вала, Iумаран ва Iела,* ***Акхтарган ва гаьн тIехь дуьзна*** *куьйра ва санна, АйгIаран ва букъ тIехь набарна хьегIаш, Веъна схьаиккхира цхьа нохчийн жима кIант…*; ***Саьрмикаш хьерчачу*** *Ширванан цу арахь,* ***Алмазаш цIийзачу*** *ГIулозан боьранашкахь,* ***ГIургIезо бен бечу*** *Сосакхийн кортошкахь,* ***Цхьогалаш ловзачу*** *коканан коьллашлахь,* ***Батто гIум къегочу*** *цу Теркан гIайрешкахь – КIентий мел севцначохь ахь дукха хьехайора Мехкарийн и тхьамда, жерочун жима кIант*. (Чеченский фольклор). В приведенных примерах распространенные определения выделены жирным шрифтом, но определениями (только другого типа) являются в примерах и другие слова: *Ширванан, цу; ГIулозан; Сосакхийн;цу, Теркан*).

Нераспространенное определение состоит из одного слова с определительным (качественным или иным) значением, употребляется обычно перед определяемым словом: *Иза* ***говза*** *пхьар ву; Тхоьга веанарг* ***генара*** *хьаша ву*; *Цхьана-шина дийнахь тохавелла* ***аннийн*** *керт йира цо;* ***Селханлера*** *де хаза деанера; КIантана кара* ***дашо*** *чIуг елла йоIа*.

Необособленное определение – такой второстепенный член предложения, который выражает свое определительное значение в непосредственном сочетании с определяемым словом, не просто согласуясь (или не согласуясь) с ним в определенных формах, но будучи непосредственной составной частью структуры предложения и употребляясь, как правило, в препозиции по отношению к определяемому слову: *Иза* ***говза*** *пхьар ву; Ткъех шо хьалха йина* ***аннийн*** *керт тишъелла; Тхоьга веанарг* ***генара*** *хьаша ву*.

Обособленным считается одиночное или – чаще – распространенное определение, которое, кроме выражения характерного определительного значения, вносит в содержание предложения какой-либо дополнительный оттенок. На обособленность таких определений в устной речи указывают интонация, пауза; обычным, но не обязательным опознавательным признаком обособленности является также порядок слова: в чеченском языке обособленное определение, как правило, но всегда, следует после определяемого слова. В качестве обособленных определений обычно употребляются: причастный оборот, приложение, словосочетания, состоящие из прилагательного или причастия и вспомогательного глагола *волу* (*долу, болу, йолу*), обеспечивающего смысловую связь адъективной словоформы с определяемым словом: *Суна тахана гIали юккъехь гинарг Бексолта вара,* ***дукха хан йоццуш юьртара схьакхелхина (волу); Дукха хан йоццуш юьртара схьакхелхина волу****, хIинца а гIала дика евзаза вара Бексолта; Адам,* ***юьртда****, хIинца а схьакхачаза вара; Малика,* ***жима а, куьцехь а йолу****, кхиболчу мехкаршна юкъахь къаьсташ яра*. В чеченских грамматиках сами эти разновидности обособленных определений (причастные обороты, приложения, например) рассматриваются, но по какой-то причине не выделяется сам тип обособленных определений. Такие определения, как одна из разновидностей обособленных определений, выделены и проанализированы в [7].

Как и в других языках, особым типом определения в чеченском языке является **приложение**.

Приложение (чеч. *юххедиллар*) – своего рода второе наименование предмета, «приложенное» к нему в качестве обозначения характерного признака. Это особое определение в форме существительного при существительном: *Хьехархо-****историк*** *тхан кху шарахь шозза хийцавелла*; ***Грозный****-гIала, Нохчийчоьнан коьрта гIала хилла ца Iаш, уггаре а йоккханиг а ю*; *Тхоьга хьошалгIа веара Мохьмад,* ***тхан ден доттагI***. Приложение и определяемое им слово могут относиться к разным лексико-грамматическим разрядам и их взаимное расположение подчинено определенным правилам.

Если определяющее и определяемое слова оба являются именами нарицательными, из них приложением считается первое, при этом написаних слов может быть дефисным или раздельным: ***Хьехархо****-историк тхан кху шарахь шозза хийцавелла;* ***Июль*** *бутт тIекхачале керлачу цIеношна чувала дагахь ву со.* В случае, если оба слова относятся к разным разрядам – соответственно собственным и

нарицательным существительными, приложением является имя собственное, а порядок слов может быть любым – приложение – имя собственное может быть и перед определяемым, и после него: ***Грозный****-гІала Нохчийчоьнан коьрта гІала хилла ца Іаш, угаре а йоккханиг а ю; Хьехархо* ***Эдилова*** *дика кхеташ а, берашца кхетош-кхиоран болх дика бан ларалуш а ю*. Если с именем собственным употребляется нарицательное, обозначающее лиц по роду занятий, профессии, должности и т.п., в качестве определяющего приложения выступает нарицательное имя: *ХІинцца схьакхача везаш ву Идрис-****молла****;* ***Яздархочо*** *Х.Д. Ошаевс шен Брестах лаьцначу книги тІехь гайтина нохчийн тІемалоша и гІап ларъеш гайтина турпала хьуьнарш*. При сочетании имени собственного, обозначающего названия периодических изданий, произведений искусства и литературы, названия учреждений и т.д., приложением является всегда имя собственное, независимо от его расположения по отношению к определяемому слову: ***«Даймохк»*** *газета доьшуш берш тІаьхь-тІаьхьа алсамбовлуш бу; Завод* ***«Промавтоматика»*** *кесста меттахІоттор йолуш ю*. Единственное общее требование для всех разновидностей таких сочетаний – расположение определения и определяемого непосредственно друг за другом. При препозиции приложения между ним и определяющим словом обычно ставится дефис: ***хьехархо****-историк;* ***Грозный****-гІала*.

Приложения, как и другие определении, могут быть необособленными и обособленными. Обособленными могут быть и нераспространенные, и распространенные приложения, интонационно и пунктуационно выделяемые в предложении.

Распространенное приложение обособляется, если: 1) употребляется после определяемого слова *Юнус Дешериев,* ***нохчийн дуьненахь а гІараваьлла волу меттан Іилманча****, вина ТІехьа-МартантІехь 1918-чу шарахь;* 2) употреблено после имени нарицательного или местоимения: *Сан ваша,* ***стохка университет чекхъяьккхина волу къона говзанча****, аспирантуре деша вахана*; *Иза,* ***стохка университет чекхъяьккхина волу говзанча****, аспирантуре деша вахана*. Случаи обособления нерастраненных приложений следующие: 1) употребление после местоимения: *Тхо,* ***студенташ****, хаза бертахь Іаш ду юкъараІойлехь*; 2) употребление после имени собственного: *Ахмадов Мусас,* ***яздархочо****, шен кхолларалле лаьцна дийцира студенташна*; 3) употребление после определяемого слова – распространенного именного (субстантивного) члена предложения – подлежащего или дополнения: *Тхойшиннен а воцуш ца терг волу доттагІа,* ***Іабдул-Малик****, тІаьххьарчу хенахь цамгари лехьо воьлла*. Обособление приложения может иметь место и в некоторых других случаях, если в смысловом отношении оно вносит какой-то уточнительный оттенок и произносится с некоторой паузой между приложением и определяемым словом; в этом случае на письме такой характер приложения обозначается постановкой соответствующего знака – запятой: *Воккхачу стеган,* ***Ахьмадан****, дукха а дара кегийрхошна дийца*. Если определяемое слово является не собственно именем существительным, а субстантивированным словом – самостоятельным прилагательным, причастием или иным субстантивированным словом, приложение при нем (в данном случае определяемом слове) также обособляется: *Воккхачун,* ***Межедан****, шен долахь пхалгІа ю; Кхелхинчун,* ***Бисолтин****, байш хила тІаьхьависина цхьа а вац*. В том случае, если субстантивированное слово «самостоятельная», адъективная словоформа оказывается в постпозиции по отношению к определяемому слову, обособленным приложением оказывается оно:*Межедан,* ***воккхачун****, шен долахь пхалгІа ю; Бисолтин,* ***кхелхинчун****, байш хила тІаьхьависина цхьа а вац*. Обособление приложений в устной речи поддерживается интонационно, на письме обособление осуществляется постановкой соответствующего знака препинания – запятой (или запятыми с обеих сторон, если приложение находится внутри предложения): *Нохчийн дуьненахь а гІараваьлла волу меттан Іилманча,* ***Юнус Дешериев****, 1918-чу шарахь ТІехьа-МартантІехь вина.* Иногда при обособлении приложения может употребляться и тире, если, с одной стороны, приложение содержит дополнительный уточняющий оттенок, с другой – является распространенным: *Цхьанхьа ваха новкъаваьллачохь соьгахь даим а хуьлура Мохьмад Мамакаевн байтийн гулам –* ***суна некъ бацбеш волу сан некъан накъост****; Соьгахь даим а хуьлура Мохьмад Мамакаевн байтийн гулам –* ***суна некъ бацбеш волу сан некъан накъост*** *– цхьанхьа ваха новкъаваьллачохь*.

Литература:

1. Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. Грозный, 1960. 237 с.
2. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963. 555 с.
3. Алироев И.Ю. Чеченский язык. М.: Academia, 1999. 159 с.
4. Навразова Х.Б. Чеченский язык: описательный и сравнительно-типологический анализ простого предложения. Назрань, 2005. 305 с.
5. Джамалханов З.Д., Мачигов М.Ю. Нохчийн мотт. Лексикологи, фонетика, морфологи. Грозный, 1985. 223 с.
6. Халидов Айса. Цхьалхечу предложенин чолхеялар. // «Орга», 1992. № 3. С. 140–144.

УДК 81’34(351.12)

К ВОПРОСУ О ЗАКОНАХ УДАРЕНИЯ В ЗАКАТАЛЬСКОМ ДИАЛЕКТЕ АВАРСКОГО ЯЗЫКА

THE QUESTIONS OF THE RULES OF STRESS IN ZAGATALA DIALECT OF AVAR LANGUAGE

И.А. Дибиров,
д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой русского языка в национальной школе Даггоспедуниверситета, почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан

I.A. Dibirov,
Doctor of Philology, Head of Russian Language Department in National School of DGPU, Honorary Worker of Hihger Professional Education of Russian Federation, Honored Scientist of Dagestan Republic

В статье рассматриваются вопросы ударения в закатальском диалекте аварского языка, представленного на территории современного Азербайджана. Обращено внимание на особенности законов ударения в диалекте, на значимость долготы гласного даже в том случае, если слово или его форма произносится вне контекста, в виде отдельного слова. Выявляются общие, закономерные явления, характерные как диалекту, так и аварскому литературному языку.
Ключевые слова: *язык, диалект, ударение, фонология, вокализм.*

The article shows the rules of stress in Zagatala dialect of Avar represented on the territory of modern Azerbaijan. The main attention to the peculiarities of the laws of stress in dialect is considered also the significance of vowel length, even if the word or its shape pronounces out of context as a separate word. Identify common natural phenomenons are revealed used in both dialect and Avar language.
Key words: *language, dialect, accent, phonology, vocalism*

Словесное ударение объединяет звуки, образующие облик слова, а если слово состоит более чем из одного слога, то ударный слог связывает его в единое целое. С фонологической точки зрения существенным является вопрос о месте ударения и о количестве градаций ударности. По месту словесного ударения различают языки со свободным (или разноместным) ударением или языки со связным (или одноместным) ударением [Зиндер 1979:259]. Примером свободного ударения может служить ударение в русском языке, примером связанного ударения может служить ударение в польском языке, где оно падает на предпоследний слог. Вопрос об ударении в дагестанских языках является недостаточно изученным, дискуссионным, так как не во всех дагестанских языках законы ударения едины.

Так, в лакском языке ударение непостоянное, т.е. не фиксированное на определенном слоге, а зависящее, в основном от закрытости слогов и долготы гласного.

В агульском языке ударение в двусложных словах обычно падает на последний слог, а в многосложных словах – на третий слог с конца. В даргинском языке и его диалектах место ударения в слове может варьироваться от передвигающегося ударения с одного слога на другой в зависимости от формы и значения слова [Абдуллаев, 1954: 132]. В лезгинском языке ударение является заметно выраженным, фиксированным на определенном слоге слова, обычно падает на второй слог от начала [Гайдаров, 2009]. В аварском языке оно фиксировано на первом слоге или на втором слоге слова [Микаилов, 1958]. В рассматриваемом нами закатальском диалекте аварского языка, территориально представленном в Закатальском и Белоканском районах Азербайджана, отделенный Главным Кавказским хребтом от дагестанских аварцев, законы ударения определяют пока лишь в общих чертах.

Закатальский диалект аварского языка, находящийся в течение веков в тесном контакте с азербайджанским, грузинским, ахвахским, цахурским языками, прошел самостоятельный и несколько отличный от других дагестанских языков путь развития.

Во многом сохраняя общие для дагестанских языков законы развития языка, закатальский диалект оказался подверженным влиянию азербайджанского языка, что привело к приобретению им особенностей словесного ударения и интонирования, характерных для азербайджанского языка.

В речи носителей закатальского диалекта наблюдается стремление «растягивать» в вопросительных конструкциях слоги, в результате чего аварская речь приобретает интонационный рисунок азербайджанской речи.

Необходимо отметить следующее: в закатальском диалекте ударение характеризуется силой выдыхания и одновременно долготой гласного, имеет свое закрепленное место в каждом слове и в

каждой его форме, даже в том случае, если слово или его форма произносится в неконтексте, в виде отдельного слова. Что касается отдельных слов, то в большинстве двухсложных имен ударение в именительном и родительном падежах един.числа падает на последний слог, например: в именительном падеже габа̀ – ковер, х1ама̀ – осел, Г1аша̀ – женское имя, г1арба̀ – арба, асда̀ – халва, дӏива̀ – верблюд, гьоло̀ – лоби, х1оно̀ – яйцо, дана̀ – бычок, турба̀ – мешок, торба, кунта̀ – рубашка, бугьу̀н – ложка, бохьо̀н – свинья, буру̀хь – змея; исключения составляют лишь следующие немногочисленные слова, как: ту̀ти – плод шелковицы, къу̀ци – пирожок, къа̀би – лопата для веяния, а̀рхи – ручеек, то̀рпи – колесо; в родительном падеже: гьана̀л – род. п. един. число от гьан – мясо, кара̀л – род. п. ед.ч. от кар – нитка, лаба̀л – род. п. ед.ч. от лаб – шкура и т.д.

В именительном падеже множ. числа ударение падает на первый слог: гьа̀нал – имен. пад. множ. числа от гьан – мясо, ка̀рал – имен. пад. множ. числа от кар – нитка, ла̀бал – имен. пад. множ. числа от лаб – шкура и т.д.

В глаголах типов II, III, IV и V в повелительном наклонении ударение падает на первый слог: бо̀гъи! – прикажи!, ц1а̀лӏи! – читай!, хъа̀ми! – чеши!, хъа̀лхьун! – раздели!, къу̀т1и! – режь!, ла̀ми! – строгай!, зу̀ри! – три!, ба̀ц1и! – гони!, бей!, ба̀хъи! – тащи!, бо̀хъи! – копай!, бѝхъун! – пори, бѝцун! – скажи!, бу̀хьун! – завяжи!, г1а̀ндӏи – плачь. В глаголах I типа ударение падает на последний слог: хъуг1а̀й! – стирай!, бихьа̀й! – оставь!, бала̀й! – смотри!, шула̀й – закрывай!, къоло̀й – пей!, ч1обо̀й – налей; ц1елӏдӏѐй – учись! и другие.

В трехсложной форме повелительного наклонения ударение падает по преимуществу на последний слог: верехьѝ – приходи, кунарихьѝ – кушай!, бок1рихьѝ – возьми! и другие.

В вопросительных формах глагола ударение падает по преимуществу на последний слог: хъарѝ? – написал?, ц1залрѝ? – прочитал?, хьа̀рѝ? – узнал?, и другие.

Учитывая постоянство ударения, единственным средством различения значений слов в ряде случаев служит только место ударения в слове, и это использовано, как одно из основных грамматических средств для противопоставления существительного и глагола, например:

Существительные Глаголы

г1ала̀ – кобыла г1а̀ла – перезрела /о груше/

хъгала̀ – крепость хъга̀ла – пил

къана̀ – под головой къа̀на – пьют (наст.буд.вр./а также для противопоставления одних именных форм другим, например:

гьана̀л – род. п. ед. ч. от гьан – мясо

кара̀л – род. п. ед. ч. от кар – нитка

лаба̀л – род. п. ед. ч. от лаб – шкура

мугъа̀л – род. п. ед. ч. от мугъ – спина

ц1зала̀л – род. п. ед. ч. от ц1зал – нагайка

к1ала̀л – род. п. ед. ч. от к1ал – рот

махьа̀л – род. п. ед. ч. от махь̀ – ноготь

гьа̀нал – им. п. множ. число

ка̀рал – им. п. множ. число

ла̀бал – им. п. множ. число

му̀гъал – им. п. множ. число

ц1а̀лал – им. п. множ. число

к1а̀лал – им. п. множ. число

ма̀хьа̀л – им. п. множ. число

По месту ударения также противопоставляются одни глагольные формы другим, например:

хъа̀ри – написал	хъарѝ? – написал?
ц1за̀лри – прочитал	ц1залрѝ? – прочитал?
хьа̀ри – узнал	хьа̀рѝ? – узнал?
ка̀наб//ка̀неб – кушает	канеб̀? – кушает?
вѐнав//вѐнов – приходит (вообще)	вена̀в? – приходит?
вѐзилав//вѐзилов – придет	везила̀в? – придет?
Повелительное наклонение	Условное наклонение
хъарихьѝ – напиши!	хъа̀рихьи – если пишет
ц1залрихьѝ – читай!	ц1за̀лрихьи если читает
т1урихьѝ – налей!	т1у̀рихьи – если идет
к1ахьѝ – приходи!	к1а̀хьи – если идет
верихьѝ – приходи!	вѐрихьи – если придет

Из всего вышесказанного можно вывести, что правила ударения в закатальском диалекте и других диалектах аварского языка лишь частично пересекается.

Анализ языкового материала дает возможность выявить некоторые общие явления, характерные как закатальскому диалекту, так и северному наречию аварского языка.

1. Ударение в закатальском диалекте, как и в других диалектах аварского языка, связанное.

2. В закатальском диалекте ударение, как и в других диалектах, может носить смыслоразличительную функцию.

3. Закатальский диалект, также как и родственные языки и диалекты, способен подчинить правилам ударения слова заимствованные из других языков.

Литература:

1. Абдуллаев З.Г. Грамматика даргинского языка. Махачкала, 1954. С. 132.
2. Гайдаров Р.И., Гюльмагомедов А.Г., Мейланова У.А., Талибов Б.Б. Современный лезгинский язык. Махачкала, 2009, 480 с.
3. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960.
4. Микаилов Ш.И. Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов. Махачкала, 1958. С. 58.
5. Дибиров И.А. Дагестанские языки Закавказья. Лексико-морфологические особенности. М.: «Наука», 2014. 287 с.
6. Дибиров И.А. К вопросу о дифференциации дагестанских языков Алазанской долины. Гуманитарные исследования. Астрахань, 2010.
7. Реформатский А.А. Фонологические этюды. М., 1975.
8. Саидова П.А. Закатальский диалект аварского языка. Махачкала, 2007.

УДК:81.373.221

ТИПЫ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В АСПЕКТЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГРУППЕ «ОПРЕДЕЛЕНИЕ+ОПРЕДЕЛЯЕМОЕ»

TYPES OF COLOR TERMS IN THE ASPECTS OF THE LEXICAL AND GRAMMATICAL RELATIONA IN THE GROUP “DEFINITION+DEFINED”

Р.И. Зайпулаева,
старший преподаватель кафедры общего языкознания ЧГУ

R.I. Zajpulaeva,
Senior Lecturer of General Linguistics Department of CheSU

В статье рассматриваются цветовые определения в контексте с определяемыми: некоторые цвета в русском и английском языках в зависимости от различных контекстов и функционировании в группе «определение+определяемое» приобретают другие значения кроме просто обозначения цвета, а также их рассмотрение в лексико-грамматическом аспекте исследования. И таким фактором является аспект формирования коннотативных значений у цветовых прилагательных в процессе использования цветовых определений в различных ситуативных контекстах.

Ключевые слова: *качество и свойство предметов, цветовые прилагательные, синтаксическая и лексическая функции цветовых прилагательных.*

The article shows the color terms in contecst with definitions: some of them in Russian and English languages in the group “definition+defined” acquire the different meanings other than just color terms in study of lexical and grammatical aspects. This kind of factor is an aspect of formation of connotative meanings of color ajectivesin different situational contexts.

Key words: quality and and property of subjects, color ajectives, ajectives, syntactical and lexical functions of color ajectives.

Цвет имеет огромное значение в жизни современного человека. Зачастую от него напрямую зависит настроение, эмоции и даже физическое самочувствие людей. Понятно, почему столь популярны исследования в области цвета у психологов. Окружающий нас мир всегда окрашен тем или иным способом и, естественно, что возникает необходимость применять термины цветообозначения.

Цвет есть некая объективная данность, существующая в реальной действительности, цветовой мир членится разными народами по-разному, а значит, и ассоциации об одном и том же цвете у разных этносов различны. Существуют культурные различия употребления различных цветов. Изучение цветообозначений ведет к новому знанию и пониманию культуры и особенностей языка разных этносов, а значит, к созданию оптимальных условий для контактов и подлинного диалога культур в самых

разных сферах.

Прилагательные представляют собой лексико-семантический класс слов (часть речи), называющих качества и свойства предметов (*тяжелый чемодан)*, событий (*великолепная вечеринка*), состояний (пронзительная боль) и других явлений окружающего мира, обозначенных именами существительными. Прилагательное может также указывать на принадлежность объекта кому-либо. Обозначая признак предмета, прилагательное определяет имя существительное и, следовательно, в синтаксическом отношении зависит от него.

Значение прилагательных достаточно неоднородно. Некоторые качества предметов являются «неотъемлемой частью» своих носителей. Эти параметры встроены в структуру объекта и присущи предмету как отдельной автономной сущности и обусловлены его внутренней структурой и назначением. Соответствующие прилагательные получили название качественных прилагательных. Они обозначают чистый признак, которого в предмете может быть больше или меньше по сравнению с другими подобными предметами, к ним относятся прилагательные цвета или цветообозначений (*красные ягоды, белое платье, зеленые плоды*).

Прилагательные являются именами концептов цвета, как основная лексико-грамматическая категория, которая выражает грамматическое значение качества или свойства, называемого не отвлеченно, само по себе, а как признак, данный в чем-то, в каком-то предмете.

Изучению цветообозначающей лексики в русском и английском языке с точки зрения системы посвящено исследование И.В. Макеенко. Автор устанавливает состав именной системы цветообозначений и определяет, что одним из её универсальных признаков для обоих языков является наличие в их составе группы основных и группы оттеночных прилагательных цвета. К основным русским и английским цветообозначениям относятся: *белый, черный, серый, синий, зеленый, желтый, коричневый, фиолетовый,* оранжевый, розовый; *white, black, grey, brown, red, blue, green, yellow, purple, orange, pink*. Прочие цветонаименования считаются оттеночными и на их основе появляются и закрепляются в языке новые определения в контексте с определяемыми. В категории оттеночных цветобозначений И.В. Макеенко выделяет группу простых (*лимонный, белоснежный, терракотовый, малиновый, алый, каштановый; lemon, snowy, terracotta, crimson, scarlet, maroon*) и сложных *темно-голубой, светло-зеленый, ярко-желтый, маслинно-зеленый, черный как смоль*; *dark-blue, light-green, bright-yellow; olive-green, jet-black* и т.п.) прилагательных цвета. К конструктивно сложным способам передачи цвета в русском и английском языках относятся и сравнительные обороты типа красный как *рак- redasalobster*, *черный как смоль- blackasebony.*

Некоторые цвета в русском и английском языках в зависимости от различных контекстов и в функционировании группе «определение+определяемое» приобретают другие значения кроме просто обозначения цвета. Так, к примеру, *черный* может означать не только *черный*, но и *темный*, противозаконный, мрачный, а в последнее время определение черный приобрело еще и дополнительное значение: «жестокие мысли (помыслы)» жестокого человека: *Но гораздо более физических изъянов и болезней радовали его уродства психики, некроз и гниение души, черные и вонючие дыры в ткани человеческого сознания* [Дашкова П., С. 197]. *За ее стенами таились какие-то загадочные черные дела* (Дашкова П., С. 36).

Некоторые цвета в русском английском языках имеют несколько других значений кроме просто обозначения цвета. Так, к примеру, *черный-black* может означать не только черный, но и темный, противозаконный, мрачный. А такой цвет как серый (в английском языке grey) может быть характеристикой погоды: *пасмурная погода-greyweather.* Популярное прилагательное «черно-белый» в английском языке формируется с помощью союза «и» (and*): black-and-white.*

Рассмотрим семантические преобразования самого активного цветового прилагательного – черный (в английском языке – black). В его семантической структуре выделяется три основных компонента значения:

1) цвет; 2) лишенный; 3) свет.

Прилагательное черный может также выступать в составе фразеологических единиц в значении «злой, коварный, с плохими намерениями», что более распространено в турецком языке по сравнению санглийском*: blackart – черная магия, чернокнижие, theblackman – злой дух, дьявол, сатана.*

В английском языке у прилагательного *черный* встречаем значение «грязный» *например, blackmoney «грязные деньги*».

В противоположность *черному – белый* – это «символ воплощенной полноты бытия». Белый цвет несет в себе значение чего-то светлого, непорочного. С белизной связано представление о явном, общепринятом, законном, истинном. Однако в отличие от русского языка, в английском языке белый цвет выражает и отрицательные явления:*atawhiteheat* – в бешенстве, в ярости; в состояние

крайнего возбуждения, волнения.

Р.М. Фрумкина говорит, что «носители языка не замечают, что противопоставление «белый – черный» вообще есть не противопоставление по цвету, а по признаку «максимум цвета – отсутствие цвета» [Фрумкина Р.М., 1984]. Это в очередной раз доказывает, что цвет – это порождение обыденного человеческого мышления, с точки зрения физического аспекта. Но именно такое представление об окружающем и фиксируется в языковой картине мира. «Многочисленные эксперименты, проведенные учеными, доказывают, что дифференциация цветов определяется универсальными свойствами человеческого восприятия, а не их языковыми наименованиями, хотя последние облегчают распознавание и запоминание цветов, важных для данной социально-культурной группы» [Фрумкина Р.М., 1984].

Необходимо акцентировать внимание и на тот фактор, который зачастую остается вне поля изучения и которого нужно рассмотреть в лексико-грамматическом аспекте исследования. И таким фактором является аспект формирования коннотативных значений у цветовых прилагательных в процессе использования цветовых определений в различных ситуативных контекстах.

По мнению В.А. Звегинцева, «слово не может иметь нескольких «значений», напоминая некоторую совокупность синонимов, связанными известными смысловыми отношениями. Поскольку в лексическом значении слова закреплен результат определенного обобщения и этот процесс обобщения не прерывается до тех пор, пока живет и развивается язык, в одном слове не может одновременно происходить несколько разных обобщений, проходящих по разным направлениям, что только и могло бы привести к образованию в слове нескольких лексических значений. Лексическое значение в слове одно, но оно может складываться из нескольких потенциальных типовых сочетаний, которые с разных сторон характеризуют единое смысловое целое… [Звегинцев В.А. Семасиология. Изд-во МГУ, 1975, С. 125–126].

Данная проблема рассматривается в статьях и монографиях многих ученых. Хотя в современном языке цветонаименования и утратили, в большей или меньшей степени, связь с первоначальным значением, но раскрытие исконной семантики цветовых прилагательных способствует тому, что символика того или иного цветонаименования, его эмоционально-экспрессивная и оценочная роль в тексте становится объективно доказуемой. Зачастую первоначальное значение слова проявляется в символике цвета и тем самым сохраняется в языке, осуществляя «приращение смысла», служа в языке художественной литературы для создания образа, его конкретизации. В данном случае мы рассмотрим пути достижения “приращения смысла” у слов-цветообозначений в группе «определение+определяемое». Один из основных и самый продуктивный способ – это полисемия, развитие переносных осмыслений в контексте «определение+определяемое», метафоризация, отмечает А.А. Брагина [Брагина А.А., 1997]. Переносные значения цветообозначений появляются “в результате непрямой номинации, имеют большую зависимость от контекста, обычно осложнены стилистическими или экспрессивно-оценочными моментами”. При всей подвижности и ситуативной относительности цветовое значение оказывается достаточно сильным и доминирует над остальными значениями, что создаёт многоплановость толкования. Такие цветообозначения, утратившие свои предметные связи с доминирующим цветовым значением, совершают семантические скачки в результате метафорических употреблений, способствуя созданию поэтических образов, выполняя чаще всего стилистически экспрессивную функцию. Но возможен и иной путь: нецветовое прилагательное приобретает переносное цветовое значение. Так, например, у слов с исходным значением “сделанный из какого-либо металла” (*золотой, серебряный, свинцовый* и др.) цветовое значение “всегда коннотировано и имеет дополнительную сему, выявляемую из контекста” [Запорожец М.Н., 1996]. В художественной литературе существует потребность заменить абстрактные цветообозначения конкретными, что осуществляется с помощью цветовых сравнений, зачастую окказионального характера, например: *Панталоны Анатолия Курагина цвета бедра испуганной нимфы.* [«Война и мир» Толстой Л.Н.]; *Глаза Митьки Коршунова цвета осоки.* («Тихий Дон» Шолохов М.А.). Вопрос первичного и вторичного, прямого и переносного значения слов не может считаться решенным. Рассматривая эту проблему в диахронном аспекте, мы можем лишь наметить два пути возникновения полисемии у слов, обозначающих цвет: первый – когда прямое (цветовое) значение слова дает переносное нецветовое, но психологически, эмоционально связанное именно с восприятием цвета (проявляется в символике): *чёрный дым* (прямое) – *чёрный день, воспоминания, мысли* (переносное); *зелёный росток* (прямое) – *зелёный юнец* (переносное). Второй путь – когда прямое значение (нецветовое) дает переносное значение, называющее цвет. В этом случае в символике цвета явно прослеживается психоэмоциональная связь с понятием, предметом, давшим название цвету: *сиреневый куст – сиреневый бант; восковая свеча – восковая бледность.* В своей работе «Цветовые определения и формирование новых значений слов и

словосочетаний» А.А. Брагина конкретизирует пути возникновения коннотативных значений у цветообозначений, сужая круг вопросов исследования, рассматривая лишь сочетания «определение + определяемое», где определяемое выражено существительным, а определение – абстрактное цветообозначение, выраженное именем прилагательным.

А.А. Брагина утверждает, что "в абсолютных значениях цветовые прилагательные не смешиваются, в переносных смыслах обнаруживают возможности сближения, взаимно обусловливают семантические варианты" (Брагина А.А.,1997). Автор делает вывод о том, что цветовые прилагательные по происхождению метафоричны, зачастую фразеологизируются. Для нас интересен подобный взгляд на проблему "приращения смысла" у цветовых прилагательных, тем более что А.А. Брагина доказывает влияние культурно-исторической эпохи на возникновение новых ассоциативных и ситуативных значений слов. К сожалению, автор мало внимания уделяет генетивным словосочетаниям для обозначения цвета (*цвета сливы, мёда, кофе* и т.п.), так как называет эту группу цветонаименований грамматически замкнутой, со строгой синтаксической последовательностью. В то же время подобные конструкции обладают широкой синтаксической сочетаемостью и являются продуктивными с точки зрения развития новых значений слов и словосочетаний. Слова, входящие в группу генетивных словосочетаний для обозначения цвета, носят достаточно условный характер (неточность цветового обозначения), поэтому в переносных осмыслениях, выходя за пределы цветовой корреляции, они обнаруживают возможности сближения, противопоставлений, взаимно обусловливают семантические вариации и переносное употребление. А это, в свою очередь, создавая внутренние логические связи в тексте, даёт богатые возможности для создания многоплановости, символики, позволяет рассматривать цвет как концепт.

Широкоупотребляемые «цветовые» прилагательные с забытой, стершейся внутренней формой, приобретают особое обобщенно – условное значение цвета (*красный, зеленый, голубой*) и успешно закрепляются в языковой практике.

В связи с развитием индустрии моды и технологии бытовых предметов о строительных материалах все больше и больше появляются новые обозначения оттеночных цветов, пополняя ареал цветовых прилагательных, как в русском, так и в английском языках.

Классическое обозначение цвета оказывается иногда недостаточно точным, слишком обобщенным, не передающим все оттенки, различаемые взглядом. Так возникают все новые и новые цветовые определения: *слоновая кость, теплый беж, песочно-бежевый, индиго, кирпичный, стальной, капучино, розовая пантера, клубничная овация, малиновый модерн, карамельная радуга, экзотический цветок, ягодная глазурь, спелый абрикос, коньячная вишня, лунная радуга, вечерняя роза, чайная роза, ореховый, хаки, жемчужный иней, душистая сирень, теплый ночная фиалка, огненный мак, коралловая роза, малиновый щербет, блестящий ирис, каштан, прозрачный кристалл, огненнаявспышка, блестящий топаз, лиловая фиалка, розовая маргаритка, каштановый блондин, жемчужный иней, медно-золотистый, темно-пепельный, медно-красный, ягодная глазурь, дымчато-черный, неоновый, алая заря, фуксия, медовый, дымчатый, бронзовый, матовый, цвета имбиря, бледно-бирюзовый, циановый, фума, дымчато-черный* и.т.д.

На лексико-семантическом и грамматическом уровнях прилагательные, обозначая признак предмета, определяют имя существительное и, следовательно, в синтаксическом отношении зависит от него, и качество цветообозначения в данном аспекте исследования является «неотъемлемой частью» своих носителей, то есть прилагательные, являясь автономной сущностью, рассмотренные параметры обуславливают внутреннюю структуру и назначение прилагательных. Соответствующие прилагательные получили название качественных прилагательных. Они обозначают чистый признак, которого в предмете может быть больше или меньше по сравнению с другими подобными предметами. К ним относятся прилагательные цвета или цветообозначений и такие прилагательные являются именами концептов цвета, как основная лексико-грамматическая категория, которая выражает грамматическое значение качества или свойства, называемого не отвлеченно, само по себе, а как признак, данный в чем-то, в каком-то предмете.

По мнению ученых-языковедов, состав именной системы цветообозначений, одним из её универсальных признаков для обоих (русского и английского) языков является наличие в их составе группы основных и группы оттеночных прилагательных цвета.

Необходимо акцентировать внимание и на тот фактор, который зачастую остается вне поля изучения и которого нужно рассмотреть в лексико-грамматическом аспекте исследования. И таким фактором является аспект формирования коннотативных значений у цветовых прилагательных в процессе использования цветовых определений в различных ситуативных контекстах.

При всей подвижности и ситуативной относительности цветовое значение оказывается доста-

точно сильным и доминирует над остальными значениями, что создаёт многоплановость толкования. Такие цветообозначения, утратившие свои предметные связи с доминирующим цветовым значением, совершают семантические скачки в результате метафорических употреблений, способствуя созданию поэтических образов, выполняя чаще всего стилистически экспрессивную функцию.

Литература:

1. Брагина А.А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. М.: 1972. С. 73–104.
2. Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Познание. М.: 1996. 412 с.
3. Звегинцев В.А.Семасиология. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 267.
4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Из-во «Едитороиал УРСС». М.: 2004. С. 374.
5. Макеенко И.В. Семантика цвета в разноструктурных языках (универсальное и национальное) / автореферат канд. дисс. Саратов, 1999. 20 С.
6. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2001. 320 с.
7. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа / Ред. В.Н. Телия; АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1984. 174 с.
8. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: УРСС. 322 с.
9. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики М. КомКнига, М.: 2006. 298 с.

Источники

1. Дашкова П. «Приз». М., 2006 г.
2. Толстой Л.Н. «Война и мир»

УДК 811.351.32

ЭРГАТИВНЫЙ ПАДЕЖ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на материале диалектов)

ERGATIVE CASE IN THE RUTUL LANGUAGE IN DIACHRONICAL ASPECT (BASED ON THE DIALECTS)

М.О. Ибрагимова,
к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания ДГПУ

M.O. Ibragimova,
Candidate of Philology, Associate Professor of General Linguistics Department of DGPU

Цель данного исследования заключается в выявлении и сравнительном описании особенностей оформления эргатива в пяти диалектах рутульского языка, что поможет выявить его праформу в прарутульском языке и спрогнозировать перспективы развития эргатива в исследуемом языке.
***Ключевые слова**: диалекты рутульского языка, система склонения в рутульском языке, сравнительный анализ падежей в диалектах рутульского языка, структура эргативного падежа, реконструкция эргатива.*

The aim of the study is identifying and comparative description of the designing features of the ergativecase in five Rutul dialects. It will help to determine his protoform in proto-Rutul language and predict the prospects of the development of the ergative case in the studied language.
***Key words:** the Rutul dialects, declination system in the Rutul language, comparative analysis of cases in the Rutul dialects, the structure of ergative case, reconstruction of ergative.*

Агглютинативный строй дагестанских языков проявляется и в склонении: для лезгинских языков, к числу которых относится и рутульский язык, характерным является наличие только одного аффикса для каждого падежа: для датива – *-с/-з,* для генитива – *-н* или-*д* (в рутульском языке) и т.д.

На этом общем однородном фоне исключением из принципа агглютинативности выступает полиформантность эргатива, отмечаемая многими исследователями дагестанских языков (П.К. Услар ом, А.А. Магометовым, У.А. Мейлановой, Р. Шаумяном и др.).

В диалектах рутульского языка – мухадском, борчинско-хновском, ихрекском, мюхрекском и шиназском, в отличие от лезгинского, табасаранского, агульского и арчинского, в которых дагестановеды выявили до девяти формантов эргатива, аффиксов эргатива меньше – несколько формантов: вокалические – *-а, -е* – и аффиксы с согласным *-р-* в сочетании с гласными – *-pv/ -vpa/ -vpe*.

Таким образом, полиформантность рутульского эргатива можно признать относительной, заметной лишь на фоне моноформантности других общеграмматических падежей исследуемого языка.

Е.А. Бокарев полагал, что «исконно эргативный падеж в общедагестанском праязыке имел особый показатель, не совпадавший с показателем какого-либо другого падежа. Сравнение различ-

ных дагестанских языков может дать основания и для того, чтобы предположить, какую именно форму он имел в общедагестанском праязыке» [1961: 14]. По его мнению, «в крызском и будухском языках эргативный падеж имеет окончание *-р*, которое, по всей вероятности, представляет собой редукцию одного из детерминативов косвенной основы *-ди> *ри>р» [1960: 46].

О закреплении за эргативом показателя косвенной основы писал в статье, посвященной вопросам склонения имен существительных в цахурском, рутульском, крызском и будухском языках Г.Х. Ибрагимов [1987: 138]. Он выделяет в формировании аффикса эргатива рутульского и цахурского языков 3 периода: 1) наличие этимологически восстанавливаемого аффикса эргатива *-vд//-д*»; 2) переход в рутульском языке *-д* в *-р,* в цахурском – *-д* в *-н;* 3) частичное выпадение *-р* и появление гласного аффикса эргатива в некоторых существительных, обозначающих разумных существ. [1990: 70].

М.Е. Алексеев, исследовав форманты эргатива рутульского и шахдагских языков, в том числе – аффикс *-р*, высказал альтернативную точку зрения об архаичности вокалического аффикса для рутульского языка: «Употребление этого аффикса (аффикса *-р-* – И.М.) в пользу такой гипотезы может говорить, в частности, наличие в определенных условиях нерегулярного образования эргативного падежа в рутульском языке: во-первых, у некоторых имен в форме ед. числа (ср. *дид* «отец» – эрг. *дид-аь*), во-вторых, у всех одушевленных имен во мн. числе (ср. *сибаь* «медведи» – эрг. *сибаь-ш-аь* и т.п.), в-третьих, у местоимений (ср. *гьад* «он» – эрг.*гьанов-ы*). Думается, что во всех трех случаях мы имеем дело с архаизмами» [1985: 41]. Появление же аффикса *-р-* исследователь считает результатом переосмысления аффикса косвенной основы, в результате которого «показатель *-ра* стал восприниматься в качестве аффикса эргатива и впоследствии присоединяться практически ко всем именам, не считая отмеченным случаям» [Там же: 41].

Сравнительная таблица аффиксов эргатива в диалектах рутульского языка

мух.д.	ихр.д.	шин.д.	борч.-хнов. д.	мюхр.д.	цах. язык	прарут. форма
-е, -а, -ра, -ре, -vpv	-е, -а, -ра, -ре, -vpv	-е, -а, -ра, -ре, -vp, -vpv, -□	-е, -а, -ра, -ре, -vpv	-е, -а, -vp, -ра, -ре, -vpv	-е, -н/-vн	*-д

Проанализировав имеющиеся точки зрения Е.А. Бокарева, М.Е Алексеева, Г.Х Ибрагимова и факты близкородственных языков, мы пришли к заключению о переходе общелезгинского аффикса эргатива *-*д* в ареальных единицах рутульского языка в *-р-*, как и в крызском и будухском языках.

Аргументировать сохранившимися падежными формами этот факт сложно, так как они единичны. Возможно, доказательную базу можно извлечь из парадигм склонения личных местоимений, являющихся архаическим пластом лексики любого языка.

Так, при единстве в оформлении форм генитива и датива в ареальных единицах наблюдаются максимальные различия в оформлении эргатива: отсутствие маркировки в мухадском, наличие различных аффиксов эргатива в остальных диалектах, два аффикса эргатива (*-й, -тти*) в ихрекском диалекте.

Сравнительный анализ парадигм склонения личных местоимений в диалектах рутульского языка позволил нам выявить следующие аффиксы эргатива:

мухадский	-	--
шиназский	-	-й
мюхрекский	-	-д
ихрекский	-	-й, -тти
борчхновский	-	-дж

Формы эргатива в говорах борчинско-хновского диалекта оформляются аффиксом *-дж//-джv*, который, по мнению Г.Х. Ибрагимова, этимологически восходит *д//-дv* [2004: 212]:

борчинский говор

Ном. – йи “я”	гъу “ты”
Эрг. – йи-дж	гъу-дж
Ген. – йихь-ды	гъу-ды
Дат. – йа-с	гъва-с и т.д.

Ном. – йанур//йухъIнаьр “мы”	ви “вы”
Эрг. – йану-джаь//йухъ-чаь	ви-дж
Ген. – йану-ду//йухъуIш-дуь	выхь-ыд
Дат. – йан-ус//йаIхъч-ус	ве-с и т.д.

В мюхрекском диалекте выявляется сходное оформление эргатива аффиксом *-д (за-д* «я», *ва-д* «ты», *жаьд* «мы», *жваь-д* «вы»), который в ареальных единицах рутульского языка традиционно оформляет форму генитива. В данном случае не является исключением и собственно мюхрекский диалект – эргатив в нем оформляется аффиксом *-д,* а генитив – аффиксом *-ды:*

мюхрекский диалект

Ном. – зы “я”	вы “ты”	жи “мы”	жу “вы”
Эрг. – за-д	ва-д	жаь-д	жваь-д
Ген. – из-ды	вы-ды	иш-ды	уьш-ды
Дат. – за-с	ва-с	жаь-с	жваь-с и т.д.

Для ихрекского диалекта характерен аффикс эргатива личных местоимений, но в отличие от других ареальных единиц рутульского языка, в форме эргатива *йе-ттu//же-ттu* «мы» (формы инклюзива и эксклюзива), наблюдается вариант аффикса *-ттu,* возможно, также восходящий к праформе *-д* и являющийся его глухим геминированным вариантом:

Ном. – зы “я”	гъу “ты”	йи//жи “мы”	жу “вы”
Эрг. – зы-й	гъу-й	йе-тти//же-тти	жу-йэ
Ген. – йиз-ды/-ыд	йугъ-ды/-уд	йихь-ды/-ид	йуьш-ды/-уьд
Дат. – за-с	гъва-с	йе-с//же-с	жве-с и т.д.

Показатели эргатива личных местоимений мухадского диалекта (нулевой) и шиназского диалекта (*-й-)* также не вписываются в общую традиционную схему склонения местоимений рутульского языка, но они неинформативны для реконструкции архаического маркера эргатива **-д.* Но в этих ареальных единицах наблюдается традиция к стиранию граней между номинативом и эргативом.

Так, в речи носителей шиназского диалекта проявляется своеобразие в оформлении эргатива: в некоторых случаях аффикс эргатива выпадает, и, вследствие этого, форма эргатива совпадает с формой номинатива. Как правило, процесс нейтрализации затрагивает только предполагаемый моновокалический аффикс имен существительных:

Изды нин(е) кIвалах ваъар аджиш, изды дид(е) халды кIвалах ваъара.– Моя мать не работает, мой отец домашнюю работу выполняет. (В скобках приведены предполагаемые аффиксы эргатива, характерные для остальных диалектов рутульского языка. – И.М.)

В диалекте параллельно функционируют формы эргатива с моновокалическим аффиксом:

Гьабише Къандзыгъай лакь(а) оршур, гулеймар гъараабый лтхъихьир.

Они ведьму Кандзыгай в сундук посадили и снаружи замок навесили.

Вероятно, в шиназском диалекте наметилась тенденция к стиранию граней между номинативом и эргативом. Этот диалект наиболее подвержен процессам сокращения количества падежей, обусловленным выпадением конечных вокалических аффиксов эргатива и инэссива/инлатива, отсутствием серии падежей с семантикой Sub и т.д.

Литература:

1. Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985. 158 с.
2. Бокарев Е.А. К реконструкции падежной системы пралезгинского языка // Вопросы грамматики. М.-Л., 1960. С. 43–50.
3. Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. 99 с.
4. Ибрагимов Г.Х. Общности в склонении имен существительных в цахурском, рутульском, крызском и будухском языках. // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала, 1987. С. 138–147.
5. Ибрагимов Г.Х. Цахурский язык. М., 1990. 239 с.

УДК 811.351.42

НОХЧИЙН МЕТТАН ХАНДЕШНИЙН СПРЯЖЕНЕШ, УЬШ БИЛГАЛЪЯХАРАН НЕКЪАШ

Б.Р. Закраилова,
старший преподаватель кафедры русского языка ЧГУ

CONJUGATION OF VERBS IN THE ENGLISH LANGUAGE AND THE WAYS OF THEIR DETERMINATION

B.R. Sakrailova,
S. Lecturer of Russian Department of the Chechen State University.

Хууш ма-хиллара, 1илманчийн сецна баьлла цхьа барт бац нохчийн меттан хандешнийн спряженеш къасторехь. Цу т1е доьг1на статья т1ехь дийцаре дехкина нохчийн меттан хандешнийн спряженеш билгалъяхаран некъаш.

***Коьрта дешнаш**: нохчийн мотт, билгалза кеп, карара хан, аффикс, спряжени*

As it's known, scientists do not have a consensus on how to define the verb conjugation. On the basis of this article provides methods for determining the conjugation of verbs.
***Key words:** Chechen language, infinitive, present tense, affix, conjugation.*

Нохчийн меттан хандешнийн спряженех доьзна долу хаттарш шайн 1илманан белхаш т1ехь теллина г1арбевлла болчу кавказоведаша Н.Ф. Яковлевс, И.Г. Арсахановс, А.Д. Тимаевс. Амма хандешнийн спряженеш билгалъяхаран некъаш тайп-тайпана къастадо вай лаккхахь ц1ераш яьхначу 1илманчаша. Кхечу кепара аьлча, хандешнийн спряженеш билгалъяхарехь сецна баьлла цхьа барт бац 1илманехь.

Цу т1е доьг1на тхайн балха т1ехь оха нохчийн меттан хандешнийн спряженеш билгалъяхаран некъаш дийцаре дохку.

Н.Ф. Яковлевс шен «Морфология чеченского языка» ц1е йолчу балха т1ехь нохчийн меттан хандешнийн пхи спряжени билгалйоккху. Цо яздо: «В соответствии с различными типами чередования корневого гласного в глаголе в чеченском языке устанавливается пять спряжений, по которым изменяются все правильные глаголы».

Н.Ф. Яковлевн хетарехь хьалхарчу спряжени чу билгалзачу кепан лардехь деха я доца мукъа аз ***а*** долу хандешнаш дог1у.

1. спряжени: *āра - ōру, таса - тосу*

Шолг1ачу спряжени чу дифтонг ***ие*** йолу хандешнаш дог1у.

2. спряжени: *диēша – дōьшу, виерза - воьрзу*

Кхоалг1ачу спряжени чу деха я доца ***и*** долу хандешнаш дог1у.

3. спряжени: *дūца – дӯцу, тилла-туьллу*

Йоьалг1ачу спряжени чу дифтонг ***уо*** йолу хандешнаш дог1у.

4. спряжени: *туōха – тӯху, дуохка - духку*

Пхоьалг1ачу спряжени чу деха я доца ***у*** долу хандешнаш дог1у.

5. спряжени: *дӯла –дӯлу, дуза- дузу* [6].

Гуш ма-хиллара, Н.Ф. Яковлевс карарчу хенан кеп кхоллаяларехь билгалзачу кепан орамерчу мукъачу аьзнийн хийцадаларе хьаьжжина билгалйоху хандешнийн спряженеш.

З.Д. Джамалхановс, М.Ю. Мачиговс шайн «Нохчийн мотт. Лексикологи, фонетика, морфологи» ц1е йолчу балха т1ехь Н.Ф. Яковлевс билгалдаьхначу некъашца нохчийн меттан хандешнийн пхи спряжени билгалйоккху: хандешан карарчу хенан кеп кхоллалуш, билгалзачу кепан орамера аьзнаш хийцадаларе хьаьжжина. Цул сов, нийса йоцу спряжени а къастайо:

1. спряжени ***а→о, а→е, аь***-не доьрзуш: *лакха - локху, латта - лаьтта*
2. спряжении ***ие→оь***-не доьрзуш: *лиēкха – лōькху*
3. спряжени: ***и→уь***-не доьрзуш: *дига – дуьгу*
4. спряжени: ***уо→у***-не йоьрзуш: *дуотта – дутту*
5. спряжени: **у** хийца а ца луш дуьсуш *дуза-дузу*

Нийса йоцчу спряжени чу цхьана дешдекъах лаьтташ долу а, церан г1оьнца кхолладелла чолхе хандешнаш а дог1у олий, билгалдоккху. Масала, дан-дохьу, лен-лоь, мацвала – мацло [2].

И.Г. Арсахановс шен «Х1инцалера нохчийн мотт. Лексикологи, фонетика, морфологи» ц1е йолчу балха т1ехь Н.Ф. Яковлевс билгалъяькхина принцип къобал а еш, оцу пхеа спряженех ворх1 спряжени йо. И.Г. Арсахановс х1окху кепарар билгалйоху нохчийн меттан хандешнийн спряженеш:

1. спряжени: *ахьа - охьу, лалла - лоллу*
2. спряжени: *лата – лета, 1āна – 1ēна*
3. спряжени: *(э) иēца – ōьцу, циеста-цоьсту*
4. спряжени: *дига – дуьгу*
5. спряжени: *мūла- мӯьлу*
6. спряжени: *дуōха –дӯху, дуосса- дуссу*
7. спряжени: *дӯса –дӯсу, дуста- дусту* [1].

Нохчийн меттан хандешнийн спряженеш билгалъяхаран галморзахаллаш 1илманан белхаш т1ехь хилла ца 1аш, школашна леринчу учебникаш т1ехь а ю.

В.Я. Янгульбаевс, Ж.М. Махмаевс ворх1алг1ачу классана лерина, 2007-чу шарахь араяьллачу нохчийн меттан киншки т1ехь яздо, хандешнийн коьрта пхи спряжени а, нийса йоцу спряжени а бохуш [8].

1964-чу шарахь араяьллачу В.А. Янгульбаевн, Н.Б. Бушуевн 5-6 классашна леринчу нохчийн меттан книшки т1ехь нохчийн меттан хандешнийн пхи спряжени а, нийса йоцу спряжени а къастайо [7].

Ткъа З.Д. Джамалхановн, Т.Н. Чинхоеван 2013-чу шарахь арахецначу 10-11 классийн нохчийн меттан учебник т1ехь хандешнийн ши спряжени а билгалйоккху, нийса йоцу спряжени а билгалйоккху [4].

Шен «Х1инцалера нохчийн мотт. Лексикологи, фонетика, морфологи» ц1е йолчу балха т1ехь, Н.Ф. Яковлевс, И.Г. Арсахановс нохчийн меттан хандешнийн спряженеш билгалйохуш тидаме эцнарг (карарчу хенан кеп кхоллалуш билгалзу кепан лардан мукъа аьзнаш хийцадаларе хьаьжжина) кхачаме ца хилар ч1аг1 а деш, хандешнийн ши спряжени билгалйоккху [Тимаев 2007: 375-384].

И ши спряжени билгалйоккхуш А.Д. Тимаевс тидаме оьцу нохчийн маттахь хандешнийн карарчу хенан кеп кхоллалуш дакъалоцуш ***-у, -е*** ши аффикс хилар. Кхечу дешнашца аьлча, хандешнийн карарчу хенан кеп кхоллалуш билгалзачу кепан лардан мукъачу аьзнийн хийцадаларан бахьане хьаьжжина билгалйоху нохчийн меттан хандешнийн спряженеш [5].

Хьалхарчу спряжени чу дог1у карарчу хенахь суффикс ***у*** йолуш долу хандешнаш:

билг. кеп. *лаза*^{н}	*кхāча*^{н}	*диēша*^{н}	*виерза*^{н}
кар. хан. *лозу←лаз-у*	*кхōчу←кхачу*	*дōьшу←диēш-у*	*воьрзу←виерз-у*
билг. кеп.	*тилла*^{н}	*дīца*^{н}	*туōха*^{н}
кар. хан. *туьллу←тилл-у*		*дӯьцу←дīц-у*	*тӯху←туōх-у*

Гуш ма-хиллара, карачу хенан кеп кхуллуш йолчу аффиксашка хьаьжжина спряженеш билгалъяьхча, Н.Ф. Яковлевс а, И.Г. Арсахановс а тайп-тайпана спряженеш чу дог1у аьлла билгалдаьхна хандешнаш цхьана (хьалхарчу) спряжении чу дог1у.

Цул сов, А.Д. Тимаевс билгалдоккхуш ма-хиллара [5], нийса йоцу спряжени чу дог1у аьлла билгалдаьхна цхьана дешдекъах лаьтта хандешнаш а, дан, дала, дита далийта г1оьнан хандешнаш мухаллин билгалдешнийн а, хандешнийн лардаш т1е кхетарца кхолладелла схьадевлла хандешнаш а хьалхарчу спряжени чу дог1у, х1унда аьлча карарчу хенан кеп кхуллуш дакъа лоцуш аффикс ***–у*** ю:

билг. кеп.	*лиēн*	*мацвала*^{н}	*ластуōн*
кар. хан.	*лубь←лиē+у*	*мацлуо ←мацла+у*	*ластадуо←ластада+у*
билг. кеп.	*лацīта*^{н}		*туохадалīта*^{н}
кар. хан.	*лацӯьту←лацīт-у*	*туохадолӯьту←туохадалīт-у*	

Ткъа шолг1ачу спряжени чу –е аффиксан г1оьнца карарчу хенан кеп кхоллалуш долу хандешнаш дог1у:

билг. кеп.	*лата*^{н}	*1āна*^{н}	*къиēга*^{н}
кар. хан.	*лета←лат-е*	*1ēна←1āн-е*	*къиēга←къиēг-е*
билг. кеп.	*хьīза*^{н}	*лâтта*^{н}	
кар. хан.	*хьīза←хьīз-е*	*лаьтта←лâтт-е*	

Коьрта долчу декъана кхузахь хаа деза, муьлхачу аффиксан г1оьнца кхоллаелла карарчу хенан кеп. И вайна хуур ду карарчу хенан кеп кхоллалуш билгалзачу кепан лардан мукъачу озан хийцадаларе хьаьжча. Д.С. Имнайшвилис [1977], А.Д. Тимаевс [2007] билгалдаькхина ма-хиллара, нохчийн маттахь хандешнийн карарчу хенан кеп кхуллуш афиикс –у хилахь, билгалзачу кепан лардан мукъа аьзнаш кху кепара хийцало: ***а→о, ā→ō, â→оа, и→уь, ӣ→ӯь, ие→уоь, иē→уōь*** – горгдалар; ***уо→у, уō→ӯ*** – гатдалар; ***у, ӯ*** хийца ца луш дуьсу. Х1ара тайпа хийцамаш хилахь, хьалхара спряжени ю.

Ткъа хандешнийн карарчу хенан кеп кхуллуш афиикс –е хилахь, билгалзачу кепан лардан мукъа аьзнаш кху кепара хийцало***: а→е, ā →ē, â→аь*** – к1аддалар; ***ӣ (ий), иē*** хийца ца луш дуьсу. Х1ара тайпа хийцамаш хилахь, шолг1а спряжени ю.

Нохчийн меттан хандешнийн спряженеш билгалйохуш, тхуна хетарехь, билгалзачу кепан лардехь дифтонг ow йолу хандешнаш шина спряженига декъало. Оцу хандешнийн карарчу хенан кеп кхоллалуш дифтонг ***ow*** хийца а ца луш юьсу цхьадолчу хандешнийн, ткъа цхьадолчу хандешнийн карарчу хенан кеп кхоллалуш ***оьw*** дифтонге йоьрзу.

Цундела ала тарлур ду, нагахь санна карарчу хенан кеп кхоллалуш дифтонг ***ow*** хийца ца луш йисахь, иза хьалхара спряжени ю, х1унда аьлча карарчу хенан аффикс ***–у*** хир ю:

билг. кеп.	*ловза* ^{н}	*довда*^{н}
кар. хан.	*ловзу←ловз-у*	*довду←довд-у*

Нагахь санна хандешнийн карарчу хенан кеп кхоллалуш дифтонг ***ow→оьw***-не ерзахь, иза шолг1а спряжени ю, х1унда аьлча карарчу хенан аффикс ***–е*** хир ю:

билг. кеп.	*хьовза*^{н}	*довза*^{н}

кар. хан. *хьоьwза←хьоwз-е* *доьwза←доwз-е*

Пайдаэцна литература:

1. Арсаханов И.Г. Х1инцалера нохчийн мотт. Лексикологи, фонетика, морфологи. Грозный, 1965. – С. 123-129
2. Джамалханов З.Д., Мачигов М.Ю. Нохчийн мотт. I дакъа. Лексикологи, фонетика, морфологи. Нохчг1алг1айн педучилищан I-II курсашна учебник. Грозный, 1964.
3. Джамалханов З.Д., Чинхоева Т.Н. Нохчийн мотт. 10-11 классашна учебник. Грозный, 2013. – С. 100-104.
4. Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.
5. Тимаев В.Д. Х1инцалера нохчийн мотт. Лексикологи, фонетика, морфологи. Грозный, 2007. – С. 375-384.
6. Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. Труды. Том I. ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1960. – С. 167-169.
7. Янгульбаев В.А., Бушуев Н.Б. Нохчийн мотт. 5-6 классашна учебник. Грозный, 1984. – С. 133.
8. Янгульбаевс В.Я., Махмаевс Ж.М. Нохчийн мотт. 7 классана учебник. Грозный, 2007. – С. 2007: 24-31.

УДК 16.21.45

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ПОВТОРОВ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

STRUCTURAL TYPES OF REPEATS IN THE NAKH LANGUAGES

М.У. Сулейбанова,
д.ф.н., профессор кафедры русского языка ЧГУ
Б.Р. Закраилова,
старший преподаватель кафедры русского языка ЧГУ

M.U. Suleybanova,
Ph.D., professor of Russian language CSU
B.R. Sakrailova,
S. Lecturer of Russian Department of the Chechen State University

Образование новых лексических единиц путем редупликации без особых изменений структуры повторяющихся основ или с помощью некоторых изменений в их структуре является исключительно интересным словотворческим процессом, имеющим весьма щирокую географию распространения, охватывающую арсеналы не только кавказских языков, но и многих языков азиатского и европейского континентов. Продуктивным типом словообразования, «древнейшим, но живым явлением» воспринимается редупликация в исследованиях по кавказским языкам.

Ключевые слова: *редупликация, кавказские языки, тип словообразования, повторяющиеся основы.*

The formation of new lexical units by replication without any changes in the structure recurring basis or through some changes in their structure, NE-an exceptionally interesting slovotvorcheskim process with very schirokuyu geographical distribution, covering not only the arsenals of the Caucasian languages, but also the set-GIH Asian and European languages continents. Productive type of word, "an ancient but living phenomenon" is reduplication in studies of Caucasus languages.

Key words*: Reduplication, Caucasian languages, the type of word formation, a recurring basis*

С точки зрения структуры, в нахских языках встречаются следующие модели удвоения слов или компонентов слов:

1) удвоение в одинаковом звуковом составе (чистый повтор);

2) удвоение в деформированном звуковом составе (частичный, дивергентный повтор);

3) удвоение, происходящее лишь при наличии аффиксов (аффигированный повтор).

Рассмотрим структурные типы повторов по-отдельности [6, С. 37].

Чистый повтор.

Это самая многочисленная группа повторов, которая образуется повторением одной и той же корневой или производной морфемы (основы) без фонетических и морфологических изменений: *бус-буса* «по ночам», *жим-жим* «понемногу», *мил-мила* «абы кто», *ша-ша* «каждый сам, порознь, в отдельности», *т1аьхь-т1аьхьа* «в последнее время», *хаз-хаза* «самый красивый», *дик-дика* «лучший, самый лучший» и т.п.

Фактический материал нахских языков показывает, что чистые повторы образуют все знаменательные части речи, но с различной степенью продуктивности. Особенно активны в образовании таких повторов прилагательные, наречия, числительные, глаголы и глагольные формы, звуко- и образоподражательные слова. Сказанное можно отнести и к другим кавказским языкам.

Имена прилагательные:

хаз-хаза мехкарий «самые красивые девушки», *дик- дика к1ентий* «лучшие парни» и т.д.

Имена числительные:

итт-итт д1савийкъира «распределили по десять», *ялх-ялх* д1ах1оьттира «встали по шесть», *ворх1-ворх1* дийкъира « разделили по семь» и т.д.

Местоимения:

ша-ша вуьсу «каждый остается сам с собой», *ша – ша* гучуволу «каждый сам себя обнаруживает», *мил-мила*а ца оьшу «а бы кто не нужен»,

Наречия:

т1аьхь-т1аьхьа карладуьйлу «все чаще вспоминается», *жим-жима* д1анисло «по-немногу упорядочивается», *бус-буса* хеза «по ночам слышно», и т.д.

Глаголы и глагольные формы:

вилхина-вилхина «плакал-плакал», *1аш-1âш* «посидим-посидим», *лела-лелâш* «по исте-чении времени», *лехна-лехна* «поискав-поискав», *баьхна-баьхна* «говорил-говорил», *воьда-воьдуш* «идет-бредет» и т.д.

Подражательные слова.

к1ар-к1ар «трещетка на мельничном жернове», *т1ах-т1ах* «стук-стук» и др. И по внешнему облику, по структуре и по степени образности, экспрессивной насыщенности изобразительные слова (в научной литературе их называют еще итеративами, мимемами) неоднородны. Они образуются в результате подражания различным звукам природы, образам, движениям, представлениям. Заметно выделяются звукоподражания, которые копируют естественные звуки и служат целям дифференциации не только звуков, издаваемых различными предметами, но и силы звучания одного и того же предмета. Эту особенность изобразительных слов отмечает и Д.В. Бубрих: «Для изобразительных слов нет, например, просто битья, а есть бесчисленное количество всяких способов битья. Для них нет просто падения, а есть бесчисленное количество всяких способов падения. Для них нет просто ходьбы, а есть бесчисленное количество всяких способов хождения. И так далее» [51, С. 91].

К этой же категории слов следует отнести также призывные слова и слова-понукания: *хьац-хьац* «понукания корове», *цип-цип-цип* «слова для зова кур и цыплят», *цист-цист* «понукание кошке, чтобы она отошла», *пис-пис* «понукание кошке, чтобы она подошла».

Следует также отметить, что нередко подражательные слова встречаются в утроенной, учетверенной форме, служащей целям усиления экспрессии.

Дивергентный повтор.

Это повторные образования с фонетическими изменениями компонентов. Различаются следующие три разновидности данного типа повтора:

Повторение с добавлением (если слово начинается с гласного) или заменой начального согласного.

Эти образования получили название «рифмованных» или «трансформированных» повторов. Особенностью данной разновидности дивергентного повтора является то, что второй компонент в силу фонетического изменения служит своеобразной рифмой к первому компоненту, являясь как бы его отзвуком, «словом-эхом».

Приведем примеры *имен существительных:*

шай-кай «деньги», сал-пал «домашний скарб», суом-куом «деньги», чуо-куо «требуха», куоч-муоч «одежда», хеча-меча «брюки», ц1а-ц1е «дом и имя», дов-шов «ссора, ругань» и др.

Согласные, при помощи которых образуются рифмованные повторы, неодинаковы и в количественном, и в качественном отношении. На различную частоту их употребления указывается в работе А. Кайдарова [4, С. 63]. Эти дополнительные согласные называются исследователями «вставочными согласными». К таковым в нахских языках, как видно из примеров, относятся *м, п, к, с, ш, х, ч.* Практически (особенно в устно-разговорной речи) такое формообразование употребляется бесконечно, практически (в письменно литературной речи) оно ограничено следующими обстоятельствами.

Во-первых, слова (главным образом, именные) во многих случаях входят в состав других типов парных слов. Такого рода парные слова с не меньшим успехом выполняют стилистические функции «трансформированных» повторов.

Во-вторых, трансформированные повторы играют активную экспрессивно-стилис-тическую роль и образованы от значимых слов, восприимчивых к разного рода метафо-рическим значениям и стилистическим функциям. Кроме того, нельзя забывать, что в языке имеются многочисленные способы передачи стилистических функций и других экспрессивных оттенков слов, словосочетаний. Поэтому трансформированные повторы имеют относительно ограниченную сферу употребления.

Определенную семантическую роль ритмического отзвука, видоизменяющего общее значение сочетания, игнорировать не следует. Эти изменения направлены либо в сторону усиления значения, либо конкретизации, сужения многозначности слова, приобретения им значения неопределенной

множественности.

Иногда это значение коллективной и неопределенной множественности принимает особую эмоциональную окраску, т.е. понятие неопределенности, чего-то чуждого вызывает у говорящего пренебрежительное отношение к понятию или предмету: *сал-пал «домашний скарб», суом-куом «деньги».*

Повторение с чередованием начального согласного в корне слова (деформированный повтор).

Лексической базой для образования таких повторов в основном служат *имена существительные: суом-куом «деньги в небольшом количестве», куоч-муоч «одежда», шай-кай «в значении денег» и т.д*.

Исходя из фонетических признаков, ученые выявили определенные закономерности, способствующие ритмической симметрии парно-повторных образований на материале разных языков [6, с.202]. В качестве наиболее существенных эвфонических факторов отмечаются рифма и аллитерация. Причем, Н.К. Дмитриев отмечает, что аллитерация обычно связана с такими типами словосочетаний, в которых оба элемента являются значащими словами. Наоборот, рифма скорее встречается там, где второй компонент не имеет самостоятельного значения и является только фонетическим склоком с первого [3, С. 74]. Эвфония (благозвучие) компонентов бывает различной в различных языках.

Определенные закономерности для отдельных языков или групп близкородственных языков усматривает в этом интересном явлении и К.Е. Майтинская. В частности, она отмечает, что в венгерском языке «звуковой состав компонентов подобных повторов противопоставляется по типу «гласный переднего ряда – гласный заднего ряда», либо по типу «неогубленный гласный огубленный гласный» [5, С. 128],

Этот тип повтора широко представлен и в татарском языке: *кыз-мыз* «девчонки», *имеш-мпмеш* «слухи», *тиле-миле* «дураковатый», *малай-салай* «мальчищки», *ис-кос* «всякие запахи», *алдау-йолдау* «уловки, хитрости», *чупрек-чаирак* «тряпье», *чыбык-чабак* «хворост», *тамыр-томыр* «всякие корни», *чокыр-чакыр* «овраги» и т.д.

Частичный (усеченный) повтор.

Он образуется путем неполного повторения слова, обычно в объеме начального слога при помощи замыкающих согласных я (в большинстве случаев) и редко *м, н: симёс* «зеленый» – *сии-симёс* «зеленый-презеленый», *сивё* «холодный» – *сип-сивё* «совершенно холодный», *тёттём* «темно» – *тёи-тёттём* «совершенно темно», *ешёл* «зеленый» - *ем-ешёл* «зеленый-презеленый», *кавак* «синий» – *каи-кавак* «синий-пресиний». Исследователи полагают, что первоначально замыкающий звук трехфонемной частичной редупликации при любых звуковых сочетаниях в слове *был* представлен губно-губным смычным *п.* По сей день в киргизском, кумыкском, ногайском языках в качестве замыкающего звука употребляется только этот согласный. Башкирскому, каракалпакскому языкам известны замыкающие *п, м, с.* В турецком и азербайджанском языках количество замыкающих достигает четырех - *п, с, м,* р.

Усеченный повтор исторически представляет собой результат изменений корневого повтора, сущность которого состоит в повторении корня слова. Об этом свидетельствуют некоторые примеры, которые как бы иллюстрируют переходный этап от корневого повтора к усеченному: *хаза «красивый»-хаз-хаза* «красивый» – «красивый-прекрасивый», *екъа* «сухой» - *екъ-екъа* «совершенно сухой».

Нельзя не отметить некоторые другие интересные моменты при частичной редупликации.

Наблюдения показывают, что усечению подвергаются почти всегда качественные прилагательные, состоящие из двух слогов. Повтор односложных и трехсложных слов встречается крайне редко.

Аффигированный повтор.

Особенностью этого типа повтора является то, что удвоенная основа в них подвергается морфологическому изменению, т.е. к корневым и производным основам прибавляются различные аффиксы или другие грамматические форманты. Выбор того или иного аффикса зависит от конкретного типа конструкции. Возможны три случая:

1) аффикс присоединяется к повтору, удвоенному образованию;

2) удвоению подвергается образование, содержащее аффикс;

3) удвоение и аффиксация происходят одновременно.

Но применительно к синхронному анализу языка о порядке следования этих процессов во времени можно говорить лишь условно. Разновидности аффигированной редупликации выделены нами по формальному признаку:

Повторы, у которых морфологически оформлен второй компонент.

Эти образования можно разделить на следуюшие разновидности:

а) повторы с редупликатором в форме косвенных падежей: *ког-ког+ах «нога об ногу», куьг-*

куьг+ах «рука об руку», ах-эх+ана «половина на половину», ша- ше+на «сам себе», хан-хене «со временем» и др

б) повторы с редупликатором, оформленным с усилительной частицей *-уох(- ах}. Дик-дикуох «самый лучший», ц1ен-ц1енуох «самый чистый», хаз-хазуох «самый красивый», и т.д*

Как мы заметили, основа слова при этом может быть выражена существительным или прилагательным.

Определенный процент имен существительных образован в результате дивергентного удвоения: *суом-куом «деньги», куоч-муоч «одежда», и др.*

В этих повторах носителем лексического значения является первый компонент, а второй выступает в роли деривационной морфемы. «Если судить по известным нам материалам, – отмечает исследователь повторов в языках Юго-Восточной Азии Н.Ф. Алиева, – дивергентное удвоение нигде не грамматикализировалось в сколько-нибудь значительной степени (т.е. оно не используется для образования грамматических форм слова). Оно служит обычно для образования новых слов» [1, С. 19]. Редупликаторы (т.е. вторые компоненты) в дивергентных повторах функционально близки к деривационным морфемам, а сами повторы – к производным словам, обладающим, однако, специфическими особенностями по сравнению с аффиксальными словами: 1) каждый редупликатор «привязан» лищь к одному редупликанту; 2) повтор строится не произвольно, а в соответствии с определенными фонетическими закономерностями. В то же время можно утверждать, что между повтором и редупликантом существуют отношения деривации: а) четкое морфологическое членение повтора на корневую морфему и дополнительный элемент; б) семантическая соотнесенность повтора и редупликанта.

Образование нового значения знаменуется обычно сужением семантических границ основного слова, потерей полисемантичности [7, С.142].

Некоторыми исследователями этот тип словообразования квалифицируется как «фо-нетико-синтаксический».

Литература:

1. Алиева Н.Ф. Слова-повторы и их проблематика в языках Юго-Восточной Азии. М., Наука, 1980. С. 3–23.
2. Д.В. Бубрих Бубрих Д.В. К проблеме изобразительной речи. // Ученые записки Карело-Финского ун-та. 1949. Т. 3. Вып. 1. С. 85–94.
3. Н.К. Дмитриев Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 276 с.
4. А. Кайдаров Кайдаров А.Т. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, Изд-во АН Каз. ССР, 1958. 168 с.
5. К. Е. Майтинская Майтинская К. Е. Структурные типы удвоений (повторений) в финно-угорских языках. // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.-Л., 1964. С. 122–135.
6. Сулейбанова М.У. Способы образования композитов отглагольных гнезд. // Вестник Чеченского государственного университета. Грозный: изд-во ЧГУ, 2013. Выпуск 2. 202 с.
7. Сулейбанова М.У Комбинированное основосложение в нахских языках (сложение в сочетании с аффиксацией).//Вестник Чеченского государственного университета. Грозный: изд-во ЧГУ, 2014. Выпуск 2. 142 с.

УДК 821(091)

КРИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И А.В. ДРУЖИНИНА

CRITICAL VIEWS OF N.G. CHERNYSHEVSKY AND A.V. DRUZHININ

Т.М. Уздеева,
доцент кафедры отечественной и мировой литературы ЧГУ

T.M. Uzdeyeva,
Associate Professor of Department of "National and World History " of CheSU

В статье рассматриваются основные высказывания и суждения Чернышевского относительно эстетических идеалов в искусстве. Обозначена полемика мыслителя и демократа, реалиста с критиком Дружининым – апологетом «чистого искусства». Борьба за критический реализм высвечена в статье на основании критических работ, статей двух оппозиционных деятелей.

***Ключевые слова**: чистое искусство, романтизм, гоголевское направление, реализм.*

The article discusses the main statements and opinions regarding Chernyshevsky aesthetic ideals in art. Polemic philosopher and democrat, a realist critic Druzhinin is designated as apologist "pure art". The struggle for critical realism highlighted in the article on the basis of critical works,

articles of two opposition figures.
***Key words**: pure art, romanticism, Gogol's direction, realism.*

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) был одним из самых ярких и выдающихся деятелей России эпохи крестьянской реформы. Он целиком посвятил себя разрешению вопросов освобождения крестьян от крепостного рабства, обустройства страны в настоящем и будущем и просветительству. В его руках для осуществления этих целей были исключительно перо и бумага, а родом деятельности – публицистика и литература. На этом поле борьбы он возглавил демократически настроенную интеллигенцию, превратил ее печатный орган «Современник» в один из самых читаемых журналов по «крестьянскому вопросу», был открыт для союза с либерально настроенными славянофилами и западниками, полагая при этом, что дело освобождения крестьян – есть дело всех образованных людей страны.

Арест Чернышевского 7 июля 1862 г. явился для общественности «громом с ясного неба». По свидетельству либерального профессора и цензора А.В. Никитенко, мнение о невиновности Чернышевского в петербургском обществе было всеобщим. «Как было судить его, – записал он в дневнике 25 мая 1864 г., – когда не было никаких юридических доказательств? Так говорят почти все, даже не красные» [5:112]. Долгие месяцы сенаторы, которым Александр II поручил решить судьбу Чернышевского, не находили улик для его осуждения и, наконец, при содействии III отделения пошли на прямой подлог и 5 февраля 1864 г. вынесли приговор к каторжным работам в Сибири на 14 лет (царь сократил срок вдвое) и вечное поселение там по отбытии срока наказания; 4 мая его ознакомили с приговором; 19 мая на Мытнинской площади над ним совершили обряд «гражданской казни», а на следующий день в сопровождении жандармов отправили в Сибирь. Так Чернышевский ушел в историю, в свое бессмертие.

Первые же выступления Чернышевского, молодого и еще неизвестного литератора, появившиеся в журнале «Современник» в 1854 году, вызвали тревожную реакцию в среде либерально настроенных литературных деятелей той поры. Незначительный писатель того времени Елисей Колбасин писал в своих воспоминаниях: «Многие из крупнейших сотрудников «Современника» долго не знали, кто помещает в журнале критические и библиографические статьи. Когда к Некрасову приставали за объяснениями Тургенев, Боткин, Григорович и другие, Некрасов обыкновенно как-нибудь уклонялся от прямого ответа, и имя нового сотрудника оставалось неизвестным. Один раз Боткин настойчиво стал допрашивать поэта и сказал: «Признайся, Некрасов, ты, говорят, выкопал своего критика из семинарии?» – «Выкопал, – отвечал Некрасов, – это мое дело» [3:119].

Помещенный в «Современнике» разбор повестей Авдеева, печатавшихся ранее в том же журнале, произвел целую бурю в литературных кругах, и, в первую очередь, среди сотрудников самого «Современника». Многие были задеты, другие заинтересованы, все расспрашивали, кто этот отважный критик, осмелившийся так резко разгромить «самого» Авдеева, известного в свое время литератора и постоянного сотрудника «Современника». Чернышевский «разгромил» Авдеева за то, что его произведения «не приходятся по мерке нашего века, готового примириться скорее с недостатками формы, нежели с недостатками содержания, с отсутствием мысли», что в его романах и повестях нельзя найти ничего «хорошего, кроме того, что рассказаны они хорошо», что произведения г. Авдеева своим «субтильным изяществом напоминают произведения модного искусства». В этом разборе мы находим и глубокую критику «розового» изображения русской действительности, которому следовали в своем творчестве многие бесталанные писатели того времени. Чернышевский показывает здесь не только лживость подобного «охранительного» сентиментализма, но и его социальную суть. Он останавливается на «грациозной идиллии» Авдеева «Ясные дни», умилительно живописующей голубиную жизнь семейства патриархальных русских помещиков. «Это действительно светлая, радужная идиллия, вполне оправдывающая свое заглавие, – пишет Чернышевский. – ...Все в ней освещено розовым колоритом, все должно действовать на вас отрадно, примирительно, освежительно, оживительно...» [6:183].

В следующей критической работе – «Три поры жизни», помещенной в пятом номере «Современника», Чернышевский воздает должное другому писателю того же склада – Евгении Тур. «...В «Трех порах» нет ни мысли, ни правдоподобия в характерах, ни вероятности в ходе событий; есть только страшная аффектация, натянутость и экзальтация, представляющая все в «каком-то фантастическом сиянии» и как раз навыворот против того, что бывает на белом свете. Над всем этим владычествует неизмеримая пустота содержания» – таков убийственный для Тур итог разбора ее романа Чернышевским. Подобные суждения настолько, очевидно, противоречили направлению «Современника» эпохи «мрачного семилетия», отделившей время Белинского от времени Чернышевского, что либеральные «Отечественные записки» в следующем же номере обвинили «Современник» в «непоследо-

вательности» его критических суждений. Непоследовательность – по отношению к кому? [4:82]

Смерть Белинского совпала как раз с началом того периода (1848–1855) русской истории, который получил название «мрачного семилетия», – времени жесточайшей реакции, цензурного террора, гонений за малейшую попытку свободолюбивой мысли. Именно в 50-е годы явственно наметилось будущее размежевание либеральной и демократической тенденций в русской общественной мысли, хотя либерально настроенные западники прочно входили в круг Белинского и Герцена и причисляли себя к борцам с крепостничеством. Правда, сам Белинский, равно как и Герцен, спорил с ними и называл их «друзьями-врагами» (письмо к Боткину от 4–8 ноября 1847 года). И, тем не менее, либеральные «друзья-враги» Белинского и Герцена в пору сороковых годов клялись в любви и дружбе Искандеру и Неистовому Виссариону, признавая их лидерство.

Ревизия заветов Белинского на страницах «Современника» началась сразу же после смерти великого критика-демократа. Ее повел в первую очередь популярный в ту пору литератор А.В. Дружинин, автор повести «Полинька Сакс», поддержанной в 40-х годах Белинским. Дружинин и сменил Белинского на посту главного критика «Современника». В своих «Письмах иногороднего подписчика» (рубрика, под которой он вел литературную критику в «Современнике») Дружинин сначала тонко и искусно, потом все более откровенно начал оспаривать идеи Белинского.

Литература, в понимании Дружинина, – источник наслаждения для избранных, «одаренных артистическим тактом, любовью к науке и искусствам». «Они не требуют многого ни от науки, ни от жизни, легко и безропотно мирятся с действительностью... не склонны ни к сатире, ни к мизантропии». Для Дружинина нет объективной действительности, а есть только «артистическая» действительность, которая относительна и субъективна, то есть целиком создается художником. А поэтому каждый художник волен воплощать в произведении искусства ту действительность, которая живет в его душе. Тонкость же тут в том, что не всякая действительность может являться «артистической» действительностью. Действительность подлинного искусства, на взгляд Дружинина, лишь «прелестный спокойный артистический мир», проявление в конкретных, художественных образах вечной идеи прекрасного.

Уже первые литературно-критические выступления Чернышевского на страницах «Современника» были направлены не просто против тех или иных слабых писателей и неудачных произведений, но против принципиальных основ той литературно-эстетической программы, которая в течение ряда лет утверждалась Дружининым.

Главной причиной бессилия современной критики Чернышевский считает то, что «она стала слишком уступчива, неразборчива, малотребовательна», удовлетворяется такими произведениями, которые, по мысли Чернышевского, решительно жалки, восхищается такими произведениями, которые едва сносны. «Г.А. начинает писать плохие, лживые фарсы; ...критика находит лживые фарсы замечательными, высокими, правдивыми драмами; г. Б. начинает писать из рук вон плохие стихи; ...критика находит стихи пластичными, художественно прекрасными» [1:96]. Чернышевский указывает на прямую зависимость пустой, убогой, «фешенебельной» литературы от ничтожной, мелочной «художественной» критики 50-х годов. Именно «из-за ослабления критики» опять, как во времена Марлинского и Полевого, «появляются на свет, читаются большинством, одобряются и ободряются многими литературными судьями произведения, состоящие из набора риторических фраз, порожденные «пленной мысли раздраженьем», ненатуральною экзальтацией отличающиеся прежней приторностью, только с новым еще качеством – шаликовскою грациозностью, миловидностью, нежностью, мадригальностью; появляются даже какие-то новые «Марьины рощи» с усладами; и эта риторика, ожившая в худшем виде, опять угрожает наводнить литературу, вредно подействовать на вкус большинства публики, заставить большинство писателей опять забыть о содержании, о здоровом взгляде на жизнь, как существенных достоинствах литературного произведения» [2:312].

Вот почему Чернышевский борется не только против пустой, сентиментальной риторики в литературе, но и против «уклончивых и позолоченных фраз», против тонкой и пустой критики на манер «французского фельетона». «Критика, достойная своего имени, пишется не для того, чтобы господин критик щеголял своим остроумием, – говорит Чернышевский, – не для того, чтобы доставить критику славу водевильного куплетиста, веселящего публику своими каламбурцами... Она должна заняться делом более серьезным и достойным – преследованием пустых произведений и, сколько возможно, обличением внутренней ничтожности и разладицы произведений с ложным содержанием» [7:236].

В статье «Об искренности в критике» Чернышевский показывает и то, что он понимает под «внутренней ничтожностью» «пустых произведений». «Пустое» произведение – то, в котором нет содержания, нет «мысли». Под «пустыми» произведениями в искусстве Чернышевский понимает,

прежде всего, произведения, далекие от жизни, – даже если они и «художественно-прекрасные» по форме.

В работе «О поэзии. Сочинение Аристотеля» Чернышевский, имея в виду, прежде всего, Дружинина, выступает против теории «искусства для искусства». Чернышевский говорит здесь, что лозунг «искусство для искусства» может быть в какой-то мере оправдан лишь тогда, «когда надобно... доказывать, что поэт не должен писать великолепных од, не должен искажать действительности в угоду различным произвольным и приторным сентенциям», то есть когда перо поэта поставлено на службу официальной лжи. «Не с ученой или артистической, а с общественной и нравственной точки» надо смотреть на искусство и науку, говорит Чернышевский.

Мысль о гражданском, нравственном предназначении литературы и искусства была нервом критики Чернышевского и вместе с тем – знаменем времени надвигающихся 1860-х годов.

Литература

1. Анненков П. Критические опыты. М., 1979.
2. Берковский Н. Статьи о литературе. М.-Л., 1962.
3. Критика и литература. Л., 1977.
4. Мир Филологии. М., 2000.
5. Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. М., 1955.
6. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. 1. Саратов, 1959.
7. Чернышевский Н.Г. ПСС. М., 1939–1953. Т. 7.

УДК 81’322

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД И ЭЛЕКТРОННЫЕ СЛОВАРИ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

MACHINE TRANSLATION AND ELECTRONIC DICTIONARIES AS FACILITIES FORMATION TRANSLATION COMPETENCE OF NON-LANGUAGE HIGH SCHOOLS STUDENTS

Р.Ш. Абдуллахитов,
ассистент кафедры иностранных языков ЧГУ

R.Sh. Abdullahitov,
Assistant of the Department of Foreign Languages of the ChSU

В последнее время часто можно услышать, что использование систем машинного перевода и электронных словарей при обучении переводу или на занятиях иностранного языка не дает положительного результата. Это действительно так, если выполнять перевод стихийно. В статье дается алгоритм, при следовании которому можно получить качественный перевод, а многократное выполнение перевода по алгоритму способствует формированию переводческой компетенции.
Ключевые слова: *компетенция, машинный перевод, электронный словарь, Интернет, субкомпетенция, продуктивность.*

Recently, you canoftenhearthat the useof machine translation systemsandelectronic dictionariesin a language teachingortranslatinga foreign languagein the classroomdoes not givea positiveresult, and it is true, if you do thetranslationspontaneously.The article presentsan algorithm, by followingwhich you canget high quality translation, and multiple executionof translation using algorithmpromotes the formation oftranslationcompetence.
Key words*: competence, machine translation, electronic dictionary, the Internet, subcompetence, productivity.*

Преимущество внедрения Интернет-технологий в процесс обучения иностранному языку в настоящий момент уже не вызывает сомнений и не требует дополнительных доказательств. За последнее десятилетие было написано немало работ, в которых исследователи раскрывали позитивное влияние различных форм синхронной и асинхронной Интернет-коммуникации – электронной почты, чата, форумов, веб-конференций и т.п. – на формирование иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся. Непосредственно ресурсы сети Интернет являются бесценной и необъятной базой для создания информационно-предметной среды, образования и самообразования людей, удовлетворения их профессиональных и личных интересов и потребностей [1].

Машинный перевод и использование в переводах электронных словарей являются неотъемле-

мой частью работы с иноязычными текстами в любых областях научного знания. Невозможно представить себе переработку огромного объёма информации в переводческой работе с различными языковыми парами без помощи этих наиважнейших средств донесения смысла переводимого независимо от языка-носителя. Машинный перевод является переводом, сделанным компьютером без человеческого участия. Впервые появившись в пятидесятых годах прошлого столетия, он стал широко применяться под грифом «автоматического» или «автоматизированного» точного перевода больших текстовых частей. Рассмотрим подробнее, как осуществляется данный вид перевода.

Известно, что существуют два типа машинных переводческих систем:

1. Системы, основанные на правилах, использующие сочетание грамматических правил языка со специализированными словарями для перевода текстов различной тематики с целью более точной передачи перевода смысла специфической терминологии.

2. Статистические системы, не основывающиеся на знании языковых правил, а осуществляющие перевод на основании анализа обширной базы данных при работе с различными языковыми парами. Статистические системы разрабатываются для определённых отраслей производства и направлений в науке, используя дополнительные базы данных. Обычно такие системы дают более свободный, не столь детально сделанный перевод по сравнению с системами, основанными на правилах языка.

При использовании машинных переводческих систем объёмы текстов автоматически переводятся для пользователя, который в дальнейшем может принять их без поправок или изменить самостоятельно для более точной передачи информации [2]. При существующем разнообразии компьютерных систем перевода возникает вопрос о выборе именно той системы, которая поможет сделать перевод наиболее качественно. Пользователь может исходить из таких критериев выбора как:

1. Доступность системы в сети Интернет.
2. Разнообразие опций, предоставляемых переводческой системой.
3. Продуктивность работы над переводом.
4. Соответствие тематике материала.
5. Образность языка.

В наибольшей степени данным критериям соответствуют две отечественные программы машинного перевода – PROMT 2000 Translation Office и «Сократ Персональный 4.0», обеспечивающие перевод с основных европейских языков на русский и обратно и позволяющие редактировать перевод и работать со словарями всех языковых направлений [3]. Практически все словари, существующие в печатном виде, имеют электронный аналог, позволяющий системам МП включать их в процесс компьютерного перевода. Роль электронных словарей сводится к созданию синонимических и антонимических рядов, дающих возможность выбора значения слов в текстах тематической направленности, соответствующих замыслу автора первоисточника. Современные информационные технологии позволяют объединить словари разной тематики и выбрать значение слова исходя из контекста материала (научного, технического, художественного, разговорного и т.д.). Приведём пример, иллюстрирующий такую возможность. Английское слово *line* имеет множество значений, некоторые из которых представлены в таблице 1.

Таблица 1

Варианты перевода слова *line*

№	специфика	значение	пример на английском	перевод примера
1	техническая	силовая линия	… of the *force line* in the building …	… *силовой линии* в здании …
2	научная(воен.)	шеренга	… the first in the *battle line* …	… самым первым в *боевой шеренге* …
3	художественная (литер.)	строка	… one of the most *memorable lines* …	… одна из самых *запоминающихся строк …*
4	профессиональная	деятельность	… because his *line's*connected with *medicine* …	… потому что его *деятельность* связана с *медициной* …
5	разговорная	норма	… lived in conditions *below the line*…	… жил в условиях *ниже нормы* …

Пользование электронными словарями сокращает время выбора наиболее точного значения слова или выражения. В то время как машинный перевод может включать только один наиболее употребительный, однако, не всегда соответствующий данному контексту вариант перевода, электронный словарь ABBYYLingvo включает в себя набор словарей разнообразной тематики и помогает использовать многозначность слов для качественного перевода [6].

Большинство студентов неязыковых вузов сталкиваются с проблемами перевода материалов, опубликованных на иностранных языках, и поэтому вызывающих трудности при их переводе. Машинные переводчики и электронные словари помогают решить эту проблему, формируя развивающую рецептивную компетенцию понимания и продуктивную компетенцию формулирования, кото-

рые объединяются и образуют переводческую

Переводческая компетенция может быть дифференцирована по жанру (текстовая направленность) и по направлению (перевод с родного языка на иностранный и наоборот). Каждая из них может подразделяться на рецептивную (субкомпетенцию понимания) для исходного языка перевода и репродуктивную (субкомпетенцию воспроизведения) для языка перевода. Дополняя друг друга, обе субкомпетенции помогают друг другу в процессе перевода и образуют основу компетенции передачи сложных в содержательном и стилистическом отношении текстов. Переводческая компетенция формируется на основе *осмысления*, *перестройки*, *воссоздания* и *высказывания*. При переводе очень важно хорошо владеть репродуктивным языком и хотя бы основами рецептивного языка [4].

Мы провели исследование, целью которого было получение конкретного ответа на вопрос о том, каким образом совершенствовать навыки перевода с английского языка на русский и наоборот, используя такие средства как машинный перевод и электронные словари. Мы взяли за основу текст об истории мащиностроения и перевели его с помощью машинного переводчика PROMT 2000 и сделали анализ перевода с точки зрения *осмысления, перестройки, воссоздания и высказывания.*

Mechanical engineering

Mechanical engineering is the discipline that applies the principles of engineering, physics, and materials science for the design, analysis, manufacturing, and maintenance of mechanical systems. It is the branch of engineering that involves the design, production, and operation of machinery. It is one of the oldest and broadest of the engineering disciplines.

The engineering field requires an understanding of core concepts including mechanics, kinematics, thermodynamics, materials science, structuralanalysis, andelectricity.

Машиностроение

Машиностроение – дисциплина, которая применяет принципы разработки, физики и материаловедения для дизайна, анализа, производства и обслуживания механических систем. Это - отрасль разработки, которая включает дизайн, производство и эксплуатацию оборудования. Это - один из самых старых и самая широкая из технических дисциплин.

Техническая область требует понимания основных понятий включая механику, синематику, термодинамику, материаловедение, структурный анализ и электричество.

Получив машинный перевод, мы рассмотрели его сначала с точки зрения *осмысления*. В результате нашлись некоторые несоответствия английских понятий их русским эквивалентам. Примеры приведены в таблице 2.

Таблица 2

английский	русский
mechanical engineering (2 слова)	машиностроение (1 слово)
is (сказуемое)	- (нет сказуемого)
the broadest (самых широких)	самая широкая
of (род. падеж)	-
including (включающие)	включая
materials science (2 слова)	материаловедение (1 слово)

Путём *осмысления* мы сделали анализ предложений на перевод, существующих в английском и русском вариантах текстового материала. При переводе с английского языка на русский и наоборот возникает вопрос алгоритма для наиболее точной передачи смысла исходного материала и построения предложений репродуктивного языка. Первым этапом этого процесса является просмотр фразы для перевода. Затем, опираясь на собственные знания основных языковых категорий, мы пытаемся понять смысл данной фразы. Мы не можем сделать мгновенный перевод, так как правила грамматики, построения предложений, употребления форм глаголов могут иметь сходство, но практически никогда не совпадают в языках, относящихся к различным языковым группам. Приведём пример переводческой цепочки для пары АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК – РУССКИЙ ЯЗЫК.

TECHNOLOGICAL PROGRESS HAS LONG BEEN CONSIDERED A PROCESS OF MANY CHANGES BY NOW – рецептивный язык – ***Технологический прогресс имеет длинныйбыл рассматривал процесс много изменений сейчас*** (звено осознание) –***Технологический прогресс – долгое время – считают – процессом – многих изменений – на сегодняшний день*** (звено перестройка) – ***На сегодняшний день технологический прогресс долгое время считают процессом многих изменений*** (звено высказывание) – ***Bynow, technologicalprogresshasbeenconsidered a processofmanychangesforalongtime*** (звено воссоздание) – ***FOR ALONG TIME BY NOW THE TECHNOLOGICAL PROGRESS HAS BEEN CONSIDERED A PROCESS OF MANY CHANGES*** – репродуктивный язык.

Время, затраченное на перевод части текста о технологическом прогрессе с использованием

обычного Англо-Русского словаря, составило примерно три часа. Машинный перевод сэкономил нам два часа и пятьдесят семь минут.

Переводческие компетенции формируются как при использовании обычных словарей, так и при машинном переводе. В обоих случаях требуется развитие навыков *осмысления, перестройки, высказывания и воссоздания*. Навыки перестройки и высказывания можно считать самыми важными, поскольку никакой машинный перевод с использованием электронных словарей не в состоянии полностью заменить правильную передачу мысли человеком. Повседневная переводческая практика – лучший способ приобретения компетенций, которые всегда остаются нашими помощниками в любой профессиональной деятельности.

Литература:

1. Абдуллахитов Р. Ш. Попова Н.В. Машинный перевод как современный лингводидактический ресурс для формирования переводческой компетенции обучающихся. Вестник Чеченского государственного университета. Грозный: Изд-во Чеченского государственного университета, 2013. С. 351–358.
2. Машинные переводы [SDLLANGUAGETECHNOLOGIES], -www.translationzone.com – статья в интернете.
3. Машинные переводчики [КОМПЬЮТЕР ПРЕСС], -www.compress.ru – статья в интернете.
4. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь, 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
5. Переводческие компетенции [АКАДЕМИК], - www.academic.ru – статья в интернете.
6. .Электронные словари[ABBYYLingvo], - www.lingvo-online.ru – статья в интернете

УДК 112.22

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ КАК СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МОДАЛЬНОГО ГЛАГОЛА «MÜSSEN»

ASSUMPTION (SUPPOSITION) AS SEMANTIC AND PRAGMATIC MEANING OF MODAL VERB «MÜSSEN»

П.Х. Альмурзаева,
к.ф.н., доцент кафедры немецкого языка ЧГУ

P.H. Almurzaeva,
Candidate of Philology, Associate Professor of German of the Chechen State University

Изучение семантики модальных глаголов позволяет нам выявить множество их дополнительных значений, позволяющих открыть новые возможности при передаче тех или иных модальных значений.
***Ключевые слова**: предположение, модальность, модальные глаголы*

Studying of modal verbs semantics reveals us their additional meanings which help to discover new opportunities for conveying different meanings of modal verbs.
***Key words*: supposition, modality, modal verbs.**

Языки постоянно развиваются и "в каждом из них обязательно имеются элементы, которые могут измениться в пределах даже одного поколения" [3]. Человек применяет языковые навыки к каждой конкретной жизненной ситуации. В связи с постоянно изменяющимися потребностями возникают новые навыки и привычки, другими словами, новые грамматические формы и новые правила их употребления. Это в полной мере можно отнести и к модальным значениям.

Исторические изменения форм выражения модальных значений, как показывают исследования, имеют непосредственную взаимосвязь с человеческим сознанием.

Положение о языке как о действительном сознании дает возможность полагать, что в языковой системе реальная действительность отражается в таких формах, которые соотносятся как с логическим, так и с чувственным познанием мира. Таким образом, и оценка, и эмоции, и воля, и чувства находят закономерное выражение в языковой системе как осознанные факты эмоциональных переживаний, оценок и т.п.

По мере развития человеческого сознания усложнялись потребности человеческого общения. Имеющиеся в языке формы имели незначительные возможности вариативности. Возникла необходимость дифференциации модальных значений, которая, должна была расширить ресурсы языка и привести к появлению новых форм, которые более точно и тонко передавали бы различные оттенки личного мнения. Поэтому Е.В. Милосердова считает появление на фоне старых наклонений новых конструкций с модальными глаголами прагматически обусловленным, отмечая, что "новые языковые формы, гораздо больше соответствуют возрастающим потребностям в выражении дифференцирован-

ных модальных значений" [5].

По мысли Е.В. Милосердовой, "развитие категории модальности как части языковой системы определяется формами трудовой и познавательной деятельности человека, развитием социального бытия и форм социально-психологического общения индивидуумов" [5].

Известно, что модальные глаголы образуют в современном немецком языке особую группу, которая традиционно относится к претерито-презентным глаголам. При развитии парадигмы модальных глаголов в них отразились и закрепились закономерности более ранних ступеней исторического развития.

Г. Хельбиг указывает на возможность употребления модальных глаголов в качестве полнозначных (*Ich kann vieles*) [7].

Следует отметить, что Е.А. Крашенинникова широко исследует значение модальных глаголов. По утверждению Е.А. Крашенинниковой, "в своем основном лексическом значении модальные глаголы еще не служат способами передачи модальных отношений. Чтобы передавать модальность, глаголы должны утратить свое лексическое значение и подвергнуться переосмыслению" [4].

Большинство лингвистов, занимающихся исследованием модальных глаголов, в качестве одной из их главных особенностей отмечают то, что их семантическая структура в современном немецком языке является настолько разветвленной, что иногда трудно установить связь между отдельными значениями одного глагола. Отражением этого может служить тот факт, что даже в различных словарях мы встречаем от 2 до 8 значений каждого глагола. Например, в толковом словаре Duden мы находим 6 значений глагола dürfen: 1. die Erlaubnis haben, berechtigt, autorisiert sein, etw. zu tun; 2. drückt einen Wunsch, eine Bitte, eine Aufforderung aus (oft verneint); 3. die moralische Berechtigung, das Recht haben, etw. zu tun (verneint); 4. Veranlassung zu etw. haben, geben; 5. nur im 2. Konj. + Inf – es ist wahrscheinlich, daß...; 6. veraltend: brauchen (Duden, 1996: 382). В то же время, толковый словарь Wahrig дает всего 3 значения этого глагола, а именно: 1. das Recht, die Erlaubnis; 2. Grund haben, etw. zu tun, können; 3. veraltend: brauchen [8]. Аналогичное наблюдаем и с другими модальными глаголами.

Каждый модальный глагол кроме своего основного значения имеет целый ряд дополнительных значений, под которыми мы понимаем имплицитные (скрытые) категории, а также прагматические категории, проявляющиеся в дискурсе.

Немецкие модальные глаголы по-разному проявляют свои прагматические способности в различных функциональных стилях.

Конструкция с модальным глаголом *müssen* в функциональном стиле художественной литературы представлена множеством прагматических значений.

В данной статье мы рассмотрим, одно из наиболее часто встречающихся прагматических значений глагола *müssen* в функциональном стиле художественной литературы – значение предположения.

Предположение – одно из самых распространенных модальных отношений, которое выражается с помощью языковых средств и представляет собой совершенно особый вид модального значения. Когда говорящий осведомлен недостаточно о каком-либо факте, то он сообщает о нем как о чем-то более или менее вероятном.

Основным лексико-грамматическим средством выражения предположения в современном немецком языке являются модальные глаголы. Передавая тончайшие оттенки вероятности и сомнения, модальные глаголы употребляются, как правило, с инфинитивом I или инфинитивом II, которые отличаются своим временным значением (инфинитив I – настоящее время, инфинитив II – прошедшее время), а форма с инфинитивом II характеризуется также законченностью действия, которая у инфинитива отсутствует.

Первичное значение глагола müssen – быть вынужденным, должным в силу внутреннего убеждения, сознания долга, моральной обязанности, необходимости. В функциональном стиле художественной литературы глагол müssen наиболее часто встречается именно в этом значении. Примеры:

1. *Er fährt fort: «Wir müssen ihn gleich wegbringen, wir brauchen das Bett. Draußen liegen sie schon auf dem Flur.» Ich nehme die Sachen und knöpfe Kemmerich die Erkennungsmarke ab.*
1. *Он продолжает:*
2. *– Видимо, его придется сразу же унести, нам койка нужна. Там уже в тамбуре лежат. Я забираю вещи и снимаю с Кеммериха [Э. Ремарк «На западном фронте без перемен»] опознавательный знак.*
2. *Der arme Narr, da muss er nun gleich mit dem Ranzen in die Schule traben!*
3. *Пауля называют бедным глупцом, потому что он должен бежать рысью с ранцем в школу.*
3. *Aber wir sind gleich da. Ein kleines Stückchen müssen wir noch zu Fuß gehen.*

4. В этом примере выражена необходимость пройти еще немного пешком.

5. Глагол *müssen* в значении предположения выражает наивысшую степень уверенности, подтверждается тем, что за предположением следует разъяснение, почему говорящий так думает, например:

6. Er muss schon zu Hause sein. In seinem Fenster brennt Licht.

7. Конечно же, он дома. В его окне горит свет.

8. В данном значении глагол *müssen,* грамматизируясь, относится не к сказуемому, а ко всему предложению и выражает предположение на основе знаний каких-то объективных признаков.

9. Глагол *müssen* в современном немецком языке употребляется часто, указывая на бесспорность того или иного факта. При этом глагол *müssen* выражает своеобразный оттенок предположения с наибольшей степенью уверенности.

Значение предположения часто выступает на фоне прошедшего времени.

Примеры:

1. Dass die Ankömmlinge nicht zu den zunftberechtigten Gästen des Hauses gehörten, musste mir freilich klar sein; aber es pflegten dort – was mir jetzt, wenn ich es bedenke, mit der Reputation des wohlehrsamen Handwerks sich keineswegs reimen will – auch andere, mir viel angenehmere Leute einzukehren.

То, что приезжие не принадлежали к правомочным гостям дома, должно было быть ясно Паулю, вероятно… .

2. Fritz Mengers begrüßte den Wirt des Lokals, in das sie eintraten, mit Handschlag; er musste ihn also gut kennen.

Фритц Менгерс приветствовал рукопожатием хозяина кафе, в которую они вошли, возможно, он хорошо его знал.

Здесь выражено предположение, что Фритц Менгерс [В. Бредель «Отцы»] хорошо знаком с хозяином кафе, поскольку приветствует его рукопожатием, что возможно только между хорошо знакомыми людьми.

3. Es war acht. Jetzt musste Köster wieder zurück sein.

Роберт Локамп [Э. Ремарк «Три товарища»] предполагает, что Кестер уже вернулся.

4. Ich nickte ihm zu; was mussten das für nette Leute sein, diese Puppenspieler!

Пауль [Th. Storm «Pole Poppenspäler»], получив билет в первом ряду на кукольный театр от Лизы, предполагает, что возможно они должны быть приятными людьми.

5. *Ich muss über solchen Gedanken doch wohl eingeschlafen sein; denn ich weiß noch,*
wie mir allerlei wildes Zeug geträumt hat.

Наверное, я заснул с такими мыслями; так как я знаю, как мне всяческая диковина приснилась.

Предположение может быть выражено конструкцией с глаголом *müssen* не только в прошедшем, но и в настоящем времени. Примеры:

1. «Den Wurstl meinst?» sagte Lisei und schien sich eine Weile zu bedenken. «Nu, es ging scho; aber g'schwind mußt sein, eh denn der Vater wieder da ist!»

2. Neues Gelächter war die Antwort. «Kasperl soll singen!» – «Russisch! Schöne Minka, ich muss scheiden!» – «Hurra für Kasperl!»

3. Sie sind immer näher gekommen und müssen jetzt schon ganz vor seiner Tür sein.

Теоретическое обобщение научного материала, посвященного рассмотрению категории модальности, предположения и средств выражения предположения в современном немецком языке, а также практическое исследование, позволили нам отметить большое разнообразие. К основным средствам относятся модальные глаголы.

10. Выражая предположение, модальный глагол *müssen* несколько нейтрализует свое первичное значение долга, приближается к семантике глагола *können* и при переводе трансформируется в лексические единицы предположительного характера, типа: должно быть, вероятно, видимо, возможно.

Проанализировав вышеизложенный материал, можно говорить о том, что средства выражения предположения являются неотъемлемой частью немецкого языка, так как предположение является одним из наиболее часто испытываемых человеком состояний в его повседневной жизни.

Литература:

1. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построений. Л., 1973. 366 с.
2. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1983. 265с.
3. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. 404 с.
4. Крашенинникова Е.А. Модальные глаголы в немецком языке. М.: Госучпедгиз, 1954. 127 с.
5. Милосердова Е.В. Семантика и прагматика модальности. Воронеж, 1991. 196 с.

6. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für Ausländerunterricht. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1986. 737 S.
7. Helbig G. Probleme der deutschen Grammatik für Ausländer. Zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. Leipzig: Enzyklopädie, 1974. 146 S.
8. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Bertelsmann Lexikon Verlag. München, 1991. 1493 S.
9. Bredel W. Verwandte und Bekannte. Die Väter. Moskau: Verlag für Fremdsprachliche Literatur, 1950. 329 S.
10. Remarque E.M. Drei Kameraden. Moskau: Jupiter-Inter, 2005. 373 S.
11. Remarque E.M. Im Westen nichts Neues. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2014. 465 S.
12. Storm Th. Pole Poppenspäler. Deutshland: Husum Druck- und Verlagsgesellschaft, 2012. 57 S.

УДК -811.001 (351.42.чеч.)

УПОТРЕБЛЕНИЕ АББРЕВИАТУРЫ В КОМПЬЮТЕРНЫХ И СМЕЖНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ

ABBREVIATIONS USE IN COMPUTER AND RELATED TECHNOLOGY

А.С. Баудиева,
ассистент кафедры иностранных языков ЧГУ

A.S. Baudieva,
Assistant of the Department of Foreign Languages of the ChSU

В статье рассматривается актуальность употребления аббревиатуры в компьютерных технологиях, информатике, электронике и связи. Отмечается, что аббревиация остается одним из наиболее продуктивных способов словообразования.
***Ключевые слова**: аббревиатура, словообразование, компьютерные технологии, электроника, спутниковая связь, вычислительная сеть.*

This article deals with the usage of abbreviations in computer technologies, informatics, electronics and communication. It is noted that abbreviation is still one of the most productive ways of word formation.
***Key words**: abbreviation, word formation, computer technologies, electronics, satellite communication, computing system.*

На современном этапе развития мы находим десятки тысяч сокращений слов как в устной, так и письменной речи. Особенно широкое распространение сокращения получили в последние десятилетия. Совершенно справедливо считать, что XX в. является «веком аббревиатуры» в области развития языка.

Термин «аббревиация» понимается в лингвистике как способ компрессивного словообразования, включающий в себя различного рода сокращения, или формального сжатия таких исходных номинативных единиц как слово, словосочетание [2].

Научная революция дала мощный толчок развитию и обогащению словарного состава многих современных языков. В современном английском языке сокращение занимает второе место вслед за словосложением среди источников пополнения словарного состава языка.

Поскольку компьютерные и информационные технологии проникли практически во все сферы деятельности, невозможно обойти стороной их огромное влияние на возникновение аббревиатур, получивших широкое распространение в следующих областях компьютерных и смежных технологий:

программные и аппаратные средства -
BIOS – Basic Input/Output System – базовая система ввода-вывода

операционные системы -
OS – Operating System – Операционная Система
IOS – Internet work Operating System – Межсетевая Операционная Система
CLI – common line interface – интерфейс командной строки

языки программирования -
ABCD – A Better Circuit Description – усовершенствованное описание схем
ABL–Atlas Basic Language – вариант языка Бейсик, разработанный фирмой Atlas (США)
ADA – Ada – Ада (универсальный язык программирования, названный в честь первого в истории программиста Августа Ады Лавлейс)

AED – Automatic Engineering Design – автоматическое техническое проектирование
BASIC – Beginner's All-purpose Symbolic Instruction Code – универсальный символический обучающий код для начинающих; Бейсик
DSL – Digital Simulation Language – язык программирования ориентированный на цифровое моделирование
PDL – Program Design Language – язык проектирования программ
PROLOG – PROgramming in LOGic – язык логического программирования

вычислительные и глобальные сети -
AOS – Add-Or-Subtract – складывать или вычислять
ASCC – Automatic Sequence-Controlled Calculator – автоматический калькулятор, управляемый последовательностью
AUTODIN – AUTOmatic Digital Network – автоматическая цифровая сеть
GIN – Global Information Network – глобальная информационная сеть
NAC – Network Access Controller – контроллер доступа к сети
RACS – Remote-Access Computing System – вычислительная система с дистанционным доступом

системы радио и электросвязи -
ATC – Automatic Telephone Call – автоматический телефонный вызов
BCB – Broad Cast Band–полоса радиовещания
RADFON – RADio telePHONe – радиотелефон

электроника -
AD – Attention Device – устройство сигнализации
BBC – Bucket-Brigade Device – прибор типа «пожарная цепочка»
BBS – Bulletin Board System – «электронная доска объявлений»
BEV – Billion Electron Volts – миллиард электрон-вольт

спутниковые системы связи и навигации -
EA – Extended Amplifier – усилительная подстанция
GPSCS – General-Purpose Satellite Communication System – система спутниковой связи общего назначения
NMSS – National Multipurpose Space Station – национальная многоцелевая космическая станция
OPDARS – Optical Detection And Ranging System – система оптической локации
RADAR – Radio Detection And Ranging – радио обнаружение и измерение дальности, радиолокация, радар;
PCS – Personal Communicational Service – служба персональной связи

Следует отметить, что сокращения в данном направлении образуются различными способами, например:

буквенные сокращения:
SMS - Short Message Service – службы коротких сообщений;

усечения:
auto - automatic – автоматический;

акронимы (инициальные аббревиатуры):
SES – Satellite Earth Station – спутниковая земная станция; земная станция спутниковой связи

сокращения смешенного типа:
A-bomb – atomic bomb – атомная бомба;

сокращения, образованные путем одновременного применения усечения и аббревиации:
COBAL – Common Business-Oriented Language – язык программирования для промышленных и правительственных учреждений.

Учитывая лидирующие позиции США в области технологии, термины даются в их американском написании.

В заключение следует отметить, что аббревиатуры такой тематической направленности имеют практически безграничные возможности для их дальнейшего пополнения, поскольку постоянно

появляется множество новых технологий и стандартов, которые рождают сотни новых аббревиатур и сокращений. Не последнюю роль в этом играет и общеизвестная любовь американцев (и не только их) к сокращениям. Не всегда даже носитель языка в состоянии ориентироваться в бурном росте языка аббревиатур и сокращений. По этой причине в нашей стране и за рубежом выпускаются специальные словари, глоссарии, списки сокращений по различным сферам жизнедеятельности. Особого внимания заслуживает данное направление в связи с научно-техническим процессом. Именно поэтому данная проблема требует постоянного изучения и является весьма актуальной.

Литература:

1. Волкова Н.О., Никанорова И.А. Англо-русский словарь сокращений, 4-е издание, стереотипное. Москва «Русский язык», 2002.
2. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981.
3. Черепанов А.Т. Англо-русский словарь сокращений по компьютерным технологиям, информатике, электронике и связи. Москва: «Русский язык», 2001.

УДК 378.4

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

PROBLEMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF FOREIGN PROFESSIONAL COMMUNICATIVE COMPETENCE IN NON-LANGUAGE HIGH SCHOOL

Т.Ю. Келигова,
доцент кафедры иностранных языков ЧГУ

T.Yu. Keligova,
Associate Professor of Foreign Languages of the ChSU

Формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции как цели современного обучения предполагает интеграцию профессиональной и иноязычной деятельности, а также соблюдения определенных условий и принципов обучения.
***Ключевые слова**: иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция, компоненты иноязычной компетенции, организационно-педагогические условия, принципы формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции.*

Formation of foreign language professional communicative competence as purposes of modern training assumes integration of professional and foreign-language activity, and also observance of certain conditions and the principles of training.
***Key words:** foreign language professional communicative competence, components of foreign language competence, organization-pedagogical conditions, principles of formation of foreign language professional communicative competence.*

Как известно, конечной целью обучения иностранному языку в неязыковом вузе согласно концепции модернизации российского образования, является формирование и развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции (ИПКК) будущего профессионала – выпускника неязыкового вуза. Данная компетенция предполагает такой уровень владения иностранным языком, который дает возможность решать профессиональные задачи и отвечать на актуальные профессионально-значимые вопросы, осуществлять деловые контакты и встречи, способствуя тем самым дальнейшему профессиональному росту и самообразованию. Сформированная профессиональная компетенция залог как профессионального и карьерного роста будущего специалиста, так и залог личностного роста. Иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция как результат высшего профессионального образования, в отличие от совокупности знаний, умений, навыков, обеспечивает готовность выпускника неязыкового вуза реально использовать полученные знания в соответствии с возрастающими требованиями общества и рынка труда. Профессиональная компетенция, включающая в себя иноязычную компоненту, предполагает интеграцию профессиональной и иноязычной деятельности, т.е. необходимо, по мнению Г.М. Андреевой, «наложение иностранного языка на канву профессиональной деятельности. Одинаковое понимание специалистами ситуации общения возможно лишь в случае включения коммуникации в некоторую общую систему деятельности» [2]. Совершенно справедливо считает И.И. Халеева, что в ситуациях иноязычного общения профессиональная деятельность не является исключительно речевой, но требует соотнесенности не только к предметной

и информационной среде производства, но и к ее технологии. По ее мнению: «… любая лингводидактическая модель не может быть функционально эффективной, если при ее обосновании не будет найдено корректных выходов за пределы «статичного образа языка как системы» [21]. Как известно, ИПКК представляет собой некое единство компетенций, главной из которых является иноязычная коммуникативная компетенция. Проблемам формирования и развития иноязычной коммуникативной компетенции, как главной составляющей ИПКК, посвящены работы как зарубежных, так и отечественных ученых (Д. Хаймз, Д. Равен, Д. Савиньон, М.Н. Вятютнев, Н.И. Гез, Е.И. Пассов, И.Л. Бим, В.В. Сафонова, Л.К. Борозенец, Р.П. Мильруд и др.).

Однако, несмотря на наличие целого ряда научных и методических работ ученых, некоторые моменты данной проблемы недостаточно рассмотрены и свидетельствуют об отсутствии четкого единого видения рассматриваемого вопроса. Начнем с того, что в работах многих авторов можно встретить различные определения понятия иноязычная коммуникативная компетенция. Наиболее часто встречаются такие определения как коммуникативное совершенство, речевая компетентность, коммуникативная грамотность, коммуникативные способности, коммуникативные умения. На наш взгляд, следует пользоваться только терминоминоязычная коммуникативная компетенция, т.к. он больше отражает тенденции общеевропейского образовательного пространства и переход к компетентностному подходу, содержащему главные аспекты процесса модернизации. Чтобы говорить об ИПКК, следует сначала разделять основополагающие понятия «компетенция» и «компетентность», как это делают В.В. Сафонова [16] и А.В. Хуторской [22]. «Компетенция» определяется у них как содержательная сущность компетентности (знания, умения, навыки), а «компетентность» выражает способность индивида к практической деятельности. Афористично точно дает определение компетентности Б.Д. Эльконин. По его мнению, «компетентность – мера включенности человека в деятельность» [23]. Формирование компетентного специалиста является целью в процессе реализации компетентностного подхода. Компетенции в современном профессиональном образовании, диктуемые новыми рыночными отношениями, ориентируются на новый вектор в определении цели в системе высшего образования. Наличие большого количества дефиниций различных авторов, позволяет нам сделать вывод о том, что компетенция это «готовая» готовность использовать полученные знания в полученной профессии, а компетентность это компетенция уже в действии. Так как существуют различные определения иноязычной коммуникативной компетенции, то, следовательно, существуют и различные определения ИПКК. Так, например, Г.К. Борозенец характеризует ИПКК как «интегративное целое, обеспечивающее процесс общения на иностранном языке по специальности» [5], Золотухина В.П. как «готовность специалиста на основе полученных знаний, умений, навыков и опыта к эффективному осуществлению обмена информацией в профессиональной деятельности» [10], Ф.С. Андриенко как «способность выпускника вуза действовать в режиме вторичной языковой личности в профессионально направленной ситуации общения» [3], В.Ф. Аитов как « готовность и способность специалиста, не изучавшего иностранный язык на языковом факультете, к применению иноязычных лингвострановедческих, научных и предметных знаний для осуществления полноценной иноязычной профессиональной межкультурной коммуникации» [1]. У В.Ф. Тенищевой ИПКК характеризуется как «сложное интегративное целое, обеспечивающее компетентное профессиональное общение на языке специальности в условиях межкультурной коммуникации» [20]. В определении понятия профессиональная компетентность, мы опираемся в нашей работе на позицию В.А. Хуторского. Автор рассматривает профессиональную компетенцию как обладание ею будущим специалистом. Под профессиональной компетенцией он понимает «обобщенные способы действий, обеспечивающие продуктивное, эффективное выполнение профессиональной деятельности» [22]. Отсюда можно сделать вывод о том, что ИПКК есть готовность и способность студента неязыкового вуза осуществлять общение в профессиональной и деловой сферах в разных видах иноязычной речевой деятельности.

Обзор работ как зарубежных, так и отечественных ученых позволяет сделать следующий вывод: нет единства в понимании всех компонентов, составляющих ИПКК. Существуют также различные мнения ученых о том, как взаимодействуют механизмы составляющих ИПКК. Вопрос о структурной последовательности вхождения составляющих компонентов ИПКК тоже недостаточно четок. Зарубежные исследователи акцентируют внимание, как правило, на 3- 6 компонентах. Так, например, Ян Ван Эк приводит 6 компонентов иноязычной коммуникативной компетенции [26]: лингвистический, социокультурный, социолингвистический, стратегический, дискурсивный, социальный. Джон Савиньон предлагает 4 компонента: грамматический, дискурсный (или дискурсивный), социолингвистический и компетенцию речевой стратегии [25]. М. Кэнелл говорит тоже о четырех компонентах: грамматическом, социолингвистическом, компетенции дискурса и стратегическом компоненте [24].

В работах отечественных лингвистов число компонентов ПК у них варьируется от 3 до 10.

М.Н. Вятютнев, который первым в 70-е годы ввел в нашей стране термин «коммуникативная компетенция», пишет следующее: «Содержание коммуникативной компетенции включает 3 аспекта: 1) материальный аспект или средства языка и речи, 2) процессуальный аспект, или речевые действия в конкретных сферах и ситуациях общения, 3) идеальный аспект (предметы речи, темы, проблемы). Данные аспекты имеют двустороннюю связь со знаниями, навыками и умениями во всех видах речевой деятельности» [7]. Ю.С. Соловых включает в структуру коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей: «1) профессиональные и лингвистические знания, 2) профессионально-важные иноязычные коммуникативные умения (организовывать, поддерживать, завершать иноязычное общение), 3) профессионально-личностные качества (коммуникативность, толерантность, способность к преодолению психологического барьера при иноязычном общении), 4) опыт иноязычного профессионального общения» [19]. Е.В. Баграмова полагает, что главный результат иноязычного образования будущего профессионала предполагает наличие таких компетенций как: языковой, речевой, компенсаторной, социокультурной, коммуникативной лингвокультурологической, предметной, информационной и самообразовательной [6]. Е.Н. Соловова выделяет 5 компонентов иноязычной коммуникативной компетенции. Это: лингвистический, социолингвистический, социокультурный, стратегический, дискурсивный, социальный [19], Е.С. Полат – лингвистический, социолингвистический, прагматический [14], И.Л. Бим – лингвистический, тематический, социокультурный, компенсаторный, учебный [4], Р.П. Мильруд – грамматический, прагматический, стратегический, социокультурный [12]. Е.В. Клименко выделяет восемь компонентов: языковую, предметную, социокультурную, психологическую, коммуникативную, самообразовательную, стратегическую, креативную [11]. Пять компонентов предлагает Е.Г. Никитина: языковую, речевую, социокультурную, компенсаторную, учебно-познавательную [13]. Структуру ИПК Г.А. Петровой представляют следующие компоненты: лингвистический; социолингвистический; вербально-когнитивный (способность обрабатывать, группировать сведения, знания); предметный (способность ориентироваться в содержательно-предметном плане общения); профессиональный; дискурсивный [15]. В.В. Сафонова выделяет такие компоненты ИПКК как: языковую (грамматическую, лингвистическую); речевую (прагматическую, стратегическую, дискурсивную); социокультурную (социолингвистическую, лингвострановедческую) компетенции [17]. А.С. Андриенко приводит десять, на ее взгляд главных компетенций, которые в целом и составляют иноязычную профессиональную коммуникативную компетентность: лингвистическую, дискурсивную, учебную, стратегическую, социокультурную, социальную, лингвопрофессиональную, социально-информационную, социально-политическую, персональную [3]. Многие ученые характеризуют в последнее время как важные такие компетенции, как психологическую, самообразовательную, стратегическую и креативную.

Все вышеизложенное говорит о том, что нет необходимости ориентироваться на такое бесчисленное множество определений ИПКК и, самое главное, давать их различный компонентный состав. Достаточно говорить об их базовых компонентах, т.е. о лингвистическом, социолингвистическом, прагматическом. Лингвистический компонент состоит из фонологических, лексических, грамматических знаний и умений. Социолингвистический компонент есть связующее звено между коммуникативными и другими компетенциями. Прагматический компонент, состоящий из общих компетенций, включает еще и экстралингвистические элементы, способствующие общению на уровне мимики и жестикуляции. Реально это подтверждает мысль о том, что 3 группы компонентов, предложенных в документе Совета Европы, есть главные группы и, следовательно, нет необходимости расширять и подразделять их на более узкие, т.к. они включают в себя или подразумевают все виды компонентов, предлагаемых различными авторами, о которых мы говорили выше.

Для преодоления проблем в процессе формирования и развития ИПКК недостаточно придерживаться единства дефиниций ИПКК и ее составляющих компонентов. Следующим шагом в этом направлении, на наш взгляд, следует создание таких педагогических условий, чтобы согласно концепции компетентностного подхода, обучающийся превратился из объекта в субъект. Д ля этого, как утверждают психологи, педагогическими факторами выступают: организация учебного процесса; наличие современной технической базы в процессе обучения; уровень мастерства преподавателя; активизация ценности иностранного языка в связи с возросшими требованиями на рынке труда. При наличии данных факторов, практические условия можно подразделить на 1) дидактические; 2) учебно-методические (или содержательные условия); 3) организационно-технические; 4) мотивационные.

Под дидактическим условием эффективного развития ИПКК студента неязыкового вуза понимается конкретизация профессионально-ориертированного содержания образования с учетом принятых научных положений компетентностного, деятельностного, личностно-ориентированного подходов. Немаловажным фактором является в этой связи учет социально-региональных особенностей

рынка труда.

Учебно-методические условия развития ИПКК студента неязыкового вуза заключаются в конкретизации профессиональных и лингвистических знаний, иноязычных коммуникативных умений, реализуемых при разработке авторских учебно-методических пособий, способствующих развитию профессиональной компетентности на разных уровнях владения иностранным языком.

Организационно-технические условия развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студента неязыкового вуза предполагают возможность активно использовать современные технические средства обучения и Интернет-ресурсы в процессе организации различных форм деятельности: учебной, моделируемой на занятиях «профессиональной», учебно-профессиональной.

Мотивационные условия являются важной составляющей частью в процессе формирования ИПКК. Они способствуют позитивному отношению к самому процессу обучения, созданию благоприятного психологического климата на занятиях, активизируют положительное соревнование в образовательном процессе в группах, что ведет, в конечном счете, к достижению карьерного профессионального роста и процветанию специалиста.

Из изложенного выше следует, что перечисленные условия рассматривают развитие ИПКК студентов на качественно новом уровне в условиях перехода системы высшего профессионального образования на новые государственные стандарты третьего поколения.

Формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущих специалистов требует соблюдения определенных принципов в обучении. Они понимаются нами как исходные и основополагающие положения, координирующие деятельность преподавателя и характер познавательной студенческой деятельности в области развития исследуемой компетентности.

Принципы обучения вытекают из тех подходов, которые определяют обучение иностранного языка в неязыковых вузах, направленное на развитие ИПКК на разных уровнях. К основным принципам следует отнести, на наш взгляд, следующие:1) принцип отбора; 2) принцип методической целесообразности; 3) принцип адекватности; 4) поэтапности;5) доступности.

Первым и одним из главных принципов при формировании ИПКК студента в неязыковом вузе является – принцип отбора языкового материала. Отбор аутентичных текстов, как один из основных средств реализации формирования ИПКК, призван помочь преподавателю неязыкового вуза достичь главной цели обучения. Отбор должен осуществляться с учетом специализации студентов и уровня их знаний в профессиональной сфере, насыщенности терминологической лексикой, методической аутентичности, информативности, коммуникативной направленности и способности учебного материала служить основой для создания новых письменных текстов. Принцип отбора тесно связан с содержанием отбираемого материала. В структурном плане содержательный компонент ИПКК в общем виде предполагает: речевой материал, основанный на общей и профессиональной лексике; языковые знания, основанные на фонетике, грамматике, лексике (профессиональной терминологии), т.е. на знаниях и навыках, которые составляют часть сложных умений, а именно говорения, аудирования, чтения и письма. Содержательный компонент должен также включать такие приемы и навыки, позволяющие усваивать культуру страны, культуру общения и взаимодействия специалиста, как на бытовом, так и на профессиональном уровнях. Подтверждение данной мысли мы находим у Гальсковой, которая пишет, что «…для дальнейшего формирования ИПКК содержание обучения иностранному языку должно охватывать речевой и языковой материалы, учитывающие будущую профессиональную направленность студентов, а также материалы, содержащие знания национальных, культурных особенностей изучаемого языка» [8].

Второй принцип – принцип методической целесообразности – учитывает использование того или иного учебного материала для практического решения поставленных задач.

Третий принцип – принцип адекватности – предполагает аутентичность текстов по специальности или любой другой тематике.

Четвертый принцип – принцип поэтапности – регулирует введение учебного материала в определенной последовательности и определенной дозировке теми способами и формами, которые учитывают особенности в будущей профессиональной деятельности студента-выпускника. Принцип поэтапности связан с вопросом структурирования нового материла. Как отмечают Юсупова Р.Я. и Масаева З.В. «Интерес к предмету, новым знаниям достигается четким структурированием, логикой, ясностью, доказательностью и конкретностью изложения материала» [24].

Пятый принцип – принцип доступности – контролирует возможности усвоения, т.е. Учитывает уровень языковой и профессиональной подготовки студентов, анализирует условия, в которых происходит развитие самостоятельности студентов. Доступность предполагает учет уровня развития

и опыт студенческой аудитории.

Выводы, на которые следует акцентировать основное внимание в процессе формирования и развития ИПКК в неязыковом вузе, следующие: для преодоления проблем в данном процессе необходимо соблюдение единства дефиниций иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции и ее составляющих; создание определенных педагогических условий; ориентирование на основополагающие принципы в обучении для превращения обучающегося из объекта в субъект. Для того чтобы научить студентов иностранному языку в объеме, необходимом для эффективного общения в профессиональной и деловой сферах, следует пересмотреть не только цели и содержание, но и разработать в целом стратегию профессионально ориентированного обучения иностранному языку. Важно выработать новые критерии, определить показатели и уровни оценки знаний студентов. Необходимо активно внедрять в практику обучения иностранному языку в неязыковом вузе коммуникативные технологии и методические приемы, ориентируясь при этом на конкретный уровень подготовки в каждой студенческой аудитории. Это могут быть такие методы и приемы как: метод проектов, учебно-ролевые игры, метод учебных станций, тестирование, дискуссии, устные и письменные презентации и др. Регулярное применение коммуникативных технологий и приемов позволят развить навыки критического суждения, способность публично выступать, готовность полемизировать, критически оценивать и усваивать обсуждаемый материал. Следует также отметить, о чем не упоминалось выше, но что имеет немаловажное значение в неязыковом вузе – это организация самостоятельной работы студентов. Активно развивая умения самостоятельно ставить цели учения, выбирая средства и способы для достижения этих целей, оценивая ее результаты, самостоятельная работа учит, в конечном счете, учиться без наставника. Все перечисленное в целом, должно на наш взгляд, способствовать разрешению проблемы формирования и развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции в неязыковом вузе.

Литература:

1. Аитов В.Ф. Проблемно-проектный подход к формированию иноязычной профессиональной компетентности студентов (на примере неязыковых факультетов педагогических вузов): Автореф. дис. …д-ра пед. наук. Санкт-Петербург, 2007. 49с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 1999. 376 с.
3. Андриенко А.С.Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического вуза (на основе кредитно-модульной технологии обучения): Автореф. дис... канд. пед.н. Ростов-на-Дону, 2007. 26с.
4. Бим И.Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского), И.Л. Бим. Обнинск: Титул, 2001. 48 с.
5. Борозенец Г.К. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности будущих специалистов: Интегративный подход: Монография/ Г.К. Борозенец. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2003. 248 с.
6. Баграмова Н.В. Методика обучения иностранному языку в свете глобализации образования. Рукопись, 2002. 4с.
7. Вятютнев М.Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах/ М.Н. Вятютнев// Русский язык за рубежом. 1977. №6. С. 38–45.
8. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. Учебное пособие. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2006. 336 с.
9. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования// Высшее образование сегодня. 2003. №5. С. 34–42 с.
10. Золотухина В.П. Педагогические и научно-методические основы развития профессионально-коммуникативной компетентности специалиста-переводчика // Международная научно-практическая конференция «Проблемы прикладной лингвистики»: Сборник статей. Пенза: Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та, 2004. С. 121–124.
11. Клименко Е.В. Формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции будущих финансистов: Автореф. дис…канд. пед.наук. Калуга, 2004. 200с.
12. Мильруд Р.П. Компетентность в изучении языка / Р.П. Мильруд // Иностр. языки в школе. 2004. №7. С. 30–36.
13. Никитина Е.Г. Развитие иноязычной компетентности студентов вуза средствами модульного обучения: Автореф. дис. …канд. пед.наук . – ебоксары, 2010. 24 с.
14. Полат, Е.С. Метод проектов Электронный ресурс. / Е.С. Полат. Электрон.дан. Режим доступа: http://www.iteach.ru/met/metodika/a2wn3.phphttp
15. Петрова Г.А. Формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции студентов: Автореф. дис. …канд. пед. наук. Новокузнецк , 2010. 24с.
16. Сафонова В.В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях / В.В. Сафонова. М.: Еврошкола, 2004. 236с.
17. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности: Автореф. докт. диссерт. М., 1993. 47с.

18. Соловых Ю.С. Формирование иноязычной компетенции в личностном и профессиональном самоопределении студентов неязыковых специальностей. Материалы научно-практической конференции ОГУ. Оренбург. С.145–147.
19. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов педвузов и учителей / Е.Н. Соловова. М.: Просвещение, 2002. 239с.
20. Тенищева В.Ф. Интегративно-контекстная модель формирования профессиональной компетенции: Автореф. дис. …д-ра пед.наук: государственный лингвистический университет". М., 2008. 47с.
21. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: Высшая школа, 1989. 238 с.
22. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования// Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64 с.
23. Эльконин Б.Д. Понятие компетентности с позиции развивающего обучения // Современные походы к компетентностно-ориентированному образованию. Красноярск, 2002. С. 22–29.
24. Юсупова Р.Я., Масаева З.В. Система обеспечения дополнительного профессионального образования среди взрослых. Грозный: изд-во ЧГУ, «Вестник Чеченского государственного университета», выпуск 2, 2011.
25. Юсупова Р.Я., Масаева З.В. Система обеспечения дополнительного профессионального образования среди взрослых. Научно-аналитический журнал «Вестник Чеченского государственного университета», 2011. выпуск 2.
26. Canale, M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing / M. Canale, M. Swaine // Applied Linguistics. 1980. №1. P. 47–54.
27. Savignon, S. J. Communicative Competence: Theory and Classroom Practice / Sandra J. Savignon. 2nd ed. New York: McGraw-Hill, 1997. 272 p.
28. J.A. Van Ek. Waystage 1990: Council of Europe Conseil de L'Europe.Cambridge University Press, 1999.

УДК.37.019

К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ ОБНОВЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

THE QUALITY OF EDUCATION UPDATE

Л.М. Даутмерзаева,
доцент кафедры педагогики и психологии ЧГУ

L.M. Dautmerzaeva,
Associate Professor in "Pedagogics and Psychology " Department of CheSU

Статья посвящена качественному обновлению содержания образования за счет отбора современных идей общей теории обучения, воспитания, общей психологии с позиций целостного подхода к личности и воспитанию.
***Ключевые слова**: наука, синергетика, когнитивная психология, ноосфера, образование, обучение.*

The article is devoted to the qualitative renewal of educational content due to the selection of modern ideas of the general theory of training, education, general psychology from the standpoint of a holistic approach to identity and education.
***Key words**: science, synergy, cognitive psychology, the noosphere, education and training.*

Настоящее время характеризуется резкими политическими, экономическими, этническими и другими переменами в обществе, что, безусловно, требует постоянного обновления содержания образования [4, С. 1].

В целях реализации данных идей необходимо успешное решение двух принципиально важных дидактических проблем.

Прежде всего, должна вестись углубленная работа по интеграции предметно-содержательного материала по всем учебным дисциплинам, изучаемым в школе, вузе, на модульно-синергетической основе. Приобретает особую значимость компетентный анализ фундаментальных достижений системы современных наук. Такой анализ позволит отобрать те предельно общие теоретические положения, которые адекватно отражают суть, объекты наук и оптимально способствуют развитию продуктивного мышления обучающихся.

В последние десятилетия сформировалась новая междисциплинарная область науки – синергетика. По определению ее создателя профессора университета (Германия) Германа Хакена, – «синергетика занимается изучением систем, состоящих из многих подсистем самой различной природы, таких как электроны, атомы, молекулы, клетки, нейтроны, механические элементы, фотоны, органы и даже люди» [2]. Цель синергетики – установить, каким образом взаимодействие таких систем приводит к возникновению пространственных, временных или пространственно-временных структур в макроскопических масштабах. Когда и как структуры возникают в процессе самоорганизации? Какие принципы управляют процессами самоорганизации безотносительно к природе подсистем? Как происходят переходы «хаос-порядок», «порядок-порядок» и «порядок-хаос» в самых различных областях науки – от физики, биологии, медицины, техники до экономики, экологии, социологии?

Синергетика связана с другими науками, по крайней мере, двояко. Во-первых, изучаемые синергетикой системы относятся к компетентности различных наук. Во-вторых, другие науки приносят в синергетику свои идеи.

В результате рождается качественно новое знание о природе, обществе, человеке, о вселенной. Эта междисциплинарная философская идея, родившаяся во второй половине XX века, нуждается в пояснениях и конкретизации. Узкая специализация в любой сфере знания отжила свой век. Современный «узкий» специалист-исследователь становится мыслителем.

Однако в процессе установления мира происходит своеобразное «сворачивание» в отношении материального и идеального: космический предикат (идеальное) обретает способность обусловливать природу космического субъекта (предмета). Это надо понимать не только в том смысле, что земной репрезент космического предиката (человек) преобразует мир, создавая его антропогенную форму – ноосферу. Это лишь частный случай. А это надо понимать в плане антропогеннокосмического принципа. Наличествует высший разум, и он находится в непосредственной связи с самими фундаментальными свойствами материи. Идеальное на определенном этапе развития универсума возвышается над материальным, и физический мир становится аргументом от космического предиката. Таким образом, соотношение идеального и материального должно рассматриваться не в статике, а в динамике, поскольку оно меняется в процессе становления мира. Два направления в философии – идеализм и материализм – могут (и должны быть!) синтезированы в едином и цельном мировоззре-

нии, в единой и цельной научной картине мира.

К таким глубоким мировоззренческим выводам пришел не философ, а синергетически мыслящий ученый-лингвист. Сразу же оговоримся, что некоторые эпистемологические идеи ученого можно считать дискуссионными. И это естественно. Важно другое – принцип подхода к анализу изучаемых явлений: не замыкаться в узком кругу собственных и научных частных идей, а подходить к осмыслению глобальных мировоззренческих проблем. Тогда учебное познание будет обогащать интеллект учащегося [1].

Ноосфере, утверждают философы, нужна ноосферная педагогика и ноосферная система образования и обучения. «Ум, хорошо устроенный, – писал еще М. Монтень, – стоит дороже ума, хорошо исполненного».

Аристотель написал «Органон», заложив основы дедуктивной логики. Ф. Бэкон – «Новый органон», высветивший особенности индуктивного мышления. Р.Декарт оставил потомкам «Правила для руководства ума». К. Гельвеций – солидный трактат «Об уме». Кант создал фундаментальный труд «Критика чистого разума». И.В. Гегель – «Науку логики», где раскрыл закономерности диалектического мышления, но человечество все-таки мало продвинулось в ответе на вопросы: «Что такое хорошо устроенный ум?», «Как развивать мышление в процессе обучения?»; «Как учебный процесс влияет на формирование творческого потенциала личности?».

Отдельные догадки ученых, начиная с Сократа и кончая Сухомлинским, не меняют сути дела.

Стало ясно, что зазубривание логически мало связанного материала, иссушает мозг, притупляет чувства. Это не частное умозаключение, а обобщение глобального уровня.

Обучение в школе и вузе все еще отстает от уровня и темпов интеллектуального развития школьников и студентов.

Только самостоятельное познание глубинных, существенных связей развивает интеллект и облагораживает сердце. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты достижений когнитологии и когнитивной психологии.

Когнитивная психология возникла в конце 50-х – начале 60-х годов XX века как реакция на бихевиористское, механистическое понимание сущности психических процессов. Исследователи (Д. Бредбент, С. Стернберг, Ж. Сперлинг, Р. Аткинсон, Г. Бауер, Р. Шекард, У. Найссер, Л. Венкер и др.), выявляя аналогии между процессами переработки информации у человека и в вычислительном устройстве, выделили многочисленные структуры, составляющие познавательные и исполнительные процессы, обнаруживающие существенную роль обобщенного знания в развитии духовных качеств человека [3].

В когнитивной психологии решаются существенные вопросы об организации знаний в долговременной памяти субъекта, о соотношении вербальных и образных компонентов в процессах запоминания и мышления. Интенсивно разрабатываются когнитивные теории эмоций, раскрываются глубинные взаимосвязи познавательной деятельности субъекта и становления его личностно и социально значимых интегральных психических качеств. Исследования показали, что творческий потенциал пробуждается только тогда, когда субъект самостоятельно проникает в сущностные связи в объективном мире.

Речь идет, как видим, о широком взгляде на современный мир, об идее, которую можно положить в основу концепции содержания специального и общего образования.

Человек начинается тогда, когда он осмысливает мир. Человека создает разум. Эти глубинные познания сущего и созидания человечности в человеке прозревали отдельные мыслители в различные исторические эпохи. Демокрит писал, что простое многознание еще не есть ум и понимание. Аристотель подчеркивал, что тот, кто знает общее, тот лучше знает нечто как присущее, чем тот, кому известно только частное. О человекосозидающей значимости ведущих идей писали такие философы, как Б. Спиноза, В. Гегель, А. Шопенгауэр, В.Соловьев и другие. Философы отмечали, что общие идеи формируют не просто рассудок, а разум. А это, как говорят одесситы, две большие разницы. Рассудок уносит порядок, объединяет данные чувства по присущему ему самому законам. Но наше познание стремится выйти за узкие пределы, положенные ему природой. Оно стремится постигнуть вещи, какими они являются сами по себе. Это – область разума.

О личностно-значимой роли системообразующего знания писали многие отечественные дидакты и психологи (Зорина, Матющкин, Самарин, Давыдов, Занков). Так, Л.В. Занков ведущую роль теоретических знаний считал важнейшим принципом развивающего обучения.

Авторы ВНИКА, назвав знания, умения и навыки «пресловутыми ЗУНами», утверждали, что необходимо отказаться от стабилизации предметоцентризма в обучении и заменить традиционные дисциплины интегрированными учебными курсами: человек – общество – природа – ноосфера. И в

этом ничего нового нет. Комплексирование содержания образования предпринималось и в 20-е годы XX века в нашей стране.

Были разработаны так называемые комплексные программы ГУСа, в которых учебный материал располагался по следующим колонкам:

1) природа и человек;

2) труд;

3) общество.

Идея комплексного построения программ приводила к установлению надуманных искусственных связей отдельных учебных предметов с комплексными темами. Само предметное обучение объявлялось отжившей формой организации учебной работы.

Знание о природе и обществе рекомендовалось давать учащимся на предмет систематического изучения основ наук, а попутно – при выполнении заданий-проектов по таким, к примеру, темам как: «Поможем нашей фабрике выполнить промфинплан»; «Научимся разводить кур» и т.п. Учащиеся, работая на фабриках, заводах, приобретали практические навыки и непосредственно связанные с ними общеобразовательные знания. Воспитательное и образовательное значение систематического изучения основ научных знаний явно недооценивалось. «Русский язык в системе трудовой школы не может претендовать на господство», утверждал, например, профессор В.А. Малаховский.

Такое легкомысленное дидактико-методическое прожектерство незамедлительно привело к резкому снижению уровня знаний учащихся. И уже в начале 30-х годов вновь были узаконены школы, классы и учебные предметы.

Модульно-синергетический подход к разработке содержания интегративных учебных дисциплин позволяет усилить личностную направленность изучения каждой учебной дисциплины, а не только предметов гуманитарного цикла. Традиционно под гуманитаризацией образования, как известно, понимается лишь повышение в учебных планах удельного веса дисциплин гуманитарного цикла. Безусловно, роль этих предметов очень велика. Их изучением обеспечивается обращение высшей и средней школы к мировой культуре, истории, к духовным ценностям человечества. Но гуманитаризация образования зависит не только от повышения статуса гуманитарных предметов, прежде всего, она достигается качественным обновлением всех учебных дисциплин, выявлением в них духовности, человеческой сущности. Содержание учебных предметов должно быть принципиально переориентировано с таким расчетом, чтобы духовная культура человечества перестала быть «слепком» готового знания, а развертывалась как живой процесс поиска, открытий, как борьба идей, и как их взаимосвязь.

Сегодняшнее образование призвано обеспечивать интеллектуальное развитие каждого молодого специалиста, воспитание у него культуры речи, общения, исторического мышления. Например, в любом вузе должны изучать основы педагогики и общей психологии. Однако содержание курсов педагогики и психологии должно быть коренным образом пересмотрено. Оно должно обновляться за счет отбора современных идей общей теории обучения, воспитания, общей психологии с позиций целостного подхода к личности и воспитанию. В нынешнем же варианте эти курсы представляют набор разрозненных теоретических положений, концепций, раскрывающих отдельные аспекты воспитания и психического развития человека. Составлены они так, что живого человека в них не видно.

Вот почему представляется особенно важным научный подход не только к определению интегрированного содержания, но и к структурной перестройке учебных предметов. Учебная дисциплина качественно отличается от соответствующей науки. Она содержит основы научного знания, т.е. наиболее общие положения, адекватно отражающие суть, объекты и методы обретения знаний. Привести в систему эти общие интегрированные положения помогает модульный подход. Такой подход ориентирует на отбор «ядра» научной информации по каждой учебной дисциплине. Отбор «ядра» проводится посредством всестороннего анализа понятийного аппарата соответствующих отраслей научного знания, выявления внутренних связей между понятиями, законами и – принципами.

Модульный подход позволяет высветить комплекс фундаментальных компонентов информации, логично и компактно структурировать изучаемый материал, избежать повторений одного и того же курса в смежных дисциплинах.

Модульное построение учебных дисциплин протекает в два этапа.

Первый этап – разработка инвариантной модели учебного предмета. Каждая учебная дисциплина содержит не только творческий материал, а представляет собой неразрывное единство предметно-содержательной, практической информации.

Теоретические и практические компоненты каждого курса находятся в органической взаимосвязи. Недооценка одного из них, как правило, обрекает учебный процесс на неудачу, снижает уро-

вень его качества.

Подготовка инвариантной модели учебных курсов делает процесс обучения логически стройным и подлинно управляемым. Наличие подобных моделей может оказать существенное влияние на разработку учебников, учебных и методических пособий нового поколения.

Второй этап – выделение ключевых идей в рамках конкретных модулей. Каждая учебная дисциплина представляет собой группу таких модулей, т.е. относительно независимых, логически стройных, внутренне завершенных и дидактически цельных отрезков предельно обобщенной информации.

Нужны четкие принципы ее отбора. Принципами отбора ключевой информации являются: информационная емкость и прогностическая ценность изучаемого материала; системообразующая функция; существенная роль в формировании научного мировоззрения и развитии мышления студентов и школьников; конструктивно-практическая значимость.

Сознательное руководство данными принципами позволяет создать качественно новые учебные курсы, обладающие потенциальными образовательно-воспитательными возможностями. Уже есть результаты таких исследований. Доктор геологических наук, профессор, член-корреспондент РАН Г.И. Худяков разработал принципиально новый интегральный курс «Науки о Земле в системе человековедения», аналога которому не существует. Проблемы связи живой и неживой природы всегда интересовали человечество. Эти проблемы затрагиваются в дошедших до нас древних мифах, сказаниях, они ставятся и анализируются в современных научных и философских концепциях. Чтобы приблизиться к их решению, необходимо как можно полнее знать естественные взаимоотношения между земными оболочками и историю их совместной эволюции. И уже на этом фоне далее выяснить последствия и изменения в них, вносимые людьми. В программу курса включены фундаментальные проблемы взаимодействия живой и неживой природы; раскрываются возможности их решения в условиях нашей жизни.

Литература:

1. Вяткин Л.Г. Общие основы педагогики. Саратов, 1990. 79 с.
2. Хакен Г. Синергетика. Мир, 1985. 134 с.
3. Карнеги Д., Питер Л., Паркинсон С, Блох А. Ваше преуспевание - в ваших руках. М., 2003. 347 с.
4. Сердюкова Е.Ф. Профилактическая работа родителей по предупреждению склонности к употреблению психоактивных веществ детьми младшего школьного возраста. Учебно-методическое пособие / Под научной редакцией А.Д. Манкиева. Грозный, 2010. 24 с.

УДК.159.9

СУБЪЕКТНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА И ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

М.В. Ажиев,
к.пед.н., заведующий кафедрой педагогики и психологии ЧГУ
М.З. Газиева,
к.психол.н., доцент кафедры педагогики и психологии ЧГУ

SUBJECTIVE ACTIVITY OF ADOLESCENT'S PERSONALITY AND PERCEPTION OF THE MODERN SOCIAL REALITY

M.V. Azhiev,
Candidate of Pedagogical Sciences, Head of "Pedagogics and Psychology "Department of CheSU
M.Z. Gazieva,
Candidate of Psychological Science, Associate Professor of "Pedagogics and Psychology "Department of CheSU

Статья посвящена проблеме исследования субъектной активности личности и ее взаимосвязи с особенностями процессов социализации и индивидуализации личности как в теоретическом, так и прикладном аспектах.
Ключевые слова: *личность, активность, рефлексия, субъект, креактивность.*

The article shows the study of subjective activity of the person and its relationship with the peculiarities of the processes of socialization and individualization both in theoretical and applied aspects.
Key words: *personality, activity, reflection, subject, creativity*

Проблема исследования субъектной активности личности и ее взаимосвязи с особенностями процессов социализации и индивидуализации является на сегодняшний день актуальной и значимой как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. При исследовании детерминант эффекта взаимо-

действия личности и социальной среды различные авторы акцентируют внимание на трех его аспектах: приоритета влияния социума, биологических детерминант, внутриличностных (субъектных).

Бесспорно, все детерминанты оказывают симультанное воздействие, но вклад каждого в индивидуальное своеобразие жизненного пути личности, на наш взгляд, разнообразен и может быть предметом специальных не только монодисциплинарных, но и междисциплинарных исследований.

В научной литературе имеются факты, позволяющие наметить пути исследования проблемы личностной детерминации социального поведения и познания социальной реальности. Так, в работе Ю.А. Поссель была выявлена субъектная индетерминированность социальной направленности личности. Понятие «индереминированность» указывает на то, что на социальную направленность оказывает влияние своеобразная внутренняя психическая организация субъекта.

Изучив такие личностные свойства, как подчиненностъ – доминантностъ, консерватизм – радикализм, нонконформизм, интернальность – экстернальность в совокупности с представлениями, стереотипами, установками и отношениями личности, автор обнаружила, что личностные свойства образуют целостную, связную структуру, определенную исследователем как субъектная позиция.

Выделенные Ю.А. Поссель контрастные группы «латентно-субъектных» и «реально-субъектных» сравнивались по параметрам социальной направленности.

Так, люди, обладающие латентной субъектностью, являются конформными, подчиненными, консервативными. Они не активны, не склонны к проявлениям инициативы и ответственности. Их социальная направленность формируется традиционными стереотипами, они не являются сторонниками реформ, негативно относятся к их результатам. По отношению к сегодняшней жизни они демонстрируют тревожность и раздражение, испытывают дискомфорт. Люди, реализующие свою субъектность, представляют собой полную противоположность описанной выше группе. Они доминантны, самостоятельны, ответственны, инициативны, самодостаточны, склонны к риску. Как показали результаты исследования, они более комфортно чувствуют себя в нынешних условиях развития общества, стремятся в любой ситуации к самореализации. Как правило, они придерживаются либеральных стереотипов, поддерживают реформы, находят позитивные стороны в любых ситуациях.

Вызывающим интерес, в контексте нашего исследования, является и тот факт, что сопоставление значимых различий в группах, отличающихся по возрасту и полу, с различиями, обусловленными субъектной позицией, обнаружило, что внутренняя субъектная позиция в большей степени детерминирует социальную направленность, чем такие факторы, как пол и возраст.

Учет личностной (субъектной) обусловленности восприятия явлений социальной реальности, согласно нашему мнению, может сыграть важную роль в прогнозировании поведения в ситуации кардинальных социальных реформ, а также в сложных условиях социального стресса.

Как известно, подростковый возраст выступает периодом перехода от преимущественной социализации личности к установлению баланса между социализацией и индивидуализацией, обеспечивающего гармоничное единство личности, в целом, индивидуальности.

Внутри данного периода выделяется несколько стадий построения взаимоотношений двух вышеназванных процессов:

1) период постепенного накопления индивидуального опыта, который в дальнейшем должен привести к открытию собственной нетождественности, автономности и креативности (10–12 лет);

2) период открытия нетождественности социального (общего) и индивидуального (уникального) в себе, ломки старых представлений о себе, диффузного состояния социальных и индивидуальных характеристик индивидуума (13 лет);

3) период кристаллизации социальных и индивидуальных структур на новом уровне и осознание необходимости баланса между ними (14–15 лет) [2].

То есть, субъектная позиция личности, сформированная к подростковому периоду, за счет открытия личностью собственной нетождественности социальному, уникальности, автономности и креативности, а, следовательно, более выраженной возможности к проявлению субъектной активности личности, на наш взгляд, способна привести к специфическим личностным изменениям, способствующим формированию более эффективной сопротивляемости социальному, информационному стрессированию, характерному для новейшего этапа развития современного российского общества.

Активность субъекта, по мнению ряда авторов, связана с развитием рефлексии. [1; 3; 5; 6;7].

Типология и этапы формирования рефлексии рассматриваются В.И. Слободчиковым в следующей последовательности.

Полагающая рефлексия производит самое первое отличие самости субъекта от его жизнедеятельности.

Сравнивающая рефлексия обеспечивает опознание субъектом себя в наличноданном, очевид-

ном мире и отождествление с ним. Здесь сознание впервые поднимается над каждым конкретным психологическим образованием (ощущением, образом, состоянием и др.).

Определяющая рефлексия впервые обнаруживает несовпадение и противоположность «я» (субъект) и «не-я» (объект). При определяющей рефлексии постоянно происходит отчуждение и объективирование законов субъективной деятельности, ее опредмечивание; происходит превращение позитивных определений «я» в позитивные определения «не-я» – как независимо от «я» существующего объекта.

Синтезирующая рефлексия впервые обеспечивает выход «я» за любые актуальные пределы самого себя, позволяет главное – не только преодолеть тесные границы очевидности, но и обнаружить становящуюся действительность как действительность самого «я».

Только синтезированное внутреннее «я», по мнению В.И. Слободчикова, может обнаружить укорененность себя в Мире, а не только пребывание или взаимодействие с ним; а тем самым и вообще выйти за пределы не только самого себя, но и своих отношений с миром.

То есть, бытие не противостоит человеку как объект субъекту, а включает в себя человека. Изменение человеком себя – особая форма преобразовательной деятельности. Человек, исполняя эту деятельность, выступает одновременно и субъектом, и объектом преобразований.

"Открытие" субъектом этого нового для себя качества бытия означает начало изменений в самом субъекте. Человек не просто изменяет мир, он изменяется вместе с ним и изменяется, благодаря произведенным изменениям.

Управление формированием синтезирующей рефлексии позволяет субъекту достичь общекультурного уровня развития личности, который характеризует высокую степень активного отношения к культуре, потенциальную и реальную социально-значимую деятельность, внутреннюю мотивацию и избирательность, основанную на рефлексивной оценке социальных условий и самого себя.

Достижение такого уровня развития личности, через создание психолого-педагогических условий, способствующих формированию синтезирующей рефлексии, может обеспечить возникновение субъектной позиции при восприятии быстро меняющихся, зачастую стрессогенных социальных условий и способствовать более оптимальному взаимодействию с ними современного подростка.

Литература:

1. Аникина В.Г. Экзистенциальная рефлексия личности в проблемно-конфликтных ситуациях: Дисс. канд. психол. наук. М., 2000. 223 с.
2. Весна Е.Б. «Психологические закономерности и механизмы процесса социализации-индивидуализации в онтогенезе». Дисс. канд. психол. наук. М., 1998.
3. Красило А.И. Преодоление объективации как основная проблема и функция личности // Журнал практического психолога. 2008. №4.
4. Поссель Ю.А. Субъектная индетерминированность социальной направленности личности: Дис… канд. психол. наук. СПб, 2000. 142 с.
5. Савинкина Л.А. Рефлексивный механизм саморегуляции психических состояний человека: Дисс... канд. психол. наук. Новосибирск, 2000. 154 с.
6. Прокофьева Т.В. Становление субъектности подростка в учебной деятельности: Дисс… канд. психол. наук: Волгоград, 2001. 164 с.
7. Трещев А.М. Становление профессионально-субъектной позиции будущего учителя. Автореф. доктора пед. наук. Калуга. 44 с.

УДК 159.9

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ТИПА ТЕМПЕРАМЕНТА НА ИЕРАРХИЧЕСКУЮ СТРУКТУРУ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Е.Ф. Сердюкова,
старший преподаватель кафедры педагогики и психологии ЧГУ
М.М.-С. Лалаева,
преподаватель социальных дисциплин Грозненского политехнического техникума

STUDY OF TEMPERAMENT TYPES ON THE HIERARCHICAL STRUCTURE OF THE SYSTEM OF VALUES OF YOUNG PEOPLE IN CHECHEN REPUBLIC

E.F. Serdyukova,
Senior Lecturer in "Pedagogics and Psychology "Department of CheSU
M.M.-S. Lalaeva,
Teacher of Social subjects of Polytechnic College

В статье представлены результаты исследования иерархической структуры системы ценностных ориентаций современных молодых людей, предпринята попытка установить связь между ценностными ориентациями и типом темперамента.

Ключевые слова: *ценностные ориентации, тип темперамента, иерархическая структура система ценностей.*

The article presents the results of a study of the hierarchical structure of the value orientations of today's young people and an attempt to establish a connection between the value orientations and types of temperament.
Key words*: values, temperament types, hierarchical system of values*

Система ценностей, ценностное отношение человека к миру является важной характеристикой его духовного состояния. Ценности – это обобщенные представления людей о целях и средствах их достижения, о нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества. Это существующие в сознании каждого человека ориентиры, с которыми индивиды и социальные группы соотносят свои действия [1].

Проблема изучения ценностей наиболее остро стоит в периоды общественных преобразований, глубоких перемен в материальных и духовных условиях жизни людей. Можно утверждать, что серьезные преобразования во всех сферах жизнедеятельности людей невозможны без изменений в их системе ценностей; причем эти изменения необратимы только тогда, когда общество приняло их и, закрепив в новой системе ценностей, стало на них ориентироваться. В подобных условиях особое значение приобретает изучение ценностных ориентаций молодежи, поскольку их система ценностей неустойчива, она только формируется под воздействием специально организованного воспитания, стихийной социализации и работы над собой [2, С. 87].

Влияние стихийной социализации в настоящее время особенно велико вследствие доступности информации разного рода и качества, а также благодаря возможности устанавливать контакты независимо от места нахождения партнера по общению. Поэтому проблема изменений, происходящих в сознании современной молодежи, приобретает сегодня особую остроту. Изучение особенностей ценностного отношения к общественной жизни у молодых людей имеет особое значение, является актуальным, оно позволяет определить направленность их интересов и потребностей, мотивацию поведения, предпочитаемые сферы деятельности, духовный потенциал, понять тенденции изменения общественного молодежного сознания, спрогнозировать основные тенденции социальной активности молодежи.

Авторами статьи проведено исследование, целью которого было выявление возможного влияния типа темперамента человека на иерархическую структуру системы его ценностей. В исследовании приняли участие 20 мужчин и 20 женщин в возрасте от 18 до 25 лет.

Респонденты-мужчины распределились по категориям следующим образом. Преобладающие типы темперамента – сангвинический и флегматический (по 40%). На втором месте – холерический темперамент (20% респондентов). Респонденты-меланхолики в нашем исследовании не представлены.

Среди респонденток-женщин преобладает меланхолический тип темперамента (50%). На втором месте – холерический тип темперамента (25%) и с незначительной разницей третье место занимает флегматический тип темперамента (20%). Численность респонденток-женщин с сангвиническим типом темперамента нельзя рассматривать как значимое в сравнении с другими показателями (5%).

Изучение ценностей участников эксперимента показало следующие результаты (см. табл. 1).

Таблица 1

Преобладающие ценностные ориентации в системе ценностей участников эксперимента

Женщины, место и количество выборов (%)								
	1	2	3	4	5	6	7	8
Религия	55	15	20	10	-	-	-	-
Семья	25	45	15	10	5	-	-	-
Здоровье	15	25	35	15	-	5		
Любовь	-	-	20	30	25	15	-	10
Карьера	-	10	5	10	25	15	40	5
Материальные блага	-	10	-	15	30	40	5	5
Отдых	-	-	-	5	-	5	35	55
Независимость	-	-	5	5	15	25	30	20
Мужчины, место и количество выборов (%)								
Религия	55	30	15	-	-	-	-	-
Семья	30	60	5	-	-	5	-	-
Здоровье	10	10	55	15	5	5	-	-
Любовь	-	-	20	40	15	5	5	15
Карьера	5	-	5	10	35	40	5	-

Материальные блага	-	-	-	25	20	15	20	20
Отдых	-	-	-	-	-	15	35	50
Независимость			5	10	25	15	35	10

Как видно из таблицы 1, преобладающее число респонденток-женщин на первое место поставили религию (55%), на второе – семью (45%), на третье – здоровье (35%), и только на четвертое – любовь (30%). Очевидно, что большинство женщин считает, что любовь – это не основная составляющая семейного благополучия. При этом большое количество женщин не считают важным для себя построение карьеры (40%), а материальные блага ставят на 6-е место, тоже не считая их основной ценностью в жизни. 30% женщин поставили независимость на 7-ое место, очевидно, предпочитая доверять мужчине принятие важных решений.

Тревожным сигналом можно назвать то, что такую ценность как «отдых» женщины поставили на последние места в своей системе ценностей: 6-е место – 5%, 7-е – 35%, 8-е – 50%. Это означает, что все респондентки-женщины не уделяют отдыху должного внимания, стало быть, не имеют возможности построить сбалансированные, психологически благополучные отношения с окружающими, сохранить свое здоровье.

Почти идентичную картину показали и респонденты-мужчины, с той лишь разницей, что количество выборов по основным позициям у них выше. Основные ценности оценены следующим образом: религия (55%), семья (60%), здоровье (55%), любовь (40%). Пятое и шестое место мужчины отдают карьере (35% и 40% соответственно). При этом и материальные блага мужчины ценят больше женщин – 25% респондентов отдали пятое место этой ценности наряду с построением карьеры. Стало быть, большинство мужчин, стремящихся построить карьеру, делает это для того, чтобы получить материальные блага, и только 10% из них ценят саму карьеру и соответствующий ей статус.

Так же, как и женщины, мужчины отвели отдыху последние места – 6, 7 и 8 (15%, 35% и 50% соответственно).

Удивительно, что такую ценность как «независимость» большинство мужчин поставили на 7-е место (35%) и на 5-е (25%).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующий вывод: первые три места, как у мужчин, так и у женщин, прочно занимают ценности «религия», «семья», «здоровье».

Следующий этап работы направлен на проверку гипотезы, сформулированной перед началом исследования. Поэлементный анализ поможет нам ответить на вопрос: существует ли зависимость системы ценностей от типа темперамента человека?

Подавляющее большинство мужчин-респондентов относятся к сангвиническому и флегматическому типу темперамента (40% и 40% соответственно).

Эмоции мужчин-сангвиников слабые и кратковременные, они обладают реальной самооценкой, общительны, слабо поддаются влиянию. Мужчины этого типа спокойно переносят критику, ответственно относятся к делу, у них высокая производительность труда. При этом только 13% мужчин этой категории на первое место в системе ценностей поставили карьеру, 25% – семью и 50% – религию. Второе место в системе ценностей мужчин-сангвиников прочно занимает семья – 63% мужчин данной категории. На четвертом месте любовь – 50%. Материальные блага для данной категории респондентов не являются основной ценностью – этот показатель прочно занимает 7–8 места.

Таким образом, основные ценности мужчин-сангвиников можно представить в виде цепочки: 1) религия – 2) семья – 3) здоровье – 4) любовь – 5) карьера – 6) карьера – 7) материальное благо – 8) материальное благо.

Далее, проанализируем систему ценностей женщин-сангвиников. Респондентки данной категории – самая малочисленная группа (5% всех опрошенных женщин). Тем не менее, эти женщины легки в общении, обиды долго не помнят, легко относятся к критике, легко адаптируются к новому, спокойно и расчетливо ведут себя в нестандартных ситуациях.

Систему ценностей респонденток данной группы можно представить в виде следующей цепочки: 1) религия – 2) семья – 3) любовь – 4) здоровье – 5) карьера – 6) материальное благо – 7) независимость – 8) отдых.

Мужчины-холерики импульсивны, вспыльчивы, не сдержаны, имеют завышенную самооценку, общительны сверхмеры. К порученному делу относятся поверхностно, поэтому и результативность труда не слишком высокая. Критику переносят плохо, реагируют на нее агрессивно, в нестандартных ситуациях ведут себя непредсказуемо. На первое место в системе ценностей 50% опрошенных данной категории поставили здоровье, по 25% – религию и семью. Второе место занимают религия и семья – по 50%. На третьем месте – любовь (50%), здоровье и религия (по 25%). Четвертое место поделили между собой здоровье, любовь и карьера (по 25%). Пятое место занимает независи-

мость – 50%. На шестом месте материальное благо – 37,5%. Седьмое и восьмое места занимает отдых (по 50% соответственно). В итоге цепочка ценностей данной категории ценностей может выглядеть следующим образом: 1) здоровье – 2) религия и семья – 3) любовь – 4) карьера – 5) независимость – 6) материальное благо – 7) отдых – 8) отдых.

Женщины-холерики также как и мужчины импульсивны, подвержены сиюминутным эмоциональным проявлениям, разговорчивы, легко адаптируются к изменениям в жизни, имеют завышенную самооценку, агрессивно реагируют на критику, но не очень ответственно относятся к порученному делу, результативность труда не очень высокая. В системе ценностей первое место занимают религия и здоровье (по 40%). На втором месте семья (40%). На третье и четвертое место по 40% респонденток-женщин поставили любовь. По поводу определения пятого места вообще нет ни малейшего единодушия – значимых показателей не обнаружено, поэтому это место в системе ценностей будет пустовать. Шестое место занимает материальное благо – 37,5%. Седьмое место – независимость (37,5%). На восьмом месте расположен отдых – 37,5%. Таким образом, получилась следующая цепочка: 1) здоровье и религия – 2) семья – 3) любовь – 4) любовь – 5) – 6) материальное благо – 7) независимость – 8) отдых.

Мужчины-флегматики безразличны к критике, равнодушно относятся к нововведениям, эмоции переживают длительное время, но не очень остро. К порученному делу относятся формально, поэтому результативность труда не очень высокая. В системе ценностей мужчин данной категории первое место прочно занимает религия (62,5% опрошенных), 37,5% респондентов на первое место поставили семью. Второе место респондентами-мужчинами с флегматическим типом темперамента бесспорно отдано семье (62,5%), 25% на второе место поставили религию, и только 12,5% опрошенных мужчин-флегматиков второе место в своей системе ценностей отдали здоровью. На первое место эту ценность не поставил никто. Удивительное единодушие проявили мужчины-флегматики в определении места такой ценности как здоровье – 75% опрошенных респондентов данной категории поставили здоровье на третье место. Третье место в своей системе ценностей 12,5% мужчин-флегматиков отдали религии, и такой же показатель имеет любовь. Удивительно, но данная категория респондентов, очевидно, считает любовь не особенно важной составляющей их системы ценностей – 37,5% респондентов отдали ценности «любовь» почетное четвертое место. Зато 62,5% отметили, четвертое место больше всего подходит такой ценности как «материальное благо». 37,5% респондентов отметили пятым местом карьеру, и столько же респондентов-флегматиков на это место поставили независимость. Карьеру большое количество респондентов-флегматиков поставили на шестое место – 62,5%. Седьмое место разделили между собой следующие ценности – независимость (50%), отдых (25%). Восьмое место занимает отдых – 62,5%. Таким образом, система ценностей мужчин-флегматиков может быть представлена в виде следующей цепочки: 1) религия – 2) семья – 3) здоровье – 4) материальное благо – 5) карьера, независимость – 6) карьера – 7) независимость – 8) отдых.

Система ценностей мужчин-флегматиков отличается четкой структурированностью и упорядоченностью – при определении преобладающих ценностей по каждой позиции совершенно не возникало затруднений, их взгляд на ценности отличается удивительным единодушием; каждая ценность в цепочке, то есть в системе ценностей, отмечена большим процентным показателем (практически каждое место отмечено процентным показателем в 62,5%, за исключением седьмой позиции – «независимость», но и она набрала 50% голосов респондентов). При том, что мужчины-флегматики представляют довольно многочисленную группу респондентов (40%), можно назвать данные особенности *присущими* мужчинам-флегматикам, а их систему ценностей типичной для данной категории респондентов. Таким образом, *отчетливо прослеживается связь между данным типом темперамента мужчин и их системой ценностей*.

Женщины-флегматики испытывают не сильные, но длительные по продолжительности эмоции, то есть они могут долго переживать обиду, помнить об оскорблении, находиться под впечатлением от увиденного или услышанного, однако проявлять это на людях они не способны. Как правило, они малообщительны, к каким-либо изменениям относятся безразлично, к поручениям относятся формально, в сложных жизненных ситуациях ведут себя хладнокровно. В системе ценностей женщин-флегматиков преобладает религия, эта ценность поставлена ими на первое место (75%). На втором месте семья – 50%, здоровье на третье место поставили 50% опрошенных. Четвертое место разделили между собой карьера, семья, любовь, материальное благо (по 25% респонденток). На пятом месте уверенно расположилась любовь (50%). Шестое место занимает независимость (75%). Седьмое и восьмое место занимает отдых (по 50%). Итак, систему ценностей женщин-флегматиков можно представить в виде цепочки: 1) религия – 2) семья – 3) здоровье – 4) карьера, семья, любовь, материальное благо – 5) любовь – 6) независимость – 7) отдых – 8) отдых.

Мужчин-меланхоликов в нашем исследовании не оказалось, а вот женщины-меланхолики представляют самую многочисленную группу опрошенных. Итак, женщины-меланхолики испытывают сильные и длительные эмоции, имеют слегка заниженную самооценку, не очень общительны, консервативны, к поручениям относятся формально, в сложных жизненных ситуациях чувствуют и ведут себя растерянно, с трудом переносят критику, обижаются и долго помнят, переживают эту обиду, сильно подвержены влиянию. Система ценностей женщин-меланхоликов выглядит следующим образом. Первое место занимают религия (50%), семья (30%), здоровье (20%). На втором месте оказались семья (40%), здоровье (30%). Третье место занимают здоровье (40%) и семья (30%). На четвертое место 40% опрошенных женщин-меланхоликов поставили любовь. На пятое место в своей системе ценностей данная категория женщин поставила материальное благо (40%). Такое же количество респонденток отдали свои голоса за шестое место для такой ценности как материальное благо (40%). 40% опрошенных женщин поставили на седьмое место отдых. На восьмом месте тоже отдых (50% опрошенных). Таким образом, система ценностей женщин-меланхоликов, участвующих в проекте, может выглядеть следующим образом: 1) религия – 2) семья – 3) здоровье – 4) любовь – 5) материальное благо – 6) материальное благо – 7) отдых – 8) отдых.

Итак, постараемся сравнить полученные схемы системы ценностей респондентов-мужчин и респонденток-женщин, относящихся к одному типу темперамента (см. табл. 2):

Таблица 2

Иерархия ценностей респондентов-мужчин и респонденток-женщин, относящихся к одному типу темперамента

Тип темперамента	Мужчины	Женщины
Сангвиник	1) религия 2) семья 3) здоровье 4) любовь 5) карьера 6) карьера 7) материальное благо 8) материальное благо	1) религия 2) семья 3) любовь 4) здоровье 5) карьера 6)материальное благо 7) независимость 8) отдых
Холерик	1) здоровье 2) религия и семья 3) любовь 4) карьера 5) независимость 6) материальное благо 7) отдых 8) отдых	1) здоровье и религия 2) семья 3) любовь 4) любовь 5) – 6) материальное благо 7) независимость 8) отдых
Флегматик	1) религия 2) семья 3) здоровье 4) материальное благо 5) карьера, независимость 6) карьера 7) независимость 8) отдых.	1) религия 2) семья 3) здоровье 4) карьера, семья, любовь, материальное благо 5) любовь 6.независимость 7) отдых 8) отдых
Меланхолик	-	1) религия 2) семья 3) здоровье 4) любовь 5) материальное благо 6) материальное благо 7) отдых 8) отдых

Из таблицы 2 видно, что системы ценностей респондентов-мужчин и респонденток-женщин, относящихся к одному типу темперамента, практически одинаковы. Однако полную картину мы не смогли получить, потому что в нашем исследовании не оказалось мужчин-меланхоликов. Поэтому сравнить их с женщинами-меланхоликами нам не удалось.

Тем не менее, мы можем утверждать, что тип темперамента оказывает влияние на систему ценностей человека. Ярким подтверждением этому могут служить мужчины и женщины с флегматическим и холерическим типами темперамента. Системы ценностей флегматиков, мужчин и женщин, практически идентичны. При этом они четко структурированы и упорядочены, отличаются удивительным единодушием при ранжировании ценностей. То же можно сказать о мужчинах и женщинах с холерическим типом темперамента.

Опираясь на результаты проведенного исследования, авторы считают, что повышенный интерес исследователей к ценностной проблематике обусловлен желанием глубже понять природу и закономерности социокультурной обусловленности ценностных ориентаций и жизненных смыслов современных молодых людей. Поскольку коренные преобразования в обществе невозможны, неокончательны без изменения ценностного сознания людей это общество составляющих, нам представляется чрезвычайно важным изучение и полноценный мониторинг процесса трансформации иерархии по-

требностей и установок, без чего невозможно настоящее понимание и управление процессами общественного развития.

Литература:

1. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. Изд-во: СПБ: Наука. (Серия «Слово о сущем»). 2009. 595 с.
2. Сердюкова Е.Ф. Нравственный компонент готовности молодых людей к вступлению в брак (на примере студенческой молодежи Чеченской Республики) / Е.Ф. Сердюкова // Научный диалог. 2014. № 3 (27): Психология. Педагогика. С. 86–91.
3. Elena Serdyukova, VeneraMinazova, ZaremaMinazova. The study of value orientations of young people of the Chechen Republic as a factorin the prevention of addiction to extremism // French Journal of Scientific and Educational Research, 2014, No.2. (12), (July-December). Volume II.“Paris University Press”.Paris, 2014. 1075 p.

УДК 159.9:316.77

КОМПОНЕНТЫ ЭФФЕКТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

COMPONENTS OF EFFECTIVE COMMUNICATION

Я.Х. Габарова,
старший преподаватель кафедры педагогики и психологии ЧГУ

Y.Kh. Gabarova,
Senior Lecturer in “Pedagogics and Psychology “Department of CheSU

Статья посвящена проблеме общения, зависимости коммуникативных способностей от личностных особенностей. Проделан анализ основных личностных особенностей, способствующих эффективному общению; темперамент, характер, самооценка. Особое внимание обращается на самые популярные концепции по проблеме общения – ТА (трансактный анализ) и НЛП (нейролингвистическое программирование).
Ключевые слова: *трансактный анализ, эго-состояние, НЛП, акцентуированная личность, самооценка.*

The article deals with the problem of communication, communication skills depending on the personality characteristics. The analysis of the main personal characteristics that contribute to effective communication; temperament, character and self-esteem was realized. Particular attention is drawn to the concept of the most popular on the issue of communication - TA (transactional analysis) and NLP (neuro-linguistic programming).
Key words*: transactional analysis, ego state, NLP, accentuated personality, self-esteem.*

Проблема общения самая актуальная и изучаемая в психологии, тем не менее, многие люди испытывают трудности в коммуникативном процессе. Известно, что потребность в общении является важнейшим условием личностного развития. Уже с первых месяцев жизни у ребенка возникает потребность в другом человеке – в эмоциональном контакте. С возрастом такая потребность преобразуется в потребность в личностном общении, сотрудничестве и кооперации с взрослыми. Однако каждый по-своему удовлетворяет эту базовую потребность, многое зависит от личностных качеств партнеров общения, условий и обстоятельств их развития, и от социальных факторов.

Конечно, эффективность общения во многом зависит от индивидуально-личностных особенностей и возможностей человека, но также, и от знаний человека о самом себе. Рассмотрев самые популярные теории по проблеме общения, а именно, способствующие его эффективности, мы убедились, насколько важно использовать теоретическую информацию на практике [6, 7].

Западные исследователи оказались более технологичными в этой проблеме, нежели наши, отечественные, которые всё ещё в поиске пути сближения теории и практики. Например, интересна идея трансактного анализа психоаналитика Эрика Берна (США, 1955), в основе которой лежит следующее философское предположение, что у каждого человека все будет хорошо, если он будет хозяином своей жизни и будет нести за нее ответственность. Трансакция – это слово, акция или действие, направленное на другую личность. Это единица общения, включающая в себя стимул и реакцию. Трансакция – это некий договор, соглашение. Простейшей пример трансакции в обычной жизни – это приветствие. Когда мы говорим: «Привет!», то есть, отправляем свой стимул, а нам отвечают: «Здравствуй!» – ответная реакция. Очень часто мы это произносим на ходу, чем всё и завершается, а в некоторых случаях становится хорошим поводом для общения. В трансакциях мы испытываем разные

чувства, к сожалению, не всегда ожидаемые нами. Казалось бы, всё так просто, отправил стимул – получил реакцию, но, тем не менее, очень часто между людьми возникают противоречия. В зависимости от ситуаций мы испытываем различные чувства, обычно называемые настроением. На самом деле в это время наши мысли и поведение в чём-то меняются. Всё в комплексе: чувства, мысли и поведение, называется эго-состоянием. Э. Берн выделил три эго-состояния личности, от которых зависит характер общения между людьми – родитель, взрослый, дитя, которые, в свою очередь, выполняют определённую функцию в нашей жизни. Э. Берн очень долго убеждал, что именно такой подход к структуре личности может объяснить сложность взаимоотношений между людьми. В каждом человеке живут все три эго-состояния, но при не достойном воспитании личность может деформироваться, одно эго-состояние подавляет другие, что способствует нарушению общения и появлению внутреннего напряжения. Суть берновской психотерапии: "оживлять" подавленное эго-состояние, когда это необходимо для эффективного общения. В личности гармонично должны быть задействованы все три эго-состояния.

Понятно, что психотерапия Э. Берна была создана для людей, имеющих коммуникативные проблемы, Её идею можно использовать как удачный инструмент совершенствования общения [3, 5].

Создатели нейролингвистического программирования (НЛП) Р. Бэндлер и Дж. Гриндлер разработали модель эффективного общения, которую можно было бы воспроизводить и использовать. Один из главных постулатов НЛП: «Главное в общении – это ответ, который ты получаешь, а не сообщение, посылаемое тобой». Если человек получает не тот ответ, к которому стремился, значит, он послал неправильное сообщение. Необходимо изменить свое сообщение, чтобы получить желаемый ответ. Человеку часто приходится иметь дело с новыми мыслями, методами работы, также приходится убеждать других в чем-то. Но существует множество барьеров, мешающих людям воспринимать информацию сходу. Камнем преткновения на пути к подлинному общению является односторонняя речь, потому что многие люди рассматривают процесс общения как односторонний. Человек концентрируется на том, что и как он хочет сказать. Однако когда мы стремимся достичь своей цели и донести до кого-то свою мысль, мы забываем, что у нашего партнёра по общению тоже есть свои цели, мысли и заботы. Бывает, что мысли партнера иногда не совпадают с нашими.

НЛП предлагает нам эффективную модель улучшения коммуникативных способностей и личностного развития. Первый шаг к эффективному общению - это создание атмосферы взаимопонимания. Как бы мы хорошо не говорили, но часто нас не понимают. Что нужно сделать, чтобы избежать непонимания? Следует быть внимательным к ответам партнера, которые позволят оценить степень понимания и определиться, что делать дальше. Итак, получается, что для эффективного общения по НЛП важны три аспекта:

• Человек должен знать, чего он хочет;

• Необходимо раскрыть подлинный смысл ответа, который ты получаешь;

• Изменять свое сообщение, пока не достигнешь желаемого ответа.

Как видно, техники НЛП просты и доступны любому человеку, с их помощью можно добиться эффективных результатов в общении [3].

Из личностных особенностей, оказывающих влияние на отношения и взаимопонимание с другими людьми, чаще всего называют темперамент, характер, отношение к себе.

Темперамент – это слово, которое практически у любого взрослого человека вызывает стойкую ассоциацию – сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик. Изменить темперамент нельзя. Темперамент – это та врожденная особенность человека, свойства которой проявляются во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в межличностном общении. Все знают, что у каждого типа темперамента есть свои недостатки и достоинства. Например, холериков в нашем исследовании оказалось больше, они характеризуются эмоциональной и двигательной неуравновешенностью, которая может вылиться в раздражительность, нетерпимость, агрессивность, неспособностью к самоконтролю при некоторых обстоятельствах. В ситуации общения агрессивность, отсутствие такта или несдержанность могут привести к разрыву контакта и вызвать конфликт. Для флегматиков характерным является иногда развитие таких негативных черт, как медлительность, бедность и слабость эмоций, склонность выполнять лишь привычные действия. Меланхолики склонны тяжело переживать такие жизненные обстоятельства, которые не заслуживают внимания, и иногда тяготят окружающих повышенной до болезненности эмоциональной ранимостью и чувствительностью, замкнутостью и отчужденностью. У сангвиников при определенных условиях подвижность может привести к отсутствию необходимой сосредоточенности, к поспешности и поверхностности [4].

Имеют значение характеристики ситуаций. Так, в ситуациях со слабыми стимулами, где нужно проявить терпение и сосредоточенность, более адекватно ведёт себя интроверт, поскольку он проявит

столь необходимую здесь психологическую чувствительность и терпимость. Для экстраверта подобная ситуация губительна и способствует проявлению раздражения, агрессии, он не ощущает слабых воздействий. Зато экстраверт более адаптивен в экстремальных условиях, например, спокойно может находиться в толпе людей. Интроверт же, попав в подобные обстоятельства, легко впадает в панику, депрессию, вызванную нервным истощением, замкнутостью, малообщительностью. Как видно, мы не можем утверждать, что один тип темперамента только положителен или только отрицателен. Знание же особенностей того или иного типа темперамента, его недостатков и достоинств, поможет избежать недоразумений.

Общение способствует самостоятельной и осознанной работе личности над своим характером. В процессе общения личность познает других, и в то же время такое познание приводит к самопознанию, а самопознание и самокритика являются хорошим стимулом для работы над своим характером. Через отношение к другим людям, у человека устанавливается и отношение к самому себе. С отношением к самому себе тесно связаны такие характерологические свойства личности, как самоконтроль, чувство собственного достоинства, скромность, уверенность в себе, эгоизм, самомнение, гордость, обидчивость, тщеславие и т.д.

С греческого термин «характер» переводится как «печать». В психологии по-разному понимают характер. Для диагностики типа акцентуации личности используют опросник Шмишека, теоретической основой которого является концепция «акцентуированные личности» К. Леонгарда. К. Леонгард считает, что черты личности могут быть разделены на доминирующие и дополнительные. Доминирующие черты составляют ядро личности и являются акцентуациями характера. А личности, у которых доминирующие черты более выражены, называются «акцентуированными» [4]. Сегодня понятие «акцентуированные личности» находится между психопатией и нормой, но они не являются патологическими. Патологическим характер становится под воздействием разных неблагоприятных факторов, патология разрушает структуру личности. Диагностика акцентуаций характера современной личности дала нам следующую последовательность: застревающий тип – самый выраженный, затем, эмотивный, экзальтированный, циклоидный, гипертимический, тревожный, педантичный, демонстративный, возбудимый, дистимический. Застревающий тип акцентуации характеризуется обидчивостью, легкой уязвимостью, подозрительностью, мстительностью, самонадеянностью, честолюбием, непомерностью требований к родным и подчиненным, все это способствует к конфликту в межличностном взаимодействии, но не продуктивному общению.

Начиная с подросткового возраста, человек может описать себя, называя отличительные черты собственной личности, слабые и сильные стороны, то есть, нарисовать свой психологический портрет. Скорость и легкость, с которой автопортрет будет создан, возможна потому, что у каждого из Homosapiens по мере взросления формируется и закрепляется система множественных представлений о себе, которая называется «Я - концепция». Все, что мы говорим незнакомому о себе – это когнитивная составляющая «Я - концепции», лишь некоторые качества могут являться объективными и неоспоримыми. Большая же часть характеристики субъективна и в основном содержит оценку: «Я добрый человек», «Я живу в лучшем городе», «Я занимаю значимую должность», «У меня покладистый характер». А с любой оценкой связаны эмоционально чувственные переживания: радость, удовлетворение, добродушие, благородство, огорчение, злость, уныние. Итак, вторая составляющая «Я – концепции» - оценочная.

Самооценка играет регулятивную роль. От того, насколько она положительна, зависит и эффективность общения, и самореализация в целом. Согласно формуле Джеймса [2], самооценка есть отношение успеха к уровню притязаний (тому, чего я собираюсь достичь). Обычно она бывает адекватной или неадекватной. У человека с неадекватно завышенной самооценкой возникают трудности в общении. Превосходство, сквозящее в том, что он говорит и делает, влечет за собой пренебрежительное отношение к другим. А так как окружающие, естественно, желают чувствовать себя ценными, то контакты с человеком, обесценивающим их личность, прекращают. И в отношении человека с завышенной самооценкой естественным образом возникает негативизм. Чрезмерно завышенной самооценкой иногда объясняется повышенная обидчивость ее обладателя. Обида, как правило, возникает в ответ на несправедливость. Тому, кто неоправданно высоко себя ценит, трудно принять критику, так как это не соответствует его уровню притязаний. Отсюда обидчивость и потенциальная конфликтность. Наличие заниженной самооценки является преградой в достижении успеха в различных областях жизнедеятельности человека, в том числе и в общении. Оценивание себя как некрасивого, невезучего, несостоятельного и т.д. приводит к излишней зависимости от других людей и дает последним пользоваться этим обстоятельством. Так возникает психологическая зависимость. Также заниженная самооценка искажает восприятие картины мира. Ощущая свою невысокую ценность, люди

с заниженной самооценкой всегда настроены на самое худшее: обманут, обидят, недооценят. Выражение лица, улыбка, реплики посторонних могут быть истолкованы как негативное отношение. Такое восприятие заставляет их занимать позицию защиты, воздвигая невидимую стену между собой и окружающими, необдуманно разрушать контакты, из-за чего в дальнейшем они будут испытывать чувство одиночества и окажутся в изоляции. Рождается и зависть к более успешным людям. От этого они стараются побольней задеть или унизить окружающих. Человек с адекватной самооценкой верит в себя, ценит себя. Положительная оценка собственных качеств помогает ставить перед собой адекватные задачи, разрешать их, достигать поставленных целей. В общении такого человека можно распознать по тому, как он светится открытостью, доверием и искренностью. У него нет барьеров, основанных на неверном восприятии себя и других. Ощущая свою ценность, он готов ценить и окружающих [3, 4].

Кстати, по данным многих исследователей, у большинства людей есть особенность оценивать себя чуть выше среднего. Если же принцип «золотой середины» нарушен слишком явно, то говорить можно о двух крайних явлениях – неадекватно завышенной или заниженной самооценке. Для формирования той или иной самооценки важно соответствие реального образа «Я» и идеального образа «Я». Замечено, когда идеальный образ представляется достижимым, он побуждает к самовоспитанию. Если же разрыв между действительным положением вещей и идеальным образом слишком велик – это путь к неуверенности в себе, агрессивности, упрямству, что естественным образом выражается в общении. Нужно помнить, что достойное и уважительное отношение к самому себе является предпосылкой такого же отношения к другим.

Обойти вниманием тот факт, что важнейшим компонентом эффективного общения является уровень развития у человека таких познавательных процессов, как восприятие, память, мышление, никак нельзя. Внимание не является собственно психическим процессом, это некая избирательная направленность на тот или иной объект действительности. К сожалению, у многих такие свойства внимания, как концентрация, сосредоточенность, устойчивость, распределение, переключение, проявляются при взаимодействии с миром вещей и предметов, но не при контакте с людьми. Для многих людей внимание и забота, жизненно необходимые явления. Например, не обратили внимание на подавленный эмоциональный фон сокурсницы, коллеги, не уделили внимания родителям, отвлеклись в беседе – и пропустили что-то значительное, казалось бы, мелочь, однако такие «незначительные» упущения способны привести к разрыву отношений, и даже к фатальным результатам.

Восприятие одним человеком другого – необходимая составная часть общения. Как психический процесс восприятие обеспечивает формирование целостных образов предметов и явлений, но в коммуникации оно приобретает специфические черты: воспринимаются не только физические параметры объекта (внешность партнера), но и поведенческие особенности, формируются представления о намерениях партнеров, их мыслях, способностях, эмоциях, установках и т.д. Касательно человеческих отношений, в качестве синонима выражению «восприятие другого человека» употребляется понятие «познание другого человека». В восприятии человека человеком большое значение имеет наблюдательность. Наблюдение помогает нам уловить мельчайшие изменения, как во внешнем виде партнера, так и в его эмоциональной сфере, речи [1, 7].

Большая нагрузка в общении ложится и на мнемические способности личности, то есть на память. Очень важно запомнить имя человека. Считается, что собственное имя - самая сладкая мелодия для человеческого слуха. Честь имени очень ревностно оберегается носителем. Человек, который не запоминает имена, вызывает чувство недоверия и несерьёзности. Многие с трудом запоминают параметры внешности, лица, имена, привычки, особенности партнера, оправдываясь плохой работой памяти. Так же, как спорт формирует и укрепляет мускулатуру, комплекс специальных упражнений тренирует память. Для памяти очень важен объем знаний.

Функция мышления – анализировать как собственное поведение в общении, так и действия партнера, видеть мотивы тех или иных поступков, предвосхищать последствия общения. А функция воображения заключается в умении ставить себя на место другого, видеть мир глазами собеседника, проникать в его эмоционально-чувственную область.

Эмоции окрашивают восприятие окружающего мира. Чувства и эмоции делают нашу жизнь полноценной и насыщенной [2, 6]. Чем более развита эмоциональная сфера, тем более тонко в общении мы можем воспринимать другого человека, отражать его состояния и понимать их. В тоже время общение само является источником переживаний – положительных и отрицательных. Результаты диагностики нас убедили, что люди в основном используют непродуктивный стиль взаимодействия. Чтобы изменить стиль взаимодействия, необходимо научиться рефлексии, доверии и ответственности. Что интересно, эти три важных качества, доступны каждому человеку. Они помогают перестро-

ить негативные, эмоционально насыщенные установки. Позволяют осознать и понять противоречия в социализации и индивидуализации личности. Найти позитивные формы преодоления конфликта с партнерами, с обществом.

Как мы отметили, совершенствование стиля взаимодействия зависит от трех основных принципов – рефлексии, доверия и ответственности: «Сила личности – в сознании», «В процессе общения доверие к собеседнику – необходимый компонент», «Каждый сам отвечает за свои действия, поступки и слова». Мы убеждены, если человек «пропустит через себя» основные идеи предлагаемых концепций, обращаясь к своему жизненному опыту, то, несомненно, произойдут позитивные изменения в процессе обретения нового опыта. Расширятся рамки имеющихся представлений о себе и о других людях, необходимом и возможном. Приобретение нового опыта позволит освободиться от негативного мышления, эмоций и деструктивных моделей поведения, открыть новые стороны своей личности, обрести внутреннюю целостность, гармонию и уверенность в себе.

Литература:

1. Бодалев А.А. Личность в общении. М., 1983.
2. Батаршев А.В. Психодиагностика способности к общению, или Как определить организаторские и коммуникативные качества личности. М., 2001.
3. Горянина В.А. Психология общения. М., 2002.
4. Гуревич П.С. Психология. М., 2015.
5. Коноплева Н.А. Психология делового общения. 2013.
6. Психология делового общения: учебник Аминов И.И. Юнити-Дана. Москва, 2012.
7. Столяренко А.М. Социальная психология: Учебник. М., 2012.

УДК 159. 922.4

ПРОБЛЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СИНДРОМА

ETHNO-CULTURAL SYNDROME

Я.Х. Габарова,
старший преподаватель кафедры педагогики и психологии ЧГУ
М.В. Ажиев,
к.пед.н., доцент кафедры педагогики и психологии ЧГУ

Y.Kh. Gabarova,
Senior Lecturer in "Pedagogics and Psychology "Department of CheSU
M.V. Azhiev,
Candidate of Pedagogical Science, Associate Professor in "Pedagogics and Psychology "Department of CheSU

В статье рассмотрена проблема влияния культуры на личностный рост подрастающего поколения. Обозначена актуальность и необходимость изучения психологического аспекта этнического фактора. Проанализированы основные компоненты и функции культуры в жизни человека.

Ключевые слова: *этнокультурный синдром, социотипическое поведение, эмоциональная привязанность, этническая идентичность, этническая социализация.*

The article considers the problem of the influence of culture on the personal growth of the younger generation. The urgency and necessity to study the psychological aspect of the ethnic factor was mentioned. The main components and functions of culture in human life were also analysed.

Key words*: ethno-cultural syndrome social behaviour, emotional attachment, ethnic identity, ethnic socialization.*

В современном мире наиболее актуальной становится проблема этнокультурного синдрома. Для любого человека очень важно осознание своей этнической принадлежности к определенному народу, что оказывает серьезное влияние на восприятие картины мира, на взаимодействие с другими людьми (от межличностного до межэтнического). Поэтому появилась необходимость изучения психологического аспекта этнического фактора, а именно, изучение особенностей психики, обусловленные культурой. Мы живем в условиях социально-политической нестабильности, и часто этнос в таких случаях выступает в качестве экстремальной группы поддержки.

Замечено, что именно в такие периоды человеку свойственно полагаться на этническую группу и преувеличивать положительное отличие своей группы от других. Таким образом, возрастает идентификация с этнической группой у многих людей. Нас интересовал вопрос выраженности этнокультурных особенностей у чеченской молодежи, то есть насколько культура влияет на их личностный

рост. На наш взгляд, изучение этнокультурных особенностей подрастающего поколения на этапе национального возрождения, после всех событий, которые пришлось пережить чеченскому народу, является актуальным как в научном, так и прикладном значении.

В современной этнопсихологии наибольшее распространение получили сравнительно-культурные исследования. Многие классические теории подвергаются проверке в новых культурах. Сегодня ни у кого не вызывает сомнение, какую важную роль играет культура в личностном развитии. Среди огромного количества выполняемых ею функций, наиболее значимой является регулятивная функция, благодаря которой культура в какой-то степени определяет паттерны поведения людей. Как отмечает отечественный психолог А.Г. Асмолов, культура определяет поведение, и он называет его «социотипическим поведением личности», это то поведение, которое, выражая «типовые программы данной культуры» и регулируя поведение в нормативных для данной общности ситуациях, даёт возможность человеку принимать индивидуальное решение. «Социотипическое поведение подогнано к определенному образу жизни и дает сбой тогда, когда человек сталкивается с непонятной ситуацией, например, когда попадает в иную культуру»(1). Большинство исследователей считают, что составными компонентами культуры являются традиции и обычаи, раньше их относили к различным сферам жизни: традиции – к духовной сфере человека, а обычаи – к сфере наблюдаемого поведения. Естественно, в этнопсихологии традиции рассматривались, как передаваемые из поколения в поколение особенности отношения человека к миру – ценности, интересы, убеждения, нравственные нормы, являющиеся базой для поведения. А обычаи понимались как более устойчивые формы поведения. На наш взгляд, интересной и правомерной является точка зрения отечественного психолога О.А. Осиповой, согласно которой существует определенная последовательность между этими понятиями: «…понятие культура понимается как более общее по отношению к традиции, а традиция, как более общее по отношению к обычаю» [1, 3].

Многие исследования доказывают, что на физический, интеллектуальный, эмоциональный и социальный уровень развития индивида культура влияет различным образом. Есть множество доказательств того, что рефлексы младенца – сосательный, двигательный, тактильные прикосновения, не имеют отношение к культуре, не зависят от неё и особенностей организации общества. Также не имеет отношение к культуре и способность детей на ранних стадиях младенческого развития подражать поведению своих родителей. Только в старшем возрасте культура начинает оказывать влияние на ребенка, например, на моторное развитие. Учёными выявлено немало культурных обычаев, ускоряющих или замедляющих процесс развития моторики детей. Интересно наблюдение американского психолога Э. Эриксона, который рассказывает обычай индейцев племени юрок стимулировать раннее ползание младенца: «с самого рождения ноги малыша в колыбели не прикрываются, начиная с первых дней жизни, бабушка их массирует» [4, 5].

Во многих общностях отдается предпочтение физическому развитию индивида, что, наверное, связано с необходимостью выживания в сложных социально-политических условиях. Например, в чеченской культуре издревле оружие ценилось выше всего. На оружии давали клятву, оно являлось постоянным и необходимым атрибутом мужчины, предметом гордости; чтобы в бою не отдать оружие, порою, чеченец шел даже на смерть. Большим позором считалось обезоруживание чеченца или оставление противнику своего оружия, или один из его компонентов. С раннего возраста мальчика обучали пользоваться оружием, к меткой стрельбе из лука, ружья, арбалета. Юноши часто устраивали игру-соревнование в скачки, стрельбе на меткость на скаку. Один из путешественников описывает случай, когда в честь его приезда вайнахи устроили соревнование по стрельбе в мишень. Стреляли старшие, не попадали, тогда один вайнах передал ружье подростку, который с первого выстрела попал в цель. Повсеместно была развита сеть народных школ по физическому и военному обучению молодежи. Военная подготовка с детства давала вайнахам возможность иметь достойных воинов, имевших военную подготовку от костюма, оружия до коня. Такие меры защиты были необходимостью в связи с войнами, боевыми набегами, а в Кавказскую войну с постоянными разорениями сел и насильственными переселениями в другие местности. Отсюда понятно, что среди традиций важное место занимало привитие чувства патриотизма подрастающему поколению.

Нет сомнений, что культура влияет и на эмоциональную сферу развития ребенка. У многих исследователей вызывает интерес эмоциональный аспект в развитии малыша, особенно формирование у него чувства привязанности к взрослому, а это, в свою очередь, является свидетельством процесса социализации ребенка. Благодаря результатам большинства исследований доказано, что последовательность развития комплекса эмоциональной привязанности универсальна, но существуют и значительные межкультурные различия. В настоящее время накоплен материал исследований, согласно которому культуры различаются в понимании понятия идеальной привязанности. Например, в чечен-

ской семье очень ценится и приветствуется ранняя самостоятельность и независимость, а надежно привязанного ребенка считают избалованным. Ранние взаимоотношения с матерью дополняются или заменяются отношениями с множеством других близких родственников. Ребёнка обычно опекают бабушки и дедушки, братья и сестры, тёти и дяди. Такие теплые эмоциональные связи с родственниками имеют функциональное значение для семьи, они способствуют установлению эмоционально близких, надёжных, родственных отношений. Поэтому в большинстве случаев, дети со своими просьбами, проблемами обращаются не к родителям, а идут к одному из близких родственников. И очень редко бывают случаи, чтобы их просьба была не удовлетворена. Родственник может отказать своему ребенку, но никогда не откажет детям своих братьев и сестер. Замечателен обычай взаимопомощи в чеченской культуре, который называется «белхи». Он функционирует до сих пор и способствуют развитию у подрастающего поколения коллективистических ценностей и норм, что необходимо для выживания малым народам. С раннего детства ребенку прививают светлые чувства уважения и почитания старших по возрасту, а уважать и любить своих родителей – обязательный долг детей. У чеченцев принято говорить: «Если поджарить яичницу на ладони и поднести ее матери, то и тогда мы не окупим своих долгов перед ней». Такое воспитание формирует историческую память народа, привязанность к земле своих предков, любовь к своему Даймохк (Родина). Подтверждением тому является наша исследовательская часть с детьми, приехавшими из европейских стран погостить на Родину, в Чечню. Например, мальчику Дени 3 года. Он живет в Австрии, ходит в детский сад. Владеет двумя языками (чеченский и немецкий). На неоднократный вопрос: «Как тебя зовут?» Каждый раз отвечает: «Нохчо!» В беседе с родителями выяснилось, что Дени всегда представляется как Нохчо, и только потом как Дени. На вопрос, что означает для него Нохчо, он станцевал родной танец. Дени оказался очень вежливым мальчиком, часто повторял слово «данке» (на немецком – спасибо), что является явным признаком процесса аккультурации. Другая наша участница – Элиза, 7 лет, живет во Франции, ходит в школу, владеет чеченским и французским языками. Элиза увлекается пением и живописью. На школьных мероприятиях поет чеченские песни в оригинале и переводе на французский язык. В дорожном альбоме рисунки с пейзажами родных гор. На вопрос: «А почему именно такие увлечения?» Элиза ответила: «Таким образом я выражаю свою любовь к Чечне, своей любимой родине».

Понятно, что психологам предстоит еще много работы для более глубокого изучения и понимания моделей привязанности в разных культурах. Эмоциональная привязанность – динамичное явление, изучение которого возможно лишь при учете социокультурного аспекта. В своем исследовании мы обнаружили зависимость этнической идентичности от особенностей семейного воспитания. Также обнаружена связь между этнической социализацией детей в семье и содержанием их этнической идентичности. Этническая социализация включает в себя знание родного языка как средства внутрисемейного общения, соблюдение традиций и обычаев, обрядов и праздников, наличие в доме традиционных для этноса предметов быта, беседы на темы истории и культуры родного народа. Дети, которые прошли этносоциализацию в семьях, быстрее и точнее ориентируются в перечне «национальных ярлыков», более осознанно относят себя к этнической группе, и чаще пользуются родным чеченским языком. Уже доказано, как благотворно сказывается на формировании этнической идентичности соответствие ценностей, получаемых от семьи, ценностям, транслируемым через школу и группы сверстников. В подростковом периоде, в связи с ослаблением влияния и авторитета родителей, особое значение приобретает группа сверстников, которая в современном социуме «является наиболее жестким социализатором, требующего постоянных знаков верности и послушания от своих участников». К счастью, в чеченской культуре эта проблема так остро не стоит, хотя она может коснуться наших соотечественников, иммигрировавших в европейские страны. У них может возникнуть конфликт идентичностей из-за разногласий между ценностями этнической культуры, передаваемыми через семью, и ценностями чужой культуры, формируемые в школе. К сожалению, подростки в такой ситуации могут выбрать как наиболее выпуклую третью группу, а именно, группу сверстников с ее молодежной субкультурой – для идентификации себя с нею. Именно в семье человек получает первый опыт этносоциального взаимодействия. Длительное время семья является для ребенка единственным местом получения такого опыта. Далее в жизнь ребенка включаются другие социальные учреждения – детский сад, школа, улица. Тем не менее, и в это время семья остается одним из важнейших факторов этнической идентичности личности. Семью следует рассматривать в качестве модели и формы базового жизненного тренинга личности. Родители оказывают самое сильное влияние на детей, как первые воспитатели жизни. Французский мыслитель Ж.Ж. Руссо утверждал, что «каждый последующий воспитатель оказывает на ребенка меньшее влияние, чем предыдущий» [2, 3].

Таким образом, устойчивость идентичности и ее позитивность – центральные компоненты для

ощущения группой, да и отдельной личностью психологической безопасности, стабильности и поддержки. Индивиды должны стремиться повысить свою позитивную идентичность и защищать ее. Замечательно, что у нашего народа появились проблески надежды на стабильность, он стремится адаптироваться к новой социальной ситуации. Хотя интересы некоторой части населения естественным образом все больше актуализируются в сфере повседневных материальных забот и благ. Но, тем не менее, они не забывают и о морально-нравственной сфере, и, в первую очередь, о формировании таких качеств, которые способствовали бы духовному возрождению чеченского народа – это доброжелательность, религиозность, внимание и милосердие к старшим, младшим и слабым, честность, открытость, трудолюбие, и, конечно, послушание – как один из важных добродетелей.

Литература:

1. Асмолов А.Т. Психология личности. М., 2001.
2. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология М., 2014.
3. СтефаненкоТ.Г. Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности. Этническая психология и общество. М., 1997.
4. Уайтинг Дж. Процесс социализации и личность. Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М., 2001.
5. Эриксон Э. Детство и общество. СПб, 1996.

УДК 377.5

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УРОВНЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ У СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

PSYCHO-PEDAGOGICAL CHARACTERISTICS OF PROFESSIONAL REFLECTION LEVELS OF STUDENTS AS FUTURE TEACHERS

А.А. Бехоева,
доцент кафедры педагогики и психологии ЧГУ

A.A. Bekhoeva,
Associate Professor in "Pedagogics and Psychology "Department of CheSU

В статье описано исследование, целью которого являлось выявление и содержательное описание уровней развития профессионально-педагогической рефлексии у студентов. Исследование строилось в несколько этапов: теоретическое выделение содержательных компонентов профессионально-педагогической рефлексии, формирование исследовательского инструментария, констатирующий и формирующий этапы. На основании эмпирических результатов выделены и охарактеризованы уровни развития профессионально-педагогической рефлексии у студентов – будущих учителей
Ключевые слова: *профессиональная рефлексия, педагогическое образование, профессиональное становление.*

The article describes a study of identify and informative description of levels of professional and pedagogical reflection among students. The study was built in several stages: the theoretical allocation of substantial components of professional and pedagogical reflection, the formation of research instruments, ascertaining and forming stages. The empirical results of levels of professional development and pedagogical reflection of students as future teachers were highlighted.
Key words*: professional reflection, teacher education, professional development.*

Инновационный вектор развития российского образования на данном этапе во многом обусловлен реализацией новых федеральных стандартов начального и общего образования. ФГОС задает новые ориентиры в постановке образовательных задач; в частности, в числе метапредметных результатов освоения основной образовательной программы в них заложены «умение соотносить свои действия с планируемыми результатами, осуществлять контроль своей деятельности в процессе достижения результата… владение основами самоконтроля, самооценки, принятия решений и осуществления осознанного выбора в учебной и познавательной деятельности». Необходимость формирования подобных компетенций повышает значимость рефлексивных технологий в образовании. В контексте модернизации российского образования рефлексия приобретает ключевую роль.

Однако успешность практического применения рефлексивных технологий в образовании напрямую зависит от уровня профессионально-педагогической рефлексии у самого учителя. Нельзя не согласиться с Е.В. Пискуновой, которая подчеркивает, что для обеспечения системного характера

инноваций в образовательном процессе необходимым условием является сформированность у педагога рефлексии как способности к осмыслению и осознанию собственной личности и деятельности. Современные тенденции модернизации российского образования, необходимость научного и методического сопровождения реализации новых стандартов обуславливают потребность в эмпирических педагогических исследованиях, посвященных вопросам педагогической рефлексии и специфики ее формирования.

Рефлексия выступает одной из фундаментальных категорий психолого-педагогического знания, описывающей процесс самосознания. В этой связи она понимается как сущность, сердцевина человеческого сознания (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн. И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов и др.). В ряде психологических исследований рефлексия представляется в качестве важнейшего компонента теоретического мышления (Н.Г. Алексеев, О.С. Анисимов, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.), единицы умственного действия (В.В. Давыдов), эвристического решения (Ю.Н. Кулюткин), а также уровня мыслительного процесса (И.Н. Семенов).

В современной психологии рефлексия привлекается в качестве важнейшего объяснительного принципа для раскрытия психологического содержания различных феноменов и экспериментальных фактов (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, И.Н. Семенов, А.П. Сопиков, С.Ю. Степанов и др.). В социально-психологических исследованиях основным контекстом изучения рефлексии являются процессы межличностного познания и взаимодействия.

Под профессионально-педагогической рефлексией нами понимается процесс самопознания учителем сущностных характеристик педагогического труда, направленный на анализ, оценивание и необходимую корректировку собственной педагогической деятельности, на позитивное восприятие ее другими людьми. Рефлексия обеспечивает выход за пределы традиционного выполнения деятельности, поиск новых нестандартных путей решения профессионально-педагогических задач и преодоление стереотипов своего профессионального и личностного опыта. В педагогической деятельности рефлексия играет определяющую роль, так как ориентирует учителя на самоанализ результатов собственной профессиональной деятельности, всесторонний анализ поведения детей, родителей, межличностных взаимодействий, а также коррекцию взаимодействия с воспитуемыми.

Важность рефлексии как профессионально значимого качества педагога неоднократно подчеркивалась в отечественной педагогической и психологической науке. Так, Ю.Н. Кулюткиным обоснована необходимость совершенствования рефлексии педагога как основы успешного осуществления учебной деятельности. И.А. Стеценко отмечает ведущую роль рефлексивной компетентности в профессиональной деятельности педагога. Г.Г. Ермакова отмечает, что уровень рефлексивности педагога коррелирует с профессиональной успешностью, как следствием эффективного разрешения профессиональных затруднений. В исследованиях П.И. Третьякова, И.Б. Сенновского, Е.Н. Шиянова и др. исследователей анализируются формы совместной деятельности преподавателя и студента с учетом уровня развития у них способности к самоуправлению, ставятся вопросы о необходимости разработки технологии обучения, которая способствовала бы развитию самоуправляемой деятельности студента. При этом ряд исследователей склоняется к тому, что результативность учебного взаимодействия учителя и учащихся зависит не только от рефлексии педагога, но и от умений использовать рефлексию обучаемых для организации обучения (Б.З. Вульфов, Г.П. Щедровицкий и др.).

Отечественные исследователи неоднократно обращались к проблеме моделирования структуры педагогической рефлексии. Так, И.А. Стеценко с учетом профессиографического подхода выделила следующие аспекты: личностный, межличностный, предметно-функциональный и методологический. Интересным представляется подход обоснования критериев развития педагогической рефлексии Г.Г. Ермаковой. Первым критерием, по мнению автора, является достаточность рефлексивных знаний, вторым – отношение педагога к педагогической рефлексии, рефлексивной деятельности. Третьим критерием развития педагогической рефлексии Г.Г. Ермакова считает собственно рефлексивное поведение педагога.

Несмотря на достаточную разработанность проблемы педагогической рефлексии, при анализе ее содержания приоритетным для исследователей является содержание ее структуры (компоненты и их взаимосвязь), тогда как характеристика уровней развития педагогической рефлексии во многом остается фрагментарной. Задача определения уровней формирования педагогической рефлексии особенно актуальна в контексте образования будущих учителей: для оценки эффективности решения задач формирования профессионально-педагогической рефлексии необходимо опираться на конкретизированное представление об уровнях развития педагогической рефлексии. На этапе освоения педагогической профессии именно рефлексивное сознание студентов должно контролировать процесс построения образа своей будущей профессиональной деятельности, критически осмысливать его

особенности. В связи с тем, что педагогическая деятельность не всегда четко осознается и зачастую реализуется спонтанно, будущий учитель не отражает в полной мере специфику затруднений, их последствия для себя, не осознает в полной мере и себя – воспринимающего это затруднение и действующего по пути его преодоления.

Подобное противоречие между практической потребностью в детализации и операционализации представлений об уровнях развития педагогической рефлексии и дефицитом эмпирических исследований по данной тематике привело нас к разработке программы нашего исследования.

Целью нашего исследования являлось выявление и содержательное описание уровней развития профессионально-педагогической рефлексии у студентов.

Опытно-экспериментальной базой исследования явился Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова.

Наше исследование строилось в несколько этапов. Первым этапом стала разработка концептуальной основы дальнейшего исследования. На этом этапе нами был рассмотрен содержательный аспект профессионально-педагогической рефлексии и выделены следующие основные компоненты, определяющие специфику ее развития: *мотивационно-целевой, креативно-процессуальный, эмоционально-волевой, коммуникативно-технологический и контрольно-оценочный.*

Мотивационно-целевой компонент выражает потребность в профессионально-педагогической рефлексии, необходимость осознания мотивов и целей использования профессионально-педагогической рефлексии в работе учителя. Основой мотивационно-целевого компонента являются: удовлетворенность педагогической деятельностью, направленность студентов на саморазвитие и самовоспитание, стремление к овладению профессиональными знаниями, умениями и навыками.

Креативно-процессуальный компонент включает в себя знания, конкретизирующие теоретические основы профессионально-педагогической рефлексии, а также профессиональные умения учителя по осуществлению рефлексивной деятельности. Данный компонент интегрирует интеллектуальные способности и профессионально-личностные качества личности, которые в сочетании позволяют судить о степени креативности, а также способности генерировать новые способы педагогической деятельности, содержание и технологии обучения.

Эмоционально-волевой компонент выражает явление эмоционально-ценностного отношения к процессу формирования профессионально-педагогической рефлексии, направленность на формирование личностных и субъектно-деятельностных качеств, способствующих эффективному осуществлению рефлексивной деятельности.

Коммуникативно-технологический компонент выражает педагогические условия формирования умений и навыков коммуникации в структуре формирования профессиональной рефлексии. Основу данного компонента составляет совокупность знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективное протекание коммуникативного процесса, ориентированность в различных ситуациях общения, а также система внутренних ресурсов, необходимых для построения продуктивного взаимодействия, основанного на чувственном опыте, понимании себя и других.

Контрольно-оценочный компонент, предполагающий оценку и самооценку рефлексивной деятельности педагога. Он включает в себя адекватную личностную и профессиональную самооценку, осознание своих переживаний и состояний.

На втором этапе мы разработали дизайн исследования, подобрали исследовательский инструментарий и сформировали выборку. Мы полагаем, что к III курсу у студентов сформированы определенные умения и навыки педагогической деятельности посредством комплекса психолого-педагогических и методических курсов и работы в период педагогической практики. Вместе с тем, мы взяли контрольную и экспериментальную группу как третьекурсников, так и четверокурсников, чтобы показать как изменились профессионально-личностные параметры в зависимости от овладения профессиональными знаниями.

Всего в исследовании принимало участие 342 студента 3–4 курса.

Для оценки профессионально-педагогической рефлексии мы сформировали диагностический комплект, сочетающий стандартизированные психологические методики и проективные диагностические приемы.

В качестве стандартизированных методик мы использовали методику диагностики рефлексивности А.В. Карпова, где рефлексия понимается как психическое свойство, и методику определения уровня рефлексивности по В.В. Пономарёвой. Методика Пономаревой позволяет проанализировать следующие параметры: 1) ретроспективная рефлексия деятельности; 2) рефлексия настоящей деятельности; 3) рассмотрение будущей деятельности; 4) рефлексия общения и взаимодействия с други-

ми людьми. Результатом применения данной методики будет измерение уровня рефлексии собственной деятельности.

В качестве проективных диагностических приемов нами использовались рефлексивное сочинение и аналитические эссе. Студентам предлагалось выполнить работы на темы «Что составляет профессионализм современного педагога», «Ребенок: личность и ученик», «Педагогическое творчество: что это такое?», «Настоящий учитель: какой он?» (студенты, на четвертом этапе вошедшие в экспериментальную группу, выполняли данные сочинения и эссе после проведения занятий на аналогичные темы).

На третьем этапе мы провели констатирующее исследование. По его итогам исследования мы обнаружили, что показатели уровня развития профессионально-педагогической рефлексии у студентов во многом сходны, что не позволяет в достаточной степени их дифференцировать.

Поэтому нами был проведен четвертый этап исследования, а именно формирующий. На формирующем этапе в экспериментальной работе со студентами Северо-Осетинского государственного педагогического института нами апробировался образовательный комплекс «Основы личностно ориентированного обучения», предусматривающий лекционные занятия (10 часов), семинарские (8 часов), сензитивный тренинг (6 часов), деловые игры (3 темы), самостоятельную работу (5 разделов), дискуссию, апробацию полученных знаний в период педагогической практики. Данный образовательный комплекс был направлен на развитие профессионально-педагогической рефлексии будущих учителей. Студенты были разделены на контрольную и экспериментальную группы.

Как показала диагностика рефлексивных способностей студентов на начальном этапе, будущие учителя осознают как свои профессиональные качества, так и своих однокурсников, преимущественно на поведенческом уровне, выделяя такие качества как активность, доброжелательность, знание основ дидактики и методики организации учебно-воспитательного процесса. Между тем глубинные, скрытые свойства характера ими менее осознаются. Так, студентами третьего курса остались незамеченными такие качества как открытость, заинтересованность, гибкость, эмоциональность, осмысление результатов деятельности.

Интересно указать на тот факт, что оценка своих профессиональных мотивов у студентов – будущих учителей носит недифференцированный характер. В подавляющем большинстве случаев (87%) ими называется один мотив – любовь к детям. Самооценка студентами стиля своего профессионального общения носит, главным образом, неадекватный характер с направленностью на переоценку отдельных коммуникативных свойств, что свидетельствует о недостаточном развитии оценочного компонента профессионально-педагогической рефлексии учителя. Студенты не умеют прогнозировать трудности в педагогической профессии. Очевидно, отсутствие педагогического опыта, переживания личностной значимости профессии учителя, осознание своих успехов и неудач являются у них причинами недостаточно сформированных мотивационного и технологического компонентов рефлексии.

На основе систематизации и анализа экспериментальных данных нами выделены следующие уровни развития профессионально-педагогической рефлексии у студентов: *первый* – низкое развитие профессиональной рефлексии, *второй* – среднее развитие, *третий* – высокая развитость, выраженность и целостное единство всех компонентов профессиональной рефлексии учителя.

Показателями первого уровня являются следующие: слабая выраженность профессиональной рефлексии, недифференцированная направленность самосознания в процессе деятельности, самоанализа и самооценки, неразвитость аналитических умений и навыков, низкая сформированность профессиональных действий, недостаточная мотивация и самостоятельность, отсутствие потребности в профессиональном самовоспитании и самообразовании.

Переход на второй уровень связан с определенностью и организованностью рефлексивной деятельности студентов и характеризуется устойчивой потребностью в профессионально-личностном самосовершенствовании, недостаточном владении технологиями педагогической деятельности, затруднениями в решении практических задач, устойчивой самостоятельностью и творческой активностью.

Важнейшим критерием перехода на третий уровень является то, что все рефлексивные процессы в максимальной степени организованы, обнаруживается способность быстро и гибко реагировать на меняющиеся условия, изменять свое поведение. Показателем данного уровня является высокая развитость всех компонентов профессиональной рефлексии.

Данные проведенного констатирующего эксперимента свидетельствуют о наличии значительного числа студентов контрольной и экспериментальной групп с низким и средним уровнем профессионально-педагогической рефлексии (см. табл. 1).

Таблица 1

Уровень развития профессионально-педагогической рефлексии (начальный этап опытно-экспериментальной работы), %

Контрольная группа			**Экспериментальная группа**		
Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
78	22	**0**	71	29	0

Данные, полученные по завершении формирующего эксперимента, указывают на положительную динамику показателей профессионально-педагогической рефлексии (см. табл. 2).

Таблица 2

Уровень развития профессионально-педагогической рефлексии (завершающий этап опытно-экспериментальной работы), %

Контрольная группа			**Экспериментальная группа**		
Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
15,5	62,5	22	10,5	50,5	39

Вместе с тем, интересно указать на то, что развитие по каждому компоненту профессионально-педагогической рефлексии идет неодинаково. В наибольшей степени на заключительном этапе оказались сформированы мотивационно-целевой и креативно-процессуальный. Высшего уровня коммуникативно-технологического и контрольно-оценочного компонентов достигла лишь незначительная часть участников эксперимента, большая часть студентов оказалась на втором уровне развития. Однако, учитывая, что при первичной диагностике большинство находилось лишь на первом уровне, был отмечен достаточно интенсивный рост сформированности профессионально-педагогической рефлексии. У студентов обнаружилась устойчивая потребность в профессиональном самосовершенствовании, анализе разноплановых педагогических задач, самостоятельность в выборе технологий обучения.

Таким образом, наше исследование не только позволило содержательно охарактеризовать уровни профессионально-педагогической рефлексии, но и показать их обусловленность спецификой организации образовательного процесса в вузе. Результаты констатирующего эксперимента показали необходимость поиска эффективной дидактической модели развития профессионально-педагогической рефлексии студентов университета (на формирующем этапе мы предприняли попытку решения этой задачи, однако подробное описание предложенной нами модели требует отдельной статьи).

Невозможно, чтобы каждый студент поднялся до самого высокого уровня развития своих профессиональных качеств, но можно и должно создать такие условия в период обучения в вузе, чтобы каждый пришел к осознанию необходимости собственного развития, необходимости постоянного изменения и осмысления будущей профессиональной деятельности.

Мы полагаем, что студент университета как личность, индивидуальность и субъект деятельности должен в полной мере осуществлять развитие всех компонентов рефлексии и продвигаться к профессионально-личностному самосовершенствованию. Это возможно при условии, если студенты научатся не только воспринимать, но и пропускать через свое сознание информацию, существующий опыт, рефлексировать, а потом выстраивать свою практическую деятельность.

Литература:

1. Абульханова-Славская К.А. Гуманистические проблемы психологической теории. М.: Наука, 1995. 214 с.
2. Алексеев Н.Г. Способность к рефлексии как существенный момент интеллектуальной культуры специалиста. Новосибирск, 1994. 56 с.
3. Анисимов О.С. Основы методологического мышления. М., Просвещение, 1984. 136 с.
4. Вульфов Б.З., Харькин В.Н. Педагогика рефлексии. ИЧП «Издательство Магистр», 1995. 111 с.
5. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под. ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика. Пресс, 1996. 536 с.
6. Давыдов А.В., Зак А.З. Уровень планирования как условие рефлексии // Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования. Новосибирск: Наука, 1987. С. 43–48.
7. Ермакова Г.Г. Педагогические условия развития профессиональной рефлексии педагога. Дисс… канд. пед. наук, Оренбург, 1999
8. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов управления / А.В. Карпов, В.В. Пономарева. М.: ИП РАН, 2000. 283 с.
9. Кулюткин Ю.Н., Муштавинская И.В. Образовательные технологии и педагогическая рефлексия. СПб.: СПбГУПМ, 2002. 48 с.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
11. Пискунова Е.В. Профессиональная педагогическая рефлексия в деятельности и подготовке педагога //

Вестник ТГПУ. 2005. Выпуск № 1(45). С. 62–66.
12. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: О месте психического во все общей взаимосвязи явлений материального мира. М.: АН СССР, 1957. 328 с.
13. Семенов И.Н. Тенденции психологии развития мышления, рефлексии и познавательной активности. Учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000.
14. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвития личности // Вопросы психологии. 1983. №2. С. 35–42.
15. Смирнова Е. В., Сопиков А. П. Рассуждение о рассуждениях (рефлексивность сознания личности). В кн.: Социальная психология личности. Л., 1973. С. 140–149.
16. Стеценко И. А. Педагогическая рефлексия: теория и технология развития : дисс ... доктора педагогических наук: 13.00.01. Таганрог, 2006.
17. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс] URL: минобрнауки.рф/документы/938 (дата обращения 17.03.2015)
18. Шиянов Е.Н. Гуманизация образования и профессиональной подготовки учителя: Учеб. пособие. М., Ставрополь, 1991. 179 с.
19. Щедровицкий Г.П. Рефлексия в деятельности // Вопросы методологии.1994. №4. С. 76–121.

УДК 159.91

НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОТЕРАПИИ

NEUROBIOLOGICAL BASIS OF PSYCHOTHERAPY

А.Б. Ахмедов,
к.психол.н., доцент кафедры педагогики и психологии ЧГУ

A.B. Akhmedov,
Candidate of Psychology Sciences, Associate Professor in "Pedagogics and Psychology" Department of CheSU

Статья посвящена теоретическому анализу современного подхода к взаимосвязи нейробиологии, нейропсихологии и психотерапии. Рассматриваются использование результатов нейробиологических исследований на развитие теории психотерапии, роль нейробиологических факторов в психотерапии, а также обсуждаются некоторые концептуальные и методологические проблемы в нейробиологическом подходе к психотерапии. Заключается, что нейробиологические исследования помогают оценить эффективность и ограничения психотерапии, но не могут отразить сложные межличностные процессы, происходящие в психотерапии.
Ключевые слова: *нейробиология, нейропсихология, психотерапия.*

The article is devoted to theoretical analysis of the modern approach to the relationship of neuroscience, neuropsychology and psychotherapy. We consider the applying of neurobiological research results on the development of the theory of psychotherapy, the role of neurobiological factors in psychotherapy and discusses some of the conceptual and methodological problems in the neurobiological approach to psychotherapy. In conclusion we may say that neurobiological research helps to evaluate the effectiveness and limitations of therapy, but can not reflect the complex of interpersonal processes in psychotherapy.
Key words: *neuroscience, neuropsychology, psychotherapy.*

Традиционно нейробиология и психотерапия пребывали в отношении взаимного игнорирования. Однако в течение последних десятилетий в результате развития новых методов нейропсихология начала определять нейрологические корреляты не только в диагностике психических расстройств, но также и в их терапии. Возрастающая интеграция социальных, психологических и медицинских наук демонстрирует необходимость всеобъемлющего анализа биологических, социальных и психологических факторов психических расстройств.

Целью данной работы является анализ важных составляющих компонентов, таких как влияние результатов нейробиологических исследований на теорию психотерапии, анализ нейробиологических факторов в психотерапии и обсуждение некоторых концептуальных и методологических проблем в нейробиологическом подходе к психотерапии.

Влияние результатов нейробиологических исследований на теорию психотерапии.

Важное влияние на теорию психотерапии оказали исследования нейропластичности мозга. Как известно, развитие мозга определяется не только влиянием генов, но также постоянным взаимодействием мозга с окружающей средой. Такое эпигенетическое формирование мозга отмечается не толь-

ко в детском возрасте, но на протяжении всей жизни [4]. Нейропластичность является предопределяющим фактором любых изменений в поведении, эмоциях и познавательных процессах. Таким образом, для того, чтобы добиться долговременных изменений в состоянии пациентов, психотерапия должна быть направлена на переструктурирование нейронных сетей, особенно в подкорковой лимбической системе мозга, которая отвечает за подсознательные мотивы, ведущие к определенным эмоциональным процессам, а также в гиппокампе, который регулирует процессы памяти и другие познавательные процессы [6].

Три основных процесса, происходящих в лимбической системе, играют важную роль в психотерапии: лимбический резонанс, лимбическая регуляция и лимбическое влияние [8]. Лимбический резонанс вызывается взаимодействием и внутренней адаптацией психотерапевта и клиента к эмоциональным состояниям друг друга, благодаря чему психотерапевт через эмоциональную настроенность на клиента начинает понимать его состояние. Лимбическая регуляция, позволяющая достигать эмоциональный баланс, формируется в раннем детстве. Благодаря эмоциональной регуляции, дети эмоционально уравновешенных родителей становятся более устойчивыми к стрессам. Также и в психотерапии при помощи лимбической регуляции клиент становится более эмоционально стабильными и устойчивым. Лимбическое влияние заключается в нейропсихологическом суммировании жизненного опыта на ранних этапах развития. Если ранний жизненный опыт, запечатленный в лимбической сети, представляет здоровое эмоциональное взаимодействие с родителями, это послужит формированию здоровых эмоциональных взаимоотношений с другими людьми во взрослой жизни. Эффект психотерапии заключается в целенаправленном использовании лимбического влияния для изменения нейронных паттернов и достижения оптимального эмоционального функционирования [8].

Исследования в области памяти играют важную роль в понимании процессов, происходящих в результате психотерапии в двух системах:

1. Имплицитная (внутренняя) память, которая включает автоматические действия, бессознательные процессы и невербальные привычки;
2. Эксплицитная (декларативная или внешняя) память, которая хранит отдельные переживания для последующего воспроизведения [2].

Эти две системы памяти локализованы в различных нейронных структурах мозга. Имплицитная память регулируется в области базальных ганглий, мозжечка и миндалин мозга. Эксплицитная память локализуется в височной области мозга, особенно в гиппокампе и коре головного мозга [2]. Поскольку имплицитная система памяти также хранит паттерны эмоционально-соматического взаимодействия, которые активируются даже едва заметным воздействием ситуационных факторов, как например, выражением лица, жестами, полутонами, и другими, она является чрезвычайно важной как в межличностных взаимоотношениях, так и в психотерапевтическом процессе.

Исследования в области возрастного развития, привязанности и эмпатии

В контексте изучения данной проблемы большое внимание уделяется исследованиям в области возрастного развития. Проблема семейного воспитания в настоящее время все больше привлекает к себе внимание педагогов, психологов, психотерапевтов и социологов, причем главным объектом исследования специалистов можно без преувеличения считать родительское отношение к ребенку [3, С. 214]. Так, исследования взаимодействия матери и младенца показывают, что церебральное формирование паттернов взаимодействия развивается в возрасте 3–4 месяцев [8]. Через подсознательную обработку эмоциональной информации имплицитная система памяти младенцев к данному периоду становится способной к выделению прототипов и правил из повторяющихся ситуаций и переживаний. Данные схемы организуют межличностные взаимодействия младенца с матерью, которые позже будут перенесены на других людей и ситуации, независимо от того, связаны они с ранним опытом взаимодействия с матерью или нет. Таким образом, имплицитная система памяти служит связующим звеном между опытом раннего взаимодействия, дисфунциональными паттернами привязанности и нарушенной эмоциональной регуляцией, которые играют решающую роль во многих психических расстройствах.

Данные результаты нейробиологических исследований, с одной стороны, подтверждают роль бессознательного, которая была определена в психоанализе. С другой стороны, бессознательное содержание имплицитной системы памяти отличается от той части динамичного бессознательного, которое меняется под воздействием механизмов психологической защиты [2]. Исследования в данной области также показывают, что детская амнезия является не результатом подавления эдипового комплекса, как было принято считать ранее, а следствием развития эксплицитной системы памяти.

Нейробиологические исследования также рассматривают теорию привязанности, разработан-

ную ранее Дж. Боулби (2003), в новом свете как биопсихологическую модель для социального развития мозга [1]. Растет число нейропсихологических исследований, доказывающих, что система привязанности является центральной организующей системой в развитии мозга, позволяющей младенцам использовать своих родителей для регуляции своих внутренних состояний до тех пор, пока их собственные психонейробиологические функции станут более зрелыми и самостоятельными [8]. Эти ранние переживания привязанности усваиваются и кодируются в памяти, создавая таким способом надежные и стабильные отношения с другими людьми. С другой стороны, дефицит привязанности может привести к дезорганизованному поведению и нарушению физиологической способности к саморегуляции в стрессовых ситуациях [2]. Данные результаты показывают, насколько глубоко социальные факторы взаимосвязаны с физиологическими структурами организма.

Обнаружение зеркальных нейронов в мозге послужило новому пониманию эмпатии, невербального общения и понимания деятельности. Зеркальные нейроны активируются, когда человек выполняет какое-то действие или наблюдает действие, выполняемое другим человеком, у которого активируются эти же нейроны. Данные нейроны, находящиеся в различных областях коры головного мозга, представляют синергический результат работы нейронной сети, благодаря которой человек фиксирует действия другого человека и включает данное наблюдение в собственный опыт действий, таким способом формируя связь взаимопонимания через физиологический резонанс действий. Исследования обнаружили так называемые нейроны боли, которые активируются, когда человек наблюдает выражение боли в другом человеке [7]. Понимание данных рефлективных процессов является крайне важным для психотерапии.

Нейробиологические эффекты психотерапии

Данные результаты исследований, которые все еще в начальной стадии понимания, уже изменили психодинамические подходы в психотерапии и привели к развитию новых моделей. Психотерапия сама по себе теперь рассматривается как взаимоотношение, основанное на привязанности, способное регулировать эмоциональное равновесие и реструктурировать имплицитную память. С данной точки зрения основа терапевтического взаимодействия лежит в эмоциональной коммуникации, опосредованной биологическими реакциями, атмосферой, полутонами, более чем символическим языком, как это было принято считать ранее. Растущее внимание к имплицитному перенаучению в процессе психотерапии поддерживает основанные на опыте аспекты терапевтических отношений как главный фактор, ведущий к изменениям в состоянии пациента. Более того, эмоционально-нейтральная позиция психотерапевта не является теперь популярной, так как она лишает новые отношения привязанности их актуальной силы.

Имплицитное перенаучение в психотерапии влияет на структуру и функции мозга через изменения в синаптической пластичности мозга и в экспрессии генов [2]. В исследовании пациентов с обсессивно-компульсивным расстройством позитивные изменения были достигнуты при применении когнитивно-бихевиоральной терапии в комплексе с психофармакотерапией, которые привели к снижению повышенной активности в ростральной части префронтальной области коры головного мозга. Подобные результаты были получены и в исследовании пациентов с депрессивными расстройствами и фобиями. Было обнаружено, что когнитивно-бихевиоральная психотерапия привела к изменениям в префронтальной области коры головного мозга, тогда как фармакотерапия – в лимбической системе мозга, что доказывает обоюдную трансформацию биологических и психологических процессов [5].

Заключение

Несмотря на несомненный прогресс в нейропсихологических исследованиях, достигнутых благодаря появлению новых технологий сканирования мозга, было бы иллюзорным полагать, что сложные межличностные процессы, происходящие в психотерапии, могут быть полностью отражены и описаны с помощью данных технологий. Нейробиология может помочь оценить шансы и ограничения в психотерапии, но такие механизмы, как межличностное взаимодействие, терапевтический перенос и контрперенос, могут быть проанализированы и объяснены только при помощи опыта и интуиции терапевта. Более того, уровень понимания смысла сказанного, самопонимание и другие психические феномены, важные в процессе психотерапии, вряд ли когда-нибудь будут объяснены посредством технологий.

Литература:

1. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
2. Кандел Э. В поисках памяти // Серия «Элементы». Переводчик П. Петров. Астрель, Corpus, 2012. 736 с.
3. Сердюкова Е.Ф. Детско-родительские отношения в семье как основной фактор развития личности ребенка // Вестник Чеченского государственного университета. 2013. № 2 (14). С. 214–218.
4. Bjorklund A, Lindvall O. Self-repair in the brain. Nature 2000; 405:892–895. Бжоркланд А., Линдвалл О.

Самовосстановление мозга. Природа 2000; 405:892–895.
5. Brody A., Saxena S., Stoessel P., et al. Regional brain metabolic changes in patients with major depression treated with either paroxetine or interpersonal therapy. ArchivesofGeneralPsychiatry 2001; 58:631–640. Броди А., Саксена С., Стоссел П. и другие. Региональные метаболические изменения мозга у пациентов с депрессией при лечении пароксетином или межличностной терапией. Архивы общей психиатрии. 2001; 58:631–640
6. Davidson RJ, Irwin W. The functional neuroanatomy of emotion and affective style. Trends in Cognitive Science, 1999; 3:11–21. Дэвидсон Р., Ирвин В. Функциональная нейроанатомия эмоций и аффективного стиля. Тенденции в когнитивной науке. 1999; 3:11–21.
7. Hutchison W., Davis K., Lozano A., et al. Pain-related neurons in the human cingulate cortex. Natural Neuroscience, 1999; 2:403–405. Хатчисон В., Дейвис К., Лозано А. и другие. Нейроны, связанные с болью в поясничной извилине коры головного мозга. Неврология. 1999; 2:403–405.
8. Insel T., Young L. The neurobiology of attachment. Nature Reviews Neuroscience 2001; 2:129–136. ИнселТ., ЯнгЛ. Нейробиология привязанности. Неврология. Обзоры. 2001; 2:129–136.

УДК 316:346.32-053.6

ИДЕАЛЫ И ИДЕИ ПРОШЛЫХ И СОВРЕМЕННЫХ ПОКОЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ БУДУЩЕГО

Н.У. Ярычев,
д.пед.н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории социальной работы ЧГУ

IDEALS AND IDEAS OF PAST AND PRESENT GENERATIONS IN THE FUTURE CONTEXT

N.U. Yarichev,
Doctor of Pedagogical Science, Professor, The Head of "Theory and History of Social Work" Department of CheSU

В настоящей работе рассматриваются вопросы, касающиеся идеалов и идей прошлых и современных поколений в контексте социальных ожиданий будущего. Как одна из концептуальных идей работы одной из характерных особенностей современного этапа исторического процесса является вопиющая неадекватность социально-политических и военных инструментов, применяемых для разрешения объективных противоречий между не «ведущими» субъектами мирового процесса.
Ключевые слова: *идеалы, поколения, будущее, социальные ожидания, межпоколенческий диалог.*

The article is devoted to *the ideals and ideas of past and present generations in the future context. One of the main conceptual ideas of the work characteristic features of the present stage of the historical process is a blatant inadequacy of the socio-political and military tools used to resolve the contradiction between the "non-leading" subjects of the world process.*
Key words*: ideals, generations, future, social expectations, intergenerational dialogue.*

Исторический процесс, эволюционно-формирующийся на принципах «плоскостных» этнонациональных геополитических стратегий, необходимо преобразовать в соответствие с принципиально новыми – «объемными» духовно-нравственными константами глобального социального взаимодействия. Аргументационной базой данного утверждения могут служить направленность и характер социально-политических процессов на Балканах. Этот субрегион выбран нами в связи с тем, что является адекватным репрезентантом современного мирового социального организма. Ровно сто лет назад совместными усилиями Болгарии, Греции, Сербии и Черногории было скинуто пятисотлетнее иго Османской империи. Однако победители сразу же начали воевать между собой, поскольку не могли договориться о границах. Именно данное обстоятельство привело к тому, что в ходе обеих мировых войн двадцатого столетия маленькие страны Балкан были заклятыми врагами. В 1999 году, якобы, самопроизвольно вспыхнул Косовский кризис. Ответственный работник Министерства иностранных дел России А. Васильев с полным основанием называет Балканы «пороховым погребом Европы» и предсказывает там, в неопределенном будущем, очередной взрыв. Основной причиной незатухающего противостояния в центре Европы является полиэтнический и многоконфессиональный состав народов, компактно проживающих на данной уже не благословенной земле. Балканы являются одним из стратегических «перекрёстков» мировых торговых путей. Политическое противостояние, периодически переходящее в военное противоборство между тридцатью малыми государствами, обусловлено как внутренними, так и внешними причинами. Не были исключением Югославская война и Косовский конфликт. Плотная скученность различных этнокультурных образований на ограниченной территории, естественно, порождала, и будет впредь порождать конфликтный тип социального взаимодействия. Последнее десятилетие характеризуются интенсификацией борьбы небольших этнонациональных общностей за обретение государственности: Шотландия – Англия, Каталония – Испания, Украина – Луганск и Донецк, США – Техас и еще тринадцать штатов и другие.

Важнейшим фактором нестабильности на Балканах является наличие «национальных» интересов в данном регионе мощных субъектов мирового социально-политического процесса. В данной связи о необходимости формирования принципиально нового мирового порядка убедительно свидетельствуют в частности и такие политические дежавью, как «Великая Албания», «Великая Сербия», «Великая Болгария», «Великая Греция». А. Васильев с нескрываемой иронией называет данные политические жупелы великодержавными. Особенно трагикомичной является претензия на «великость», балансирующей на грани дефолта Греции. «Ирония судьбы» малых государств Европы заключается в том, что они не сумели обрести действительного суверенитета и геополитической стабильности ни в рамках Евросоюза, ни в самостоятельном геополитическом заплыве. А. Васильев констатирует, что в настоящее время в полном соответствии с основным внешнеполитическим принци-

пом США «разделяй и властвуй», осуществляется идея «Великой Албании». Политический процесс на Балканах определяется двумя основными детерминантами: внутренними этнокультурными и внешними глобалистскими. «Плоскостные» геополитические подходы в данном регионе традиционно неэффективны. Противоречия между странами данного этнорегиона возникают на межконфессиональном уровне, а «решаются» – на военно-политическом.

После освобождения Болгарии от турецкого владычества (1913) с треском провалилась идея России о создании на Балканах союза славянских государств. Как известно, с большими трудностями сталкивается один из самых мощных в истории человечества интеграционный проект Европейский Союз – Большая Европа. Современный этап исторического процесса убедительно демонстрирует неэффективность архаичного цивилизационного принципа социального взаимодействия, основанного на доминировании – подчинении. «Недобровольный» конгломерат государств, входивших в османскую империю, рассыпался через пятьсот лет. Союз части малых славянских государств Европы, вошедших в состав Европейского Союза, не обеспечил их стабильности и благополучия. Несмотря на то, что на Балканах потерпела неудачу панславянская идея, ровно через сто лет здесь зарождается панисламская идея, представленная приверженцами ваххабизма.

Относительно перспектив развития балканского политического процесса А. Васильев справедливо указывает на важный демографический фактор. Речь идет о том, что количество детей в семьях балканских мусульман в три раза превышает семейные коллективы славянских народов. В ближайшие 30–50 лет в Центральной, Восточной и Западной Европе будет преобладать мусульманское население. Данный бесспорный социальный факт закономерно выдвигает на повестку дня мирового социального процесса проблему духовно-нравственного статуса локальных цивилизаций, в частности, и глобальной цивилизации современности в целом. Нет «плохих» или «хороших» народов, нет более или менее предпочтительных религий, однако есть социально-этические константы этнонациональных общностей, которые делают одних более, а других менее жизнеспособными, в том числе и в демографическом плане.

Очевидно, что низкая рождаемость в христианских странах эволюционно сформировалась, не смотря на то, что и православие и католицизм осуждают аборты. Высокая рождаемость в странах Востока обусловлена не запретами на аборты, а святым убеждением в том, что дети являются высшим достоянием, бесценным богатством семьи и общества. Направленность современного мирового социального процесса убедительно свидетельствует о том, что историческое будущее человеческой цивилизации будут в ближайшее столетие формировать многочисленные народы Китая, Индии, Бразилии, Пакистана, России. Видимо, в этом и заключается высшая Божья благодать и справедливость.

Мы убеждены, что определяющим фактором исторической устойчивости и жизнеспособности социальных организмов является не количество выплавляемой стали или добываемого угля на «душу» населения, а устойчивость общественного сознания, стабильные смыслы морали и нравственности людей. Полагаем, что содержание радикального изменения направления мирового процесса будет обусловлено постепенным установлением принципиально нового морально-нравственного мирового порядка. Исходя из выше изложенного, можем заключить, что идеи и идеалы Западной локальной цивилизации в масштабной исторической перспективе не выдержали испытаний временем, они лишены оптимистической перспективы. Духовно-нравственной сфере многочисленных стран Востока присущи доброцентрированные ценностно-нормативные системы, основанные на национальных социально-этических идеалах и вытекающих из них социально-политических идеях [1].

В условиях системного кризиса мирового сообщества, набирающих силу дезинтеграционных глобализаторских процессов, направленных на уничтожение национальных государств, с особой остротой возникает необходимость совершенствования государства как одного из мощнейших социальных институтов. В условиях монополярного как, может представляться США, мира, они самостоятельно – без суда и следствия «казнят» целые государства – Ирак, Ливию и другие. Мучительная экзекуция последней несколько затянулась. Мусульманские радикальные движения, получившие доступ к продаже нефти, которая добывается в этих странах в условиях воцарившегося хаоса, создали так называемое исламское государство, мощно дестабилизирующее данный геополитический субрегион. Пребывание в течение нескольких лет ограниченного военного контингента США на территории Афганистана под надуманным предлогом борьбы с международным терроризмом также не привело к установлению мира и достижению спокойствия в этой стране. Более того, у всех людей доброй воли зреет твердое убеждение в том, что военные США в Афганистане усиленно способствовали бесперебойному наркотрафику через среднеазиатские государства в Российскую Федерацию.

Доведя самую мощную экономику мира огромными военными расходами практически до дефолта, США в качестве стратегии глобального социально-политического взаимодействия избрали

«страх и трепет» [2]. Взят четкий курс на подрыв института государственности как такового. В результате глобальной экономической агрессии транснациональных компаний многие государства остаются суверенными только номинально (герб, флаг, гимн). Фактически же правительства данных государств превращаются в марионеток, безропотно предоставляющих транснациональным компаниям дешевую рабочую силу, природные ресурсы и рынки сбыта товаров. Уверовав в собственную безнаказанность, Америка открыто провозглашает курс на раздробление даже самой большой страны мира Российской Федерации, обладающей ядерным оружием. Очевидно, что лаконичная оценочная характеристика бывшего Союза ССР президентом США Р. Рейганом – «империи зла» как нельзя лучше подходит для США.

Безусловно, третий рейх под руководством А. Шикельгруббера был государством-преступником. Если нарастающим итогом суммировать все военные компании, осуществленные США после Второй Мировой войны практически во всех частях мира, где так беспорядочно разбросаны их «национальные интересы», то можно уверенно утверждать, что Америка также является государством-преступником. В данной связи со всей очевидностью, с одной стороны – определяется задача для всех людей доброй воли остановить непрерывный международный разбой, а с другой – начать формировать авторитетный состав нового «Нюрнбергского» процесса. Полагаем, что борьба против описанных выше злоцентрированных социальных процессов отнюдь не исчерпывается движением антиглобализма, но требует консолидации и солидаризации всех людей доброй воли. Мы убеждены, что нулевой точкой отсчета в данной глобальной гуманной инновации должно быть создание коллективным разумом доброцентрированной части современного человечества глобальной идеальной модели нового мирового порядка. Экспериментальной площадкой конструирования такого рода исторического прецедента может и должна быть межпоколенческая цивилизационно-гуманистическая страта [3].

В данном отношении представляется, что даже средним и крупным странам, включая Россию, необходимо осуществить ряд неотложных мер, направленных на реконструкцию нации: «С учетом мультиэтнического и поликонфессионального характера современной России строительство единой нации на ее территории может быть по своему содержанию только гражданским, а не этническим проектом. В этой связи возникает необходимость разработать версию гражданско-национального конструктивизма, свободную от крайностей либерализма и этнонационализма в трактовке национальной идентичности» [4]. Мы разделяем точку зрения В.Г. Мартьянова относительно того, что методологической основой реконструкции функциональной системы российской нации может быть стратегия развития гражданского общества. Именно поэтому движителем, разрабатываемой в настоящей работе теории межпоколенческого гуманистически-цивилизационного взаимодействия, является массовое социальное творчество индивидуальных социальных субъектов [5]. Попытки «реанимации» архаичных идеологических конструктов: православие, царь батюшка, соборность и т.п., являются только препятствиями на широкой дороге строительства российской нации. Геополитическая установка А. Дугина: «…имперско-реставрационные мотивы постсоветского «государственничества»», является идеологическим жупелом, концентрирующим определенный дезинтеграционный социально-политический потенциал [6]. Ранее нами уже отмечалось, что российская нация никоим образом не исчерпывается русским этносом. Последний с необходимостью включает ряд русских субэтносов, населяющих различные части огромной России, а также и всю совокупность иных этнонациональных общностей. Полагаем, что доселе практически не использованным ресурсом достижения монолитного единства и сплоченности русско-российской нации, является интенсификация социальной активности социальных индивидов всех этнокультур межпоколенческой общности Российской Федерации.

В связи с данным обстоятельством конструктивными единицами подобного рода национального проекта непременно будут как образные ряды, так и лаконичные «логические фигуры» социально-философской аксиоматики. Особое внимание в рассматриваемом творческом социальном процессе занимает образное мышление, органично сочетающее чувственно эмоциональные и эпистемологические составляющие: «В свете онтологической категориальной триады «бытие–ничто–творение», образ истолковывается через понятия «потенциальности» (образ есть такое «небытие», которое содержит возможность бытия), а также «актуальности» (образ как способ бытия осуществленного произведения). Образ является необходимым моментом структуры становящейся вещи, ее определяющим свойством» [7].

Возвращаясь к анализу курса США на номинальное либо реальное уничтожение суверенных государств, следует указать на одно важное обстоятельство. Речь идет о социально-психологическом факторе пресловутой «мягкой силе». Мощнейший дезинтегратор мирового социального организма

США работает комплексно. Помимо политических, дипломатических и военных средств борьбы против суверенных государств, ведутся информационные войны в контексте долговременных программ агрессивной экспансии культуры локальной Западной цивилизации в жизненное пространство государств контрагентов. Вполне понятно, что огромный массив культурного «продукта» изготавливается для «целевых аудиторий». Существенное увеличение визуально-образных информационных продуктов на «экспорт» связано именно с тем, что видеоматериалы наиболее легко усваиваются критически не мыслящей частью народных масс, ориентированных на пассивный досуг и различного рода развлечения. Именно данный социально-этический нонсенс обуславливает поиск новых вариантов стратегий социально-политического процесса: «Дистопия намечает пути возможного обновления культурных парадигм» [8].

Н.В. Виноградовой выявлено ценностное значение чувственного образа, включающее его экзистенциальную, социальную, культурную и экологическую составляющие. В контексте гуманитарно-гуманного противодействия развращающему влиянию на эмоционально-волевую сферу людей информационных продуктов из «ящика Пандоры» США, представляется своевременным разработать российским социально-философским сообществом необходимый и достаточный тезаурус аудиовизуальных образов –репрезентантов универсальных ценностно-смысловых конструктов, вмещающих как гуманные переменные российского менталитета, так и доброцентрированные концепты, содержащиеся в гуманистическом концептуальном фонде мировой культуры. Задействование в глобальной идеологической «промывке» мозгов, форм, методов и средств «мягкой силы» обусловлено тем, что: « …в процессе исторического развития произошли коренные изменения в чувственной сфере человеческого сознания: изначально непосредственное восприятие человеком природной реальности сменилось её опосредствованным восприятием цивилизованным человеком, окружённым искусственной реальностью» [9].

Неопределенность современного социально-политического статуса России определяется общеизвестным социальным фактом – либеральная модель, в соответствии с которой якобы осуществляется строительство нации, во-первых, была навязана в «смутное время», совпавшее с развалом бывшего СССР; а во-вторых, и что самое основное, ее выбор не был осуществлен по воле всего народа. Исходя из того, что «Россия как уникальная евразийская цивилизация общинного типа в очередной раз стремилась получить «конечный продукт» иной цивилизации, не воспроизведя у себя процесс институционализации, который сделал возможным появление данного социального продукта» [10].

В настоящее время локальная российская цивилизация, согласно диалектике Ф. Гегеля, является не окончательным результирующим конкретным, но неким промежуточным итогом, с необходимостью вмещающим и процесс его становления. Именно последним обстоятельством определяется настоятельная потребность формирования модели социального устройства российской нации с непременным учетом характерных особенностей ее менталитета, а также внешних вызовов и угроз. Эффективное решение данной задачи невозможно без социально-философского исследования смысловых конструктов «общественный интеллект», «социальное творчество», «социальный идеал». Определенный теоретический задел философствования в означенном проблемном поле сделан В.С. Ткачевым в работе: «Идеалы как интегрирующие факты развития духовной культуры общества: на материале российской общественной мысли» [10]. С.А. Емельянов убежден, что политическое развитие современной России обусловлено ментальными особенностями социального творчества российского народа. Также данным автором отмечается важное значение экономики знаний во взаимосвязи с идеальным и национальным.

Направленность и характер социогуманитарных исследований и образовательно-научной деятельности в социальном организме в целом во многом определяют качественное своеобразие и национальную специфику интеллектуального продукта как благодатного источника трансляции традиционных идеалов культуры и генерирования менталитетом – совокупным интеллектом нации новых идей, являющихся квитэссенцией знания [11]. В эпоху информационного общества идеи становятся определяющим социальным капиталом локальных человеческих общностей. Социально-практическая ценность идей, как цивилизационных указателей будущего, была осознана социальной философией, как представляется, очень поздно.

В труде «Великая цепь бытия», А.О. Лавджоем впервые была разработана теория истории идей. В частности, в данной работе автором был исследован принцип идеи изобилия, суть которой заключается в том, что все объективные потенции могут быть реализованы. Для теоретического обоснования данного принципа А.О. Лавджоем были привлечены определяющие положения неоплатонизма, христианской теологии, а также концепты космографических теорий Н. Кузанского, Д. Бруно, И. Кеплера. Данный автор в процессе концептуального конструирования теории идей опирался на идеа-

листов и материалистов: Б. Спинозу – трансцендентальная эманация универсума божественного разума, И. Лейбница – принцип достаточного основания. Несмотря на столь солидное теоретическое обоснование познавательного смыслового конструкта «принцип изобилия», коренным его пороком считаем этическую индифферентность. Трансцендентальным оптимумом реализации данного принципа является Божий промысел. Если предположить, что существующий социальный мир является либо абсолютным, либо относительным аналогом Божественного разума, то следует признать, что Бог не совершенен. Вера несовершенных людей в несовершенного Бога теряет свое определяющее позитивное духовно-нравственное значение.

Полагаем, что эпистемологический потенциал принципа изобилия крайне низок именно в силу его социально-этической нейтральности. В то же время считаем, что определенным социально-конструктивным потенциалом обладают такие социально-философские смысловые конструкции как утопии и антиутопии. Последние являются социокультурно опредмеченными идеями: в их «телах» заключены идеалы и антиидеалы. Действительно оперативным процесс познания тайн общественного устройства может быть только тогда, когда отображаемая в мыследеятельности социальных субъектов актуальная социальная онтология динамично воплощается в социальную реальность. По существу, гносеологическая картина будущего также может быть представлена в сознании социальных субъектов в образном виде: «Мыслимое будущее, по сути, есть сумма разрозненных или собранных в систему образов грядущих или только предполагаемых явлений. Система образов может исходить как от человечества в целом, отдельного общества, так и группы, и, наконец, индивида. Будущее начинает мыслиться как действительность, ему придается онтологическая характеристика» [12]. Утопия представляет собой попытку концептуального конструирования оригинальной модели будущей социальной реальности в совокупности взаимосвязанных образов, помещаемых в иные пространство и время. Как справедливо отмечает А.А. Дыдров, идеальные смысловые конструкты утопий могут пребывать практически во всех временных модусах. Именно так поступил Т. Мор, поместив свой утопический социальный проект во временную нишу настоящего.

Диалектика взаимодействия настоящего и будущего, с одной стороны требует экстраполяции позитивных тенденций первого во второе, а с другой – абстрагирования от настоящего в процессе концептуального конструирования идеального будущего. Достоверная объективация будущего обеспечивается совершенным мыследеятельностным инструментарием философствования, а посему подлежат радикальному обновлению все «звенья» виртуальной эпистемологической цепи, связующей несовершенное настоящее и «прекрасное далеко». Полагаем, что будет не лишним еще раз актуализировать положение, согласно которому идеальные проекты будущего, как путеводные звезды для настоящего, должны быть в предельно возможной мере «очищены» от него.

Создавая концептуальные схемы утрировано-гротескного настоящего, автор антиутопий в пространстве социальной онтологии пребывает несколько дальше от настоящего и будущего, чем создатели утопий. Отрицательный образ настоящего, создаваемый автором антиутопий, является своего рода «пугалом» для социальных субъектов. Антиутопия является попыткой борьбы «худшего с плохим» во имя позитивного обновления второго. Впрочем, согласно мифологической ментальной традиции, совершенное социальное устройство в образе Золотого Века благополучно покоится в анналах прошлого и потому лишено четкой пространственно-временной локализации.

Полагаем, что «неоптимистическая» трагедия заключается в нереализованности утопических идеалов и различного рода концептуальных версий совершенного социального устройства, закономерно появляющихся в ментальных полях локальных человеческих общностей. В данной связи считаем необходимым имплементировать в «ткань» рассматриваемой проблемы смысловой конструкт «идеальная история человечества». Естественно, «идеальная история» никоим образом не отредактированный под неким субъективным углом зрения, реальный исторический процесс, а только лишь определенным образом взаимосвязанная совокупность идей – идеалов, воплощение которых в социальной онтологии привело бы к радикальной гуманизации социальной действительности. Считаем, что ретроспективная реконструкция позитивных продуктов интеллектуальной деятельности социальных субъектов всех времен и народов – концептуальный фонд – создала бы благоприятные научно-практические условия для виртуальной реконструкции идеального исторического процесса. Таким образом, открылась бы реальная эпистемологическая перспектива для выявления причинно-следственных связей и зависимостей между идеальными социогуманитарными продуктами мыследеятельности. Безусловно, одним из видов «строительного» материала для создания, выше означенного, идеального предмета, могут быть субъективные картины будущего жизненного пути конкретных людей разных эпох и народов, адекватно репрезентирующих событийные «волны» соответствующих исторических периодов. И.А. Трегубенко полагает что: «В настоящее время в исследованиях субъек-

тивной картины жизненного пути не уделяется должного внимания роли исторических и культурных событий. В работах же, посвященных изучению исторической памяти, не анализируются картина жизни личности и жизненные ориентации» [13].

Представляется, что залогом успешной виртуальной реконструкции сущностных основ идеальной мировой социальной динамики является аналогичная мыслительная задача, состоящая в реконструкции истинно гуманного, исключающего различные формы злоцентрированного искажения и декомпозиции событийной «волны», подлинного исторического процесса. Основными формами деструкции мирового процесса является забвение тех или иных событий, субъективная интерпретация и толкование их смыслозначений, а также памятование. Одним из весьма показательных примеров преднамеренного забвения подлинного исторического процесса как «жизненного пути» человеческой цивилизации является упорное стремление современного официального научного исторического сообщества игнорировать многочисленные научные факты, добытые неофициальными палеоархеологами, убедительно свидетельствующие о наличии на планете «следов» жизнедеятельности цивилизаций, научно-технических уровень которых превосходил современный.

Одной из динамичных форм «забвения», практикующихся в современном политическом полилоге, является вызывающее игнорирование социальных фактов текущей объективной реальности. Таким образом, из актуально-социальной динамики преднамеренно изымаются социальные атрефакты и события, не укладывающиеся в идеологические стратагемы Америки. Одной из мерзких социально-психологических практик современных политиков является гробовое молчание в ответ на вопросы противников, проливающих свет на их истинное социально-этическое реноме. Произвольная реконструкция – «переписывание» – отдельных исторических этапов обусловлена корыстно-пристрастными идеологическими соображениями коллективных субъектов мирового процесса в смысловом сегменте той или иной идеологической доктрины.

Социокультурная технология памятования используется в целях обеспечения эффективного национально-культурного наследования. Способы взаимодействия межпоколенческих человеческих общностей с собственным историческим прошлым являются показателями качества преемственности поколений, трансляции национальной культуры. В эпоху глобального информационного общества реконструкция тех или иных периодов исторического прошлого стала повсеместной и превратилась в тривиальный интеллектуальный. Монография Л.Ю. Логуновой «Семейно-родовая память: социокультурный и региональный контекст» посвящена «…рассмотрению памяти и забвения как феноменов культуры в аспекте анализа практик, конструирующих социокультурное пространство и время» [14].

Выводы

Рассмотренная «панорама» форм и методов предвзятого искажения подлинного исторического процесса с особой остротой актуализирует задачу формирования принципиально новых форм и методов борьбы с Его Величеством Негативом, конституирования эффективных социокультурных механизмов консолидации, солидаризации и социально-практической координации субъектов инновационной социальной динамики, детерминантами которой являются духовность, определяемая нравственностью и моралью.

Одной из характерных особенностей современного этапа исторического процесса является вопиющая неадекватность социально-политических и военных инструментов, применяемых для разрешения объективных противоречий между не «ведущими» субъектами мирового процесса. Более того, трагизм исторической ситуации заключается в том, что «ведущие» игроки мировой политической «сцены» прилагают все усилия для того, чтобы усугубить противостояние, обострить обстановку. Ввиду того, что военно-политическими методами, как убедительно демонстрирует опыт последних лет, конфликтное взаимодействие этнонациональных общностей прекратить невозможно, представляется важным объединять гуманитарно-гуманную активность гражданского мирового общества в рамках принципиально новых организационных структур. Именно подобным образом возможна эволюционная трансформация господствующего в межобщностном взаимодействии закона «джунглей» в принцип товарищеского взаимопонимания, помощи, доверия.

Необходимо актуализировать в общественном сознании современной мировой межпоколенческой общности гуманистический концепуальный фонд, интегрировать в нем определяющие смысловые конструкты духовно-нравственной сферы. Представляется, что именно в подобном глобальном социально-философском проекте может сформироваться методологическая база нового типа социальной динамики в масштабах межпоколенческих цивилизационно-гуманистических страт этнонациональных общностей, а затем и в рамках устойчивой транснациональной системы «горизонтального

товарищества». Вполне естественно, что данный инновационный тип общественных отношений потребует использования определенной семантической атрибутики. В связи с этим считаем, что гуманной части человечества предстоит разработать как этнонациональные, так и мировую образно-символьные ряды, предназначенные для адекватного визуального отражения основополагающих гуманных конструктов и организационных структур нарождающегося Золотого Века человечества.

В данном отношении одной из основных общественных организационных структур, предназначенных для социально-этической регламентации и регуляции социального взаимодействия в мировом социуме, могли бы быть социально-этический «Олимп», Духовно-нравственная ассамблея народов мира.

Литература:

1. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968. 319 с.
2. Shannon C. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. Т. 27. 379 с.
3. Новая миссия России http://www.apn.ru/publications/article1691.htm
4. Глобальная миссия – России http://oko-planet.su/politik/politiklist/155071-globalnaya-missiya-rossii.html
5. Мартьянов В. Строительство политической нации и этнонационализм // Логос. 2006. №2. С. 94.
6. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. С. 252.
7. Шакиров С.М. Трансформация дискурса литературной критики // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №2(293). Филология. Искусствоведение. №74. С. 162–168.
8. Гражданское общество. Трудности развития. http://gp-okorokova.livejournal.com/4077.html
9. Виноградова Н.В. Философско-методологический аспект понятия «чувственный образ»: дисс. ... канд. филос. наук. Уфа, 2011. 177 с.
10. Ткачев В.С. Идеалы как интегрирующие факторы развития духовной культуры общества: на материале российской общественной мысли: дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. 273 с.
11. Емельянов С.А. Общественный идеал и интеллект в исторической логике социальных преобразований в России: дисс. ... д-ра филос. наук. СПб., 2010. 287 с.
12. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. 1936: Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антомони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
13. Трегубенко И.А. Историческая память в контексте субъективной картины жизненного пути личности: автореферат дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2013. 19 с.
14. Логунова Л.Ю. Семейно-родовая память. Дифференциация ценностных систем межпоколенных социальных общностей современной России. М., 2003.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Б.Д. Бахмадов,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и процесса ЧГУ, Заслуженный юрист Российской Федерации

CORRELATION OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY AND THE CRIMINAL PROSECUTION

B.D. Bakhmadov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor in "Criminal Law and Procedure" Department of CheSU, Honoured Lawyer of the Russian Federation

В статье рассматриваются вопросы соотношения уголовного и уголовно-процессуального законодательства освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования, предлагаются рекомендации по устранению имеющихся противоречий в нормах материального и процессуального права.
Ключевые слова: *Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного преследования.*

The article deals with the corelations of criminal and criminal-procedural legislation of exemption from criminal liability and termination of criminal prosecution, offers to remove existing inconsistencies in the rules of substantive and procedural law are recommended.
Key words*: Criminal Code of RF, Criminal Procedure Codeof RF, the exemption from criminal liability, termination of criminal prosecution.*

Особенность рассматриваемого вопроса в том, что одно и то же явление именуется по разному и регулируется двумя отраслями материального и процессуального права: уголовным правом и уголовно-процессуальным правом. Речь идет об освобождении от уголовной ответственности и прекра-

щении уголовного преследования.

Уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает несколько видов освобождения от уголовной ответственности. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК) имеется специальная одиннадцатая глава посвященная видам освобождения от уголовной ответственности. К ним относятся:

1) освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75);
2) освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76);
3) освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76-1);
4) освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. и 78).

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее) УПК) видам освобождения от уголовной ответственности посвященаглава 4 под названием «Основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращение уголовного дела и уголовного преследования». К таким основаниям УПК относит:

1) основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела (ст. 24);
2) прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25);
3) основания прекращения уголовного преследования (ст. 27);
4) прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 28);
5) прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 28-1).

Предметом нашего рассмотрения является освобождение от уголовной ответственности (ст. 75 УК) и прекращение уголовного преследования (ст.28 УПК) в связи с деятельным раскаянием в досудебном производстве.

Как видно из названий глав и статей уголовное право использует терминологию «освобождение от уголовной ответственности», а уголовно-процессуальное право использует терминологию «…прекращение уголовного преследования».

При сравнении и сопоставлении указанных терминологий очевидны расхождения и разночтения в них, рассогласованность в нормах УК и УПК [1, С. 7].

Для сравнения обратимся к статьям 75 УК и 28 УПК и сопоставим их содержание.

Ч. 1 ст. 75 УК и ч.1 ст. 28 УПК допускают возможность освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования в отношении лица, совершившего преступление небольшой (умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы) и средней тяжести (умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание превышает три года лишения свободы).

Данный вид освобождения может быть применен при наличии определенных объективных и субъективных условий в совокупности. К ним относятся:

- совершение преступления впервые;
- небольшая или средняя тяжесть совершенного преступления;
- добровольная явка с повинной;
- способствование раскрытию преступления;
- возмещение причиненного ущерба или заглаживание иным образом причиненного преступлением вреда;
- убежденность компетентного государственного органа в целесообразности освобождения данного лица от уголовной ответственности;
- лицо, совершившее преступление, вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным [2, С. 194–195].

Согласно ч. 1 ст. 28 УПК суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе прекратить уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК.

В данном случае УПК не воспроизводит обстоятельства, при наличии которых может быть прекращено уголовное преследование, а ограничивается ссылкой на ч.1 ст.75 УК.

При внимательном рассмотрении положений ч. 1 ст. 75 УК и ч. 1 ст. 28 УПК видно, что их формулировки не совсем удачны и не логичны, о чем будет сказано далее более подробно и конкретно. Здесь же отметим, что ч.1 ст.75 УК даже при наличии перечисленных выше условий только допускает возможность освобождения лица … от уголовной ответственности.

Аналогичное положение закреплено и в ч. 1 ст. 28 УПК, где говорится о праве перечисленных в

ней должностных лиц прекратить уголовное преследование, то есть решение вопроса зависит от усмотрения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя и прокурора, тем самым подтверждая, что решение вопроса зависит от усмотрения правоприменителя.

Вместе с тем встает вопрос, на каком основании при наличии такого значительного количества условий освобождение от уголовной ответственности и прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести законодатель отдает на усмотрение правоприменителя, в то время как за совершение тяжких и особо тяжких преступлений законодатель предписывает правоприменителю в определенных случаях освободить лиц от уголовной ответственности и прекратить уголовное преследование.

Рассогласованность имеется и в ч. 2 ст. 75 УК и ч. 2 ст. 28 УПК. В ч. 2 ст. 75 УК говорится, что лицо, совершившее преступление иной категории, освобождается от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК и не выдвигаются условия, которые убедили бы правоприменителя, что вследствие деятельного раскаяния это лицо перестало быть общественно опасным. По сравнению с ч. 1 ст. 75 УК во второй ее части не приводятся обстоятельства, при наличии которых предусмотрено освобождение лица от уголовной ответственности, а отсылает к соответствующим статьям Особенной части УК. Единственное, что здесь можно отметить, что ст. 75 УК имеет заглавие «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием» и состоит только из двух частей.

В отличие от ч. 2 ст. 75 УК, ч. 2 ст. 28 УПК предполагает прекращение уголовного преследования лица по уголовному делу о преступлении иной категории при деятельном раскаянии его в совершении преступления осуществляется только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК. Здесь «деятельное раскаяние» приводится в качестве одного из условий прекращения уголовного преследования, чего нет во в ч. 2 ст. 75 УК. Такое упущение можно было бы оправдать тем, что и ст. 75 УК и ст. 28 УПК именуются «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием», «Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием», если бы законодатель «деятельное раскаяние» привел не только в диспозиции ч. 2 с. 28 УПК, но и в ч. 2 ст. 75 УК.

Ст. 75 УК состоит из двух частей, а статья 28 УПК состоит из четырех частей и по сути приводит доводы, которые могут послужить препятствием для прекращения уголовного преследования и соответственно для освобождения от уголовной ответственности, что не предусмотрено нормами УК.

Ч. 3 ст. 28 УПК предписывает до прекращения уголовного преследования разъяснить лицу основания его прекращения и право возражать против такого прекращения, что также не предусмотрено УК.

Ч. 4 ст. 28 УПК не допускает прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в части первой рассматриваемой статьи, если лицо, в отношении которого прекращается уголовное преследование, против этого возражает, то есть появляется еще одно, новое условие для освобождения от уголовной ответственности.

В данном случае очевиден факт вторжения уголовно-процессуального права в сферу уголовного права. Фактические основания освобождения от уголовной ответственности могут быть предусмотрены только в нормах уголовного права. Согласно ст. 3 УК (принцип законности) преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным кодексом. Уголовно-процессуальный кодекс вместо того, чтобы ограничиться регулированием порядка освобождения от уголовной ответственности вышел за пределы своего предмета регулирования и вторгся в предмет регулирования уголовного права [3, С. 142].

Единодушие в этом вопросе проявляют авторы научных работ, посвященных проблемам взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права, довольно обстоятельно раскрывая предметы их регулирования [4].

Исследованию взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального законодательства посвящена кандидатская диссертация Гончарова Д.Ю., где он отмечает:

«Наличие предметно-системных связей между нормами двух отраслей законодательства (уголовного и уголовно-процессуального) означает, во-первых, наличие у каждой из них собственного предмета регулирования, а следовательно, их самостоятельность; во-вторых, нормы уголовного процессуального законодательства не должны ни «вторгаться в материальное уголовное законодательство, ни тем более противоречить ему, ибо как уголовно-процессуальные отношения предназначены для установления, реализации уголовно-правовых отношений, так же и уголовно-процессуальные нормы предназначены для реализации материальных уголовных норм» [5, С. 20].

Как быть в рассматриваемом случае, нормами какого (материального или процессуального)

права руководствоваться при освобождении лица от уголовной ответственности путем прекращения уголовного преследования.

Ответ только один. Руководствоваться нормами уголовного права, не принимая во внимание требований ч. 4 ст. 28 УПК. В пользу этого говорит ч. 1 ст. 1 УПК: «Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом…» [6, С. 3], то есть УПК регулирует только порядок уголовного судопроизводства. Фактические же основания указаны в УК.

Что касается ч. 2 ст.75 УК и ч. 2 ст. 28 УПК, то здесь вопрос об освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления иной категории стоит более определенно. Лицо, совершившее преступление иной категории, освобождается от уголовной ответственности, прекращение уголовного преследования лица по уголовному делу иной категории осуществляется только в случаях, специально предусмотренных статьями Особенной части УК. Такие специальные основания освобождения от уголовной ответственности содержатся в примечаниях к целому ряду Особенной части УК. Для наглядности перечислим их:

1. Заражение ВИЧ-инфекцией, «если другое лицо, поставленное в опасность заражения либо зараженное ВИЧ-инфекцией, было своевременно предупреждено о наличии у первого этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения» (ч. 1и 2 ст. 122 УК).

2. Похищение человека, когда лицо похитившее добровольно освободило его (ст. 126 УК).

3. Торговля людьми, когда лицо, первые совершившее деяние, добровольно освободило потерпевшего и способствовало раскрытию совершенного преступления (ч.1, п. «а» ч. 2 ст. 127–1 УК).

4. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции, когда лицо, совершившее преступление способствовало раскрытию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный вред (ст. 178 УК).

5. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, когда в отношении лица, совершившего деяние, имело место вымогательство или это лицо добровольно сообщило о подкупе в орган, имеющий право возбудить уголовное дело (ч.1 и 2 ст.184 УК).

6. Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, когда лицо, впервые совершившее преступление, полностью уплатило суммы недоимки и соответствующих пеней, а также сумму штрафа в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом РФ (ст. 198 УК).

7. Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации, когда лицо, впервые совершившее это преступление, а также преступление предусмотренное ст. 199-1 УК (неисполнение обязанностей налогового агента) освобождается от уголовной ответственности, если этим лицом либо организацией полностью уплачены суммы недоимки и соответствующих пеней, а также суммы штрафа, в размере определяемом в соответствии с Налоговым кодексом РФ (ст. 199 УК).

8. Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, когда лицо, добровольно сдало наличные денежные средства и (или) денежные инструменты (ст. 200-1 УК)

9. Коммерческий подкуп, если лицо активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательств, либо оно добровольно сообщило о подкупе органу, имеющему право возбудить уголовное дело (ст. 204 УК).

10. Террористический акт, если лицо, участвовавшее в подготовке террористического акта своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления террористического акта (ст. 205 УК).

11. Содетйствие террористической деятельности, когда лицо, совершившее преступление, своевременным сообщением органам власти или иным образов способствовало предотвращению либо пресечению преступления которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало (ст. 205-1 УК).

12. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, когда лицо, совершившее преступление сообщило органам власти о прохождении обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных статьями 205-1, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК, способствовало раскрытию совершенного преступления или выявлению других лиц, прошедших такое обучение, осуществлявших, организовавших или финансировавших такое обучение, а также мест его проведения (ст. 205-3 УК).

13. Организация террористического сообщество и участие в нем, когда лицо добровольно прекратило участие в террористическом сообществе и сообщило о его существовании (ст. 205-4).

14. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой

организации, когда лицо добровольно прекратило участие в деятельности такой организации (ст. 205-5 УК).

15. Захват заложника, когда лицо добровольно или по требованию властей освободило заложника (ст. 206 УК).

16. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, когда лицо добровольно прекратило участие в нем и сдало оружие (ст. 208 УК).

17. Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней), когда лицо прекратило участие в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении либо собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп и активно способствовало раскрытию или пресечению этих преступлений (ст. 210 УК).

18. Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или

Ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, когда лицо добровольно сдало указанные предметы (ст. 222 УК).

19. Незаконное изготовление оружия, когда лицо добровольно сдало предметы перечисленные в диспозициях статьи (ст. 223 УК).

20. Незаконные приобретение, хранение, перевозка. Изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, когда лицо добровольно сдало наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги и другие перечисленные предметы и активно способствовало раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным их оборотом, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем (ст. 228 УК).

21. Незаконные приобретение, хранение или перевозка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные приобретение, хранение или перевозка растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, когда лицо добровольно сдало перечисленные предметы, активно способствовало раскрытию или пресечению этих преступлений, обнаружению имущества добытого преступным путем (ст. 228-3 УК).

22. Государственная измена, когда лицо, совершившее это преступление, а также преступления предусмотренные статьями 276 (шпионаж) и 278 УК (насильственный захват власти или насильственное удержание власти) добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации (ст. 275 УК).

23. Организация экстремистского сообщества, когда лицо добровольно прекратило участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (ст. 282-1 УК).

24. Организация деятельности экстремистской организации, когда лицо добровольно прекратило участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (ст. 282-2 УК).

25. Дача взятки, когда лицо, давшее взятку, активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица, либо после совершения преступления добровольно сообщило о даче взятки органу, имеющему право возбудить уголовное дело (ст. 291 УК).

26. Посредничество во взяточничестве, когда лицо, являющееся посредником во взяточничестве, активно способствовало раскрытию и (или) пресечению преступления и добровольно сообщило органу, имеющему право возбудить уголовное дело, о посредничестве во взяточничестве (ст. 291-1 УК).

27. Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод, когда свидетель, потерпевший, эксперт, специалист или переводчик добровольно в ходе дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда заявили о ложности данных ими показаний, заключения или заведомо неправильном переводе (ст. 307 УК).

28. Фиктивная регистрация гражданина РФ по месте пребывания или по месту жительства в

жилом помещении в РФ и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в РФ, когда лицо, совершившее указанное преступление, способствовало раскрытию этого преступления (ст. 322-2 УК).

29. Фиктивная постановка на учет иностранного государства или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в РФ, когда лицо, совершившее указанное преступление, способствовало раскрытию этого преступления (ст. 322-3 УК).

«Следует подчеркнуть, что указанные в этих статьях условия освобождения от уголовной ответственности не всегда совпадают с теми, которые указаны в ч. 1 ст. 28 УПК, и не обязательно означают наличие фактического раскаяния. Так, освобождение заложника по требованию правоохранительного органа может объясняться страхом погибнуть в результате штурма, а не добровольным раскаянием» [7, С. 265].

Во всех вышеперечисленных случаях при наличии соответствующих условий лицо, совершившее преступление, подлежит освобождению от уголовной ответственности и это в отличие от ч. 1 ст. 75 УК и ч. 1 ст. 28 УПК не зависит от усмотрения правоприменителя. Правоприменителю предписывается освободить лицо от уголовной ответственности. (Правда, в Особенной части УК предусмотрены два случая, в которых освобождение от уголовной ответственности зависит от усмотрения правоприменителя. Это самовольное оставление части или место службы (337 УК) и дезертирство (ч.1 ст. 338 УК), совершенные вследствии стечения тяжелых обстоятельств).

Думается, что будет уместным, говоря о назначении института деятельного раскаяния, напомнить словами профессора А.В. Наумова: «И нормы, выраженные в ст.75 УК, и нормы предусмотренные в Особенной части УК, освобождающие от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (вместе с нормой о добровольном отказе от преступления), относятся к так называемым стимулирующим (поощрительным) нормам уголовного права, побуждающим лицо, совершившее преступление, явиться с повинной, устранить причиненный преступлением вред, помочь правоохранительным органам в изобличении преступников. Все эти уголовно-правовые нормы носят ярко выраженный предупредительный характер. В одних случаях с их помощью предотвращается наступление преступных последствий совершенного преступления, других помогают изобличить преступников. Этим и объясняется увеличение числа таких уголовно-правовых норм в Особенной части УК…» [8, С. 174].

Подавляющее большинство перечисленных выше преступлений относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений, за которые предусмотрены наказания вплоть до пожизненного лишения свободы. При наличии условий, указанных в примечаниях к этим статьям Особенной части УК, лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности хочет того или нет суд, прокурор, следователь, дознаватель. Например, за похищение человека (ст. 126 УК) или захват заложника (ст. 206 УК) лицо, добровольно освободившее похищенного, а также лицо, добровольно или по требованию власти освободившее заложника освобождаются от уголовной ответственности. При этом не имеет значения первый раз или неоднократно совершены преступления, характер и степень тяжести преступлений, перестало ли лицо быть общественно опасным и т.д. Единственное условие – добровольное или по требованию властей освобождение похищенного или заложника и отсутствие в их действиях иного состава преступления.

Спрашивается к чему для рассмотрения вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой или средней тяжести на основании ч. 1 ст. 75 УК нужны около десятка условий, и то освобождение зависит от воли, усмотрения правоприменителя.

Кажется, как-то нецелесообразно предусматривать массу условий за преступления небольшой или средней тяжести, в то время как за тяжкие и особо тяжкие преступления лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности от воли правоприменителя.

Все это выглядит как-то странно, что вопрос освобождения лица, вернее даже рассмотрения вопроса об освобождении от уголовной ответственности за менее значительные преступления возведен законодателем в ранг большей важности, чем вопрос освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования за более тяжкие и особо тяжкие преступления.

В той или иной мере на эти вопросы обращали внимание авторы к комментариям УК. «Сложившаяся коллизия порождает противоречивую практику и требует законодательного решения с учетом всего разнообразия случаев, описываемых в примечаниях к статьям Особенной части УК, и в соответствии с целями и принципами уголовно-правового воздействия» [9, С. 197].

Законодательного разрешения данный вопрос так и не получил. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №19 от 27 июня 2013 г. « О применении судами законодатель-

ства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» тоже не устранил имеющиеся противоречия, наоборот дал разъяснения о том, что обязательным условием прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием является согласие на это лица, совершившего преступление [10, С. 3].

К сожалению оставил без внимания данную проблему и автор статьи подвергший научно обоснованному анализу упомянутое Постановление Пленума (возможно посчитал бесполезным говорить об этом) напомнив о том, что отсутствует жесткая связь между положениями ч. 1 ст. 75 УК и специальными нормами Особенной части УК об освобождении от уголовной ответственности [11, С. 39].

В целях устранения противоречий в нормах уголовного и уголовно-процессуального права и упорядочения оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности и уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием предлагается:

1. В ч. 1 ст. 75 УК вместо «может быть освобождено» изложить «освобождается»; исключить «и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». Изложить ч.1 ст. 75 УК в следующей редакции:

«Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести освобождается от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и, если оно не возражает против такого освобождения».

2. Исключить из ч. 2 ст. 28 УПК «при деятельном раскаянии лица в совершенном преступлении».

3. Исключить из ч. 2 ст. 27 УПК цифру «28».

Литература:

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч.ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 5-е изд., перераб. и доп.. М.: Издательство Юрайт, 2011. 1131 с. Серия: Профессиональные комментарии. С.7.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный) / [Дуюнов В.К. и др.]; ответ.ред. Л.Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1104 с., С. 194–195;
3. Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений: Монография. М.: Ось – 89, 2009. 208 с. С. 142.
4. Прощляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права, Екатеринбург, 1997. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юридическая литература, 1975.
5. Гончаров Д.Ю. Взаимосвязи и коллизии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12 00 08. Екатеринбург. 2004 с.20.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2014. с. 3.
7. Уголовный процесс: учебник для бакалавров /под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. М.: Издательство Юрайт, 2013. 511 с. Серия: Бакалавр. Базовый курс. С.265.
8. Наумов, Анатолий Валентинович. Практика применения Уголовного Кодекса Российской Федерации: коммент. судеб. практики и доктрин. толкование /А.В. Наумов; под ред. Г.М. Резника. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1024 с., С.174.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / [Дуюнов В.К. и др.]; отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1104 ., С.197.
10. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. №8. С.3
11. Алексей Кибальник. Понимание Пленумом Верховного Суда Освобождения от уголовной ответственности. Уголовное право. 2014. №1. С. 37–40.

УДК – 341. 213

К ВОПРОСУ СТАТУСА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ГРАНИЦЫ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РАЙОНЕ ОЗЕРА КЕЗЕНОЙ-АМ

TO THE QUESTION OF ADMINISTRATIVE BORDER OF CHECHEN REPUBLIC IN THE AREA OF LAKE KEZENOY-AM

В.Ю. Муртазалиев,
к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой «Конституционное и административное право» ЧГУ

V.Y. Murtazaliev,
Head of "Constitutional and Administrative Law" Department of CheSU, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

В данной статье рассматриваются вопросы статуса административной границы субъекта РФ – Чеченской Республики, проблемы возрождения горной территории Чеченской Республики и трудности образования муниципальных органов на территориях, где не

нашло окончательное регулирование внутреннее административно-территориальное деление республики, а также отдельные аспекты конституционно-правовой реабилитации чеченского народа.
Ключевые слова: *Чечня, Чеберлой, Кезеной-Ам, конституция, территория.*

This article deals with the status of the administrative border line of the subject of the Russian Federation such as Chechen Republic and resurgence of the mountainous territory of the Chechen Republic and the difficulties of education in the territories of municipalities where was no definitive regulation of internal administrative-territorial division of the republic as well as certain aspects of the constitutional and legal rehabilitation of the Chechen people
Key words*: Chechnya, Cheberloy, Kezenoy-Am, constitution, territory.*

В феврале 2013 года в адрес Председателя Правительства Чеченской Республики Эдильгериева С-Х.А. с письмом обратился тогдашний Премьер-Министр Республики Дагестан Абдуллаев М.А. Он ставил вопрос о необходимости создания рабочей группы для совместного определения статуса территории, прилегающей к озеру Кезеной-Ам.

Во исполнение данного обращения в мае 2013 года распоряжением Правительства Чеченской Республики была создана рабочая группа, в состав которой вошли отраслевые специалисты и компетентные лица с чеченской стороны. Группе предстояло провести соответствующую работу по определению пограничной линии между Республикой Дагестан и Чеченской Республикой в районе озера Кезеной-Ам. В связи с этим, рабочая группа провела несколько заседаний и изучила доступные нормативные правовые акты, массу архивных материалов, документы и переписку регионов Северного Кавказа с Федеральным центром и между собой, а также различные географические карты, изданные в разное время.

В результате установлено, озеро Кезеной-Ам находится в юго-восточной части горной Чечни, на территории бывшего Чеберлоевского района Чечено-Ингушской АССР. В настоящее время земли указанного региона разделены на несколько административно-территориальных единиц и включены в состав разных муниципальных районов Чеченской Республики. Территория, на которой расположено озеро Кезеной-Ам, ныне находится в составе Веденского муниципального района и вся она полностью принадлежит Чеченской Республике. Однако с момента репрессий против чечено-ингушского народа и выселения чеченцев с данной территории по настоящее время земли бывшего Чеберлоевского района Чечено-Ингушской АССР фактически используются нашей республикой не в полном объеме. Именно по этой причине и возник вопрос «спорный», требующий «определения» статуса границы между субъектами Российской Федерации.

В связи с возникновением «территориального спора» в районе названного участка следует отметить некоторые факты прошлого. Исторически озеро Кезеной-Ам и прилегающая к ней территория однозначно принадлежит Чечне. Весь этот регион принадлежал издревле и принадлежит сегодня Чеченской Республик являясь ее территориальной собственностью в составе Российской Федерации.

После Кавказской войны и ликвидации Имамата Дагестана и Чечни впервые объявляется закон ***«О новом административном устройстве Дагестанской области и образовании Андийского округа». Читаем документ № 37266 от 20 июля 1861 года (1 августа), Именной, объявленный Сенату Управляющим Военным Министром:***

а) границею между Дагестанскою и Терскою областями принять Андийский хребет, разделяющий Лезгинское племя от Чеченского» [1].

Из этого видно, что территория не только прилегающая к озеру Кезеной-Ам, но и вся территория восточнее озера до пика вершины Андийского горного хребта явно свидетельствует доказательствами многовекового обитания здесь именно чеченцев. Эти же доказательства демонстрируют – археологические артефакты, средневековые историко-архитектурные сооружения, жилые и боевые башни, склоны и святилища захоронений, руины замечательного историко-архитектурного памятника замка Алдам-Гази, самых ранних мечетей и храмов, старинные мусульманские кладбища, существующие вместе с древними могильниками. Здесь также множество руин – разрушенных чеченских аулов и хуторов, развалины частично сохранившихся чеченских селений, носящих до сих пор наименования известных древних и старинных чеченских тайпов – Арсой, Бунахой, Басахой, Садой, Сиркхой, Ихарой, Харкалой, Хиндой, Кулой, Кулинхой, Кезиной, Макажой, Тундакхой, Хой, Цикарой и другие, откуда корни большинства коренных чеченских тайпов, расселившихся сегодня на всем пространстве Ичкерии в Чечне [2].

Среди этих аулов примечательно своим названием бывшее чеченское поселение, ныне развалины древнего аула Кезеной, находящегося недалеко от одноимённого озера. Известно, что озеро Кезе-

ной-Ам получило своё наименование от чеченского села Кезеной. Предание о возникновении водохранилища Кезеной-Ам на месте древнего чеченского поселения также исходит из чеченского фольклора. Но территория данного региона после выселения чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию и даже после возвращения чеченцев из мест депортации и восстановления их государственности и сегодня остается малонаселенной.

Вопрос, поднятый по инициативе Республики Дагестан «Об определении пограничной линии и разграничении территории между Чечней и Дагестаном в районе озера Кезеной-Ам» не имеет основы. Данный вопрос ставился и в советский период во время установления на территории Чечни советской власти. Возник он после революции и гражданской войны, то есть в период осуществления в стране национальной политики большевиков о самоопределении народов бывшей царской России и создании народами Северного Кавказа своей государственности в форме советских автономных республик.

Так, в конце 1920 и начале 1921 годов на съездах народов Северного Кавказа поднимался вопрос о создании национальных государственных образований: Горской АССР и Дагестанской АССР. В Горскую Автономную Советскую Социалистическую Республику вошли в своих границах национальные округа – Чечня, Ингушетия, Северная Осетия, Кабарда, Балкария, Карачай, Черкесия, Сунженский Казачий округ, и города Владикавказ и Грозный на правах самостоятельных административных единиц. На официальных картах, изданных в этот период (1922–1924 гг.), обозначено, что озеро Кезеной-Ам и прилегающая к ней территория со всех сторон находится в составе Горской АССР и граничит с Дагестаном [3]. В материалах и различных картах по административно-территориальному делению, территория, прилегающая к озеру Кезеной-Ам, входит в состав Чеченского Автономного Округа [4]. В архивных материалах и доступных картах также отмечается, что наиболее близлежащим к озеру Кезеной-Ам населённым пунктом является чеченское селение Хой, расположенное в 4 километрах в сторону Дагестана восточнее самого озера. Территория, на которой расположено озеро Кезеной-Ам, на картах отделена пограничной пунктирной линией от территории Дагестана и остается далеко на западе, то есть на территории Чечни.

Во время изучения данного вопроса какие-либо нормативные правовые акты по национально-государственному устройству Чечни и Дагестана, в котором бы отражалась принадлежность Дагестану территория вокруг озера Кезеной-Ам, нигде не зафиксировано. Каких-либо актов органов государственной власти, разъяснений и комментариев по этому поводу в архивах высших законодательных органов – СССР, РСФСР и Чечено-Ингушской АССР не обнаружено. Представляется, что это надуманно поднятый вопрос и попытка фальсификации территориальной принадлежности земель Чечни вокруг озера Кезеной-Ам.

Следующее, что необходимо отметить, это карта Дагестанской АССР, составленная в 1924 году, после выделения Чечни из состава Горской АССР в самостоятельную автономную область. На этой карте озеро Кезеной-Ам с прилегающей к ней территорией со всех сторон отмечено целиком на территории Чечни [5].

В середине 1920 гг. неурегулированность пограничных земельных отношений между Чечней и Дагестаном, особенно правил пользования горными пастбищами, привела к ряду острых конфликтов с человеческими жертвами. В связи с этим Президиум ВЦИК РСФСР 30 августа 1926 г. создал специальную Комиссию по рассмотрению пограничных споров между Дагестанской АССР и Чеченской АО. Председателем этой комиссии был назначен Т. Круглов. Однако вскоре работа комиссии зашла в тупик. 10 октября 1927 г. была создана новая комиссия, которую возглавил Алексеев. Комиссии Круглова и Алексеева рассматривали 18 территориальных споров, а также ряд споров из-за права пользования горными пастбищными участками. При этом проблема принадлежности озера Кезеной-Ам ни первой, ни второй комиссией не рассматривалась [6].

В конце 20-х годов прошлого века, когда проводились мероприятия по внутреннему районированию Чеченской Автономной области и Дагестанской АССР, члены комиссии ВЦИК высказывались, что пограничную линию административной границы между Чеченской Автономной областью и Дагестанской АССР следовало бы провести в районе Кезеной-Ам посередине озера [7]. Но никаких решений по этому поводу принято не было и никаких действий, связанных с этим высказыванием, не произошло. Новых поселений в районе Кезеной-Ам не появилось. Состав местного населения в этом районе не изменился, ничего не изменилось и на территории вокруг озера Кезеной-Ам. В партийных и советских органах окончательное решение это предложение не получило. Видимо, это предложение просто было забыто теми, кто его выдвигал.

Между тем, в Северо-Кавказском крае шел процесс к объединению Чеченской и Ингушской автономных областей в новое автономное образование – Чечено-Ингушская Автономная область.

Накануне этого события, в СССР издается авторитетное издание, подкрепляемое картами административно-территориального деления. Этопервая Большая Советская Энциклопедия 1934 года. В редакционную коллегию данного издания входили видные деятели советского государства и правительства – Куйбышев В.В., Бухарин Н.И., Кржижановский Г.М., Пятаков Ю.Я. и др. Составителем Большой Советской Энциклопедии является путешественник и исследователь Шмидт О.Ю.**,** известный учёный с мировым именем. В 61 томе данной энциклопедии помещена обширная статья «Чеченская Автономная область», где в подразделе «Физико-географический очерк» указано, что на Юго-востоке Чечни лежит единственное горное озеро Кезеной-Лам, знаменитое обилием высокогорной рыбы – форели» [8]. К очерку приложена карта – «Чеченская Автономная область», на которой показана дагестанская пограничная с Чечнёй линия в виде чередующихся чёрных тире и точек, огибающая озеро Кезеной-Ам, оставляя весь водный бассейн полностью на территории Чеченской Автономной области. О какой-либо связи территории вокруг озера Кезеной-Амс Дагестанской АССР, в Большой Советской Энциклопедиине указано.

В 1936 году Чечено-Ингушская Автономная область преобразована в Чечено-Ингушскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

Картографическим отделом Российской Государственной Библиотеки представлена карта Чечено-Ингушской АССР 1937 года, составленная через год после образования республики. На данной карте вся территория вокруг озера Кезеной-Ам полностью включена в состав Чечено-Ингушской АССР**[9].**

Нормативные правовые акты, изданные высшими органами государственной власти страны и республики до упразднения Чечено-Ингушской АССР в 1944 году, также прямо указывают на принадлежность озера Кезеной-Ам и прилегающих к ней земель к чечено-ингушской территории.

23 февраля 1944 года чеченцы и ингуши были со своих исконных земель депортированы в Казахстан и Среднюю Азию. И только 7 марта 1944 года, спустя две недели, когда высланный чечено-ингушский народ находился в дороге, принимается «высший юридический акт» – Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве её территории» [10]. Этот акт прямо указывает на то, что водный бассейн Кезеной-Ами прилегающая к озеру местность со всех сторон, на момент упразднения республики находился полностью на территории бывшего Чеберлоевского района Чечено-Ингушской АССР. В частности, весь бывший Чеберлоевский район, после выселения чеченцев и ингушей и упразднения их государственности в 1944 году, в том числе озеро Кезеной-Ам с прилегающей к ней территория в пределах своих границ соответствующим нормативным правовым актом высших органов государственной власти были целиком включены в состав Дагестанской АССР и составлена новая схема начертаний границ [11]. Все документы использованные при разработке и составлении данного указа с приложением карты и схем начертаний территории бывшей ЧИАССР включаемой в состав Дагестанской АССР, на которой чётко зафиксировано озеро Кезеной-Ам с прилегающей местностью ликвидированной Чечено-Ингушской АССР. Этот материал хранится в Государственном Архиве Российской Федерации. С этого времени юго-восточная часть горной Чечни находилась в составе Дагестанской АССР и никаких претензий кто-либо и кому-либо, иметь по этому поводу не может. Однако это не говорит о том, что эта территория ничейная или она продолжает оставаться в составе какой-то другой республики после восстановления ЧИАССР. Территориальные притязания Дагестана к Чечне с момента восстановления Чечено-Ингушской АССР и возвращения указанных земель не правомерны. Так, 9 января 1957 года Указом Президиума Верховного Совета СССР, Чечено-Ингушская АССР была восстановлена. В тот же день Верховный Совет РСФСР издал Указ «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и ликвидации Грозненской области». Данный акт предписывал возвращение ранее включенных в состав Дагестанской АССР земель, и передачу их вновь в состав Чечено-Ингушской АССР. Это бывшие чеченские районы–Курчалоевский, Ножай-Юртовский, Саясановский, Чеберлоевский, Шароевский и Веденский переименованные в Ритлябский, Шурагатский, Андаляльскийи части Ботлихского и Цумадинского районов в границах бывших Шаройского и Чеберлоевского районов [12].

В частности, нормативные правовые акты СССР и РСФСР указывают на то, что бывший Чеберлоевский район и территория, на которой расположено озеро Кезеной-Ам, без каких-либо изменений возвращается в состав восстановленной Чечено-Ингушской АССР. Но, грозненские партийные и советские круги, в состав, которого входили наиболее лояльные национальные представители, приняли решение не в пользу развития горной территории Чечено-Ингушетии. Так, 21 января 1957 года, спустя 2-3 недели, после восстановления республики и возвращения указанных районов Чечено-Ингушетии, Оргкомитет ЧИАССР и Бюро Чечено-Ингушского обкома КПСС обратились в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Президиум Верховного Совета РСФСР с предложением, о новом административ-

но-территориальном делении ЧИАССР [13]. В результате, их просьба была удовлетворена и принято решение о ликвидации возвращенных Дагестаном и восстановленных горных районов. Так не стало в составе ЧИАССР четыре «бесперспективных» горных района–Итум-Калинский, Чеберлоевский, Шаройский, а чуть позже и Саясановский. Территории этих административных районов были включены в состав – Веденского, Ножай-Юртовского, и Советского районов. Благодаря этому решению потерял административную юрисдикцию и колыбель Чечни – область Галанчож – родной район М.Г. Гайрбекова. Территория его была распределена между Советским, Урус-Мартановским, Ачхой-Мартановским и Сунженским районами [14].

В этих условиях, попытки горцев проживать в горных районах были нереальны, так как их проживание там не разрешалось. Чеченцев в район расположения озера Кезеной-Ам, в частности, в бывший Чеберлоевский район, как и других горцев, в свои родные горные районы на жительство горцев не допускали. Их принудительно расселяли по республике в других районах ЧИАССР. Тем не менее, с момента восстановления республики до начала 90-х годов прошлого века, никаких сомнений в том, что озеро Кезеной-Амс окружающей территорией находится в составе чеченской территории, не возникало. В восстановленной Чечено-Ингушской АССР озеро Кезеной-Ам, и прилегающая к нему местность со всех сторон находились на территории Чеберлоевского района, а позже были включены в Веденский район ЧИАССР. Однако, после восстановления Чечено-Ингушской АССР в 1957 году, властями республики был наложен строгий негласный запрет на возвращение населения для проживания на исторические земли бывшего Чеберлоевского района, вследствие чего эта местность частично пришла в запустение.

В 60-х годах прошлого века отдельные граждане выходцы с этих мест, пытались самостоятельно переселяться в места своего прежнего проживания и своими силами начинали восстанавливать родные очаги. Но такие попытки местными властями жестко пресекались и людей насильственно выдворяли с этих краев вплоть до семидесятых годов. Эти очевидные факты зафиксированы в печати, нормативных правовых актах и справочниках страны и республики.

В начале 70-х годов прошлого столетия, в связи с созданием на озере Кезеной-Ам спортивно-оздоровительного комплекса и появлением здесь условий работы для местного населения, жизнь в этом уголке республики немного оживилась. Горцы увеличили личное поголовье крупного рогатого скота и овец. Появились животноводческие хозяйстваи межхозяйственная молочно-товарная станция и др. Но, вначале 80-х годов XX века ситуация на данной территории резко изменилась. В один из зимних сезонов во время обильных снегопадов и метелей на всех дорогах и подступах верхней части Веденского района (бывший Чеберлойский район) образовались большие снежные заносы, а к весне сильные оползни, которые окончательно парализовали жизнь горцев. Доставка предметов первой необходимости населению прекратилась. Проживание в труднодоступных местах с тяжелыми климатическими условиями стало не возможным. Не выдержав такие испытания и трудности, часть жителей спустилась с гор, и расселилась в равнинных районах [15].

В период перестройки, в этом регионе была восстановлена нормальная жизнь населения. В Конституции Чеченской Республики, законом парламента Чеберлоевский район был восстановлен, а Правительство Чеченской Республики как орган исполнительной власти образовало его своим постановлением в соответствии с новым положением в РФ уже как муниципальный район, который был сформирован в тех же границах территории бывшего Чеберлоевского административного района**.** Но, с началом известных военных действий в 1994 году и нанесением бомбовых ударов в период первой войны в Чечне, вся инфраструктура Чеберлоя была разрушена, в том числе спортивная база и туристический комплекс «Кезеной». Погибли беженцы свыше ста человек из числа беженцев временно проживавших в данном комплексе. Пострадали и местные жители. Такое же тревожное положение испытывало население и северной части района, где расположены чеберлойские общества и аулы: Ачалой, Багечарой, Босой, Дай, Инкоттой, Ляшкарой, Нахчкелой, Нижалой, Нуйхой, Органхой, Осхарой, Саьрбалой, Чобаккинарой и др. Жители этой части Чеберлоя из-за разрушения и отсутствия горной инфраструктуры, а так же тяжелых климатических условий вынуждены были вновь покинуть родные места.

В период восстановления в Чечне «конституционного порядка», положение оставшейся части населения района еще больше усугубилось. Вновь созданный в марте 1995 года Чеберлойский административный район в составе Чеченской Республики, к концу 1996 года снова перестал существовать. Жители этого района вновь вынуждены были покинуть свои места проживания. Они и до настоящего времени не имеют возможность возвращаться в отчий край из-за отсутствия должной горной инфраструктуры и социальных условий. По этой причине места вокруг озера Кезеной-Ам еще в те годы частично оставались не заселенными.

В 1997 году после окончания первой войны и избрания в Чечне соответствующих органов, создались незначительные условия для проживания населения в горах. В марте 1997года, уже в третий раз после начала перестройки был восстановлен Чеберлойский муниципальный район, просуществовавший до конца сентября 1999 года. В этот период были в районе приняты ряд организационных мер и проведены производственно-хозяйственные мероприятия, созданы условия развития частного предпринимательства и развития крестьянско-фермерского хозяйства по выращиванию овощей. В 1998 году были вновь созданы госхозы – Ихаройский, Макажойский и Садойский. Дополнительно было создано Садойское местное самоуправление, администрация, которой было размещено в селе Буни. До этого населенного пункта от точки Инкотта была пробита семикилометровая дорога через лесной массив, хребты и перевалы ущелья Келойн Ахк силами энтузиастов выходцев с этих мест, проживающих в равнинных селах. Учреждения района сделали первые шаги по расширению сельскохозяйственного производства. Труженики аграрных хозяйств разводили и выращивали стойловое животноводство, начали засевать небольшие площади и выращивать картофель и морковь. Но с началом второй войны, известного под названием «контртеррористическая операция», и жестких действий представителей военных структур проводивших эту операцию, местные жители окончательно покинули места проживания своих предков, но не отказались от своих земель и частично сохранившихся родных очагов. В настоящее время в бывшем Чебрлоевском районе проживают свыше 1,7 тысяч человек. По этой причине места вокруг озера Кезеной-Ам остаются временно не заселенными, а земельные угодья района – пахотные земли, сенокосы и пастбища используются жителями соседней республики. Именно в это время, заметно увеличилось число представителей соседней республики, пытающихся оспорить принадлежность чеченской территории прилегающей к озеру Кезеной-Ам Чеченской Республики.

В издаваемых, например, в Республике Дагестан, отдельных пособиях, туристических карт ахи путеводителях стали появляться по этому поводу искаженные данные, а в социальных сетях начата большая работа по оспариванию принадлежности территории прилегающей к озеру Кезеной-Ам, Чеченской Республике [16].

Следует также отметить о проделанной работе нашей республикой, и мерах по освоению строительных площадок, изучению и физико-географическому исследованию бассейна Кезеной-Ам, целостной и объемной работе по созданию на озере Кезеной-Ам спортивно-оздоровительного комплекса всесоюзного значения. Так, в конце 50-х годах прошлого столетия, Чечено-Ингушетия начинает изучение озера Кезеной-Ам. Партийные и советские органы Чечено-Ингушетии и различные организации и учреждения республики стали привлекать для изучения бассейна Кезеной-Ам отдельные московские научные общества. Первая научная экспедиция была организована в 1957 году по инициативе Министерства культуры ЧИАССР, Чечено-Ингушского отдела Географического общества СССР и Чечено-Ингушского Государственного Краеведческого Музея. В состав экспедиции входили сотрудники – Грозненского нефтяного института, Чечено-Ингушского отдела Российского Географического общества и Чечено-Ингушского Музея Краеведения. Экспедицией изучались общие сведения об озере, его происхождении, территориальной принадлежности, размерах, площади, глубине, экологическом состоянии и окружающей среде местности [17].

В 1960 году Сессией Верховного Совета ЧИАССР было принято Постановление «Об охране природы республики». В принятом нормативном правовом акте основные пункты касались непосредственно озера Кезеной-Ам. В связи с этим, власти Чечено-Ингушетии организовали в 1961 году вторую экспедицию по изучению озера Кезеной-Ам и его окрестностей. Эта экспедиция также была проведена соответствующими организациями Чечено-Ингушетии. В составе проводимых Чечено-Ингушетией экспедиций нив 50-х, ни в 60-х годах прошлого века, представители Дагестанской АССР и подведомственные этой республике организации участия в экспедициях не принимали, так как озеро Кезеной-Ам являлось частью территории Чечено-Ингушетии. Инициаторами проведения экспедиций и изучения водного бассейна Кезеной-Ам и прилегающей к озеру территории, как ив первый раз, стали Чечено-Ингушский отдел Географического общества СССР, Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей и Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и экономики.

В дальнейшем также ставились вопросы по развитию в районе озера Кезеной-Ам рыбной промышленности, разработке мер по продовольственной программе и развитию отраслей производства за счет местных ресурсов и полезных ископаемых и т.д. [18].

В 70-е годы XX века на озере Кезеной-Ам было намечено проектирование водно-гребной базы союзного значения. Все материалы исследований озера чечено-ингушскими ведомствами и учреждениями по распоряжению республиканских властей были переданы проектировщикам, которые ис-

пользовались строителями для подготовки исходных данных и проектирования строительства гребной базы [19].

На озере Кезеной-Ам Чечено-Ингушской АССР в 70-е годы XX века создается также база Олимпийской сборной СССР по гребле, и никакого отношения к территории Дагестана эта база не имела, так как база находилась под юрисдикцией Чечено-Ингушетии. Доказательством тому служит Постановление Госплана СССР об объявлении Кезеной-Ам памятником природы республиканского значения с заповедным режимом охраны. Данный режим охраны озера Кезеной-Ами прилегающей к озеру территории осуществляли государственные органы и учреждения Чечено-Ингушетии. Контроль над соблюдением установленных Советом Министров ЧИАССР правил заповедного режима был возложен на Веденский райисполком, которому в административном отношении были подведомственны территория района и земли, прилегающие к озеру Кезеной-Ам [20].

В архивных материалах Государственного комитета физкультуры и спорта СССР выявлен документ, который указывает на то, что в 1989 году озеро Кезеной-Ам и прилегающая к ней территория находились в составе Чечено-Ингушской АССР. Документ этот именуется – «Передаточный баланс по основной деятельности Учебно-тренировочной базы по гребле «Кезеной» Чечено-Ингушской АССР» [21]. Из этого также усматривается, что спортивно-оздоровительная база на озере Кезеной-Ам и прилегающая к ней территория принадлежат Чечено-Ингушской АССР и с распадом СССР в 1991 году, никаких официальных решений о пересмотре границ не принято.

Кроме того отметим, что при рассмотрении данного вопроса мы намеренно ограничили себя в использовании картографического материала, больше доверяя конкретному, нормативному правовому акту принятому полномочным органом государственной власти, в чью компетенцию входят вопросы национально-территориального устройства и административно-территориального деления.

С учетом изложенного, и подводя итоги исследуемого вопроса, мы считаем, что озеро Кезеной-Ам с прилегающей к ней территорией со всех сторон, исконно принадлежало и принадлежит Чеченской Республике и сегодня остается принадлежностью чеченского народа, являясь неотъемлемой частью исторической области Чеберлой, находящегося в юго-восточной части горной Чечни. Вопрос, вынесенный Правительством Республики Дагестан, считаем не корректным, так как нет для этого оснований и фактов передачи территории Чеченской Республики другому субъекту федерации и изменениях административно-территориальной границы Чеченской Республики с сопредельными субъектами Российской Федерации.

Литература:

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Т. XXXУ1. Отд. 2. СПб., 1861. С. 182–183.
2. Н.С.Иваненков. Горные чеченцы Культурно-экономическое исследование Нагорной полосы Терской области. Владикавказ 1910, Н.С. Семенов. Туземцы Северо-восточного Кавказа (очерки, исследования, заметки о чеченцах). СПб. 1995.
3. ГАРФ, Ф, Р – 1318, Опись 6, дело 3, лл.13–15.
4. Карта губерний и областей Кавказка. Тифлис. 1903. Военно-топографический отдел Кавказского военного округа.
5. ГАРФ. Ф. Р-6890, оп. 2, д. 1390.
6. ГАРФ. Ф. Р-1235, оп.120, д. 162, лл. 25–29, 47–48, 60–61.
7. ГАРФ. Ф. Р-6890, оп. 2, д. 1387; Ф. Р-6890, оп. 2, д. 1388; Ф. Р-7576. оп. 34, д. 3728;Ф. Р-352, оп. 2, д. 9, л.
8. Большая Советская Энциклопедия. Т. 61. М., 1934. С. 524.
9. РГБ. Отдел картографических изданий: КО 7-7-88. Масштаб 1:250 000.
10. ГАРФ Ф-7523, Опись 4, дело 208, л. 225.
11. Там же. Л. 226.
12. ГАРФ Ф-7523, Опись 4, дело 208, л. 225.
13. Сборник документов и материалов. Грозный. Архивное управление Правительства Чеченской Республики. 2013. Том 1. С. 12–13.
14. Там же. С. 13–14.
15. А.Г. Киндаров. Мемуары. Исповедь чеченца (Воспоминания и размышления). Грозный, 2008. Изд. ГУП «ИПК» Грозненский рабочий. Кн. 1. С. 561–563.
16. Гусейн Абуев. Альбом Дагестан. Махачкала. «РИФ». 1995.; Арсен Атаев. Фото-альбом Дагестан. Москва. 1996. Красный пролетарий. С. 184.
17. В.В. Рыжиков. Жемчужина Северного Кавказа. Грозный, 1988. С. 17.
18. С.О. Зоев. Чечено-Ингушская АССР. Природа и экономика. Грозный, 1980.
19. П.А. Анисимов, А.А. Голубницкий. Природа Чечено-Ингушетии, и ее рациональное использование. Грозный. 1991. С. 3–4.
20. В.В. Рыжиков. Указ. соч. с. 24.
21. П.А. Анисимов, А.А. Голубницкий. Природа Чечено-Ингушетии и ее рациональное использование. Грозный. 1991. С. 99.

УДК 343.341.1 ББК 67.308

РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

IMPLEMENTATION OF THE FRAMEWORK OF YOUTH POLICY PREVENTING EXTREMISM IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF HIGHER EDUCATION

Е.Э. Ганаева,
к.ю.н., заведующая кафедрой уголовного права и процесса ЧГУ

E.E. Ganaeva,
Candidate of Legal Sciences, Head of the "Criminal Law and Procedure" Department of CheSU

Исследуется модель оптимизации молодежной политики в Российской Федерации, ориентированная на профилактику экстремизма и радикализма в молодежной среде. Рассматривается феномен молодежного экстремизма, предлагаются конкретные шаги, позволяющие выстроить систему профилактики радикализма и ксенофобии в среде молодого поколения. Исследованы пути реализации данной политики образовательными организациями высшего образования.
Ключевые слова: *экстремизм, молодежь, молодежная среда, девиантное поведение, толерантность.*

This article shows the problem of optimisation of youth policy in Russian Federation focused on the prevention of extremism and radicalism among youth. The phenomenon of youth extremism is studied; specific steps for a system to prevent of radicalism and xenophobia among young people, the methods for implementing the policy of educational institutions of higher education are also researched.
Key words*: extremism, youth, youth community, deviant behaviour, tolerance.*

Экстремизм является одной из наиболее сложных социально-политических проблем современного российского общества. Это связано с многообразием экстремистских проявлений, неоднозначными заявлениями лидеров страны, неоднородным составом организаций экстремистской направленности, которые оказывают деструктивное влияние на социально-политическую обстановку в стране.

Молодежь – та прослойка общества, на которую возлагают большие надежды, но нередко молодые люди теряются и не могут найти свое предназначение из-за многообразия информации, субкультур, неверных ценностных установок, фальшивых лозунгов и манящих призывов. Нередко девизом их жизни становится «не париться», такие понятия, как труд, долг родине, помощь близкому, безвозмездная помощь становятся старомодными.

Под влиянием социальных, политических, экономических и иных факторов в молодежной среде, наиболее подверженной деструктивному влиянию, легче формируются радикальные взгляды и убеждения. Таким образом, молодые граждане пополняют ряды экстремистских и террористических организаций, которые активно используют российскую молодежь в своих политических интересах.

Молодежная среда в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала. Современное российское общество переживает трансформацию системы ценностей, что обусловлено модернизацией общественной жизни. Модернизация жизни общества наряду с глобализацией стимулируют напряженность в межнациональных отношениях, которые сопровождаются межэтническими конфликтами.

Современное российское общество переживает трансформацию системы ценностей, что обусловлено модернизацией общественной жизни. Модернизация жизни общества наряду с глобализацией стимулируют напряженность в межнациональных отношениях, которые сопровождаются межэтническими конфликтами. Появляются различные оппозиционные группы, добивающиеся желаемого результата через терроризм.

Именно подрастающее поколение России оказалось самой незащищённой в культурном отношении категорией населения, которая находится в своеобразном ценностном и духовном вакууме. Происходит утрата национальной культурной идентичности, эгоцентризм и авторитарность в общении, игнорирование другого мнения, девиантное поведение, искажение культурных и духовных ценностей, отсутствие у молодых людей четкой жизненной позиции и веры в завтрашний день.

Наблюдаются факты дезорганизации молодежи, подверженности ее влиянию экстремизма, раз-

рушающего традиционные ценности русской национальной культуры, национальных культур других народов, тенденция роста неформальных молодежных групп и объединений, среди которых особую тревогу вызывают молодежные неформальные объединения экстремистской направленности. Эти объединения способствуют формированию у молодых людей установок, отрицающих многие ценности существующего общества.

Изучение ценностных ориентаций молодежи дает возможность выявить степень ее адаптации к новым социальным условиям и ее инновационный потенциал. Завтрашний день России во многом определяется уровнем образования и профессиональной подготовки молодого поколения, его мировоззренческой позицией, желанием и умением активно участвовать в жизни страны. Не секрет, что образование – самое выгодное вложение капитала. Но, получая образование, молодой специалист не просто должен обладать определенными профессиональными навыками и умениями, а также обладать мобильностью, гибкостью, способностью оперативно решать нестандартные проблемы, ориентироваться в сложной системе новых общественных отношений, высоким уровнем духовности и нравственности.

«Воспитание – важная и неотъемлемая часть учебного процесса, направленная на реализацию двух целей – обеспечения процесса социализации гражданина общества и поддержку процесса индивидуализации личности» [1, С. 48]. Говоря о высокой культуре воспитания студентов в вузе, необходимо принять ряд мер: создать в вузе гуманистическую систему, совершенствовать работу студенческих научных обществ, сформировать у будущих специалистов чувство патриотизма, политической культуры, развивать клубную и досуговую деятельность, поддерживать студенческие объединения. Образование уже не просто передает знания, оно помогает формированию основных личностных качеств человека, чтобы человек умел критически относиться к себе, к своим стереотипам и привычкам, сумел не замечать косные взгляды, все время шел вперед, не останавливаясь на достигнутом, умел быстро перестраиваться и приспосабливаться к новым условиям. Ведущую роль в воспитании принадлежит профессорско-преподавательскому составу. Преподаватель должен служить примером для молодого поколения. На занятиях преподаватель может всегда привести примеры с «воспитательным контекстом». Необходимым условием качественного образования является личностно-ориентированный подход. Личностно-ориентированная образовательная концепция ставит в центр обучаемого, его интересы, его индивидуальные особенности, его потребности и мотивы.

Одним из факторов формирования ценностного отношения к культуре можно считать вовлечение студентов в различные виды образовательной деятельности. Это помогает расширить границы образовательного пространства и творческой деятельности, исследовательской и социальной практики посредством интеграции учебной и внеучебной деятельности в целостном образовательном процессе. Для организации этого процесса необходима интеграция учебного и воспитательного процессов, взаимопроникновение учебного и внеучебного времени, открытые студийные формы работы обучающихся и взрослых, межпредметная интеграция. К открытым студийным формам работы можно отнести ежегодные студенческие конференции, внутривузовские и межвузовские олимпиады, встречи в лингвокультурном клубе.

В таком многомерном образовательном пространстве культурной деятельности студенты приобретают опыт культурного поведения, культурной самоидентификации и самореализации своих творческих задатков и особенностей в соответствии со своими интересами, потребностями и ожиданиями.

Следующим важным фактором формирования ценностного отношения является ситуация возрастного развития личности студентов. В юношеском возрасте основное значение приобретает ценностно-ориентированная активность, связанная с процессами социального самоопределения [2, С. 109].

Студенты отличаются сенситивностью к восприятию культурных ценностей, потребностью в самоопределении, это приводит к социальной активности и стремлению расширить свой культурный опыт. Возрастает потребность в общении, происходит переосмысление своей национальной сущности, переосмысление смысла жизни, культурной самоидентификации. Данный период – период обучения в высшей школе – является наиболее актуальным для формирования ценностного отношения к культурологическому знанию.

Ценностные ориентации преподавателя оказывают огромное воздействие на формирование и развитие ценностных отношений студентов [3, С. 201]. Положительное отношение к студентам, к своим коллегам, к изучаемой культуре, к преподаваемым дисциплинам, к своей преподавательской деятельности, как ценностям образовательного процесса, является основной чертой педагогического общения. Преподаватель организует образовательный процесс как средство активного самопознания

и личностного развития студентов посредством диалога. От мастерства преподавателя и профессиональной чуткости, искренности и заинтересованности зависит успешность его деятельности по формированию ценностных ориентаций обучающихся и привитии им способностей ценить и созидать свою родную культуру, уважать особенности других культур и понимать общечеловеческие ценности.

Таким образом, в образовательном учреждении особую актуальность приобретает деятельность по профилактике молодежного экстремизма.

Только поняв причины и источники возникновения экстремизма среди молодежи, возможно в учебно-воспитательном процессе создать организационные, содержательные и социально-психологические условия противодействия экстремистским установкам личности подрастающего поколения [4, С. 219].

Положение и роль в обществе молодежи, как социально-демографической группы, с определенными возрастными особенностями, потребностями, интересами, ценностями и местом в социальной структуре, находящейся в стадии социализации, усвоения системы норм, знаний, умений, навыков, позволяющих быть активным полноправным членом общества, напрямую обусловлены характером социально-политических процессов и экономических отношений, традициями, конкретной исторической ситуацией.

Экстремизм порождают противоречия, возникающие в результате социально-экономических кризисов, деформации политических и идеологических институтов, резкого падения жизненного уровня, ухудшения социальных перспектив значительной части населения, особенно молодежи.

Возникновение неформальных групп и их быстрый рост сигнализирует о том, что в обществе существуют серьезные проблемы, противоречия, несоответствие потенциала, интересов и запросов молодежи тем возможностям, которые предоставляет государство, общество.

Однако причины возникновения экстремизма именно среди молодежи кроются не только в общественных условиях. Его природа тесно связана с рядом особенностей личности. А именно, источник экстремизма как общая идеология крайней непримиримости к инакомыслящим во многом кроется в интеллектуальной и нравственной ограниченности личности, отстаивающей подобные взгляды [5, С. 193].

Необходимо, чтобы в этой системе мер обязательно присутствовали:

- создание студенческих общественных организаций;
- организация досуга молодежи;
- присутствие воспитательного момента в образовательном процессе;
- личный пример;
- развитие верных ценных установок и патриотизма;
- использование ресурса имеющихся молодежных неформальных объединений, основой которых является стремление молодых людей организовать свой досуг, посредством творческого и физического совершенствования.

По отношению к таким явлениям, как экстремизм, требуются постоянная профилактика и сдерживание. Процесс формирования ценностных ориентаций играет в этом огромную роль.

Литература:

1. Бондаревская Е.В. Воспитание как возрождение гражданина, человека культуры и нравственности / Е.В. Бондаренко [текст]. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 1993. 163 с.
2. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды / К.А. Абульханова [текст]. Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. 224 с.
3. Ананьев Б.Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность / Б.Г. Ананьев [текст]. М.: Директ-Медиа, 2008. 239 с.
4. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина [текст]. СПб: Алетейя, 2001. 304 с.
5. Бидова Б.Б. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический анализ (на примере Северо-Кавказского Федерального округа) / Б.Б. Бидова [текст]. Кисловодск: Учебный центр "Магистр". 2013. 224 с.

УДК – 342.7

ЗНАНИЕ ПРАВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА – КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ИХ ЗАЩИТЫ

KNOWLEDGE OF RIGHT REGULATIONS AND CIVIL RIGHTS AS REQUIREMENTS FOR THEIR PROTECTION

М.С. Дадаева,
сотрудник Центра регионального законодательства при ЧГУ, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право» ЧГУ

M.S. Dadayeva,
the scientific member of the Centre of regional at CSU, senior lecturer of "Constitutional and administrative law department of CSU"

В данной статье рассматриваются вопросы о знании, изучении и понимании человеком собственных прав.
Ключевые слова: *права, человек, гражданин, проблемы, государство.*

This article focuses on the question of knowledge, study and understanding of human rights.
Key words*: law, a person, a citizen, challenges, the state.*

Человек сегодня стал осознавать, что представляют собой его личные права, но в том-то и дело, что лишь осознавать, а не знать их. «Большинство людей не знают самых элементарных прав человека, не умеют или не хотят защищать и отстаивать их» [1]. В этом заключается вся трагедия! Не пресекая вовремя правонарушение, это способствует возникновению новых правонарушений и часто приводит к юридическому конфликту.

Мы увлекаемся спортом, изучаем иностранные языки, знаем азы математики и воспринимаем это как должное и необходимое. Так почему бы нам не знать наши права, не знать основы законодательства – это тоже является одним из основных видов знаний. Если личность не знает своих прав и не может их отстоять – эта личность просто напросто лишена их, любые права у нее отсутствуют. Если мы не сможем сами воспользоваться своими правами, то ими воспользуются другие – это очевидно!

Изучение вопроса прав человека привело к мысли о том, что тонкости этой области знают в большинстве случаев лишь люди, имеющие юридическое образование, те, кто в жизни с этим столкнулся лицом к лицу и те, кто самостоятельно увлекается изучением прав личности, но не более. Знания собственных прав человека должны быть доступны людям без помощи юриста, кодексов или Основного закона Российской Федерации.

Чтобы хоть немного иметь представление о правах, свободах, законных интересах граждан, люди поступают в высшие учебные заведения для получения образования в правовой области, изучают гуманитарные науки, после же легко пользуются полученными знаниями, а также отстаивают интересы других лиц. Мы же придерживаемся мнения: «Ты личность, так знай свои права и узнавай их любыми путями!». Так в жизни и должно быть, ни больше, ни меньше.

Чтобы решить эту проблему необходимо действовать, искать пути решения проблем, пытаться, рисковать, предлагать. Необходимо цепляться за малейшие идеи и может быть решение проблемы незнания человеком своих прав найдется постепенно. Москва тоже не сразу строилась.

В раннем и современном обществе существует множество теорий о правах человека. Ранними правовыми источниками, закрепляющими права человека, являются: «Великая Хартия Вольностей» (1215 г. – Англия); «Петиция о праве» (1628 г. – Англия); «Декларация прав и свобод человека» (1789 г. – Франция); «Билль о правах» (1789 г. – Америка) и другие документы.

В истории существует период (между Средневековьем и Новейшим временем) – «Новое время» или «Новая история». С периодизацией этого времени историки окончательно еще не определились. Многие связывают это время с «Английской революцией» (1640 г. – середина 17 века), другие с открытием испанцами «Нового Света» (1492 г.), с «Падением Константинополя» (1453 г.) и даже с «Великой Французской революцией» (1789 г.). О дате завершении периода «Нового времени» также продолжаются споры. Фигурирует мнение о том, что закончилось это время в 1917 году, по мнению российских историков, в рассвет социалистической революции. Этот период времени охарактеризован с целью выяснения начала рождения в обществе идеи о личности и праве. Именно эпоха «Нового времени» сформировала идеи о личности и ее праве, свободах и интересах, а мыслители этого периода пережевывали эти соображения, открывая все то, новое, что для нас сейчас является старым. Здесь возродилась идея индивидуальной свободы человека, которая находилась вне зависимости от госу-

дарства и иных форм принуждения. Мыслителями «Нового времени», интересующимися вопросом прав человека, являлись: Дж. Локк, Т. Пейн, в частности К. Маркс и многие другие.

В Российской Федерации Основным законом является Конституция Российской Федерации, которая гарантирует защиту прав человека и гражданина. К правам человека Конституция Российской Федерации относит: право на жизнь; право на достоинство; право на безопасность; право на свободу и личную неприкосновенность; право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; право на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающие его права и свободы; право на неприкосновенность жилища; право на определение и указание своей национальной принадлежности; право на пользование родным языком; право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства; право свободно выезжать за пределы РФ и беспрепятственно возвращаться; право на свободу совести и вероисповедания; право на свободу мысли и слова; право на информацию. Эти перечисленные права являются личными правами человека, но Конституция Российской Федерации закрепляет также политические, экономические, социальные, культурные и экологические права. Конституция Российской Федерации закрепляет положение о том, что российская Федерация гарантирует защиту прав человека. Контроль за соблюдением прав и свобод человека в деятельности должностных лиц России и государственных органов осуществляет уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Зная об этом, человек может жить как за каменной стеной, но не тут-то было, реальность на самом деле иная – ЗАЩИЩАЙ СВОИ ПРАВА САМ!

Обратившись к европейской практике по вопросу защиты прав человека, было замечено, что конституция для граждан зарубежных стран – решение всех проблем и они уверенны, что если их права будут нарушены, нарушитель понесет ответственность. Большая часть граждан нашей страны в свою очередь не имеет представления, какими правами они обладают, какими свободами наделены и как защищать собственные интересы. В качестве документального примера приведем «Билль о правах», который имеет схожести с Конституцией Российской Федерации. «Билль о правах» (*англ. «Bill of Rights»*) является законодательным актом Англии и одним из первых документов, который юридически закрепил права человека. Он разработан обществом PASA в США в 1988–1989 гг. «Билль о правах» ратифицирован 15 декабря 1791 года и описывает гражданские права и свободы, не оговоренные в тексте Основного закона США. Положения «Билля о правах» имеют множественную тематику, так, некоторые из них устанавливают неприкосновенность личности, имущества и личных бумаг; соблюдение прав граждан, привлеченных к судебной ответственности. «Билль о правах» в свое время служил примером для других стран в их общественном развитии. Он закрепляет следующие личные права человека: «Вы имеете право:

1. Иметь свое собственное мнение и убеждение;
2. Не обращать внимания на советы окружающих и следовать своему собственному мнению;
3. Менять свои решения или избирать другой образ действия;
4. Добиваться перемены договоренности, которая Вас не устраивает;
5. Совершать ошибки, пока не найдете свой собственный путь;
6. Протестовать против несправедливого обращения или критики;
7. Иногда ставить себя на первое место;
8. Говорить «нет, спасибо», и «извините, нет»;
9. На свои собственные чувства, не зависимо от того понимают ли их окружающие;
10. Просить о помощи и эмоциональной поддержке;
11. Побыть в одиночестве, даже если людям хочется Вашего общества;
12. Предоставлять людям самим решать свои собственные проблемы» [2].

В 1969 году была принята «Американская Конвенция о правах человека» или по-другому этот документ именуют «Пакт Сан-Хосе», который вступил в силу через 9 лет (в 1978 году). Это была региональная конвенция о защите прав человека – гражданских и политических. Из источников обнаружено, что она состоит из 3 частей: 1 часть – «Обязанности государства и защищаемые права»; 2 часть – «Средства защиты»; 3 часть – «Общие положения», которые подразделяются на 11 глав. Участниками этой Конвенции являются страны-члены ОАГ (Организации Американских государств). Преамбула «Американской Конвенции о правах человека» закрепляет укрепление в этом полушарии в рамках демократических институтов личной свободы и социальной справедливости, основанных на уважении основных прав человека, поскольку основные права человека возникают в силу того, что основываются на свойствах человеческой личности и нуждаются в международной защите. В вышеперечисленных актах до мельчайших подробностей расписаны всевозможные права человека, кото-

рые реально находятся под защитой государства, а это самое главное не только для общества, но и для государства в целом, так как общество видит со стороны государства поддержку и защиту.

В мире научной литературы и прессы есть много статей на темы о том, зачем вообще нужна народу Конституция. Так, например, российский юрист, политический и государственный деятель Румянцев О.Г (из выступления на совете РСФСР, 10 октября 1991 г.) выступив, указал на создание своего произведения «Зачем нужна Конституция». Действительно, зачем обществу нужна Конституция, если она не может, ссылаясь на нее, защищать и отстаивать свои права и интересы?! Приведем практический пример: обратившись как-то к чиновнику, ваши права с его стороны были нарушены – вы стремительно вправе обратиться в суд, который в свою очередь, если нарушение действительно присутствует, привлечет нарушителя к ответственности. Ответственность может быть выражена, например, в выплате пострадавшему компенсации. На Западе такая система работает автоматически и без отлагательств, поэтому и права чужие побаиваются нарушать. В нашем обществе наоборот побаиваются их отстаивать. Почему бы чаще не обращаться в суд и не противостоять нарушителям?! Быть может, тогда права человека будут цениться?! Нужно уметь показать чего стоит нарушить право человека.

За всю историю человечества люди постоянно борются за свои права, публикуют статьи, монографии, брошюры, посвященные данному вопросу. Так, например, Томас Пейн – американский писатель, философ и публицист в 1790–1791 гг., выпустил в свет брошюру под названием «Права человека», где отстаивал прирожденные права человека и отмечал, что человек оставляет за собой право мысли, свободу религиозной совести и право делать для своего счастья все, что не вредит другим. В 1750-х годах Анн Робер Жак Тюрго отметил: «Права уважаются: затруднение состоит только в том, чтобы знать: кто имеет такое право?». Соглашаясь с мнением А. Тюрго, заметим, что все имеют перечень гарантированных им прав и права должны уважаться как обществом, так и государством, а проблема заключается в понимании того какой гражданин обладает «уважаемым» правом, чье право стоит уважать и ценить, а чье не стоит. Следовательно, уважаются либо права материально обеспеченного, либо образованного, а права остальных граждан не берутся во внимание и ни во что не ставятся. Остается лишь убедить общество самостоятельно изучать свои права, осознать, что помимо обязанности платить налоги или обязанности защищать Родину есть право на бесплатное лечение, бесплатное образование и другие необходимые человеку права.

Предложением к решению проблемы незнания человеком личных прав является внесение в школьное преподавание нового предмета, который смог бы научить детей со школьного возраста знать какими правами и обязанностями они наделены и, помочь тем самым понять структуру их правильного использования на практике – в реалии. Так, для того, чтобы обучить правилам дорожного движения или технике безопасности (в различных сферах) введен школьный предмет под названием «Основы Безопасности Жизнедеятельности». Сегодня в практике школьного преподавания имеет место учебный курс «Обществознание», который во многом формирует правовую культуру личности, но для ее более подробного изучения уместно было бы ввести предмет по изучению свода прав человека и основ их защиты. Такой предмет можно было бы именовать «Основы защиты прав и законных интересов граждан». На практике подобных примеров много. Так, например, с 1 сентября 2012 года по всей России было решено ввести в школьное преподавание предмет «Основы религиозных культур и светской этики. «Цель учебного курса ОРКСЭ – формирование у младшего подростка мотиваций к осознанному нравственному поведению, основанному на знании и уважении культурных и религиозных традиций многонационального народа России…» [3]. Над введением в практику школьного преподавания предложенного нами учебного курса «Основы защиты прав и законных интересов граждан» необходимо работать. Работа будет выражаться во внедрении нового учебного курса в школьную практику, распределении подготовки к нему и обуздании основного его объема. Понимая, что введение в образование педагогического новшества влечет за собой риск, считаем, что ради познания новой области знаний можно рискнуть. Самое главное, для начала необходимо определить критерий оценки успеваемости нововведения, понять сущность и цель, ради которой планируется ввестись «Основы защиты прав и законных интересов граждан». Имея цель помочь обществу разобраться в себе и своих правовых силах, не использовать имеющиеся возможности глупо, ведь цель в конечном итоге порождает результат.

Также, предложением к решению проблемы незнания человеком личных прав является создание и проведение тренингов по правам человека. Такой метод активного обучения облегчит доступ к новой информации и будет направлен на получение знаний, применяемых в последствие на практике. Такие тренинги, несомненно, должны проводить образованные и подготовленные люди, например, юристы. Необходимо, чтобы специально подготовленные люди имели возможность уделить свое

профессиональное время на подобные тренинги. Проведение тренингов по правам человека могло бы стать обязанностью профессионального юриста. На наш взгляд это не только полезно, но и интересно.

Незнание человеком собственных прав, обязанностей, закона, а точнее незнание их основных аспектов и необходимых деталей, которые в жизни нам так необходимы – не делают нашу жизнь лучше.

Литература:

1. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). Москва, 1999. С. 43.
2. <www.ecoteco.ru>. Журнал № 15. Экология. «Билль о правах личности».
3. <http://wikipedia.ru>.

УДК 349.7

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ НАЗНАЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVING THE CRIMINOLOGICAL PREDICTION, APPOINTMENT AND EXECUTION OF CRIMINAL PENALTY BY LIBERTY RESTRAINT

С.А. Ходжалиев,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса ЧГУ

S.A. Khozhaliev,
Senior Lecturer in "Criminal Law and Procedure" Department of CheSU

В данной работе рассматриваются основные направления совершенствования криминологического прогнозирования назначения и исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы. Автор приходит к выводу, что существующая система надзора за лицами, осужденными к ограничению свободы, еще не совершенна и, что важно, не отработанна, что затрудняет на начальном этапе сам процесс надзора за осужденными лицами, а также выявление и фиксацию нарушений осужденным установленного порядка отбывания наказания.
***Ключевые слова**: криминологическое прогнозирование, назначение и исполнение наказания, ограничение свободы.*

The article shows the basic directions of perfection the criminological prediction of appointment and execution of criminal penalties by liberty restraint. The author concludes that the current system of supervision of persons sentenced to restriction of freedom is not perfect and spent, it makes the difficulties in process of supervision of convicted persons, as well as identifying and fixing violations of the established procedure for serving prisoners punishment.
***Key words**: criminological prediction, appointment and execution of punishment, the restriction of freedom.*

Политика борьбы с преступностью должна быть комплексной. Российскому обществу нужна единая концепция, единая стратегия борьбы с преступностью. На практике (законотворческой и правоприменительной) не может быть отдельной уголовно-правовой политики, как и отдельных иных ее структурных частей – уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, криминологической (профилактической), административно-правовой. Политика в данной сфере предполагает единый комплексный подход с использованием возможностей всех названных ее направлений. В этом плане большой интерес представляет проблема смены курса в осуществлении российской уголовной политики.

На VIII Всероссийском съезде судей на самом высоком уровне раздавались призывы «к очередной либерализации уголовного законодательства». Речь, в частности, идет о дальнейшей декриминализации преступлений небольшой тяжести, совершенных впервые, перевод их в разряд административных правонарушений. Не трудно прогнозировать, к каким неблагоприятным криминологическим последствиям это приведет. К решению данного вопроса нельзя подходить неконкретно, недифференцированно.

В процессе исследования любого явления асоциального характера необходимо определить его наиболее существенные черты, выявить закономерности, обозначить сущность с тем, чтобы наметить пути воздействия на него и разработать механизм предупреждения.

Практика назначения и исполнения наказания, проанализированная в предыдущем параграфе, довольно красноречиво подчеркивает недостатки и пробелы в законодательном механизме правового регулирования системы исполнения и назначения наказаний, в частности, монотонность действующих в настоящее время видов наказаний, отсутствие требуемого их взаимозаменения и взаимодополнения и альтернативных ограничению свободы по своей карательной возможности видов наказаний.

Для того, чтобы правильно определить цели назначения наказания в виде ограничения свободы и их эффективного исполнения, необходимо планирование продуктивных ресурсов, которые позволят с большой достоверностью представлять, каковы могут быть основные сложности в назначении и исполнении наказания в виде ограничения свободы в будущем, какие в связи с этим предстоит принимать управленческие решения. Для решения вопросов совершенствования системы наказаний в достижении целей их исполнения необходимо применение криминологического прогнозирования.

Проследить динамику и характер нарушений и ошибок судебной системы при назначении и исполнении наказания в виде ограничения свободы, дать оценку состояния законности достаточно затруднительно, так как нет сводных данных о содержании нарушений, присущих различным категориям сотрудников, соотношении нарушений законности в различных видах учреждений, исполняющих уголовные наказания.

Для определения динамики изучаемого явления рассмотрим показатели применения наказания нарушений установленных ограничений, допущенных лицами, осужденными к ограничению свободы, а также применения электронных средств надзора и контроля в качестве сокращения рецидива преступлений и прогнозов их возникновения в будущем.

Существующая система надзора за лицами, осужденными к ограничению свободы, еще не совершенна и, что важно, не отработанна, что затрудняет на начальном этапе сам процесс надзора за осужденными лицами, а также выявление и фиксацию нарушений осужденным установленного порядка отбывания наказания.

Органы исполнения наказания и существующая система контроля за осужденными, нацелены, в первую очередь, на выявление возможных нарушений установленных осужденному ограничений и установленного порядка отбывания наказания. Положительное же поведение осужденного к ограничению свободы уголовно-исполнительным инспекциям выявить и оценить значительно сложнее по целому ряду объективных и субъективных причин. К примеру, сам по себе факт нахождения осужденного дома в установленное время, подтвержденный данными электронного мониторинга, не свидетельствует об исправлении осужденного и возможности снятия с него части ограничений, установленных приговором суда. В то же время факт отсутствия лица в месте проживания в установленное в приговоре суда время, зафиксированный с помощью средств электронного мониторинга и контроля, говорит о безусловном нарушении, и в случае отсутствия уважительных причин послужит основанием, в том числе для обращения уголовно-исполнительной инспекции в суд с ходатайством о замене ограничения свободы лишением свободы [1, С. 57].

Кроме того, необходимо обратить внимание на крайне низкий процент удовлетворенных ходатайств о замене ограничения свободы лишением свободы (55,6% на всей территории России и 40% на территории Чеченской Республики). Это совершенно нехарактерно для российской судебной системы и косвенно свидетельствует как раз об эффективности ограничения свободы как вида наказания и, возможно, о некоторых сложностях доказывания в начальный период применения наказания нарушений установленных ограничений, допущенных лицами, осужденными к ограничению свободы.

Примерно аналогичная ситуация и динамика наблюдаются и в большинстве субъектов РФ. В качестве примера были исследованы статистические данные по Чеченской Республике. Наказание в виде ограничения свободы в качестве основного вида наказания применялось в 2013 г. в 1,2 раза чаще, чем в 2012 г. Наказание в виде ограничения свободы как дополнительный вид наказания применялось в 2013 г. в 7,2 (720%) раза чаще, чем в 2012 г.

Таким образом, Чеченская Республика имеет некоторые особенности в применении ограничения свободы. Количество лиц, осужденных к ограничению свободы в качестве основного вида наказания, в 2013 г. выросло незначительно, а вот количество лиц, осужденных к ограничению свободы как дополнительному виду наказания, выросло стремительно, скачкообразно. Помимо прочего данный факт может объясняться тем, что Чеченская Республика с 2012 года ввела в использование систему электронного мониторинга подконтрольных лиц и была одним из самых успешных регионов, применяющих СЭМПЛ. Начальник ФКУ УИИ УФСИН подполковник внутренней службы Умарпаша Ахматханов отметил: «Благодаря проводимым мероприятиям по сравнению с прошлым годом в Чеченской Республике среди наших осужденных снизились на 38% повторные преступления и составляют 0,3%. Таким образом, республика занимает лидирующее место в субъектах России в этом

направлении» [2].

В целом в 2013 г. ограничение свободы и как основной, и как дополнительный вид наказания было применено судами Чеченской Республики к 159 лицам, совершившим преступления, что в 1,91 раза (191%) больше, чем в 2012 г., и практически совпадает с общероссийским показателем (2,15 раза, или 215%).

Оценивая статистические данные, необходимо также отметить следующее. Несмотря на очень высокие темпы роста количества лиц, осужденных к ограничению свободы, общее их количество среди лиц, осужденных за совершение преступлений в 2012–2013 гг., остается крайне невысоким.

В соответствии с отчетом Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за двенадцать месяцев 2013 г., на территории России осуждено за совершение преступлений 806 728 лиц, из них (основные виды наказаний) к лишению свободы на определенный срок – 236 901, условно осуждены к лишению свободы 285 890 лиц, к штрафу – 117 868, к обязательным работам – 92 170, к исправительным работам – 42 885 (приведены виды наказаний, к которым осуждено наибольшее количество лиц).

За двенадцать месяцев 2013 г. осуждены за совершение преступлений 870 082 лица, из них (основные виды наказаний) к лишению свободы на определенный срок – 276 570, условно осуждены к лишению свободы 312 995 лиц, к штрафу – 127 578, к обязательным работам – 81 530, к исправительным работам – 41 446 (приведены виды наказаний, к которым осуждено наибольшее количество лиц). Таким образом, к ограничению свободы как основному виду уголовного наказания привлечено лишь около 1,4% лиц, осужденных за совершение преступлений в 2012 г., и около 0,9% лиц, осужденных за совершение преступлений в 2011 г.

Таким образом, ограничение свободы как основной вид наказания на территории Чеченской Республики применялось несколько реже, чем в целом по стране. В то же время исследование демонстрирует стабильный рост числа лиц, осужденных к ограничению свободы, причем рост очень высокими темпами, что подтверждает высокую потребность российской судебной системы в наказаниях, не связанных с изоляцией осужденного от общества, но представляющих собой реальную альтернативу лишению свободы и доверие судебной системы к новому по своей сути виду наказания.

Одной из основных целей деятельности уголовно-исполнительной системы в условиях модернизации является сокращение рецидива преступлений. В настоящее время уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения дистанционного надзора за осужденными к ограничению свободы и за лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, а также для осуществления контроля за выполнением подконтрольными лицами предписанных ограничений используются электронные средства надзора и контроля, совокупность которых составляет СЭМПЛ ФСИН России [3, С. 69–70].

Применение технических средств надзора и контроля преследует следующие цели:

- обеспечение в Российской Федерации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера с ограничением свободы, а также мер пресечения, не связанных с лишением свободы;
- предупреждение преступлений со стороны осужденных;
- предупреждение нарушений порядка и условий отбывания наказания;
- получение информации о совершенных преступлениях.

Введение СЭМПЛ в деятельность УИИ началось с 2011 г., а к 2012 г. данная форма контроля уже функционирует во всех территориальных органах ФСИН России и применяется к осужденным, отбывающим наказания в виде ограничения свободы (в соответствии с ч. 1 ст. 60 УИК РФ) и домашнего ареста (в соответствии со ст. 107 УПК РФ).

Так, с 1 января 2010 г. по учетам УИИ прошло более 60 тыс. осужденных к ограничению свободы, более чем к 20 тыс. из них были применены средства электронного контроля и надзора СЭМПЛ. С их помощью выявлены 6 459 нарушений режима отбывания наказания, которые подтвердились (по данным на ноябрь 2012 г.) [108, С. 42].

По состоянию на 1 марта 2014 г. из 1 802 подозреваемых и (или) обвиняемых, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста и которые состоят на учете УИИ, электронное оборудование СЭМПЛ используется для контроля 1 396 чел. Всего за десять месяцев, с марта 2013 г., под электронным контролем СЭМПЛ находились более 2 600 подозреваемых и (или) обвиняемых, прошедших по учетам УИИ.

Целью функционирования СЭМПЛ является обеспечение в территориальных органах ФСИН России надзора за ПЛ путем сбора, накопления, обработки, хранения и предоставления УИИ информации о выполнении такими лицами предписанных им запретов и ограничений, а также контроля за их местонахождением.

На 1 марта 2014 г. под электронным контролем находились более 15 тыс. осужденных, которым судами вынесено наказание в виде ограничения свободы. При помощи средств электронного мониторинга СЭМПЛ было выявлено более 18 тыс. нарушений режима отбывания наказания в виде ограничения свободы. По результатам собранных при помощи электронных средств доказательств 2 675 осужденных были направлены в места лишения свободы, 6 471 осужденному по представлениям УИИ вменены дополнительные ограничения.

Всего в ходе контроля УИИ за лицами, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, сотрудниками УИИ выявлено более 2 000 нарушений, из них 1 215 – при помощи СЭМПЛ.

Можно отметить увеличение количества осужденных, в отношении которых применялось оборудование СЭМПЛ. Если в 2012 г. по Северо-Кавказскому федеральному округу осужденных, которые использовали электронные браслеты, было 470 чел., что составляет 12,5% от общего числа осужденных к ограничению свободы (3 770 чел.), то в 2013 г. – 4 178 чел. (47,2% от 8 851 осужденного, стоявшего на учете в УИИ), а в I квартале 2014 г. – 3 875 чел. (48,2% от 8 044 осужденных).

В 2012 г. по Северо-Кавказскому федеральному округу 149 осужденных совершили повторное преступление, что составляет 4% от общего числа осужденных, отбывающих наказания в виде ограничения свободы, в 2013 г. – 104 осужденных (1,2%); в I квартале 2014 г. – 20 осужденных (0,2 %).

Доля совершивших повторное преступление осужденных, которые используют оборудование СЭМПЛ, от общего числа осужденных, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, составляет соответственно в 2012 г. 0,07% (3 чел.), в 2013 г. 0,8% (73 чел.), в I квартале 2014 г. 0,2% (14 чел.). Рост в 2013 г. количества осужденных, совершивших повторное преступление, в том числе и тех, которые использовали оборудование СЭМПЛ, можно объяснить следующими обстоятельствами:

- суды стали чаще выносить приговор, определяющий наказание, не связанное с лишением свободы;

- увеличилось количество осужденных, которые использовали бы оборудование СЭМПЛ;

- оборудование СЭМПЛ за счет постоянного контроля за осужденным позволяет раскрывать латентные преступления.

В 2012 г. количество осужденных, отбывающих наказание в виде ограничения свободы в качестве основного вида наказания, составило 3 636 чел., а в качестве дополнительного вида наказания – 134; в 2013 г. – 8 639 и 212 соответственно, в I квартале 2014 г. – 7 904 и 140.

Среди осужденных, совершивших повторное преступление, почти все отбывали наказание в виде ограничения свободы в качестве основного вида наказания. Осужденными к ограничению свободы совершаются повторные преступления, предусмотренные следующими разделами УК РФ: преступления против личности (54 преступления), преступления в сфере экономики (85 преступлений), преступления против общественной безопасности и общественного порядка (38 преступлений).

Чаще всего осужденные к ограничению свободы совершают различные виды хищений: кража (54 преступления), мошенничество (6 преступлений), присвоение или растрата (2 преступления), грабеж (15 преступлений), разбой (5 преступлений), иные виды (4 преступления). Среди преступлений против личности можно выделить такие как: угроза убийством (15 преступлений), причинение вреда здоровью различной степени тяжести (29), убийство (4), иные виды (7). Подавляющее большинство преступлений против общественной безопасности и общественного порядка относится к незаконным действиям с наркотическими средствами (психотропными веществами) – 38 преступлений. Зафиксирован 1 случай заведомо ложного сообщения об акте терроризма.

Осужденными, в отношении которых не применялось оборудование СЭМПЛ, за весь исследуемый период совершено 273 преступления. Среди них преступлений против личности – 86 (31,5%), преступлений в сфере экономики – 148 (54,2%), преступлений против общественной безопасности и общественного порядка – 39 (14,3%).

Осужденными, в отношении которых применялось оборудование СЭМПЛ, совершено 90 преступлений. Среди них преступлений против личности – 33 (36,7%), преступлений в сфере экономики – 29 (32,2%), преступлений против общественной безопасности и общественного порядка – 28 (31,1%).

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что осужденные, в отношении которых применялось оборудование СЭМПЛ, совершали меньше преступлений в сфере экономики (30 против 53). Вместе с тем отмечается рост совершения ими преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (29 против 14). На одном уровне находится количество совершенных осужденными указанных категорий преступлений против жизни и здоровья (31 против 33).

В 2012 г. 49 осужденных совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения, в 2013

г. – почти половина осужденных, в I квартале 2014 г. – 21 чел.

Обзор опросных листов начальников 7 учреждений ФКУ УИИ УФСИН России по Чеченской Республике показал следующее:

1. Во всех анализируемых учреждениях УФСИН России по Чеченской Республике осужденные к ограничению свободы, в отношении которых применяется оборудование СЭМПЛ, проверяются ежедневно, причем в трех (21%) – не менее 3 раз в сутки.

2. В четырех учреждениях (71%) осужденные к ограничению свободы, в отношении которых не применяется оборудование СЭМПЛ, проверяются ежедневно, в трех (29%) – 1 раз в месяц.

3. Семь начальников ФКУ УИИ УФСИН России по Чеченской Республике отмечают, что стоящие на учете в УИИ осужденные, которые используют оборудование СЭМПЛ, частично удовлетворены условиями отбывания наказания с применением оборудования СЭМПЛ; по мнению двух начальников, осужденные, стоящие на учете в их УИИ, полностью удовлетворены; по мнению двух начальников, осужденные, стоящие на учете в их УИИ, не удовлетворены (Филиал УИИ по Октябрьскому району, Филиал УИИ по Заводскому району).

4. По мнению половины начальников ФКУ УИИ УФСИН России по Чеченской Республике, использование оборудования СЭМПЛ не влияет на динамику повторной преступности, однако два из опрошенных считают, что осужденный к ограничению свободы, в отношении которого применено оборудование СЭМПЛ, менее склонен к совершению повторных преступлений.

5. В учреждениях УИИ УФСИН применяются следующие способы ежедневного контроля за осужденным к ограничению свободы:

- использование оборудования СЭМПЛ;
- телефонный звонок осужденному;
- осуществление выездов на дом, по месту работы.

6. Использование оборудования СЭМПЛ при исполнении наказания в виде ограничения свободы:

- позволяет контролировать установленные судом ограничения (7 учреждений);
- способствует фиксации и доказыванию допущенных нарушений условий отбывания наказания (6 учреждений);
- повышает меру ответственности осужденных (5 учреждений);
- обеспечивает профилактику повторной преступности (3 территориальных органа).

7. Оптимальное количество регистраций в УИИ для осужденного к ограничению свободы, отбывающего наказание с использованием электронного мониторинга (по мнению начальников УИИ): 2 раза в месяц (11 учреждений); 1 раз в месяц (1 учреждение); 4 раза в месяц (1 учреждение); регистрация не требуется (1 учреждение).

8. Среди категорий осужденных, по отношению к которым следует в первую очередь использовать технические средства надзора и контроля при исполнении наказания в виде ограничения свободы, выделяют следующие:

- осужденные, склонные к совершению правонарушений (5 учреждений);
- осужденные, проживающие в городах (4 учреждения);
- осужденные за определенные составы преступлений (4 учреждения);
- все без исключения осужденные, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы (1 учреждение).

В ходе опроса сотрудников указанных учреждений было выявлено, что значительно уменьшается количество преступлений, совершенных осужденными к ограничению свободы, к которым применялось оборудование СЭМПЛ. Данный факт связан с тем, что осужденные становятся более дисциплинированными, поскольку осознают, что за соблюдением ими возложенных судом ограничений и обязанностей ведется непрерывный контроль, их передвижения можно отследить, и это препятствует совершению ими повторного преступления.

Все опрошенные руководители отмечают, что применение оборудования СЭМПЛ является перспективным направлением повышения эффективности контроля за осужденными к ограничению свободы. Оборудование СЭМПЛ поступает в соответствии с утвержденным планом, вводится в эксплуатацию и применяется в отношении все большего количества осужденных.

Вместе с тем практика использования указанного оборудования свидетельствует о том, что существуют определенные технические проблемы, решение которых позволит повысить эффективность действия СЭМПЛ. К ним относятся:

- систематические (ежедневные) ложные срабатывания сигнала «повреждение ремня электронного браслета», несовершенство замков приводит к размыканию цепи электронного браслета;

- мобильное контрольное устройство нуждается в ежедневной зарядке встроенного аккумулятора;

- при входящем звонке не всегда происходит звуковой сигнал, вследствие чего осужденный не отвечает на звонки оператора;

- разброс точек трека при нахождении осужденного в помещении, несовершенство GPS-модуля;

- незащищенность корпуса от вскрытия;

- датчик движения стационарного контрольного устройства реагирует на малейшие вибрации;

- недостаточный радиус действия стационарного контрольного устройства создает проблемы в том случае, когда ПЛ живет в частном доме (баня, туалет и хозяйственные постройки находятся не в доме);

- неустойчивый прием сигналов сотовой связи в некоторых районах Чеченской Республики;

- недостаточно детализированные карты местности.

Кроме того, существуют проблемы и правового характера. Так, ст. 58 УИК РФ предусмотрен широкий перечень нарушений порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы, за которые установлена ответственность осужденного. Вместе с тем не предусмотрено применение уголовно-правовых мер воздействия на осужденного, допускающего несвоевременную зарядку контрольного устройства, удаление из радиуса действия мобильного контрольного устройства, самовольное снятие электронного устройства и другие действия, препятствующие осуществлению контроля, хотя данные действия следовало бы расценивать как нарушение условий и порядка отбывания наказания.

В нормативных правовых актах отсутствует перечень документов, необходимых для обоснования в суде факта нарушения порядка и условий отбывания наказания, выявленного при помощи оборудования СЭМПЛ, что создает определенные трудности при обосновании материалов о допущенных нарушениях.

Несмотря на вышеперечисленные проблемы, возникающие при эксплуатации оборудования СЭМПЛ, следует отметить, что использование сотрудниками УИИ электронных средств надзора и контроля позволяет эффективно осуществлять надзор и контроль за соблюдением ПЛ установленных для них запретов и ограничений. Опрос начальников ФКУ УИИ УФСИН России по Чеченской Республике позволил более точно оценить не только статистическую, но и реальную картину исследуемой категории, определить ее латентность, выявить криминогенные и антикриминогенные факторы.

Для определения динамики изучаемого явления рассмотрим показатели нарушений законности персоналом УИИ, отраженные в официальных обзорах Федеральной службы исполнения наказаний за 2009–2013 гг. Представим данные для большей наглядности в графическом виде, определим линию тренда.

Анализируя график, отражающий динамику нарушений, необходимо отметить, что штатная численность сотрудников органов и учреждений исполнения наказаний обнаруживает устойчивый рост: по состоянию на 1 июля 2014 г. персонал УИИ составил 327,9 тыс. чел., в том числе аттестованных сотрудников – 260,2 тыс. чел.

Рассчитаем коэффициент нарушений персонала УИИ за 2013 г. по формуле: КНЗ = (НЗ * 1000) : П, где НЗ – количество учтенных нарушений законности (710 деяний); П – численность персонала (327 900 чел.). Коэффициент будет равен 2,16 на 1 тыс. чел.

Отталкиваясь от данных официальных отчетов, попробуем спрогнозировать развитие ситуации в области регистрации нарушений законности в 2015 г. Основная задача, стоящая перед исследователем при составлении научно обоснованного прогноза, – выяснить, чего следует ожидать в перспективе на основании нынешних и возможных будущих результатов научного познания изучаемых явлений, если за основу будет принята та или иная объективная совокупность законов при тех или иных современных либо ожидаемых в будущем условиях проявления этих законов. Такая постановка вопроса свидетельствует о том, что «прогнозирование не стоит вне системы перспективного планирования и управления, а образует органическую составную часть этой системы. В этом аспекте прогнозирование является предварительным этапом перспективного плана, начальным этапом перспективного планирования» [4, С. 40].

В социальном прогнозировании в зависимости от конкретных условий могут быть использованы разнообразные методы прогнозирования: метод экстраполяции, метод экспертных оценок, моделирование, метод аналогии и другие, но «высокая степень надежности прогноза, как показывает прогностическая практика, может быть обеспечена только комплексным использованием нескольких прогностических методов» [5, С. 61]. Таким образом, криминологический прогноз можно рассматри-

вать как определенную модель, перспективу преступности. Он является системой информации, результатом теоретического поиска и исследования возможных путей развития преступности. Криминологический прогноз выступает в качестве орудия научной подготовки и обоснования стратегических решений, касающихся планирования процесса борьбы с преступностью и управления им.

Необходимость научной разработки проблемы криминологического прогнозирования обусловлена социальной потребностью в предвидении антиобщественных явлений, в частности ошибок и нарушений судов при назначении наказания в виде ограничения свободы, а также исследования возможного рецидива при помощи применения СЭМПЛ, в целях определения возможностей предупреждения указанных явлений.

Концепции криминологического прогнозирования уделяли серьезное внимание многие ученые (Г.А. Аванесов, С.Е. Вицин, К.К. Горяинов, А.И. Долгова, А.Э. Жалинский, И.И. Карпец, Л.В. Кондратюк, В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский, В.В. Орехов и др.), однако, в силу ряда объективных причин, в том числе «сложности методики, чрезмерного увлечения долгосрочными прогнозами в ущерб более точным и практически значимым их видам, недостатка вычислительной техники» [6, С. 137], многие исследования оказывались малоэффективными при практическом применении.

Следует отметить, что анализ возможных рецидивов относится к числу сложных социологических явлений, относительно которых достаточно точный количественный прогноз чрезвычайно затруднен. Криминологическое прогнозирование не устраняет неопределенности возможных явлений, а лишь позволяет минимизировать ее, представляя прогнозируемое будущее в виде нескольких объективных вариантов.

То же относится и к нарушениям законности персоналом УИИ. В данном случае были рассмотрены только зарегистрированные факты противоправного поведения сотрудников УИИ, в то время как специфика условий исправительных инспекций, а именно высокая степень зависимости осужденных к ограничению свободы и контроля над ними сотрудниками УИИ дает основание предполагать, что латентность изучаемого явления значительно выше, чем в других правоохранительных органах, где зависимость граждан от сотрудников меньшая, а возможность обратиться потерпевшему с жалобой в вышестоящую инстанцию – гораздо большая.

Исследование, проведенное в период с февраля по июль 2014 г. методом анкетирования и опроса 142 сотрудников УИИ – работников кадрового аппарата, отделов (инспекций) по работе с личным составом в 7 регионах Российской Федерации, показало, что, по мнению большинства сотрудников УИИ (42% респондентов), на одно зарегистрированное нарушение законности приходится свыше десяти скрытых фактов, причем, как отмечают 29% опрошенных, это связано не столько с фактами «невыявления» этих случаев руководством органа или учреждения исполнения наказания, сколько с нежеланием «выносить сор из избы» по различным основаниям. Таким образом, можно полагать, что в ряде случаев латентность нарушений порождается ложным пониманием интересов службы.

Анализ нарушений судебных ошибок при назначении и исполнении наказаний в виде ограничений свободы может рассматриваться как форма социальной диагностики, которую в этом аспекте «допустимо определять в качестве вида оперативного анализа социального объекта с целью определения его состояния, оценки конкретной ситуации, в рамках которой он функционирует или протекает» [7, С. 42]. Правовая футурология предполагает использование общенаучных, конкретных и специальных методов.

Любой научный прогноз на основе даже самой элементарной экстраполяции требует предварительного анализа уже имеющихся данных о социальном объекте, развитие которого намечено прогнозировать. На основе экстраполяции нельзя возводить прогноз в объективную закономерность, так как «в определенный момент развития в действие вступают другие закономерности и продолжавшийся некоторое время процесс изменяет свое направление» [8, С. 642].

Таким образом, оптимизации правового регулирования наказания может способствовать внедрение предложений по совершенствованию законодательства и осуществляемой правоприменительной деятельности. Поэтапное стимулирование посткриминального поведения обеспечивает дозированное ограничение или лишение прав, свобод и законных интересов на каждой стадии развития уголовного правоотношения с учетом индивидуальных особенностей личности.

Литература:

1. Барков Л.А. Ограничение свободы как наказания: первые результаты применения и перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №5 (296). Право. Вып. 35. С. 56–60.
2. Официальный портал правительства Чеченской Республики: http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=11228

3. Бедняков И.Л. Исполнение наказаний без изоляции от общества: проблемы и перспективы // Вестник Владимирского юридического института №1(30), 2014. С. 69–75.
4. Аванесов Г.А. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью. Учебное пособие / Аванесов Г.А. М.: НИиРИО МВШ МВД СССР, 1972. 60 с.
5. Овчинников Б.Д. Вопросы теории криминологии / Овчинников Б.Д. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 79 с.
6. Миньковский Г.М. Прогноз криминологической ситуации и его значение для предупреждения преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит. 1988. №47. С. 136–138.
7. Беляева Л.И. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел. М., 2003. 68 с.
8. Шаргородский М.Д. Прогноз и правовая наука // Шаргородский М.Д.; Сост. и предисл.: Волженкин Б.В. СПб: Юрид. центр Пресс, 2004. 657 с.

УДК 37.03

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ И ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЁЖИ (УЧАЩИХСЯ)

PERSONAL DEVELOPMENT AND LEGAL EDUCATION OF YOUTHS (STUDENTS)

И.Я. Эльмурзаев,
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса ЧГУ

I.Y. Elmurzaev,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of "Civil Law and Procedure" Department of CheSU

Статья посвящена анализу развития личности и правового воспитания молодёжи (учащихся). Содержание статьи составляет теоретическое исследование вопросов роли правового воспитания в решении задач гармонического развития личности; сущности и содержания правосознания; взаимосвязи правосознания с иными формами общественного сознания.
Ключевые слова: *молодёжь, правовое воспитание, правосознание, мировоззрение, нравственность.*

This article analyses the development of the personality and legal education of the youth (students). The content of the article is a theoretical study of the role of legal education in solving the problems of the harmonic development of the personality; the nature and content of justice; the relationship of justice to other forms of social consciousness.
Key words*: youth, legal education, legal conscience, world view, ethics*

Правовое воспитание, реализовываемое в тесном единстве с иными направлениями воспитания, служит всестороннему, гармоническому развитию человеческой личности. Всестороннее развитие личности, которое берёт своё начало с малых лет, базируется на многогранном процессе. Его основа – это формирование у учащихся, всей молодёжи мировоззрения, нравственности, подлинной культуры и активной жизненной позиции. Он связан в равной степени с развитием у каждого молодого человека его способностей, дарований и их более других полным применением в труде, учёбе, творчестве, общественно-политической деятельности. Мировоззрение представляет собой систему взглядов на жизнь, природу и общество. Под общественной категорией «нравственная культура» принято понимать межличностные отношения, способы регуляции поведения и поступков людей на основе моральных норм и идеалов. В отличие от этого, категория «нравственное сознание» представляет собой общее количество исторически сложившихся и развивающихся взглядов, представлений, идей, принципов, убеждений и основанных на них норм поведения людей, которые отражают всю совокупность общественных отношений и регулируют эти отношения.

Все стороны этого процесса взаимосвязаны и одинаково ценны. В частности, одной из них является формирование у учащихся гражданского правосознания и социально активного поведения. Следует заметить, что человек, обладающий обширными познаниями в науке, технике, литературе и искусстве, прекрасно работающий на избранном поприще, физически совершенный, но в то же время нарушающий нормы работающих законов, допускающий антиобщественные поступки, не может считаться гармонически развитой личностью. Не менее убыточно и развитие человека, отличающегося духовной бедностью, её недостаточностью, равнодушием. Исключительно по этой причине в правовой природе и наличествует рекомендация относительно той части, что на борьбу с этими имеющими отклонения в своём развитии явлениями должны быть направлены усилия всех трудовых и педагогических коллективов, общественных организаций учебных заведений.

Значительнее, всё-таки, предупредить появление подобных неисправностей, повреждений, недостатков, убыточных и ущербных погрешностей в развитии личности, так как исправление ошибочных нравственно-правовых представлений и соответствующего поведения молодого человека – зада-

ча более трудная, чем воспитание у него позитивного отношения к правовым требованиям [1].

Вся эта трудная работа по правовому воспитанию, предупреждению правонарушений среди молодёжи связана с формированием высокого уровня правосознания у каждого молодого человека. Именно по этой причине для более глубокого понимания значения правового воспитания в развитии личности учащегося педагогу совершенно обязательно иметь достаточно полное представление об этом объекте, то есть о правосознании.

Правосознание, как особый общественный правовой институт, представляет собой общее количество взглядов людей относительно правомерности и неправомерности поступков, относительно прав и обязанностей членов данного общества, справедливости или несправедливости законов. В отличие от этого общего определения, правосознание принято подразделять на две составные части: повседневное и теоретическое. В первом случае правосознание представляет собой сферу общественного сознания, содержащая представления, убеждения, чувства и волеизъявления людей, их субъективное отношение к действующему праву, знания о существующих законах, их оценку; во втором случае – это теоретически оформленная система юридических положений, истин, раскрывающих содержание и назначение права как способа (формы) реализации свободы человека. Нельзя не заметить, что каждый человек в той или иной мере обладает правосознанием, то есть взглядами, представлениями, оценками, чувствами, психологическими установками относительно права, юридических прав, свобод и обязанностей, правомерного и противоправного поведения и т.д.

Следует отметить, что правосознание личности формируется на базе сложившихся в данном обществе правовых теорий, идей, взглядов, представлений, правовых чувств тех или иных социальных групп или общества, то есть народа в целом. И, нужно добавить, что исключительно такие правовые взгляды, идеи, чувства и составляют общественное правосознание, имеющее решающее влияние на развитие правосознания личности, или индивидуального правосознания. Предметно очерченным проявлением влияния общественного правосознания на индивидуальное в школе является изучение учащимися курса «Правоведение», факультатива «Основ законодательства». Смысл данной конструкции заключается в том, что усваиваемые при этом школьниками правовые знания, представления, оценки воплощены в общественном правосознании народа, а воспитательные усилия педагога выступают одним из активных посредников между общественным правосознанием и правосознанием учащихся, значимым творческим фактором воспитания школьников. И в зависимости от того, в какой мере охвачено в сознании учителя и его педагогической деятельности, личном поведении воплощено общественное правосознание, во многом зависит позитивный результат его работы по правовому воспитанию. По этой причине педагог должен иметь представление главным образом о том, что такое общественное правосознание, каковы его черты и особенности.

Разумеется, общественное правосознание не рождается само по себе как всё то, что окружает нас. Правовые идеи, взгляды вырабатываются людьми, в частности идеологами, политическими деятелями, учёными-юристами, на базе познания объективных закономерностей общественного развития, потребностей тех или иных больших общественных групп людей в правовом регулировании общественных отношений. По этой причине приобретая общественную ценность, эти взгляды, идеи, оценки становятся достоянием всего общества или определённой части общественных групп людей и оказывают мощное влияние на людей. В этой связи нельзя не заметить, что правосознание – это особое духовное образование, одна из форм общественного сознания, соотносящаяся с индивидуальным правосознанием как общее с единичным.

В ходе правового воспитания на сознание школьников влияет не только общественное правосознание, но также политическое, нравственное, эстетическое и иные формы общественного сознания. В части, касающейся характерной отличительной особенности правосознания по сравнению с озвученными формами общественного сознания и беря во внимание то обстоятельство, что «сознание ни при каких обстоятельствах не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием…», следует заметить, что каждая форма общественного сознания отличается от другой по предмету отражения бытия, способам этого отражения, своеобразием воздействия на бытие и сознание людей [2]. В отличие от этого, сознание – это одно из основных понятий философии, психологии и социологии, означающее высший уровень отражения объективной действительности, присущий лишь человеку. Сознание – это восприятие и понимание окружающей действительности, свойственное человеку; способность осмысленно воспринимать окружающее.

В правосознании народа выражаются главным образом взгляды и представления общества о том, каково должно быть содержание права, Конституции, законов, правового регулирования тех или иных общественных отношений. В частности, одной из фундаментальных идей правосознания является положение об объективной необходимости права для охраны и прочного утверждения экономи-

ческой системы, государственной и частной собственности, власти народа, защиты интересов граждан, гарантирования порядка общественной жизни и т.д.

Направляющими замыслами, раскрывающими учащимся с целью проникновения вовнутрь тайны сущности правосознания, являются его принципы, выражающие требования народа о демократизме права, равноправии граждан, в том числе о полноправии молодёжи в обществе, о неразрывной связи прав, свобод и обязанностей, обеспеченности прав и свобод государством, о совмещении убеждения и принуждения в гарантировании соблюдения права, неизбежности и неминуемости ответственности за антиобщественные поступки, правонарушения и т.д. Кроме всего этого в правосознании выражены и главные принципы народного образования как, например, – равенство всех граждан в получении образования, не принимая во внимание причины происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, иных обстоятельств; свобода выбора языка обучения; бесплатность и платность всех видов образования; связь обучения и воспитания подрастающего поколения с жизнью, с практикой и иные принципы [3]. Они учреждены и находят своё отражение в рамках Конституции Российской Федерации и в Федеральном законе Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации».

В то же время правосознание – это не только взгляды о работающем праве. В одно и то же время в правосознании содержится признание достоинства и ценности путей дальнейшего развития права, вырабатываются направления относительно того, какие юридические нормы вышли из употребления, не отвечают современным требованиям, запросам времени, а какие подлежат изменению или отмене, какие новые нормы, юридические акты нужно и надлежит принять, разумеется, беря во внимание созревших общественных потребностей.

Следует заметить, что всякое действие или бездействие человека в правовой природе определяется и признаётся на базе признака соответствия закону. В связи с этим уже с малых лет ценно формировать у учащихся знание и понимание того, какое поведение соответствует праву и правосознанию, а какое нет, воспитывать непримиримость к антиобщественным проявлениям. Если обособить главный замысел, проникающий внутрь правосознания, то он является замыслом о высокой социальной ценности права для народа и общества в общей своей массе и без изъятия, необходимости его, без каких-либо отклонений твёрдого соблюдения всеми, точного и неукоснительного следования требованиям законности. Как раз эта идея главным образом должна быть в центре внимания педагога при реализации правового воспитания учащихся, как в стенах школы, так и вне её стен.

Характерная отличительная особенность содержания правосознания по сравнению с другими формами общественного сознания предопределяет и особенности средств отражения в нём общественного бытия. К таким средствам принято отнести такие понятия и категории как, например, право, закон, права, свободы и обязанности личности, равноправие, законность, правопорядок, правомерное и неправомерное поведение, правоспособность, дееспособность, юридическая ответственность и т.д. Как раз с помощью свойственных ему категорий и понятий правосознание разрешает и даёт возможность, во всяком случае, и при всех условиях обособить правовую сторону общественных явлений и фактов. Как раз эти правовые категории и понятия главным образом и разъясняет педагог в ходе преподавания курса «Правоведение», правовых вопросов курса «Обществознание» и иных дисциплин.

Нельзя забывать о том, что правосознание – это замысловатое по строению и многообразное по составу входящих частей, не сразу понятное и не поддающее к осязанию, в одно и то же время, связанное с религией и с внутренним, нравственным миром человека образование. Оценивая его с разных сторон, условно воспринимая зрением можно обнаружить, что оно дифференцируется на правовую идеологию и социально-правовую психологию, теоретическое и обыденное, то есть повседневное и обыкновенное правосознание, в равной степени общественное, групповое и индивидуальное правосознание. В нём присутствует возможность обособить знание права, отношение к праву, поведенческую линию.

Такие составные части правосознания, как теоретическое и обыденное или, по-другому, повседневное правосознание, выражают пределы или меры отражения им общественных явлений. Необходимо добавить, что предполагаемое, научно допустимое и возможное при определённых исходных данных и условий правосознание характеризуется значительным вхождением в пределы внутренней основы и содержания права, правовых явлений, отвечающим требованиям науки уяснением смысла и значения закономерностей их всплытия и формирования. Оно выражается в структуре теоретически подкреплённых убедительными доказательствами воззрений, концепций, учений. Эти теоретические воззрения исследуются, в частности, в ходе преподавания в школе курса «Правоведение». Обыденное или, говоря по-другому, повседневное правосознание отличается от теоретического тем, что оно

всплывает в процессе каждодневной, однообразной деятельности людей, носит эмпирический, то есть практический характер, сформировывается из повседневных житейских взглядов, привычных в быту воззрений, представлений и мнений относительно качества, достоинства и значении права, правовых явлений, представляет собой нерасчленённое и не расслоенное правосознание. При этом не рекомендуется думать и замыкаться на том, будто бы повседневное и обыкновенное правосознание во всякое время или постоянно неточное или ошибочное, неправильное или переиначенное, недостаточно глубокое или упрощённое. Связывается это с тем, что в нём в различной стройности, согласованности и соразмерности могут находиться или наличествовать как положительные воззрения, представления, мнения и суждения, так и стоящие на низком уровне развития, неправильные, неверные, содержащие в себе ошибки, неосновательные и неглубокие, противоправные, которые, разумеется, совершенно обязательно устранять в ходе правового воспитания учащихся. Несмотря на это, повседневное и обыкновенное правосознание является самой простейшей, примитивной и низкой ступенью развития правосознания по сравнению с теоретическим, что не отвергает осуществимости и допустимости его формирования и перемещения, на более близкое расстояние максимально приближая к теоретическому [4].

Озвученные составные части, стороны правосознания характеризуются своей неодинаковостью и несхожестью в сознании тех или иных его носителей как, например, общества, коллектива, личности. По этой и другим причинам особый акцент должен быть сделан педагогом на характеристике индивидуального правосознания и на вопросе об особенностях правосознания несовершеннолетних.

Задача личного или индивидуального правосознания находится во взаимной зависимости, обусловленности и согласованности не только с предполагаемым при определённых обстоятельствах исследованием взаиморасположенных и взаимосвязанных составных частей структуры правосознания, однако имеет и исключительно ценное практическое значение. Смысл такого значения заключается в следующем: для того, чтобы правовые представления, воззрения, понятия, принципы и замыслы общества, преобразовались в действия людей, перешли из одного вида, качества, состояния в другой вид, в другое качество, состояние, они должны стать убеждениями отдельных, предметно и адресно очерченных личностей. Иными словами, в работе по правовому воспитанию в школе знание отличительных особенностей закономерностей приобретения определённых форм в процессе формирования и переходе индивидуального правосознания учащихся из одного состояния в другое, более совершённое, играет главную, основную и наиболее важную роль.

Индивидуальное правосознание формирующейся личности во всякое время всплывает под воздействием общественного правосознания. В этой связи следует заметить, что человек живя в обществе, зачастую принадлежит определённой социальной группе. По этой причине правовые воззрения, состояния, в которых человек способен ощущать, воспринимать явления объективной действительности, сознавать окружающее, мнения и суждения индивида обладают большей частью подходящим и приемлемым содержанием с правовыми понятиями, мыслями и замыслами, настроениями и суждениями представителей той же социальной общности. Из этой озвученной части вытекает, что индивидуальное сознание в равной мере общественное по своему содержанию.

Общеизвестно, что в самой жизни и параллельно с ней в научной природе и, в частности, правовой, наличествует резонный вопрос относительно того, по какой причине и отчего иной раз те или иные лица вступают в столкновение с требованиями законности, имеют деформированное или, говоря по иному, искажённое правосознание? Относительно к данному вопросу философская научная сфера придерживается точки зрения, что правосознание отдельного человека или личности только в конечном итоге определяется бытием народа, то есть общим количеством условий материальной жизни, общественным строем, причём существующих вне сознания и независимо от него условиями жизни, природой и сферой, в которой воспитывается человек. Наряду с этим в научной природе наличествует и другая точка зрения относительно того, что если бы оно находилось в причинной связи исключительно с этими реально существующими процессами и явлениями, то в таких условиях и обстоятельствах у всех граждан был бы ничем не отличающийся предел развития правосознания. Тем не менее, следует учесть и не сбрасывать со счетов и такое обстоятельство, что параллельно с названными выше факторами в природе наличествуют характерные и отличительные свойства индивидуального бытия, прямых и естественных условий жизни, отличительные качества и свойства самой личности. Всё это означает, что люди отличаются друг от друга как по складу ума, так и отсутствием наличия общих черт и возможностей. Иными словами, из самой жизни реально усматривается, что люди действительно неодинаковы, неодинаковы их образование, опыт, навыки, умение, воспитание, возраст, способности, духовные склонности, психологические свойства, принадлежность к различным общественным группам и т.п. По этой и другим причинам и наблюдается различное от-

клонение, изменение направления, истолкование, объяснение общественного правосознания, основанное на определённом его понимании, как и иных форм общественного сознания в сознании предметно известного человека. Говоря по-другому, в индивидуальном правосознании, за исключением представлений, оценок, чувств, зависимых и вызванных общественным строем, социальной средой, имеются представления, оценки, чувства, вызванные к жизни отличительными свойствами условий жизни и воспитания данного лица. Безусловно, что без установления и анализа индивидуальных отличительных свойств отдельных людей неосуществима и невыполнима приводящая к нужным результатам и действиям, дающая наибольший результат воспитательная работа с ними. Этим положением на первом плане, сначала и в первую очередь совершенно обязательно неизменно руководствоваться при воспитании правосознания школьников, молодёжи.

В правовоспитательной работе ценно принять во внимание в равной степени соотношение места и роли различных составных частей индивидуального правосознания как, например, знания права как познавательной части, отношения к праву как оценочной части, поведенческой позиции как волевой части. В какой мере перечисленные составные части индивидуального правосознания более других значимы? В какой мере они отличаются по уровню и широте обладания у предметно известного лица или лиц, с которыми проводит воспитательную работу педагог? Вызванные и связанные с жизнью, практикой, реальными потребностями и дающие реальные результаты важность, значительность, содержание и назначение ответов на эти вопросы очевидна и не вызывает никаких сомнений. Обладание правовыми сведениями, осведомлённость в правовой области или постижение права в отдельных его сторонах и в целом, его основных, исходных и руководящих положений и наиболее важных и существенных норм – один из значимых составных частей достигшего полного совершенства правосознания человека. Общеизвестно, что отсутствие в части обладания определённым набором, сведений из какой-либо науки или из различных наук свидетельствует об отсутствии сознания, то есть сознания по восприятию и пониманию окружающей действительности, свойственное человеку; способность осмысленно воспринимать окружающее; способность понимания и осознания общественной жизни. Тем не менее, самостоятельное постижение правовых норм и основных исходных положений ещё не является в должной мере обоснованным ручательством неизменного следования праву. В частности, это может иметь место в случае, когда человек может иметь полноценные и исчерпывающие сведения о законе и в одно и то же время не следовать его требованиям. С иной стороны, человек может и не обладать целиком проникнутым познанием соответствующих правовых установлений и положений, однако вместе с тем и не нарушать действующих законов по причине высокой культуры, духовной зрелости и просвещённости, его политического, нравственного сознания.

Разумеется, сказанное никоим образом не умаляет важность знания правовых исходных положений и норм. Напротив, правовая осведомлённость должна снабжаться качественной отделкой позитивного отношения к праву, признанием роли правовых предписаний. Не исключено, что и при неблагоприятном отношении к правовому наставлению отдельный человек, личность будет его выполнять хотя бы по той простой причине, чтобы избежать ответственности, кары закона. Таким образом, обусловленность между осведомлённостью в правовой сфере, отношением к праву и образом жизни, общим количеством поступков и действий, соблюдением правил внутреннего распорядка характеризуется своей сложностью. Стоит добавить, что согласие или желание проявлять деятельность, совершать какие-либо действия, поступки в соответствии с предписаниями права, – более других значимая составная часть индивидуального правосознания. В равной степени следует сказать, что при помощи увеличения пределов и расширения круга действия правовых знаний с целью сделать их широко известным и доступным для многих, отделка качества позитивного отношения к правовым предписаниям и на базе этого к формированию правовых устойчивых мнений, мировоззрений и желания совершать какие-либо действия, поступки в направлении правовых предписаний – является исключительно заслуживающим полного доверия, надёжным, соответствующим истине, правильным, точным и безошибочным путём и направлением воспитания устойчивого правосознания молодого человека.

Процесс перехода правосознания личности из одного состояния в другое, более совершённое, представляет собой долгий, сложный и противоречивый процесс, продолжающийся в своей реальности в течение всей жизни человека. Несмотря на это, более других деятельно и энергично воззрения, жизненные ориентиры или направления, часто встречающиеся, обычные и естественные побудительные причины поведения личности формируются в молодые годы. И в зависимости от того, какова способность осмысления, постижения содержания, смысла и значения права и отношение к нему развивается в этом промежутке времени формирования личности, в большей степени обусловлены и последующие поступки и действия человека в правовом пространстве.

Первоначальные представления о социальных нормах поступков и действий людей, о потребности определённого состояния налаженности и правильности в человеческих взаимоотношениях приобретаются именно в детстве, ещё в дошкольном промежутке времени. Более других распространённым памятником их получения является семья, в равной мере иные взрослые люди, дошкольные учреждения. Само собой разумеется, это ещё не означает понимание и знание о правовых нормах поведения, о праве, то есть об общем количестве установленных и охраняемых государством норм, правил поведения, регулирующих общественные отношения между людьми и выражающих волю всего народа. Например, если, предположим, ребята в возрасте шести лет сильно поссорились и подрались до различимых взглядом повреждений лицевой части ударами и, тем не менее, их поступки и действия не будут расцениваться в таких правовых категориях, как «нанесение телесных повреждений», «нарушение общественного порядка» или, скажем, прерывание закона. Связывается это с тем, что в этом возрасте степень восприятия и понимания окружающей действительности ещё совсем не таков, чтобы можно было иметь представление об общественном смысле и содержании своих действий и поведений, в полной мере осмысленно и разумно совершать какие-либо действия и поступки и, в этой связи, ни о какой-либо юридической ответственности ребят в возрасте шести лет, разумеется, по вполне понятным причинам не может быть и речи.

Тем не менее, похожие предметно определённые обстоятельства, создающие те или иные отношения, обстановку, чаще всего получают оценку со стороны старших, а иной раз и ровесников в таких формулировках, как «плохо», «нельзя», «стыдно» и т. п. Эти оценочные суждения относительно поступков и действий, имеющие моральный характер, проникая в сознание малолетних, выступают в роли цементирующей части на пути к становлению их нравственности, то есть моральных качеств человека. Практика показывает, что нравственное формирование всегда начинается раньше развития правовых взглядов, чувств и суждения. Мелкая среда, то есть социально-бытовая обстановка, в которой протекает жизнь и воспитывается ребёнок, неодинакова и несходна у тех или иных малолетних. Именно по этой причине у них и наблюдается несовпадаемость и несходность содержания и уровней стойкости и твёрдости первых, начальных и исходных точек понимания и знания об обществе, о нравственности, о добре и зле, уважении к человеку, должном и запретном, об иных общественных потребностях и запросах, в равной степени о способах устройства поступков и действий, которыми они, по крайне мере, должны быть снабжены, и владеть в числе своих качеств и достоинств, приходя в школу. Тем не менее, то, что ребёнок в этом промежутке времени своей жизни уже имеет имеющие подобие представления, очевидно и бесспорно [5].

Следует помнить, что школа, как учебное воспитательное учреждение, которое осуществляет образование и воспитание молодого поколения, выступает очередной составной частью огромной пирамиды воспитания, сохраняя жизнеспособность первоначального воспитания. При этом, от класса к классу, из года в год у учащихся постепенно увеличиваются и прибавляются исходные, главные положения научных представлений о политических и нравственных качествах и достоинствах общества; совершенствуется способность осмысления и чувство экономности, заботливости и осторожности к материальным ценностям, созданным человеческими руками, осмысление и способность сознавать ответственности за свои действия и поведения пред коллективом и т.п.

Исключительно такой процесс перехода из одного состояния в другое, более совершённое, широта кругозора в сфере политического и нравственного восприятия и понимания подрастающего поколения сооружает и вызывает к жизни хорошую опору для формирования устойчивых правовых представлений, чувств, оценок, для благоприятного и одобрительного правового воспитания.

Педагогическая природа исходит из того, что самым подходящим и удобным временем для деятельного целенаправленного становления правосознания является старший подростковый период. С точки зрения возникновения и усиления правосознания самое большое содержание и назначение имеет то, что подростковый период представляет собой период утверждения себя, своей личности; уменьшения роли внешнего мнения, суждения и роли поступков и действий со стороны родителей, воспитателей и т.д. Необходимо заметить, что в социально-бытовой обстановке подростков довольно часто стремление к самоутверждению принимает враждебные формы, приводит к конфликту с окружающими людьми. При этом бессмысленное сопротивление подростков всякому внешнему воздействию иной раз выражается в антиобщественных поведениях и действиях, правонарушениях.

Социологические исследования дают возможность вскрыть характерные особенности правосознания несовершеннолетних, вызывающие подобные поступки и действия. Более того, обнаружено, что у многих несовершеннолетних отсутствуют навыки взаимно соотнеся сравнивать свои поступки и действия с законом и рассуждать, сопоставляя правовые категории из объективной действительности и делать выводы; определять значение и характер объективной общественной опасности тех или

иных своих поступков, не во всякое время умеют приобретённые правовые знания употреблять на практике; иной раз появляется щель, отсутствие связи, согласованности правовых знаний и поведения; отчасти в сознании подростков право занимает сравнительно незаметное место и т.д. [6].

Обозначенная несогласованность в формировании, развитии ясного понимания своей сущности и роли в жизни, в обществе и нахождения и определения своего места в жизни, в обществе должна быть взята во внимание в ходе решения проблем правового воспитания, связанных с отделкой определённых качеств точного и верного отношения к запретам, к антисоциальному действию и поступков; улучшением и обогащением работы по предотвращению заранее принятыми мерами правонарушений среди несовершеннолетних. В то же время формирование не допускающего соглашения и противостоящего к антисоциальному действию и поступкам только одна сторона проведения предварительной работы по снабжению определённым запасом знаний в процессе обучения молодого человека с целью настраивания его соответствующим образом к самостоятельной жизни, связанной с действием права. С самого начала деятельного направленного становления правосознания личности наравне с раскрытием предметно очерченных юридических правил образа жизни, общего количества поступков и действий уместно вносить в сознание главные правовые направления, способность осмысления и уважения, исходных начал права, Конституции. Всё это оказывает содействие и помощь при выборе правильного направления даже при неизвестных, неведомых и незнакомых юридических обстоятельствах, развивать социально – правовую энергичность и решительность школьников.

Следует знать и помнить, что правовое воспитание молодёжи, да и всех граждан не завершается, не стесняется и не ставится в какие–либо рамки, границы развитием их правосознания. Самое важное, основное и наиболее существенное заключается в преобразовании правовых знаний и правовых убеждений подростков в оригинальные, подлинные и не скопированные правовые действия и поведения, умения и стремления деятельно использовать свои права и свободы и воплощать в реальность обязанности гражданина Российской Федерации.

Литература:

1. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. Учебник для высших учебных заведений. М.: С. 194–203. Издательство «Интерстиль», «Омега-Л». 2008. С. 194–203.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Т. 3. С. 25.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. №273 – ФЗ. «Об образовании в Российской Федерации».
4. Макуев Р.Х. Теория государства и права: Учебник / Р.Х. Макуев. М.: Норма: Инфра-М. С. 412–423.
5. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: Юрайт. М, 2001. С. 322–340.
6. Долгова А., Кожевникова А., Медведев А. Правовое воспитание несовершеннолетних. М., 1977. С. 27–31.

УДК 343.97

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ПОЛИТИЧЕСКИМ ЭКСТРЕМИЗМОМ

Д.Н. Ерёмин,
аспирант ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

PECULIARITIES OF IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN CASES OF CRIMES RELATED TO POLITICAL EXTREMISM

D.N. Eremin,
Postgraduate student of FGAOU VPO "Baltic Federal University named after Immanuil Kant"

В работе рассматриваются этапы осуществления оперативно-розыскной деятельности по делам о преступлениях, связанных с политическим экстремизмом. Выделяются факторы, оказывающие наиболее существенное влияние на проведение оперативно-розыскных мероприятий по рассматриваемой категории дел. Приводятся типовые оперативно-розыскные ситуации, возникающие при разработке незаконных вооруженных формирований.

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, политический экстремизм, оперативно-розыскная (тактическая) ситуации, незаконное вооруженное формирование.*

The article deals with the stages of the implementation of operational and investigative activities

in cases of crimes related to political extremism. Factors that have the most significant effect on the carrying out of operatively-search actions on this category of cases are highlighted. Some typical operational-search situations that arise in the development of the illegal armed groups are noted.

Key words: *operational-search activity, political extremism, operatively-search (tactical) situation, illegal armed groups.*

С начала 1990-х годов распространение экстремизма в России стало одной из острейших социальных проблем. Неоднозначность этносоциальных, идеологических и политических процессов, происходящих в России и в мире, обострение военно-политической обстановки, создание условий для применения военной силы, финансовый кризис, социально-политические общественные недовольства и волнения актуализируют данную проблему. Как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, «Ксенофобия, национальная и религиозная нетерпимость угрожают единству нашего многонационального народа и целостности Российского государства» [1].

Политический экстремизм, как сложное политико-социальное явление, является самым массовым в России и, прежде всего, несёт в себе угрозу дестабилизации политической системы Российской Федерации. Активизация политического экстремизма, обострение его проявлений, расширение направленности осуществляемых акций сделали реальной угрозу безопасности личности, общества и государства.

Под политическим экстремизмом мы предлагаем понимать насильственные действия, направленные на изменение государственной политики, конституционного строя государства и нарушение его территориальной целостности, посягающие на функционирование механизма государственной власти, общества в целом или на какие-либо его элементы, основанные на оправдывающей эти насильственные действия идеологии.

Исследование проблем осуществления оперативно-розыскной деятельности по делам о преступлениях, связанных с политическим экстремизмом, позволило нам выделить факторы, оказывающие наиболее существенное влияние на проведение оперативно-розыскных мероприятий: режимно-профилактические меры, проводимые различными государственными органами в целях защиты от возможных диверсионных, террористических и иных враждебных акций членов экстремистских организаций (незаконных вооруженных формирований); формы борьбы, применяемые органами государственной власти против экстремистских организаций (незаконных вооруженных формирований): крупномасштабные и локальные войсковые операции, «зачистки», засады; наличие или отсутствие коммуникаций транспорта и связи (например, в Чеченской Республике длительный период времени практически вся инфраструктура не функционировала); интенсивность ведения боевых действий в районах работы оперативного работника; быт, нравы, традиции населения, военная обстановка в районе деятельности оперативного работника; природные условия, в которых действует оперативный работник; режим безопасности, установленный в экстремистских организациях (незаконных вооруженных формированиях); характер задач, решаемых экстремистскими организациями (незаконными вооруженными формированиями), тактика их действий; характер задания, выполнявшегося объектом разработки; уровень общего образования преступника и интеллектуального развития, его индивидуальные социально-психологические особенности, уровень специальной подготовки.

Однако в целом эффективность раскрытия преступлений экстремистского характера зависит от правильной оценки и разрешения конкретной оперативно-розыскной (тактической) ситуации.

Для оперативно-розыскной деятельности характерна смена различных ситуаций, обусловленных характером преступного поведения, наличием достаточного объема оперативной информации и оперативных подходов к разрабатываемым лицам, возможностью проведения мероприятий с использованием специальных технических средств, степенью осведомленности лиц о фактах их оперативной разработки (проверки) и возможностей противодействия расследованию.

Названные факторы образуют оперативно-розыскную ситуацию, отражающую фактическое состояние оперативно-розыскной деятельности и её перспективный результат.

В.С. Овчинский, называя оперативно-розыскную ситуацию «оперативно-тактической», определил, что «это реально существующее на данный момент состояние криминального события (или иного связанного с ним факта), либо угрозы наступления такого события, по поводу которого осуществляются оперативно-розыскные мероприятия; условия, в которых предстоит действовать оперативнику, его возможности принять необходимые меры, формулируемые в виде конкретной задачи. Каждая ситуация складывается из многих изменяющихся элементов для конкретного случая» [2, С. 709].

Д.В. Ким предложил определение оперативно-розыскной ситуации как сложной динамической системы информационного характера, возникающей в деятельности субъектов, осуществляющих

оперативно-розыскную деятельность, и влияющей на дальнейшую организацию этой деятельности в целях решения задач, стоящих перед оперативными аппаратами путем применения ими специальных средств, приемов и методов [3].

Оперативно-розыскные ситуации, возникающие в процессе раскрытия вышеуказанных преступлений, отличаются большой широтой и многообразием. Однако устойчивая повторяемость образующих факторов позволяет типизировать эти ситуации. Например, по делам о функционировании незаконного вооруженного формирования возникают, по нашему мнению, как правило, следующие типовые оперативно-розыскные ситуации:

- наличие информации о функционировании на обслуживаемой оперативным подразделением территории незаконного вооруженного формирования, подготавливающего совершение тяжкого или особо тяжкого преступления;

- разработка установленных членов незаконного вооруженного формирования непосредственно в момент совершаемого преступления;

- совершение преступления, когда члены незаконного вооруженного формирования не установлены и не задержаны;

- задержание членов незаконного вооруженного формирования, совершивших преступление экстремистского характера.

Непосредственно разработку незаконного вооруженного формирования можно представить следующим образом. При получении первичной информации о незаконном вооруженном формировании усилия оперативных сотрудников должны быть направлены, прежде всего, на установление её достоверности и сбор дополнительных сведений. Для этого используются все силы и средства (преимущественно негласные), а также возможности других служб и подразделений.

При подтверждении первичной информации необходимо осуществление оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и фиксацию:

- факта создания незаконного вооруженного формирования, его иерархической структуры: организаторы (командиры), члены (боевики), пособники (наводчики, разведчики и контрразведчики, лица, оказывающие медицинскую и иную помощь преступникам);

- действий, направленных на обеспечение дисциплины, пополнение численного состава формирования (как правило, из числа этнических, земляческих, родственных, дружеских связей), установление связи с представителями властных и управленческих структур, и особенно с сотрудниками правоохранительных органов;

- каналов получения оружия, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ (покупка, похищение), изготовление кустарным способом;

- фактов разработки преступных планов (получение заказа, подыскание объектов для нападения, разведка местности и наличия охраны, подготовка средств совершения преступления, устранение препятствий для совершения нападения).

Вместе с тем, на данном этапе возможны действия, направленные на ликвидацию иерархической структуры незаконного вооруженного формирования. Как показал анализ оперативно-следственной практики, без высокой организованности сформировавшееся незаконное вооруженное формирование может превратиться в простую группу преступников. Для этого необходимо оперативно провести ряд мероприятий, среди которых могут быть:

- усиление конфликта между членами незаконного вооруженного формирования в борьбе за лидерство, за близость к лидеру, за выход из формирования, по поводу методов и способов преступной деятельности или дележа похищенного, а также в связи с личными неприязненными отношениями;

- разоблачение и арест лидера и его помощников;

- нейтрализация действий заказчиков террористического акта и лиц, обеспечивающих безопасность формирования;

- лишение финансовой и технической поддержки;

- устранение каналов поставки наркотиков и оружия, продуктов питания и медикаментов, а также иные мероприятия, которые создадут условия, в которых данное формирование самостоятельно долго существовать не сможет;

- выявление и нейтрализация легальных хозяйственных, управленческих структур, законных видов производственной деятельности, обеспечивающих незаконное вооруженное формирование;

- устранение возможности использования коррумпированных связей в органах власти, управления и правоохранительных учреждениях, политических средств и методов давления на государственные структуры власти и др. [4, С. 63–78].

Заключительным этапом разработки незаконного вооруженного формирования является легализация фактических данных, полученных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. На этой стадии проводимые оперативно-розыскные мероприятия подчинены решению следующих задач:

- осуществление внезапного задержания членов преступного формирования на основе правильного выбора тактического приема реализации собранных сведений (пресечение дальнейших действий преступников);
- продолжение разработки связей и членов формирования, оставшихся на свободе;
- разработка задержанных в ИВС, СИЗО и иных помещениях и ее организационное обеспечение;
- обеспечение оперативного контроля за разрабатываемыми в целях пресечения фактов уклонения от следствия и суда, а также противодействия процессу расследования;
- недопущение расшифровки оперативных источников информации на основе тщательно продуманного плана и легендированных действий [5, С. 10–15].

После задержания членов незаконного вооруженного формирования усилия оперативного работника должны быть направлены на оказание содействия следственному аппарату в проведении следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

Таким образом, всесторонний анализ оперативно-розыскной деятельности позволяет определить возможности её использования в противодействии преступлениям, связанным с политическим экстремизмом, а также выявить и исследовать наиболее существенные особенности, отражающие специфические черты направлений раскрытия и расследования указанной категории дел, оказывающие влияние на оперативно-розыскную деятельность. В конечном итоге, вышеуказанное может способствовать формированию эффективной методики расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом.

Литература

1. Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL:http:// президент.рф/transcripts/17461/ (дата обращения 14.02.2013).
2. Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. Горяинова К.К., Овчинского В.С., Синилова Г.К. М.: ИНФРА-М, 2006.
3. Ким Д.В. Оперативно-розыскные ситуации как объект криминалистического исследования // Общество и право. 2008. №2. [Электронный ресурс]. Режим доступа из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Методика предупреждения, предотвращения, раскрытия и расследования преступлений террористического характера / под общ. ред. проф. А.М. Кустова. М., 2001.
5. Васильев Н.Н., Иванов П.И. Основные тактические приемы оперативно-розыскного обеспечения борьбы с бандитизмом и проявлениями уголовного терроризма. М.: Академия МВД России, 1995.

УДК 316.34

ФИЛОСОФИЯ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА КАК ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Т.Т. Гантамиров,
к.полит.н., доцент кафедры теории и истории социальной работы ЧГУ

PHILOSOPHY FORMATION OF NATION AS A THEORY AND PRACTICE OF NATIONAL STATE FORMATION; DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE

T.T. Gantamirov,
Candidate of Political Sciences, Assistant Professor of the "Theory and History of Social Work" Department

В данной статье проанализированы основные проблемы национально-государственного строительства в постсоветской России. Исследуется национальный вопрос в российском и зарубежном социально-философском дискурсе. Автор стремится определить, в какой степени национальная идентичность в России переходит от имперского понимания нации к этническому. Предпринята попытка спрогнозировать потенциальные последствия такого сдвига для российской политики.

Ключевые слова: *нация, этнические группы, национализм, национально-государственное строительство, государство.*

This article analyzes the main problems of nation formation in post-Soviet Russia. We study the national question in the Russian and foreign social and philosophical discourse. The author aims to identify in which stage the national identity in Russia proceeds from the imperial understanding of the ethnic nation. An attempt of prediction the potential consequence of Russian politics was made.

Key words: *nation, ethnic group, nationalism, Nation State building, State.*

Современный этап развития нашей многонациональной страны, характеризуемый напряженностью межэтнических отношений, многочисленными этническими конфликтами, подрывающими целостность и безопасность государства, заставляет искать ответ на вопрос, что нужно сделать для изменения ситуации в России в лучшую сторону. Возникла настоятельная необходимость в глубоком изучении философии национально-государственного строительства современного общества, чем обусловлена актуальность выбранной темы научного исследования.

После распада Советского Союза под лозунгом национального самоопределения Россия осталась многонациональной страной со сложным историческим и культурным наследием, а также сложной и неопределенной повесткой дня. Помимо экономических и политических преобразований, самым серьезным вызовом является проблема управления многонациональным обществом в рамках одного государства. Даже страны с устоявшейся демократией зачастую не имеют качественных показателей в данной сфере, не говоря уже о менее модернизированных, развивающихся и отсталых странах.

Разработка оснований и принципов, связанных с вызреванием в России национальной идеи, осуществляется сегодня в достаточно сложной атмосфере. Трудности в ее осознании объясняются, прежде всего, масштабностью происходящих в нашей стране перемен, отличающихся высокой степенью драматизма и даже духовного излома. В ней лишь складываются новая государственность, понимание целей и задач политического развития, роли и места Российской Федерации в современном мире. После распада Советского Союза в контексте непростых отношений Центра и бывших союзных республик приобретает особую актуальность вопрос о поиске своей национальной идентичности, государственных интересов страны, ментальности россиян, особенностях отечественной политической традиции.

Обретение общенациональной интегративной идеи осложняется к тому же высокой степенью конфронтационности сложившихся политических отношений в нашей стране, неоправданно высокой социальной поляризацией, неурегулированностью федеративных начал, экстремистскими нотами в звучании этнического компонента. Требуется выделить и подчас неадекватную оценку российской политики со стороны внешнего окружения – стран Запада. Как только российское руководство заявляет о национальных интересах нашей страны, США и Европа расценивают данные высказывания как проявление имперских амбиций и даже реваншизм. Некоторые сторонние наблюдатели ставят Российскую Федерацию в один ряд с такими странами, как Индия, Пакистан, ЮАР, Ирак по возможности нарастания волн дезинтеграционных процессов в обозримом будущем, что угрожает государственной безопасности и территориальной целостности нашей страны.

Любая страна и любой народ в своем историческом развитии обязательно должны руководствоваться национально-государственными интересами. Данное положение вряд ли нуждается в своем научном обосновании. Реализация этих интересов способствует естественному и равноправному развитию страны в русле мировой политики. Безусловно, сами эти требования должны иметь вполне цивилизованный характер и гармонично вписываться в структуру современной международной политики, чтобы не ущемлять интересы других стран, тем более на пороге XXI столетия.

Наблюдается большое разнообразие запутанных и неясных представлений о будущем государства. Это в равной степени относится и к академическому дискурсу, и к политической сфере. До сих пор ведутся активные научные и политические поиски формулы развития для новой России. Но основным препятствием для России на пути к формированию эффективного национального государства является отнюдь не пестрая этническая мозаика нашей страны, как утверждают некоторые эксперты, а реальная межнациональная и межконфессиональная рознь, посеянная многочисленными элитарными социальными инженерами, к которым, в частности, можно с полным основанием отнести СМИ. Зачастую они неверно интерпретируют вопросы, касающиеся этнической и национальной проблематики, а многие их высказывания не имеют ничего общего с реальностью, что усугубляет и без того непростую социально-политическую ситуацию в стране.

Национально-государственное строительство является нормативным понятием, в которое вкладывается различный смысл. Одно из важнейших определений, требующих научного исследовательского осмысления и концептуализации, заключается в том, что оно представляет из себя программу

государственного строительства, в рамках которой развивающимся социально-политическим и экономическим системам предоставляются широкие возможности:

• в развитии государственной инфраструктуры, гражданского общества, механизмов разрешения споров;

• в экономической поддержке с целью достижения и сохранения общественной стабильности и материального благополучия.

Значимость данной программы предопределила цель данного исследования – проследить эволюцию и выявить основные проблемы зарубежного и отечественного опыта нациестроительства с позиций социально-философского анализа.

Многие исследователи утверждают, что разработка основ национально-государственного строительства является эволюционным процессом, то есть складывается в течение длительного исторического промежутка времени, а также тесно и неразрывно связана с социальным прогрессом. Например, объединение античных полисов (городов-государств), итальянских княжеств, немецких земель и вольных городов, французских провинций, воюющих между собой китайских царств, на территориях которых проживали представители различных языковых и культурных групп, в единую нацию, заняло очень длительный период. Оно стало результатом не только эффективного политического руководства, но и стремительных изменений в развитии технологий и социально-экономических процессов (сельскохозяйственные, а затем промышленные революции), средств связи, культуры и гражданского общества, а также многих других факторов.

Американский социолог и политолог Сеймур Мартин Липсет назвал США первой новой нацией, так как именно в этой стране впервые представители 13 колоний различного происхождения собрались вместе, чтобы сформировать новую нацию и государство [14]. Но данное государственное образование, как и многие другие современные государства, на определенном этапе своего исторического развития в 1865 году столкнулось с опасностью сецессии и распада. И потребовалось еще 100 лет для объединения «черных» и «белых», Севера и Юга, Востока и Запада. Это был новый тип национального государства, потому что его граждане были носителями различных языков, этносов и культур.

Но национально-государственное строительство в одной стране может нанести вред нациестроительству других этнических групп. Например, коренные жители США (индейцы) подверглись физическому уничтожению со стороны прибывших на материк европейцев и были вытеснены на периферию. Сегодня многие этносы находятся в процессе реализации государственного потенциала, строительства новых социальных, культурных, экономических и политических основ управления. Развитые страны декларируют свое стремление к сохранению культурной самобытности народов с целью создания демократической ширмы для прикрытия своей деструктивной политики, заключающейся в притеснении национальных меньшинств и направленной на достижение собственных политических амбиций.

Примечательно, что по инициативе одного из известных индейских вождей Мэтью Куна был разработан Гарвардский проект экономического развития индейцев, выпущенный в 2001 году Правительственной школой Кеннеди при Гарвардском университете. В нем содержится предложение о развитии эффективной модели социально-экономического развития в сфере национально-государственного строительства. Проект определяет национально-государственное строительство как: «развитие государственных институтов на местах с предоставлением им необходимых полномочий для решения собственных социально-экономических и культурных целей» [18].

Исследование выявило четыре основные элемента модели национального строительства:

1) подлинное самоуправление (принятие решений о распределении ресурсов, финансировании проектов и стратегии развития);

2) создание эффективных общественных институтов (механизмов неполитизированного разрешения споров и борьбы с коррупцией);

3) социально-политическое и культурное развитие (создание легитимных структур, удовлетворяющих потребность в стратегической ориентации (долгосрочное планирование).

Одна из причин отсталости стран «третьего мира» и переживаемых ими социально-экономических трудностей заключается в следующем. Определенные народности, населяющие их, некогда единые, были разобщены в результате европейского колониализма, в то время как другие – объединены в составе новых государств, несмотря на отсутствие общей национальной идентичности. В частности, в Африке и на Ближнем Востоке при создании новых политических границ правящие режимы уделили мало внимания проблеме сохранения национальной идентичности в новых государственных образованиях. Таким образом, понятие нации-государства, нации с собственным государ-

ственным аппаратом управления зачастую является формальным и декларативным. В то время как в Европе национально-государственное строительство исторически предшествует государственному строительству, в постколониальных государствах дело обстояло с точностью наоборот. Последствия колониализма привели к необходимости выработки основ нациестроительства.

В 2003 году известный западный исследователь Джеймс Доббинс связал национально-государственное строительство в мире с процессом демократического транзита, в котором, по его мнению, важную роль играет использование вооруженных сил в послевоенный период [11]. Он провел компаративный (сравнительный) анализ опыта нациестроительства в семи странах: Германии, Японии, Сомали, Гаити, Боснии, Косово, Афганистане. Во всех перечисленных государствах была применена американская военная мощь с целью «поддержки демократизации». Но многие эксперты утверждают, что использование военных методов достижения политических целей противоречит самой природе демократии. В этом случае национально-государственное строительство может быть навязано извне, а не предложено конструктивным путем изнутри самого государственного образования.

Для осмысления концепции государственного строительства, необходимо знать, что представляет из себя нация. Ранние представления о нации определяют ее как группу людей, которые связаны общей историей, традициями и культурой, иногда религией, и, как правило, языком. Например, население Великобритании состоит из четырех наций: английский, ирландский, шотландский и валлийский. Все они идентифицируют себя как единый народ и в целом разделяют общую национальную принадлежность, а национально-государственное строительство направлено на формирование этой общей национальной идентичности: «…когда мы говорим «нация», мы имеем в виду социокультурную форму, в которой выступает общество. То есть гражданское общество в виде его многочисленных элементов может иметь место, а нации при этом нет, так как соответствующая социокультурная форма не возникла. На мой взгляд, мы сейчас проходим как раз эту болезненную фазу социального и политического развития» [1, С. 412].

Сегодня слово нация часто используется как синоним определенного государственного образования или союза государств, как это имеет место при упоминании Организации Объединенных Наций. Но более корректным представлением является рассмотрение государственного аппарата, с помощью которого этническая группа осуществляет свою власть, как одного из основополагающих признаков нации в целом. Нации являются политическими сообществами современности. Они построены в процессе национально-государственного строительства и на основе национализма, определяются как мировоззрение, которое воспринимает социальную реальность через призму разделения мира на нации-государства.

С переходом к современности национальные государства стали универсальной политической формой, которая распространились по всему миру. На сегодняшний день наблюдается огромное разнообразие государств-наций. Они построены в процессе национально-государственного строительства на основе национализма (мировоззрения, присущего современности). Национализм предполагает восприятие социальной реальности через призму разделения мира на национальные государства. Это специальная категория, которая позволяет выявлять различия между представителями этнических групп и означает чувство принадлежности к нации.

Иногда термин «национализм» используется для обозначения неуважительного отношения к представителям других этнических групп в повседневной жизни, но это не совсем точное определение. Чувство неприязни (этнической, племенной, расовой) можно назвать национализмом, только если оно сопровождается политическими амбициями. Таким образом, лозунги типа «Россия для русских», «Хватит кормить Кавказ!» имеют очевидную политическую окраску. Однако не все демонстрации чувства национальной вражды относятся к национализму.

«Национализм в любой своей форме зиждется на идее общности: он говорит людям, кто они такие, дает им историю, укрепляет социальные связи и дух нации, порождает, наконец, идею исторической судьбы, выходящую далеко за пределы вопросов о смысле бытия отдельного человека» [8, С. 149].

Строго говоря, любой национализм является не более чем обычным мировоззрением, которое представляет из себя определенный набор культурных смыслов. Дело в том, что национальные чувства понимаются как проявления российской культуры. Давая определение русской культуре, президенты страны уделяют пристальное внимание русскому языку, но они предпочитают обозначать его как «общий язык», «единый язык» (2003), избегая слова «русский». Следовательно, русский язык имеет большое значение как средство обретения русской культуры и имеет довольно широкий эксклюзивный эффект.

Термин «национально-государственное строительство» часто используется одновременно с такими понятиями, как «государственное строительство», «демократизация», «модернизация», «политическое развитие», «постконфликтная реконструкция» и «мироустройство». Но все эти понятия отличаются между собой, несмотря на то, что их эволюция во многом схожа. Особенно активное развитие концепция национально-государственного строительства получила среди американских политологов примерно 10 лет спустя после Второй Мировой войны. Она использовалась для анализа процессов взаимодействия государства и общества, а гражданство в рамках данной теории рассматривается как важнейший признак современной нации-государства.

Карл Дойч глубоко исследовал роль социальных связей и национальной интеграции в процессе национально-государственного строительства в западных обществах [10, P. 7–8]. Люциан Пай связал между собой процессы модернизации, вестернизации и «диффузии мировой культуры», которые в совокупности характеризуют процесс глобализации. По его мнению, «национально-государственное строительство должно осуществляться через призму мировой культуры на основе развития науки и передовых технологий, рационального взгляда на жизнь, светского подхода к социальным отношениям, чувства справедливости в общественных делах, и, прежде всего, о принятии в политической сфере главного положения, что основной единицей государственного устройства должно быть национальное государство» [15, P. 9]. Он определяет достижение социального равенства как одну из важнейших целей национально-государственного строительства. После 9 сентября 2011 года концепция национально-государственного строительства в теоретическом плане продолжает декларировать различные демократические ценности, но принципы социального равенства не реализуются на практике.

В 1990-е годы была разработана Программа развития ООН, в которой содержится Доклад о развитии человека и Индекса развития человеческого потенциала. Он сосредоточивает пристальное внимание не только на аспектах экономического развития, но и на значимости таких элементов социальной сферы общественной жизни, как образование и здравоохранение. Многие программы ООН, а также усилия НПО направлены на развитие данных социальных институтов, даже Всемирный банк озаботился проблемой бедности, но на сегодняшний день предпринимаемых мер явно недостаточно, учитывая высокие темпы социального расслоения, роста безработицы и социального неравенства. Решение данных проблем должно стать важнейшей задачей национально-государственного строительства.

Для того, чтобы проанализировать предпосылки национально-государственного строительства в России, необходимо выделить четыре ключевые проблемы:

- изменения в сфере политических сигналов и государственной политики;
- национальный вопрос в среде маргинальных, оппозиционных и других политических групп;
- роль средств массовой информации;
- изменения в общественных настроениях.

Согласно теории национально-государственного строительства, необходимость создания сильного государства диктуется насущной необходимостью обеспечения общественной безопасности. Основанное здание комплексной национальной общины имеет важное значение для построения такого государства, а необходимые социальные и экономические предпосылки – для строительства интегрированного национального сообщества.

Российская Федерация унаследовала от предыдущих режимов большую часть всех противоречий, накопленных в результате усилий по построению национального государства. В дореволюционной России основными общественными институтами были самодержавная монархия и православная религия. Легитимность власти была традиционной и определялась, как персоналистский режим царя. Процесс внедрения гражданской формулы национализма в общественный дискурс начался в XVIII веке в рамках концепции «Отечество и народ», во времена двух монархов – Петра I и Екатерины II. Многие выдающиеся деятели культуры (историк Н.М. Карамзин, ученый М.В. Ломоносов, поэт А.С. Пушкин) были одними из первых интеллектуалов, пытающихся привить в российском обществе представление о нации в западном понимании (в духе Великой французской буржуазной революции). Эти гражданские усилия интеллектуальной элиты России, наконец, переросли в либеральную общественную дискуссию XIX века о «росской» или «русской» нации, которая, по мнению большинства влиятельных философов, таких как П. Струве, представляет из себя «всех граждан, которые участвуют в культурных процессах». Два слова «русский» и «российский» использовались наиболее часто в качестве синонимов и представляли из себя этнические и культурные коннотации. В определенной степени данные орфографические аспекты отразили официальную позицию царского режима по достижению доминирующего положения русского языка и культуры, несмотря на то, что даже представители передовой мыслящей интеллигенции России зачастую принадлежали к нерусскому этносу.

Подобный подход способствовал росту национализма и чувствительно воспринимался национальными меньшинствами, которые начали формулировать свои альтернативные проекты национального строительства, например, финны, поляки, грузины или татары. Так, до Октябрьской революции 1917 года процесс российского национального строительства находился в стадии поиска «правильной» модели и поэтому не может рассматриваться как завершенный. После распада Советского Союза постсоветская Россия столкнулась с типичными проблемами национально-государственного строительства.

«Цель (национальная идея) необходима России для обретения государственной идентичности. Вечно возрождающаяся страна никак не может повзрослеть и стать такой же, как другие, юношескими проблемами не озабоченные. Когда-то такой идеей-целью было «самодержавие, православие, народность», потом – коммунизм во всем мире, трансформировавшийся в строительство социализма в отдельно взятой стране. Масштаб цели должен оправдывать издержки продвижения к ней, в том числе ограничение политических и экономических свобод граждан» [4, С. 220].

Яркие проявления этнического фактора в постсоветском общественном состоянии – это не только реакция на репрессии и дискриминацию, которой подверглись представители определенных этнических групп, являющихся национальными меньшинствами. В настоящий исторический момент Россия сталкивается с серьезной проблемой неуправляемых межнациональных отношений. Этническая нетерпимость, ксенофобия и насильственные проявления, а также межэтнические столкновения происходят не только в республиках, но и в областях, в том числе крупных городах. Понимание этничности как социального конструкта и как инструмента ведения переговоров приносит большую пользу в политическом и социально-культурном развитии, позволяет изменить социальные отношения внутри и между этническими группами.

Стремление к новой концепции национальной политики является актуальным вопросом, остро стоящим на повестке дня, а также дискуссионным в политическом и академическом дискурсе. В настоящее время в нашей стране реализуется тупиковая стратегия этнонациональной политики. Необходимо выработать новую формулу, основным принципом которой станет уважение и поддержка прав и интересов национальных меньшинств.

«Для цивилизованного взаимодействия необходимы единые цели и задачи, что не всегда реализуемо на практике. В большинстве случаев результатом могут послужить различные конфликтные ситуации, не всегда разрешимые мирным путем. Они не возникают спонтанно. Во многом этому способствует неправильная государственная политика, которая в идеале должна обеспечивать безопасность и гармоничное развитие нации» [5, С. 154].

Распад Советского Союза повлек за собой острый кризис национальной и политической идентичности. Россия должна была найти новые основы своего политического существования. Постсоветская Россия столкнулась с типичными проблемами государственного строительства. Однако 14 лет спустя мы можем наблюдать очевидные сдвиги в сторону политической стабилизации при поддержке продолжающегося процесса национально-государственного строительства.

Прежде всего, необходимо признать, что распад Советского Союза был главной геополитической катастрофой века и подлинной драмой для всего российского народа. Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории.

Народ тесно и неразрывно связан с государством, так как является особым типом институциональной системы государственного устройства. Формирование государства как единственного источника власти, который имеет суверенитет на определенной территории, требует соответствующей легитимности. В этом смысле граждане должны воспринимать себя как единое целое, принадлежащее государству. Важным принципом в данной сфере должно стать обеспечение равенства всех наций перед законом.

Национальная идентичность – не просто чувство принадлежности к определенному этническому сообществу. Данное чувство связано с определенной интерпретацией мира. «Идентичность может быть понята как аспект собственной когнитивной карты, которая касается конфигурации и структуры самого себя по отношению к социальной реальности. Когнитивная карта – это образ социального порядка…» [12, P. 256]. Национально-государственное строительство может быть определено как процесс построения и воспроизведения национальной самобытности.

В то же время контент-анализ Посланий президентов Федеральному Собранию РФ показывает, что они используют понятие «русские» в совершенно редких случаях, особенно когда говорят о межнациональных отношениях в некоторых регионах (в первую очередь, в так называемых «национальных республиках», таких как Татарстан или Башкортостан). Говоря «россияне», они не подразумевают под данным понятием исключительно «этнических русских». Напротив, они неоднократно под-

черкивают многонациональный смысл этого понятия, утверждая, что носителем суверенной власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Развитие общенациональной российской культуры провозглашается одной из приоритетных задач в выступлениях практически всех президентов РФ. В 1995 году было отмечено, что она представляет собой внутреннюю культуру, которая обеспечивает целостность нации, развивает и укрепляет духовность и гуманизм. Та же идея звучала в 1998 и 1999 гг. Президент РФ Владимир Путин также неоднократно (2004, 2005) говорил об общей культуре в качестве одного из оснований национальной идентичности. Российское население включает в себя много этнических групп, и все они являются россиянами – носителями общенациональной культуры.

Президенты РФ неоднократно делали заявления о наличии общих ценностей, присущих всем россиянам в целом. Трижды (1996, 2003, 2008 гг.), они попытались раскрыть понятие «русские ценности» более подробно. Президент Борис Ельцин поставил вопрос прямо: он видел будущее России как страны, в которой граждане, независимо от их политических взглядов, объединены приверженностью к основным идеалам и ценностям, к которым относятся демократическая государственность, гражданское сознание, патриотизм. Примечательно, что Ельцин приводил в качестве примера слова известного российского государственного деятеля начала XX века Петра Столыпина, который в свое время утверждал, что истинной свободой является сумма гражданской свободы и чувство государственности и патриотизма. В 2003 году В. Путин уточнил, что главной ценностью является не только «демократическая государственность», но и государственная поддержка, которая распространяется на огромную территорию. Его личным убеждением является, что без консолидации этнических групп на основе базовых национальных целей и ценностей мы не будем в состоянии противостоять угрозам и вызовам современности.

Поддержание эффективного государственного развития на такой огромной по своим размерам территории и создание уникального сообщества народов при сохранении высокого авторитета на международной арене – не только огромный труд, это также задача, которая стоила нашему народу неисчислимых страданий и жертв. Такой была историческая судьба России на протяжении тысячелетий. Наш долг – не забывать об этом и сегодня, когда мы сталкиваемся с угрозами и вызовами современности.

Тема национальных ценностей традиционно стала темой первого Послания Федеральному Собранию РФ бывшего президента, а ныне председателя правительства РФ Дмитрия Медведева. Он затронул данную тему в начале своей речи. К национальным ценностям он отнес:

• справедливость, которая проявляется в наличии политического равенства, честных судов и ответственных лидеров. Она реализуется на практике в виде социальных гарантий и борьбы с бедностью и коррупцией. Поэтому необходимо сплотить усилия, направленные на то, чтобы позволить каждому человеку занять достойное место в нашем обществе, а российской нации в целом – достойное место в системе международных отношений;

• личная свобода, под которой подразумевается экономическая свобода, свобода слова и вероисповедания, свобода выбора вида деятельности и места жительства;

• национальный суверенитет – свобода и независимость российского государства;

• благосостояние и достоинство человеческой жизни;

• межнациональный мир и единство различных культур.

• защита малых народов (Абхазии и Южной Осетии);

• семейные традиции, любовь и верность, забота о молодых и старых;

• патриотизм, глубоко укоренившаяся любовь к родной земле и нашей великой культуре.

Национальные ценности, основы нашего общества и моральные ориентиры формируют наше видение будущего. Необходимо стремиться к справедливому обществу свободных людей. Только в таком случае Россия будет сильной, процветающей и демократической страной, состоящей из самых талантливых, требовательных, самостоятельных, критически настроенных граждан и способной обеспечить им безбедную жизнь.

В целом, можно найти некоторые разногласия в президентских посланиях в определении российских ценностей, но все они сходятся в одном: самыми главными национальными ценностями являются государственность и патриотизм.

Можно обнаружить, что понятие российской государственности в президентских посланиях связано в большей степени с внешним, чем с внутренним фактором. Оно упоминается в двух атрибутах:

1) «Великая Россия». Наша страна имеет как геополитические (территория, ресурсы), так и международные характеристики;

2) «Сильная Россия». Примечательно, что атрибут «великая» использовался в политическом лексиконе Ельцина и Путина в равной степени, а атрибут «сильная» получил развитие только с 2000 года. Путин неоднократно использовал его в разных выступлениях: 5 раз в 2000, 9 раз в 2003 году. По его мнению, необходимо сделать шаг вперед и сосредоточить все усилия для того, чтобы в недалеком будущем Россия заняла достойное место в рядах сильных, экономически передовых и влиятельных государств.

Нетрудно заметить, что атрибуты «великий» и «сильный» являются синонимичными, но в них присутствуют различные акценты. В то время как «Великая Россия» означает, вероятно, потенциальные возможности страны, «сильная Россия» выражает способность реализации этого потенциала. «Сильная Россия» в выступлениях Путина упоминается в различных контекстах, например, в ссылках на развитие вооруженных сил, социально-экономический рост. Однако наиболее четко коннотация «сильная» относится к международным отношениям. «Сильная Россия» рассматривается в качестве независимого и мощного фактора. Ее место в современном мире будет зависеть от того, насколько сильной и успешной она является в настоящее время.

Для того, чтобы лучше понять, почему значение государственности в смысле «великой» и «сильной» России настолько важно, мы должны рассмотреть его в более широком контексте, который заключается в видении места России в мировой истории. Как известно, в течение длительного времени тезис о «русского пути» («русская идея») остается одним из ключевых моментов в российском политическом дискурсе. Данная идея довольно смутная, но в целом она подчеркивает уникальность российской цивилизации и ее культурной самобытности. Россияне рассматриваются как носители великой исторической миссии, которые унаследовали особую «духовность».

Но существует определенный парадокс в восприятии образа России. С одной стороны, почти во всех выступлениях о нашей стране утверждается, что она «открыта для международной интеграции», «готова участвовать в строительстве Большой Европы». С другой стороны, таким понятиям, как «уникальность», «оригинальность», «собственный путь» всегда уделяется особое внимание. Универсального способа социального развития не существует. Единственным средством для того, чтобы понять наш огромный потенциал, является признание самобытности России и ее участия в процессах глобализации.

Наиболее примечательной является концепция «суверенной демократии», которая была разработана Путиным в 2005 году и заключается в том, что Россия является страной, которая выбрала демократию через волю своего народа. Поэтому население страны будет самостоятельно решать, как лучше обеспечить соблюдение принципов свободы и демократии, принимая во внимание наши исторические, геополитические и другие особенности, и уважать все основные демократические нормы. Будучи суверенным государством, Россия может и должна определять для себя и сроки, и условия своего движения по этому пути.

Почти все исследователи разделяют мнение, что идея «особого русского пути» имеет глубокие корни в массовом сознании. Тем не менее, как правило, они указывают на такую же неопределенность этой идеи в умах людей, как и в официальном дискурсе. «Русская идея» включает в себя чувство ответственности за человечество, особенно за малые страны, которые нуждаются в помощи и поддержке. Тезис об «особой исторической миссии», который был довольно типичным для советского периода, может быть выявлен и в президентских Посланиях. В 2005 году президент Путин отметил, что Россия должна продолжить свою цивилизационную миссию на евразийском континенте. Эта миссия заключается в обеспечении того, чтобы демократические ценности в сочетании с национальными интересами обогатили и укрепили наше историческое сообщество. Медведев в 2008 году также отметил особую миссию России, которая, по его мнению, заключается в «защите малых народов», а в качестве примеров успешной реализации данной миссии он привел помощь, которую оказала Россия Абхазии и Южной Осетии.

В контексте «русской идеи» значение государственности приобретает особое значение. Атрибут «великая и сильная Россия» является одним из ключевых свидетельств попыток национально-государственного строительства, так как означает, что другие страны признают особую роль России.

Несмотря на повышенное внимание, уделяемое внутренним характеристикам российского государства в Посланиях и выступлениях президентов РФ, многие из определений, такие как «демократический путь», «стабильность» не были четко сформулированы. В то же время другая группа понятий («единство», «консолидация») звучали в гораздо более понятном контексте. Ими насыщены все президентские речи. Российский народ, безусловно, воспринимается Кремлем как субъект, консолидированный вокруг государства. Но это только кажется на первый взгляд, как отметила Гринфельд в концепции «коллективного национализма», главная идея которой заключается в приоритете коллек-

тивных (национальных) интересов над индивидуальными. Русское национальное единство гораздо более строго обозначено в концепции соборности.

Согласно концепции «коллективного национализма», которая получила широкое распространение во Франции, национальные интересы определяются через политический процесс, а соборность предполагает необходимость реализации национальных интересов. В данном контексте особое место России в мире («Русский путь») является ключевым бесспорным вопросом. Россияне могут быть недовольны политиками, но они склонны «прощать» правящей элите ее ошибки при условии, что государство будет соблюдать «русскую идею».

Идея соборности тесно и неразрывно связана с патриотизмом, довольно емкое определение которого дал Борис Ельцин в 1996 году. По его мнению, патриотизм – особое состояние души, когда человек живет болью Отечества, чувство сопричастности к ее триумфам и поражениям, гордости за свои национальные традиции, принадлежность к великой стране. Путин поддержал данную точку зрения, добавив к определению «чувство гордости за свою страну и любовь к родной земле». Оба президента использовали метафору «дом», заявив, что мы должны поддерживать и укреплять чувство общего дома (1998 г.) и что Россия является, прежде всего, сообществом граждан, которые считают эту страну своим домом (2000 г). Медведев также сосредоточен на эмоциональных переживаниях. Он понимает патриотизм как веру в Россию, несмотря ни на какие обстоятельства, глубоко укоренившуюся любовь к родной земле и нашей великой культуре. Следовательно, патриотизм, с точки зрения президентов России, – это не просто чувство принадлежности к Родине. Он заключает в себе гораздо более сильные чувства и включает в себя идею жертвенности во имя «русской идеи». Такой оттенок можно придать данному понятию только в рамках теории «соборности».

Повышенное внимание к проблеме патриотизма, очевидно, сопровождается ссылками на российскую историю. Президенты РФ апеллируют к тем историческим событиям и деятелям прошлого, которые имеют символический и объединяющий смысл. Например, Путин неоднократно говорил о героических подвигах, которые были сделаны во имя России, в частности, в период Великой Отечественной войны. В целом, можно утверждать, что с 2000 года историческая составляющая в выступлениях политических деятелей усиливается. В 1996 году советская система была воспринята политической элитой негативно. Было официально заявлено, что коммунистический проект не выдержал испытание на длительном этапе исторического развития, а Советский Союз развалился под гнетом всеобщего кризиса вследствие экономических, политических и социальных противоречий. В 2005 году прозвучала противоположная оценка о необходимости признания того, что крушение Советского Союза было главной геополитической катастрофой века.

Анализ ежегодных Посланий президентов России Федеральному Собранию Российской Федерации позволяет сделать вывод, что президенты сосредоточились на полиэтническом значении понятия «русские», при этом подчеркивая термин «россияне». Ключевой особенностью «русскости» в дискурсе кремлевской пропаганды является приверженность русской культуре: язык, история, ценности государственности и патриотизма, идея сильной и великой России, уникальность российской цивилизации. Любой гражданин может быть признан как «русский» до тех пор, пока он / она разделяет эти ценности. Судя по президентским посланиям, Кремль признает «русскими» даже тех, кто не являются гражданами России, но стремятся к русской культуре. Следовательно, с точки зрения модели национального членства, русский национализм (по крайней мере, в официальной версии), безусловно, демонстрирует открытость (всеобщий охват).

Национально-государственное строительство является дискурсивной проблемой, в которой деятельность государства предопределяется типом национализма. Анализ ежегодных посланий президентов России Федеральному Собранию показывает, что Кремль стремится развивать открытую модель национального государства. Ключевой особенностью национальной идентичности русских в дискурсе Кремля является приверженность к русской культуре, где каждый может быть признан как «русский» до тех пор, пока он разделяет российские культурные ценности. В отличие от «гражданственности», которая базируется на рациональных понятиях равных прав и обязанностей и универсалистских моделей поведения, образ русской нации в понимании Кремля фокусируется на довольно сакральной идее особого «русского пути», где России отводится великая историческая миссия.

Программа национально-государственного строительства постсоветской России разрабатывалась со времен Ельцина, и в настоящее время в данной сфере возникло немало наработок. Центральное место в этой программе занимает концепция «российской нации», сигнализируя о необходимости создания единой образцовой нации на основе этнокультурного разнообразия, реализации политических и культурных прав представителей всех этнических групп РФ с высокой степенью развития и преемственности общих ценностей и традиций. Сегодня потеря сильного, многонационального со-

ветского государства болезненно воспринимается все большим количеством россиян, но в процессе развития гражданского понимания нации в настоящее время появился «русский национализм», который делает акцент на этнической принадлежности: «русский» все чаще понимается как «этнический русский».

В 2000-х гг. понимание «русскости» не изменилось. Дело в том, что подавляющее большинство граждан России думает так, как думал когда-то Катков. «На вопрос, кого можно считать русским, 41% отвечает: «того, кто воспитан на русской культуре и считает ее своей»; 37% – «того, кто любит Россию»; 29% – «того, кто считает себя русским». Сторонников того, чтобы считать русскими тех, чьи родители русские, – 26%; тех, «кто русские по паспорту», – 10%. Столько же полагает, что русский есть синоним православного. И это – устойчивая пропорция, воспроизводимая в опросах из года в год» [7, С. 172]. Сумма процентов больше 100, потому что можно было дать два ответа.

Стоит отметить, что определение принадлежности к русской нации, в официальном дискурсе, в значительной степени соответствует массовым ориентациям и установкам. Социологические опросы показывают, что «русскость» воспринимается, по-видимому, вне ее связи с этническими характеристиками. В середине 1990-х годов респондентам был задан вопрос, кто является русским и каковы его главные характеристики. Ответы распределились следующим образом (в порядке убывания): «любовь к России» – 87%; «любовь к русской культуре и порядкам» – 84%; «русский язык» – 80%; «самоощущение» – 79%; «русское гражданство» – 56%; «запись в русском в паспорте» – 51%; «русские родители – 51% (один из родителей) и 24% (оба родителя); «русский характер» – 50%; «православная вера» – 43%; «русские жители» – 32%; «русское происхождение» – 22% [3, С. 87].

Но если культурная общность является необходимым условием для национального членства, а гражданство – не достаточное условие, то получается, что мы – нация с очень слабым компонентом гражданственности. В отличие от «гражданственности», которая базируется на довольно рациональных понятиях равных прав и обязанностей и универсальных моделях поведения, образ русской нации в интерпретации Кремля фокусируется на довольно сакральной идее «русского пути», великой исторической миссии России. Понятие соборности освобождает россиян от активного и сознательного участия в политическом процессе. Наконец, открытость национализма влечет за собой (по крайней мере, потенциально) постоянное расширение нации «вне себя», чтобы «поглотить» те группы, которые способны принять русскую культуру. Такое принятие требует определенного периода времени. Следовательно, с точки модели взаимодействия между членами этнической общины, русский национализм относится к категории партикуляризма. Иерархический статус русской нации является в данном случае обязательным условием.

Причем существуют определенные различия между понятиями «этнос», основанный в социальной конструкции на основе общей расы или этнической принадлежности, и «гражданская нация», базирующаяся на основе общей идентичности, лояльности к набору политических идей и институтов в связи с наличием гражданства.

Гражданский национализм воспринимает нацию как сообщество граждан государства, объединенное на основе общей территории и верности политическим и государственным институтам, в то время как этнический национализм представляет нацию в терминах, которым присущи некоторые этнокультурные характеристики, такие, как этническая принадлежность, язык или религия. Гражданский «западный» национализм обычно связан с такими понятиями, как толерантность, либерализм и преодоление этнических конфликтов, в то время как этнический «восточный» национализм рассматривается как более воинственный, которому свойственны ксенофобия и авторитарность.

Однако, применяя гражданско-этническую дихотомию к анализу национально-государственного строительства, данный подход влечет за собой ряд трудностей. В целом понятия «гражданского» и «этнического национализма» являются идеальными категориями, в то время как в действительности политические системы большинства стран объединяют элементы обоих видов [13, P. 1]. Некоторые исследователи утверждают, что данную проблему не следует переоценивать, так как большинство категорий являются идеальными системами, но, тем не менее, способны предоставить нам теоретические рычаги для проведения научных исследований [9, P. 12], но есть дополнительные проблемы, связанные с применением гражданско-этнической типологии к российской социально-политической практике.

Можно предположить, что специфика российского официального национализма объясняется историческими причинами, в первую очередь имперским наследием. Действительно, русский национализм в некоторых аспектах напоминает имперское мировоззрение, хотя это, конечно, особый вид национализма.

Гражданский национализм определяет принадлежность к нации на основе территориального

признака, но территория бывшей Российской империи по своему характеру потенциально ирредентистская. Применение этнической метки по отношению к России крайне проблематично, потому что аннулирует различие между различными типами этнического национализма [16, P. 5]. В России используются различные этнические варианты определения нации: как сообщество этнических русских, восточных славян, русскоговорящих. Все эти определения этнические, а не гражданские, потому что они основаны на культурных, а не политических или территориальных критериях, но они существенно отличаются с точки зрения их основных убеждений, внутренней логики, последствий для отношений России с соседними государствами.

Данные определения не должны исключать этнические меньшинства и отделять их от единой гражданской российской нации, иначе это чревато пагубными последствиями для государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, вышеуказанный проект национально-государственного строительства не имеет исторической перспективы в России. На протяжении веков Россия развивалась как империя, простирающаяся на огромной территории и объединявшая многочисленные народы со своей религией и культурой.

Российская республика в составе СССР понималась как наднациональная идентичность, которая «отождествлялась с советской, пролетарской, а также с социальным прогрессом» [17] и рассматривалась как национальный очаг СССР в целом [2, С. 87]. Создание гражданской территориальной нации в постсоветском пространстве представляет из себя сложный интеллектуальный и практический проект по созданию новой идентичности, основанный на отрицании советского прошлого и начала своей истории с чистого листа.

Во-вторых, интеллектуальная конструкция гражданской российской нации, понимаемой как сообщество граждан, вступает в конфликт с «умственной инерцией» советской эпохи и до сих пор доминирующим пониманием нации как этнической общности. Идея гражданской нации как сообщества российских сограждан является путем к интеграции различных территорий, которые могут иметь различные культурные и языковые особенности. Гражданская нация – это историческая и социокультурная общность жителей страны. Россия объединяет более 150 этнических групп, в том числе представителей русской нации, которые в совокупности составляют многонациональный народ. Бывший подход к изучению гражданской нации является «классическим», поскольку видит нацию как общность граждан, а не этнических групп, но в 1996 году была разработана Концепция государственной национальной политики, которая рассматривает население России как многонациональный народ, в котором русский народ играет консолидирующую роль и служит в качестве основы государственности.

В-третьих, как это ни парадоксально, определение гражданской нации как сообщества граждан вызывает недовольство русских националистов, которые рассматривают проект «российской нации» как дискриминационный по отношению к русским в пользу этнических меньшинств, а также многих национальных элит, которые опасаются, что данный проект является маскировкой для ассимиляции национальных групп.

Кризис национальной идентичности характерен не только для переходных обществ или стран с переходной экономикой. Каждая нация в Европе сегодня думает о своей идентичности, пытаясь разобраться в процессах глобализации и массовой миграции, что отражается на всем континенте.

Россия демонстрирует пример нации, которая стремится к поиску своей национальной идентичности на протяжении веков. Каждый раз, когда российское общество сталкивается с определенной проблемой, Кремль начинает новую кампанию в поисках национальной идентичности. Путин вернулся к вопросу о национальной идентичности в 2012 году и снова на Валдайском Форуме в сентябре 2013 г., что еще раз подтверждает аксиому: Россия в очередной раз сталкивается с проблемами, и власти пытаются решать их, обращаясь к поиску национальной идентичности.

Концепция национальной идентичности и механизмы, которые должны укрепить ее, обычно преследуют цель консолидации нации, повышение чувства единства среди людей и углубление горизонтальных социальных сетей. Владимир Путин предлагает России вернуться к традиционным ценностям, которые, по его мнению, были фундаментом российской цивилизации на протяжении веков. Однако проблема заключается в том, что традиционные ценности в России были разрушены во время сталинского периода. Социальное единство было утеряно. Необходимо развивать и укреплять новые ценности свободы, солидарности и взаимной помощи, которые начали укореняться среди некоторых слоев населения России, потому что общество без норм и табу неизбежно превращается в общество Томаса Гоббса, в котором укореняются хищные инстинкты.

Но разработки формулы национально-государственного строительства как основы демократии недостаточно для эффективного управления многонациональной Россией. В государстве должны быть реализованы дополнительные механизмы для определения и предоставления коллективных прав, особенно коренным малочисленным народам. Россия не является национальным государством исключительно русских или какой-либо одной этнической группы. Данная формула предоставляет возможность для движения России в направлении гражданского общества и демократического государства, в котором уважаются человеческие права и сохраняется культурная мозаика населения.

Многие факторы (демократический опыт, уровень развития экономики и социальной однородности) могут влиять на легкость или сложность протекания процесса национально-государственного строительства. Социально-экономическое и политическое развитие, а также соответствующие институты, защищающие права человека и обеспечивающие верховенство закона, важны не только для постконфликтного миростроительства, но и для национально-государственного строительства на любом этапе исторического развития.

Осуществлять процесс своего нациестроительства должны представители того этноса, в котором он протекает, потому что они лучше знают свои внутренние проблемы. Высказанная точка зрения о важности местного государственного строительства не означает, что внешние факторы должны игнорировать этот процесс. Международные организации должны оказывать внешнюю помощь в реализации данной стратегии, которая может выражаться в финансовой поддержке, профилактике и урегулировании межнациональных конфликтов.

Только общие ценности, символы и взаимно признанной правовой порядок могут обеспечить процесс легитимизации и сделать государство жизнеспособным. Договоренностей, провозглашаемых деклараций на высшем государственном уровне, и международного признания России на внешнеполитической арене далеко не достаточно, чтобы построить гражданское сотрудничество, то есть национальное государство, даже несмотря на ее статус постоянного члена ООН. В настоящее время все постсоветские государства находятся в процессе своего национально-государственного строительства с разной степенью успехов и неудач. Причем Россия – далеко не в передовой линии этой исторической гонки.

В контексте неразрешимых конфликтов необходимо выработать такую стратегию национально-государственного строительства, которая предложила бы конкретный метод обеспечения общественной стабильности и безопасности, способный удовлетворить социальные потребности граждан. Демократическая гипотеза мира утверждает, что демократические государства не должны инициировать войны друг против друга.

Необходимо построить общество, экономику и государственное устройство, которые будут удовлетворять основные потребности людей и позволят эффективно решить проблемы бедности, неравенства, безработицы. Данные предпосылки позволят создать реальные, а не формальные институты демократии на основе культуры, которая признает уважение к национальной самобытности и потребностям представителей этнических меньшинств как внутри страны, так и за ее пределами. Это означает развитие человеческих прав (политических, гражданских, экономических и социальных) и верховенство закона. Но в то же время данная модель предполагает развитие инфраструктуры, дорог, социальных объектов и рабочих мест. Национально-государственное строительство должно обеспечивать участие гражданского общества в принятии политических решений и развитие демократических государственных институтов, способствующих росту материального благосостояния. Создание демократического государства является важной частью этого многогранного процесса, который будет протекать по-разному в каждой стране в зависимости от местной специфики.

«В 1990-е годы, когда надо было выживать, было не до смысла жизни. Сейчас налицо социальное и экономическое улучшение, но люди не понимают, для чего им жить дальше. Когда же они поймут, для чего им жить, они ответят на это чувством уверенности, увеличением рождаемости, что и будет вернейшим признаком того, что в России создано национальное государство российского народа. Именно (и только) тогда начнется рост продолжительности жизни, а вместе с ним улучшится и политическое самоощущение. Именно тогда мы сможем увидеть эффективные процессы социальной самоорганизации, а также культурной, интеллектуальной и всякой иной. И только тогда появится, наконец, то, что называют гражданским обществом. Люди смогут сами, не боясь наказаний и подозрений в дурных намерениях, создавать свои ассоциации, для чего опять же не потребуется конструировать и изобретать новые формы: уже имеющиеся вполне жизнеспособны» [6, С. 206].

Таким образом, для успешного национально-государственного строительства в XXI веке необходимо обратиться к работам ранних теоретиков. Национально-государственное строительство – это нечто большее, чем государственное развитие. Чтобы быть устойчивой основой миропорядка, оно

должен включать не только западные придатки демократии. Демократические выборы, развитие свободного рынка и увеличения ВНП на душу населения, безусловно, важны, но, по всей видимости, явно недостаточны для построения общества социального благополучия. Важность реализации демократических ценностей, гражданской культуры и гражданского общества, их формирования и поддержки, достижения социально-политического и экономического равенства, общественного развития являются ключевыми задачами в любой эффективной стратегии долгосрочного демократического национального строительства.

Литература:

1. Аузан А. Пора решиться на переучреждение государства // Российское государство: вчера, сегодня, завтра / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007. 624 с.
2. Брудный И.М. Политика идентичности и посткоммунистический выбор России. Полис. Политические исследования. 2002. №1.
3. Клямкин И.М. Русский вопрос в России [Текст] / И.М. Клямкин, В.В. Лапкин // Полис. Политические исследования. 1995. №5.
4. Кордонский С. «Патриоты» и «космополиты» в ресурсном государстве // Российское государство: вчера, сегодня, завтра / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007. 624 с.
5. Овсянникова А.Н. Межкультурные и этнонациональные конфликты // Человек в пространстве культуры: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. основателю ун-та П.Г. Демидову / отв. ред. В.В. Томашов; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 267 с.
6. Соловей В. От империи – к русскому национальному демократическому государству // Российское государство: вчера, сегодня, завтра / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007. 624 с.
7. Тихонова Н. Постимперский синдром или поиск национальной идентичности? // После империи. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.
8. Хейвуд Э. Политология / Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Бельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.
9. Barrington L. (2006) Nationalism and Independence, in Barrington, L. (ed.) (2006) After Independence: Making and Protecting the Nation in Postcolonial & Postcommunist States (Ann Arbor, University of Michigan Press.
10. Deutsch Karl. Nation-Building and National Development: Some Issues for Political Research, in Karl Deutsch and William Foltz, eds., Nationbuilding (New York: Atherton, 1963) 7-8.
11. Dobbins James. (2003). Nation-Building: the Inescapable Responsibility of the World's Only Superpower. RAND Review, Summer 2003.
12. Greenfeld L., Eastwood J. National identity. C. Boix, S. Stokes (Eds.), The Oxford handbook of comparative politics, Oxford University Press, Oxford/New York (2007), p. 256; Brubaker R., Cooper F. Beyond "identity". Theory and Society, 29 (2000), pp. 1–47.
13. Kuzio T. (2002) The Myth of the Civic State: A Critical Survey of Hans Kohn's Framework for Understanding Nationalism', Ethnic and Racial Studies, 25, 1.
14. Lipset Seymour M. (1979). *The First New Nation.*W.W. Norton & Co. Inc.
15. Pye Lucian W. Aspects of Political Development. Boston: Little, Brown and Company, 1966, Ibid.
16. Shulman S. (2002) Challenging the Civic/Ethnic and West/East Dichotomies in the Study of Nationalism, Comparative Political Studies, 35, 5.
17. Suny R. (1993) The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union (Stanford, Stanford University Press).
18. Harvard Project on American Indian Economic Development. Available online at http://www.ksg.harvard.edu/hpaied/res-main.htm. Accessed Feb 9, 2005.

УДК 378.811

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Н.Ю. Яударова,
старший преподаватель кафедры теории и истории социальной работы ЧГУ

FORMATION OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL COMPETENCE OF THE FUTURE BACHELORS OF SOCIAL WORK

N.Y. Yaudarova,
Senior Lecturer in "Theory and History of Social Work" Department of CheSU

Данная работа посвящена проблеме формирования психолого-педагогической компетентности будущих бакалавров социальной работы. Автор анализирует проблему формирования психолого-педагогической компетентности будущих бакалавров социальной работы через исследование мнений преподавателей.

Ключевые слова: *бакалавр, социальная работа, психолого-педагогическая компетент-*

ность.
This article shows the formation of psychological and pedagogical competence of future Bachelors of Social Work. Author analyses the formation of psychological and pedagogical competence of future Bachelors of Social Work through the study of the views of teachers.
***Key words**: Bachelor, Social work, psychological and pedagogical competence.*

«Вы можете не изменяться. Выживание не является обязанностью».
Уильям Эдвардс Деминг [8]

Современная модернизация образовательного процесса предусматривает решение проблемы повышения качества подготовки бакалавров социальной работы. Новая образовательная парадигма диктует наличие новых компетенций у всех профессиональных работников, в том числе и специалистов по социальной работе. Будущие бакалавры социальной работы должны быть конкурентоспособны на рынке труда, поэтому важная перспективная цель подготовки – повышение качества профессионального обучения будущих бакалавров социальной работы, повышение уровня специалиста социальной работы в профессиональной среде. Постепенное повышение подготовки бакалавров социальной работы на более высокий уровень – это существенный фактор, влияющий как на их профессионализм в социальной сфере, так и на достойное существование общества, так как реформы внутри нашей страны, ухудшение экологического состояния привели к тому, что многие люди нуждаются в экстренной социальной помощи и защите. В других странах давно с должным вниманием и уважением относятся к деятельности социальных служб и учитывают специфику ее работы в социальной политике.

Будущая профессиональная деятельность бакалавра социальной работы состоит из взаимодействия с образовательными учреждениями различного вида и типа; организациями социальной защиты, медицинскими учреждениями, юридическими организациями, спортивными, различными общественными организациями и учреждениями. Будущий бакалавр социальной работы часто сталкивается с проблемами клиента, организаций, общества и следует рекомендациям в области социального изучения проблемы, социальной профилактики, социальной реабилитации, социального наблюдения и социального лечения. Клиент и социальный работник взаимодействуют, общаясь в условиях социальной службы, по месту жительства, в квартире, где проживает клиент, в различных общинах и общественных организациях, на работе, в трудовом коллективе, общаясь лично или косвенно [5].

Современный бакалавр социальной работы обязан обладать определенными профессиональными компетенциями, которые помогут ему быть успешным и конкурентоспособным на профессиональном поприще, где наибольшую ценность представляет психолого-педагогическая компетентность профессиональной личности работника социальной службы.

Компетентностный подход требует переориентации образовательного процесса на студентов, которые должны стоять в центре всей организации профессионального обучения [1].

Изучая психолого-педагогическую компетенцию будущих бакалавров социальной работы на базе ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет» с сентября 2014 по март 2015 года было проведено исследование. Объектом исследования явились преподаватели кафедры теории и истории социальной работы, осуществляющие профессиональную подготовку бакалавров социальной работы в Чеченском государственном университете. Целью исследования было составление модели формирования психолого-педагогической компетенции в процессе профессиональной подготовки будущих бакалавров социальной работы. Для большей продуктивности данного исследования был проведен опрос преподавателей, который показал следующие результаты:

43% участников референтной группы отметили, что ведущей целью профессиональной подготовки в условиях формирования психолого-педагогической компетентности является осмысленность и интериоризация профессиональных знаний, умений и навыков, теоретического обучения, 57% сделали акцент на формирование личностных качеств будущего бакалавра социальной работы, востребованных для выполнения профессиональных функций на высоком уровне. В результате опроса было установлено, что психолого-педагогическая компетенция в профессиональной деятельности бакалавра социальной работы позволяет сформировать следующие качества личности: 22% опрошенных отметили лабильность и критичность мышления; 18% указали на рефлексию деятельности; 8% выделили активизацию мыслительных процессов, умение находить нужную информацию; 15% – отметили нестандартный, творческий подход при самостоятельном решении задач научного и профессионального характера, профессиональную позицию субъекта будущей профессии; 45% выделили межличностное взаимодействие, проявляющееся в его готовности и способности осуществлять социальное взаимодействие с представителями различных категорий населении, при котором необходимо учиты-

вать психолого-педагогические аспекты взаимодействия с населением.

Проводя анализ необходимости формирования психолого-педагогической компетенции в будущей профессиональной деятельности бакалавра социальной работы, участникам референтной группы было предложено установить аспекты профессиональной деятельности бакалавра социальной работы, которые лягут в основу модели по формированию психолого-педагогической компетентности. Экспертами были выделены следующие аспекты:

1. Аспект ценностно-мотивационный, который включает в себя сформированность отношения к психолого-педагогической компетенции как социально-педагогической ценности.
2. Аспект познавательно-интеллектуальный, который включает в себя систему интегрированных знаний о психолого-педагогической компетенции.
3. Аспект социально-деятельностный, который включает в себя систему специализированных умений, обеспечивающих готовность бакалавра на практике эффективно применять психолого-педагогическую компетентность в профессиональной деятельности.
4. Аспект эффективной коммуникации, который включает систему межличностных коммуникаций, межличностное взаимодействие, экстериоризацию полученного коммуникативного опыта.

По итогам опроса было сформулировано определение психолого-педагогической компетенции бакалавра социальной работы – это наличие психолого-педагогической характеристики работника, представляющее сформированность отношения к психолого-педагогической компетентности как социально-педагогической ценности, алгоритму интегрированных психолого-педагогических и социальных знаний о компетентности.

В результате опроса выяснилось, что многие участники референтной группы (более 90%) считают, что процесс формирования психолого-педагогической компетенции обязателен в становлении личности бакалавра социальной работы, как в профессиональном плане, так и в общечеловеческом. Таким образом, общественный запрос на социальные услуги определили направление составления модели по формированию психолого-педагогической компетентности у будущих бакалавров социальной работы в условиях образовательного процесса вуза. Составление модели формирования психолого-педагогической компетенции должно предусматривать: процесс появления определенной цели, подборку диагностируемых критериев, применение средств и методов психолого-педагогического поощрения, осуществление контроля над достижением результатов.

Модель формирования психолого-педагогической компетентности будущих бакалавров социальной работы должна быть ориентирована на формирование общепрофессиональных и узкоспециальных знаний, умений, навыков, методов и технологий их реализации в профессиональной деятельности; предполагает целесообразность организации образовательного процесса таким образом, чтобы целое, то есть образовательный результат, не был бы одинаковым по значимости сумме отдельных его частей, а представлял собой единую целостную систему.

Литература:

1. Байденко В.И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: метод. пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006.
2. Григорьева Е.В. Компетентностный подход в современном высшем профессиональном образовании Франции и России: дисс. на соиск. уч. степ. канд. пед. наук. / Е.В. Григорьева. М., 2010.
3. Клименко Н.Ю. Социально-педагогическая компетентность специалистов социальной сферы / Н.Ю. Клименко // Педагогика, 2010. №2.
4. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И.А Зимняя // Высшее образование сегодня. 2009. №5.
5. Болотов В.А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В.А. Болотов, В.В. Сериков // Педагогика, 2011. №10.
6. Милованова Н.Г. Модернизация российского образования в вопросах и ответах / Н.Г. Милованова, В.Н. Прудаева. Тюмень, 2012.
7. Российская педагогическая энциклопедия. Т. 1. М., 2012.
8. http://www.livelib.ru/quote/461878

УДК 1 (091)

СОВРЕМЕННОЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА

MODERN MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS AND SCREEN ARTS

Э.А. Баташева,
ассистент кафедры «Технология социальной работы» ЧГУ

E.A. Batasheva ,
Assistant of "Technology of Social Work" Department

Современное мифологическое сознание формируется под мощным воздействием средств массовых коммуникаций и позиции массовой культуры. Истоки этих процессов просматриваются во второй половине XX века, когда информационное воздействие стало инструментом управления поведением людей, изменения их духовной жизни. В данной статье раскрываются особенности воздействия информации на сознание зрителя и управления им.
Ключевые слова: мифология, миф, мифологичностьмышления, информация, магия, сознание, реклама, масс-медиа, архаизм.

Modern mythological consciousness shaped by the powerful influence of the mass media and popular culture items. The origins of these processes are reviewed in the second half of the XX century, when the information influence has become an instrument to control the behavior of people change their spiritual lives. This article describes the characteristics of the impact of information on the consciousness of the viewer and management.
***Key words**: mythology, myth, mythological thinking, information, magic, mind, advertising, media, archaism.*

Миф – это особая форма познания и восприятия бытия людей. Оно формирует определенное мировоззрение людей. В отличие от сказки, мифможет восприниматься как некое объективное знание. Ощущение истинности мифа не основано на реальных фактах. Оно базируется на вере и эмоциональном сопереживании, сопричастности. Мифологическое осознание мира обладает рядом особенностей, многие из которых ярко проявляются в современной культуре, и в нас тоже есть элементы мифологического мировосприятия. В мифологическом сознаниинередко существуют диаметрально противоположные явления: от когнитивныхформ первобытных предков, левое полушарие которых предположительно не было достаточно развито, что влекло за собой отсутствие многих механизмов, необходимых для абстрактного мышления, до суеверий, бытующих у современного человека. В научной литературе представлен целый комплекс терминов, служащих своеобразными синонимами мифологического сознания: это и мифологическое или архаическое, циклическое и пралогическое мышления [1].

Научные разработки по психологии также подтверждают, что мифологическая составляющая мышления человека не исчезла, она укоренена в нашем сознании. В современных условиях человек обладает архаичной склонностью к ритуализации своей жизни, продуцирует «современные мифы». Реклама, кинематограф, политика содержат немало мифологических элементов.

Целью статьи является рассмотрение мифа в рекламе.

Реклама имеет древнее происхождение. Первый ее прообраз можно датировать I тысячелетием до нашей эры. К этому времени относится высеченная надпись на камне, найденная на развалинах древнеегипетского города Мемфиса, гласящая: «Я, Рино, с острова Крит, по воле богов толкую сновидения». К другим древним рекламным объявлениям следует отнести тысячи граффити, обнаруженных на стенах Помпеи. Над созданием рекламных табличек в средние века трудились граверы, скульпторы и художники. Этот процесс набирал обороты и уже к середине XIX века украшением улиц становятся различные вывески.

Надо отметить, что сегодня письменность, как главное средство передачи информации теряет свои позиции, на смену приходят иконографические и аудиальные средства, воздействующие на слух, формирующие различные мифологические образы.

Мифология оказывает ощутимое влияние на массовую культуру детерминируемую масс-медиа. Массовое сознание по сути своей мифично. Средства массовой коммуникации способствуют объединению людей. Каждый человек не только потребитель, но и соучастник телевизионного шоу, мифотворчества, формирующий некиетипы и стили. Создавая рекламу средства массовой информации подвергают сознание людей психологическому воздействию [2].

Учитывая сложную природу человеческих потребностей, наиболее важной из них, создаваемой рекламой, является стремление к улучшению образа жизни. И рекламный миф, присутствующий в

повседневной жизни, создает в сознании совершенную мифологическую модель к которой нужно стремиться. Постоянное повторение в рекламе одних и тех же образов внушает человеку уверенность в том, что в современном мире есть что-то постоянное. Реклама делает акцент на ценностивостребованные в обществе такие, как традиция, стремления к домашнему очагу, чувство надежды, любви, самосохранения и т.д. К примеру, реклама преподносит миф о счастливой семье: преуспевающие супруги и, как правило, двое жизнерадостных детей. Герои такой рекламы улыбаются с экранов телевизоров, поедая различные виды молочной, мясной, продукции и так далее. Она рассчитана на подражание ее героям.

Желание идентифицировать себя с героем мифа, встроиться в созданную мифом модель жизни и систему ценностей, характерная черта мифологического мышления. Реклама дорогого автомобиля, различной парфюмерной продукции и прочее, в случае идентификации становится побудительным мотивом к покупке.

Реклама в наши дни может быть связана с первобытными верованиями. К примеру, в некоторой форме проявляется анимизм (одушевление явлений живой и неживой природы), когда образами становятся не антропоморфные персонажи: оживленные самостоятельные конфеты M&Ms, стиральный порошок "Миф" в виде умывальника, кролик Квики. Тотемизм (религиозно-социальная система, в основании которой лежит своеобразный культ так называемого тотема) рассматривает в процессе позиционирования – выделение социального слоя, для которого создаются социальные мифы. Такие мифы содержатся в некоторых товарах, становясь эмблемами, обладание такой вещью, означает принадлежность к такому сообществу. Это особенно актуально в случае с рекламами автомобилей.

Рекламные символы основаны на апелляции к архетипам (изначальным врожденным образам, лежащим в основе сновидений, мифов, сказок представителей самых разных народов), которые изучал К.Г. Юнг. Стремление современного человека к созданию новых мифологий с психологической точки зрения объясняет концепция существования коллективного бессознательного, которая была предложена Юнгом. Для него современные мифы – не что иное как результат проявления компенсаторных механизмов бессознательного. По причине секуляризации архетипы более не могут перерабатываться посредством традиционной мифологии и религии, но потребность в их переработке чрезвычайно велика. Поэтому соответственно человечество вынуждено изобретать новые формы мифологии, чтобы обезопасить свою психику от прямого контакта с коллективным бессознательным.

Значительное влияние для рекламы имеет магия. Любое рекламное произведение, так или иначе, содержит обращение к магии, связанное с надеждой (со стороны покупателя) и обещанием (со стороны производителя) прийти к ожидаемым результатам кратчайшим, не обязательно рациональным, путем. Такая надежда живет в любом человеке, и рекламе ее остается только подогревать и использовать. Рекламируемым товарам зачастую приписываются магические свойства. Слово «магия» часто используется в рекламных слоганах: «магия вкуса» (батончики «Баунти»), «магия очарования» (косметика «Орифлейм»), бульонные кубики «Магги», в рекламе кондиционера для белья «Ласка» – магия цвета.

И миф, и современную рекламу преподносят с помощью поэтических и риторических средств, пословиц, поговорок, что приводит к лучшей запоминаемости, к памяти коллективного бессознательного. Появились слоганы лексически и синтаксически имитирующие пословицы: «Иногда лучше жевать, чем говорить» («Stimorol»), «Лучше дешево говорить, чем дорого молчать» (МТС); или поговорки: «В любом месте веселее вместе» (M&Ms) и так далее.

Также как и в мифе, в рекламе не бывает положительных или отрицательных персонажей. Положительный герой – это тот, кто использует правильный (рекламируемый) продукт, отрицательный - тот, кто этого не делает, или препятствует положительному герою [3].

Таким образом, вопрос о мифологических аспектах рекламы сложен, объемен и чрезвычайно актуален в современном мире. Важно изучить, сопоставить, не отождествляя, выявляя специфику и роль каждого из них в формировании современных мировоззрений человека обществом.

Миф и реклама – взаимосвязанные феномены культуры, обозначающие, казалось бы, противоположные ее стороны. Миф ассоциируется с чем-то давно минувшим, надвременным и несуществующим, а реклама, вещь вполне современная, преходящая. Но в рекламепроявляется современная мифология. Она способствует формированию мифологического сознания, часто дерационализирует сознание.

Литература:

1. Кармин А.С. Культурология. М.: Лань, 2003. – С. 346.
2. Почепцов Г.Г «Теория и практика коммуникации». М., 2000. С. 163.
3. Притчин А.Н., Теременко Б.С. Миф и реклама // Общественные науки и современность. М., 2002. №2. С. 155.

****** НАУКА В ЛИЦАХ ******

Ш.М.-Х. АРСАЛИЕВ

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

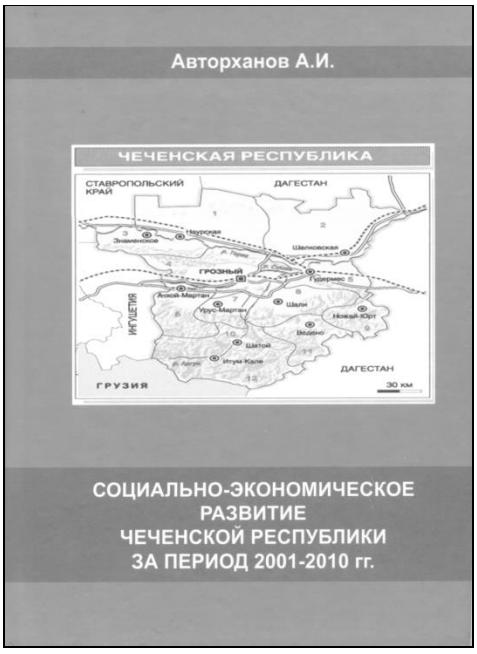

Монография посвящена проблемам воспитания нравственности в условиях поликультурного многонационального образовательного пространства современной России. В работе рассматриваются сложные и противоречивые процессы, происходящие в духовно-нравственной жизни чеченского общества, вызванные трагическими событиями в Чеченской Республике на рубеже XX–XXI вв. Проанализированы средства, формы и методы нравственного воспитания в этнопедагогике чеченцев и их применение в учебно-воспитательной деятельности образовательных учреждений в современных условиях. Приложены практические рекомендации по организации и совершенствованию этнопедагогической подготовки будущих учителей.

Монография может быть использована в подготовке будущих педагогов, полезна магистрантам, аспирантам, педагогам-исследователям, учителям, воспитателям, руководителям образовательных учреждений, а также слушателям системы повышения квалификации преподавателей средней и высшей школы. Данная работа может представлять интерес для широкого круга специалистов, занимающихся межнациональными и межкультурными проблемами.

А.И. АВТОРХАНОВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЗА ПЕРИОД 2001–2010 ГГ.

Автор – заведующий кафедрой экономического анализа Чеченского государственного университета, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации рассматривает социально-экономическую сущность развития Чеченской Республики за период с 2001 по 2010 годы, как процесс, снижающий негативное воздействие чрезвычайных ситуаций на АПК, на создание системы управления безопасностью региона, на коренное улучшение продовольственного обеспечения.

Целью настоящей работы является теоретическое и методологическое обоснование восстановления и развития экономики и социальной сферы республики в переходный период формирования рыночных отношений и многоукладной экономики.

Монография предназначена для руководителей и специалистов органов управления региональной экономикой и хозяйственных субъектов села, сотрудников научных учреждений, преподавателей вузов и техникумов, аспирантов и студентов, интересующихся вопросами развития экономики республики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник Чеченского государственного университета» публикует статьи, краткие сообщения по всем приоритетным направлениям науки и информационные материалы.

Статьи, поступившие в редакцию, проверяются «Экспертной комиссией» ФБГОУ ВО ЧГУ, членами редакционного совета по соответствующим направлениям науки и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Решением «Экспертной комиссии» или редакционного совета статья может быть отклонена, если она не удовлетворяет перечисленным ниже требованиям. Редакция журнала «Вестник Чеченского государственного университета» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения.

Перед текстом должны быть указаны:

– УДК
– полное название статьи
– фамилия и инициалы автора (авторов)
– название организации, где выполнена работа
– перевод на английский язык фамилии автора (авторов) и названия статьи
– аннотация на русском и английском языках объемом не более 3 предложений
– ключевые слова на русском и английском языках (не более 5)

Кроме того, необходимо указать следующие сведения:

– должности, ученые степени и звания автора (авторов)
– контактный телефон, полный почтовый адрес и e-mail

В научной статье должны найти отражение:

– постановка проблемы, ее актуальность и научная новизна
– анализ поставленной проблемы
– предложения авторов по решению проблемы
– выводы, ожидаемый эффект
– использованная литература

Технические требования:

1. Шрифт Times New Roman размером 12 кегль
2. Интервал ординарный
3. Поля по 2 см.
4. Объем 3–15 страниц
5. Библиографический список дается пронумерованный в конце статьи
6. Ссылки на литературные источники приводятся в алфавитном порядке в квадратных скобках
7. Перечень использованных источников должен оформляться в соответствии со стандартом, установленным системой Российского индекса научного цитирования и включать: название, место и год издания, издательство, номер тома (выпуска), страницы (на русском и английском языках)
8. При использовании в тексте сокращенных названий необходимо давать их расшифровку
9. При выборе единиц измерения следует руководствоваться международной системой единиц СИ; географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания
10. К твердой копии статьи прилагается электронная версия.

Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь будет рассматриваться редакционным советом. Доработанный текст автор должен вернуть с первоначальным вариантом статьи, а также ответом на все замечания. Статьи, отклоненные редакционным советом, повторно не публикуются.

Вниманию авторов! С 2011 года в обязательном порядке все статьи проходят проверку по программе «Антиплагиат».

ВЕСТНИК
ЧЕЧЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫПУСК 2

Редактор-корректор – **Л.А. Паршоева**
Дизайн и верстка – **А.Д. Ахматова**

Подписано в печать 22.09.2015 г. Формат 60х84 1/8.
Бумага писчая. Печать-ризография.
Усл. п.л. 24.5. Заказ № 369/06. Тираж 750 экз.
Распространяется бесплатно.

Издательство Чеченского государственного университета
Адрес: 364037 ЧР, г. Грозный, ул. Киевская, 33